

ГОУ ВПО «Таганрогский государственный
педагогический институт»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«НАУКА О ЯЗЫКЕ И ЧЕЛОВЕК В НАУКЕ»
(памяти выдающихся романистов
В.Г. Гака и Л.М. Скрепиной)

Том II

*г. Таганрог
2010 г.*

Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции «Наука о языке и Человек в науке» (памяти выдающихся романистов В.Г. Гака и В.М. Скрединой) опубликован при финансовой поддержке гранта 10-04-14069 г Российского гуманитарного научного фонда.

Руководитель проекта – к.ф.н., доцент А.М. Червоный, зав. кафедрой французского языка Таганрогского государственного педагогического института..

ISBN 978-5-91241-088-8

ПРОБЛЕМА ИДИОМАТИЧНОСТИ ФРАЗЕОСИНТАКСИЧЕСКИХ СХЕМ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Фразеосинтаксические схемы – это один из наиболее специфичных классов синтаксических фразеологических единиц. Они представляют собой коммуникативные предикативные единицы синтаксиса, являющиеся определяемыми и воспроизводимыми несвободными синтаксическими схемами, характеризующиеся наличием диктумной и модусной пропозиции, обладающие частичными грамматической и лексической нечленимостью, непроницаемостью, нераспространяемостью и выполняющие в речи эстетическую функцию [Меликян, 2004: 152].

Данные синтаксические конструкции образованы по определенной фразеологизированной модели, и в результате приобретают идиоматичность и структуры, и семантики. В таких предложениях постоянные компоненты теряют свое категориальное значение, и, следовательно, предложения претерпевают фразеологизацию с точки зрения структуры и семантики. Несмотря на то, что эти построения изначально образованы по действующим нормам, в оценочном значении они всегда построены по определенным фразеологизированным моделям [Всеволодова, 2002: 11]. Например, по модели «*¡Vaya <con> + N!*» можно строить множество аналогичных предложений-высказываний с одним и тем же типовым значением, но каждый раз с новым конкретным содержанием» [Тер-Аракелян, 1987: 6]: 1) – *Fuera de aquí – gruñó a Ron, retrocediendo para lograr una toma mejor. Es para el diario *El Profeta*. – ¡Vaya cosa!* – exclamó Ron, frotándose el pie en el sitio en que el fotógrafo lo había pisado. (J.K. Rowling. *Harry Potter y la Cámara Secreta*). ● «Ее здесь нет, – проворчал Рон, возвращаясь, чтобы выяснить это. Это для журнала «Пророк». – *Ну и дела!* – воскликнул Рон, потирая ушибленную ногу. (“Плохие дела + возмущение, неодобрение, негативное отношение к предмету речи и т.д.”); 2) *Le tenía absorto la intrepidez de aquella mujer. «Hay que confesar que es toda una mujer, que es todo un carácter, ¡vaya un arrojo!, ¡vaya una resolución!, ¡vaya unos ojos!; pero, ¡no, no, no, no me doblega!, ¡no me conquista!»* (M. de Unamuno. *Niebla*). ● Я был восхищен смелостью этой женщины. «Должен признать, что это настоящая женщина, настоящий характер.

Вот это отвага! Вот это решимость! Вот это глаза! Но нет, нет, нет, нет, я не сломлен! Я не побежден!» (“Это необыкновенные отвага, решимость, глаза + восхищение, одобрение, положительная оценка предмета речи и т.п.”); 3) ***Vaya uno a saber cuantos sueños se encuentran sepultados aquí!*** – dijo Guillermo, casi parasus adentros (E. Amorim. Despues del temporal). • – ***Ну, кто знает, сколько здесь погребено несбывшихся мечтаний!*** – как бы про себя сказал Гильермо. (“Никто не знает + сожаление, негативное отношение к предмету речи и т.д.”).

Все фразеосхемы обладают комплексом категориальных признаков: воспроизводимость, устойчивость, структурно-семантическая целостность, идиоматичность, экспрессивность и сниженная стилистическая маркированность.

Одним из наиболее значимых признаков фразеологических единиц является свойство идиоматичности. Оно заключается в невыводимости смысла языковой единицы из значений его отдельных структурных компонентов. «Значение целого здесь и не выводится и не вытекает из смысла составляющих его компонентов» [Шанский, 1963: 40]. Таким образом, идиоматичность базируется на одном из фундаментальных принципов устройства языкового знака – принципе асимметрии. Чем выше степень асимметрии означающего и означаемого, тем выше степень идиоматичности фразеологизма. Все остальные признаки фразеологических единиц требуют достаточно сложных процедур для их объективации. Идиоматичность же, можно сказать, лежит на поверхности, так как касается основных характеристик языкового знака – плана выражения и плана содержания.

Идиоматичность имеет целый набор объективных способов проявления. Она может выражаться в невыводимости содержания всей или части диктумной пропозиции высказывания, его модусной пропозиции, значения отрицания или утверждения, оценки, знака оценки, свойства экспрессивности, значения предложения по цели высказывания, его общей структурно-семантической квалификации, а также сниженной стилистической маркированности. Иными словами, идиоматичность представляет собой смысловую неразложимость фразеологизма на отдельные компоненты, соответствующие его отдельным структурным элементам [Телия, 1997: 145]. Отсюда, она тесно связано с явлением транспозиции, которое заключается в возможности «переносного» употребления значения всей синтаксической конструкции в

целом, а также ее отдельных морфологических и функциональных признаков.

Разнообразный набор средств реализации идиоматичности обусловил собой то, что это свойство может проявляться у фразеологических единиц в разной степени. Это служит основой для их классификации по степени идиоматичности.

Рассмотрим несколько примеров различного проявления признака идиоматичности.

Определение признака идиоматичности основывается на соотношении формы и содержания языковой единицы, например: – *Y qué quiere que haga, señor Juez? ¿Cómo iba a cerrarle las puertas? – levantaba los ojos.* – *La ponen a una entre la espada y la pared...* – *Lo siento, señora; mi oficio es ése precisamente: poner a las personas entre la espada y la pared. No puedo hacer de otra manera. ¿Me quiere indicar el sitio?* (R.S. Ferlosio. *El Jarama*) ● – Господин судья, что мне было делать? *Как я могла закрыть перед ним дверь?* – говорила она, закатывая глаза. – Человека прижимают к стенке... – Очень сожалею, сеньора, но моя обязанность в том и заключается, чтобы прижимать людей к стенке. Мне нельзя иначе. Угодно вам указать место? (“Я не могла закрыть перед ним дверь + возмущение, удивление, негативное отношение к предмету речи и т.п.”).

Фразеосинтаксическая схема *¡<Y [pero]> Cómo <que> + V_{finit}, inf, subj!* Содержит следующие невыводимые функционально-семантические и стилистические компоненты плана содержания:

- сема повествовательности (фразеосхема построена по модели вопросительного предложения, но, по сути, является повествовательным (восклицательным) предложением);

- сема отрицания (предложение является утвердительным по форме, но выражает значение отрицания);

- эмоционально-экспрессивные семы, которые никак не выражены лексико-семантическими средствами (семы «возмущения, негативной оценки предмета речи и т.п.»),

- стилема (фразеосхема характеризуется разговорной окраской, а ее производящая вопросительная синтаксическая конструкция – нейтральной).

Идиоматичной в данной фразеологизированной синтаксической конструкции также могут оказаться:

- сема утверждения, например: – *¡Cómo no lo he de creer, si sé que mi compadre me odia con todo su corazón y que me quemaría con leña*

verde si pudiera! (J. López-Portillo y Rojas. La Parcela). ● – *Как же мне этому не верить*, я ведь знаю, что кум меня терпеть не может, и дай ему волю – он бы изжарил меня на медленном огне! (“Мне нельзя не верить этому = Я верю этому + высокая степень уверенности, удивление, возмущение, негативное отношение к предмету речи и т.п.”);

- сема высокой степени проявления предмета речи, например: A las once de la noche, hora en que acostumbraba acostarse, un sábado del mes de febrero del año pasado, se hallaba don Silvestre despiéndose de su esposa y de su mamá política. – Abrígate bien, Silvestre – le decía ésta –, no vayas a coger una pulmonía. – No se preocupe usted, mamá Grigoria – contestaba aquel, mirando timidamente a su suegra, a la cual tenía más miedo que al demonio, y eso que era excelente católico. – *¡Cómo me voy a echar de menos!* – le decía su esposa. – Es la primera vez que no paso la noche en casa ¡y harto lo siento! – exclamaba don Silvestre. (M. R. Carrión La careta azul). ● В одиннадцать часов вечера, в час, когда он обычно ложился спать, в субботу февраля месяца прошлого года, дон Сильвестре прощался со своей женой и тещей. – Укутывайся хорошо, Сильвестре, – говорила та, не хватало еще, чтобы ты подхватил воспаление легких. – Не волнуйтесь, мама Григория, – отвечал он, застенчиво смотря на свою тещу, которую боялся больше дьявола, и это при том, что он был образцовым католиком. – *Как я буду тосковать!* – говорила ему жена. – Я впервые провожу ночь вне дома, и я так это чувствую! (“Я буду тосковать + высокая степень проявления предмета речи, сожаление, огорчение и т.п.”).

- сема негативной оценки, например: – ¡Pues sí que la has hecho buena! *¿Cómo has salido de casa sin dinero?* ● (Т. Luca de Tena. Edad prohibida). – Но и ты тоже хорош! *Как тебя угораздило выйти из дому без денег?* (“Ты не должен был выходить из дома без денег + высокая степень уверенности, возмущение, порицание, негативное отношение к предмету речи и т.п.”).

Рассмотрим фразеосхему *¡<Entre [con, ...]> Tanto(-a, -os, -as) + N [V ind, inf]!*, например: Tuvo que agarrarse del quicio para que no la derribara la pestilencia, pero no le hicieron falta más de dos segundos para recordar que ahí estaban guardadas las setenta y dos bacinillas de las colegialas, y que en una de las primeras noches de lluvia una patrulla de soldados había registrado la casa buscando a José Arcadio Segundo y no habían podido encontrarlo. – ¡Bendito sea Dios! – exclamó, como si lo hubiera visto todo. – *Tanto tartar de inculcarte las buenas costumbres*, para que terminaras viviendo como un puerco. (G.G. Márquez. Cien años de

soledad). • Оттуда пахло густым зловонием, и Урсула должна была уцепиться за косяк двери, чтобы устоять на ногах, однако не прошло и двух секунд, как она вспомнила и то, что в этой комнате хранятся 72 ночных горшка, купленных для школьниц, товаров Меме, и то, что в одну из первых дождливых ночей солдаты обшарили весь дом в поисках Хосе Аркадио Второго, но так и не нашли его. – Господи Боже мой! – воскликнула она, как если бы видела всё своими глазами. – ***Сколько трудов я затратила, чтобы приучить тебя к порядку***, а ты зарос весь грязью, как свинья. (“Я затратила много трудов + высокая степень проявления предмета речи, возмущение, неодобрение, негативное отношение к предмету речи”).

Свойство идиоматичности имеет несколько аспектов проявления в данной фразеосхеме. Во-первых, невыводимым является значение фразеосхемы по цели высказывания, поскольку фразеосхема формально представляет собой простое утвердительное предложение, но чаще всего выполняет роль восклицательного предложения. Во-вторых, данное высказывание содержит довольно объемную модусную пропозицию, которая включает в свой состав значение «высокой степени проявления предмета речи», а также разнообразные эмоциональные семы, связанные с выражением негативного отношения говорящего к предмету речи и адресату: «негодование, досада, сожаление, разочарование, возмущение и т.д.». Содержание модусной пропозиции формально никак не репрезентировано в структуре анализируемой фразеосхемы. Невыводимой также является стилема, представляющая собой разговорную маркированность данной фразеосхемы. Анализируемое предложение в своем прямом (производящем) значении относится к нейтральному стилю, во вторичном (производном) – приобретает разговорную окраску. При этом формально оно не претерпевает никаких изменений.

Таким образом, признак идиоматичности представляет собой одно из наиболее важных и репрезентативных средств проявления свойства фразеологизации. Оно легко поддается объективации, характеризуется градуальностью, что обуславливает целесообразность исследования фразеосхем в аспекте степени фразеологизации.

Используемая литература

1. Всеволодова М.В., Лим Су Ён. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов. На материале фразеологизмов со значением оценки. М., 2002.
2. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленяемого предложения. Ростов н/Д, 2004.
3. Телия В.Н. Идиоматичность // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.
4. Тер-Аракелян Р.А. Предложение в тексте. Ереван, 1987.
5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1963.

В.Ю. Меликян
(Ростов)

КОММУНИКЕМЫ-ЕДИНСТВА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Фразеологический состав языка характеризуется многоуровневой организацией, которая, однако, предполагает наличие универсальных принципов и критериев исследования фразеологических единиц. Одним из наиболее сложных и интересных объектов изучения теории синтаксической фразеологии являются так называемые коммуникемы, а одним из центральных аспектов их описания – степень фразеологизации (или структурно-семантической слитности компонентов).

Коммуникема это коммуникативная непредикативная единица синтаксиса, представляющая собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимая, характеризующаяся наличием модусной пропозиции, нерасчленённо выражающая определённое непонятное смысловое содержание (т.е. не равное суждению), не воспроизводящая структурных схем предложения и не являющаяся их регулярной реализацией, лексически непроницаемая и нераспространяемая, по особым правилам сочетающаяся с другими высказываниями в тексте и выполняющая в тексте реактивную, волюнтаривную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции.

Коммуникемы различаются по степени фразеологизации. В этой связи целесообразно выделять коммуникемы-сращения, коммунике-

мы-единства и коммуникемы-сочетания. Настоящая статья посвящена рассмотрению этимологического аспекта коммуникем-единств.

В русском языке выявлено более 180 коммуникем, относящихся к фразеологическому разряду единств. Это составляет около 10% от общего количества синтаксических фразеологических единиц данного класса. Например, *А как же!*, *А то!*, *Ай да ну!*, *Ах ты!*, *Батюшки <мои [светы, святы, родимые]>!*, *Бог мой!*, *В натуре!* и др.: *А ты будешь с нами обедать? Ну а как же!* /А. Чехов. Злоумышленник/; – *Вот дикари!* – *Капитан смеётся.* – *Никогда не слышал!* Так ты что ж, в бога веришь, *Шухов?* – *А то?* – удивился *Шухов.* – *Как громыхнёт – поди не поверь!* /А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича/; – *Ах ты, ах!* Да, никак, ты помолодел! *Повернись!* *Сделай милость...* /М. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия/.

Коммуникемы-единства (в отличие от коммуникем-сращений) являются производными, что предполагает у них наличие внутренней формы. Последняя, однако, не предопределяет появление у коммуникем-единств образности.

Признак мотивированности не является дифференцирующим среди разрядов коммуникем. Отличительной чертой коммуникем-единств в этимологическом аспекте является то, что языковая единица, на основе которой они были сформированы, не может замещать коммуникему в аналогичной синтаксической позиции. Первичное значение (прямое прочтение) коммуникем-единств оказывается далеким от их актуального содержания, не является ему синонимичным в силу более высокой степени смысловых трансформаций, которые сопровождают их построение. Например, *Боже милостивый [правый, праведный, всесильный]!*, *Ну ты вообще!*, *Вот возьми его!*, *Ну ты даёшь!* и др.: [Дон Гуан:] *Я, командор, прошу тебя прийти / К твоей вдове, где завтра буду я, / И стать на стороже в дверях. Что? будешь? / (статуя кивает) / О боже правый!* /А. Пушкин. Каменный гость/; *Вот возьми её, какой стратег выискался!* иронически сказал Иван Степанович. /А. Караваяева. Разбег/; – *Один большой поэт говорил, что искусство всегда у цели. Может ли это сказать о себе ваша наука, сильно сомневаюсь.* – *Во даёт!* – дурашливо взревел Андрон. /Ю. Нагибин. Берендеев лес/.

Как видим, коммуникема *Боже правый!*, выражающая значение «удивления, недоумения, неодобрения, негативной оценки, возмущения, испуга и т.п.», не синонимична соответствующему обращению *Боже правый*, которое не может быть использовано (хотя бы даже

приблизительно) вместо самой коммуникемы. То же самое можно сказать и о других примерах: **Вот возьми её!** («выражение недовольства, возмущения, неодобрения, иронии и т.п.») *Вот возьми её!* Она тебе пригодится в трудном путешествии.

Существует группа коммуникем-единств, которые несколько иначе относятся к выше названному признаку взаимозаменяемости, который должен выступать в качестве дифференцирующего, например, **Вот ещё!, Вот так [тебе, те] клюква!, Вот так дела!, Где там!** и др.: Ну-ка, кинь ещё! Сразу два! Тебе ничего, плохо не будет? **Вот ещё!** Каменка зло фыркнула, яростный пар клубом ударил в потолок. /В. Шукшин. Свояк Сергей Сергеич/; – **Вот так дела!** – сказал Петька, после того, как потолкались они среди собравшегося народа. – Интересные дела, – согласился Васька, усаживаясь на край толстого, пахнущего смолою бревна и доставая из-за пазухи кусок лепёшки. /А. Гайдар. Дальние страны/; Всем хорош человек, но одна беда: пьяница! **“Вот так клюква!”** подумал Посудин. /А. Чехов. Шило в мешке/; [Фетинья:] Добро пожаловать... А моего старика видел? [Мельник:] **Где там**, кормилица, и в глаза не попадался. /А. Аблесимов. Мельник-колдун, обманщик, сват/.

Так, коммуникема **Вот ещё!** («выражение решительного отрицания, подчёркнутого несогласия, отказа в сочетании с негативным отношением») образована на основе фразеосинтаксической схемы «<Ну> Вот_(с) + ещё + <не> + V [N, Adj, Adv, ...]!», выражающей общее фразеосинтаксическое значение «отрицания, несогласия в сочетании с неодобрением, возмущением, негативным отношением к предмету речи и т.п.», например: – Ушибся, Алёша? – **Вот ещё ушибся. Ничего.** /Л. Толстой. Алёша Горшок/; Ср.: Небо над нами тоже было тёмно, луны **ещё** не было. /М. Горький. Коновалов/.

Таким образом, коммуникема **Вот ещё!** приобретает значение отрицания еще в составе соответствующей фразеосхемы. Отличается она от фразеосхемы характером значения, а точнее – степенью его обобщения. Фразеосхема выражает конкретное значение, равное суждению, например: – Поела, согрелась и ступай. – **Вот ещё выдумал!** Куды я пойду-то? Также и сказал... /Д. Мамин-Сибиряк. Золото/, то есть «Не выдумывай + неодобрение, негативное отношение к предмету речи и собеседнику...»). Коммуникема выражает обобщенное значение. Она заимствует у фразеосхемы лишь сему отрицания, а также ее коннотативные семы «неодобрения, негативного отношения к предмету речи и собеседнику и т.д.».

Отсюда можно сделать вывод, что фразеосхема и производная от нее коммуникема являются синонимичными по значению: у них совпадают категориальные, а также коннотативные семы. Однако эти семы не выражаются самой коммуникемой, а приобретаются ею в составе фразеосхемы. Поэтому прямое прочтение таких коммуникем не представляется возможным. Это значение не выводится из значений составляющих ее лексических компонентов. Таким образом, первичное значение такой коммуникемы и значение ее производящей основы (фразеосинтаксической схемы) не являются синонимичными. Коммуникемы-единства подобного типа не допускают прямого прочтения в силу своей неполноты. При этом они являются производными, что позволяет относить их к разряду единств.

Анализ коммуникем-единств в этимологическом аспекте показал, что они приобретают различную степень переосмысления в процессе формирования, что, безусловно, предопределяет различную степень их нечленности.

Так, например, коммуникемы-единства, образованные на основе фразеосинтаксических схем, по этому признаку можно разделить на три группы. К первой группе относятся коммуникемы, по форме полностью (или почти полностью) совпадающие с производящей фразеосхемой. Отсюда степень их нечленности среди коммуникем-единств данного типа наименьшая. Например, **Что за чёрт [чертовщина, дьявол, хрен, шут, ...]!, Вот так история <с географией>!, Ещё чего скажешь [придумаешь(-ет, -ем, -л, -ла, -ли)]!** и др.: 1) [Часовой] *насторожился, вышел из-под гриба и прошелся вдоль стены ничего. Постоял, опять послушал. **Что за чёрт!** Скребёт кто-то, как крот.* /А. Гайдар. *Ночь в карауле*/; Ср.: Приказчик Вася до того, наконец, долизался, что.., как бешеный, закричал: “**Что за дьявол** такой прогимназия?!”. /И. Тургенев. *Новь*/; 2) [Сорин:] **Вот история**, я опасно болен, а между тем мне не дают никаких лекарств. («удивление, недоумение, разочарование, досада...») /А. Чехов. *Чайка*/; Ср.: Вчера Виктор рассказал нам удивительную историю. **Вот так история!** Столько необъяснимого и драматичного! («удивительная история...»).

В рамках данной подгруппы следует различать коммуникемы, которые формально включают в свой состав оба обязательных компонента — неизменяемый (например, **где**) и изменяемый (например, **V**), однако в роли последнего выступает не полнознаменательная глагольная лексема, а слово с обобщенной семантикой, например, **Вот так**

вот!, **Вот так [тебе, те] раз!**, **Вот это [так] да!**, **Когда же нет!**.
 Обобщенность значения такого лексического компонента способствует более глубокой трансформации подобных коммуникем и свидетельствует о более высокой степени их нечленности. Например: 1) *Он слушал меня с наклоненной головой, а когда я кончил, поднял её и на лице его я прочитал испуг и изумление. – Вот так раз! – воскликнул он. – Ну, и... что же теперь? А? Как же? («удивление, недоумение...»)* /М. Горький. Коновалов/; Ср.: *Давно? картавя, тараторила Иринка. Только что? Вот красота!.. А мы тебя через неделю ждали! («это хорошо + удивление, положительное отношение к предмету речи...»)* /В. Мальцев. От всего сердца/; 2) – **Вот это да!** *Зяблик-то влюбился. – Никакой я тебе не Зяблик, – отрезала Томка. – У меня имя есть. («удивление, восторг, положительное отношение к предмету речи...»)* /В. Переладов. Сочинение на свободную тему/; Ср.: **Вот это отбрила!** *обрадовался Костя и с обожанием посмотрел на Свету. («здорово отбрила + удивление, восторг, положительное отношение к предмету речи...»)* /В. Кожевников. Корни и крона/; 3) [Лидия:] *Вы знаете в Казани мадам Чудило-Пленкову? [Васильков:] Когда же нет!* («утверждение + удивление, высокая степень уверенности...») /А. Островский. Бешеные деньги/; Ср.: – **Когда же я тебе не помогал?!** *Только позовёшь, я тут как тут. («я тебе всегда помогал + удивление, недовольство, негативное отношение к предмету речи...»)* /Из разг. речи/.

Ко второй подгруппе следует отнести те коммуникемы-единства, которые строятся на основе обязательного изменяемого компонента фразеосхемы, например, **Дела(-о)!**, **Даёшь!**, **Скажешь!**, **Спрашиваешь!** и др. Наличие лишь одного из двух обязательных компонентов фразеосхемы в составе коммуникемы делает ее связь с производящей конструкцией более слабой, что уменьшает степень ее мотивированности и соответственно повышает степень ее нечленности. Например: – *Все твои сверстники – люди! А ты, любимый ученичок – кандидат в дураки! Так и сгинешь где-нибудь в тайге... – Во! Дела! Сбесилась!* («удивление, неодобрение...») /Ю. Сбитнев. Костёр в белой ночи/; Ср.: – **Ну и дела!** *Ты меня, Гриша, как обухом в темя вдарил. Прямо ум мне отшиб. («плохие дела + изумление, потрясение...»)* /М. Шолохов. Тихий Дон/.

Наиболее продуктивной является третья подгруппа коммуникем-единств, которые образуются на основе обязательного неизменяемого компонента фразеосхем, например: **А как же!**, **А то!**, **Вот еще!**, **Еще**

бы!, Ишь!, Какое!, Какой!, Куда там!, Тоже! и др. Данный элемент фразеосхемы характеризуется признаком лексической деактуализации (десемантизации), отсюда степень нечленимости подобных коммуникем оказывается максимальной для данного разряда единиц. Например: *Церковь есть? А как же, есть.* («утверждение, высокая степень уверенности...») /М. Шолохов. Тихий Дон/; Ср.: **Как же не бояться?** *Любовь мне ничего не принесет, кроме страданий* («боюсь + высокая степень уверенности ...») /А. Островский. Волки и овцы/.

Коммуникемы-единства могут формироваться и на базе экспрессивно-иронических синтаксических конструкций (устойчивых моделей), которые уже сами по себе обладают некоторыми признаками нечленимости, например: **Бог знает!, Весёлый разговор!, Интересное кино!, Новое дело!** и др. В связи с тем, что подобные коммуникемы основываются на полнознаменательных лексемах или даже их сочетаниях, степень их нечленимости ниже, чем у предыдущей группы коммуникем. Например: *В костюмчике, с галстучком, в своих попсовых очёчках, белый кургузый халат на плечах, в руке полиэтиленовый пакет. И оттуда цветочки торчат.* – **Интересное кино,** – говорю. – *Это твой муж?* («удивление, неодобрение, негативная оценка предмета речи...») /В. Кунин. Интердевочка/; Ср.: – **Интересное кино!** *Чуть не уснул.* («не интересное кино + досада, разочарование, негативная оценка предмета речи...») /Из разг. речи/.

Еще чуть меньшей степенью нечленимости характеризуются коммуникемы-единства, образованные на основе обращений, например: **<Отцы> Святители! (Святители [святые] угодники!, Святые угодники божии!), Святые отцы!, Батюшки <мои [светы, святые, родимые]>! (Батюшки мои <светы [святые, родимые]>!, Батюшки-светы [-святые]!), Боже!¹ (<О [ах]_(с)> Боже <ты> <милостивый [правый, праведный, всесильный]>!, Милостивый [всесильный] Боже!), Кровь Христова!, Люди добрые!, <Святая [пресвятая]> Дева Мария! (Ах_(с) <ты>_(с) святая [пресвятая] Дева Мария!), Мама [мать, мамочка] дорогая!** и др. Функция обращения у подобных коммуникем полностью деактуализирована, поэтому в прямом значении данное сочетание лексических единиц не может быть использовано как заместитель соответствующей коммуникемы, что подтверждает целесообразность отнесения таких коммуникем к разряду единств. Однако подобные сочетания активно используются и в прямом значении, что делает связь между первичным и вторичным значениями максимально актуальной. При этом внутренняя форма таких

коммуникем воспринимается всеми говорящими, поэтому оказывает активное влияние на адресата. Например: *Батюшки мои, это я вместо водки керосину выпил!* ужаснулся он. *Святители угодники!* /А. Чехов. *Неосторожность*/.

К данной группе коммуникем примыкают немногочисленные единицы, которые формируются с опорой на синтаксические конструкции, представляющие собой побудительные предложения, включающие в свой состав обращения, например, *Боже [Бог, Господь(-и), Христос, Царица Небесная, Матерь Божья(-ья), Пресвятая Богородица, ...] спаси [помилуй, (со-)храни(-т), оборони] <тебя [вас, её, его, их]>!, Спаси [помилуй, (со-)храни(-т), оборони] <тебя [вас, её, его, их]> Бог [Боже, Господи(-ь), Христос, Царица Небесная, Матерь Божья(-ия), Пресвятая Богородица, ...]!, Сохрани <тебя [вас, её, его, их]> Бог [Боже, Господи, Христос] и помилуй!, Спаси и сохрани!, Обороны Бог греха!: – В добрый час! Господь благословит! – кричала с крыльца бабушка. – Ты же, Саша, пиши нам из Москвы! – Ладно. Прощайте, бабуля. – Сохрани тебя Царица Небесная! /А. Чехов. *Невеста*/.*

Отдельную групп коммуникем-единств образуют единицы, включающие в свой состав лексемы, называющие представителей потусторонних сил и другие некоторые слова с негативной коннотацией. При этом они формируются на основе различных структурно-семантических типов членимых предложений, например: 1) односоставные (назывные) предложения: *Дьявол!, Дьяволищина!, Ах, <ты> дьявол [дьяволищина]!, <О [ах, ох, ух, эх]> <ты> Чёрт!, Чёртова бабушка!, Чёртова пропасть!:* Бум! Бах! Тарарах! донеслось со стороны базы. *О дьявол!* пробормотал Фокин. *Это-то зачем?* /А. Стругацкий, Б. Стругацкий. *Полдень XXII век*/; 2) двусоставные (повествовательные, побудительные, вопросительные): *Чёрт [леший, шут, лукавый, пёс, прах, хрен, нелёгкая, ...] дёрнул(-а) меня [тебя, вас, его, её, нас, их] <за язык>!, Чёрт [леший, шут, лукавый, пёс, прах, хрен, нелёгкая, ...] попутал(-а) меня [тебя, вас, его, её, нас, их]!, <Это> Чёрт [хрен, шут, пёс, фиг, ...] знает что <такое>!, <Это> Чёрт [бог, хрен, шут, пёс, фиг, ...] знает!, Чёрта [беса, хрена, ...] <лысого> <тебе [всем] вам, ему, ей, <всем> им, всем]>!, Чёрта ли!, Чёрт побери!, Чёрт [бес, леший, шут, лукавый, пёс, прах, чума, холера, хрен, лихоманка, ...] <меня [тебя, вас, его, её, нас, их]> возьми [дери, подери, побери, бери, заberi]!, Чёрт [черти, леший, шут, лукавый, пёс, прах, лихоманка, холера, ...] бы <меня*

[тебя, его, её, нас, вас, их]> побрал(-а) [брал(-а), забрал(-а), драл(-а), подрал(-а), задрал(-а), взял(-а)]!, Чёрт [черти, леший, шут, лукавый, пёс, прах, лихоманка, холера, ...] бы меня [тебя, его, её, нас, вас, их]!: Лихоманка вас забери! ругалась Ильинична, уже в полночь провожающая гостей. /М. Шолохов. Тихий Дон/.

Таким образом, анализ этимологического аспекта коммуникем-единств показал, что данный фразеологический разряд коммуникем формирует свой состав на основе различных моделей построения. Это обуславливает различную степень фразеологизации коммуникем внутри данного разряда, что еще раз подчеркивает динамический характер свойства фразеологизации и фразеологического состава языка в целом.

О. Г. Мельник
(Таганрог)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПЕРЕНОС НОМИНАЦИИ

“There is a deep-seated relationship between notions of action, state, progression, inception, completion, and the like, on the one hand and notions of direction and position on the other—a kind of geometry of semantics.”
(Bolinger, 1971:110)

Современная лингвистика уделяет большое внимание процессам освоения и интерпретации человеком окружающей действительности. Развитие когнитивного подхода к явлениям языка способствовало более глубокому пониманию механизма возникновения слов и выражений, необходимых для отражения реальной картины мира того или иного общества. Являясь основной формой бытия, пространство осмысливается человеком на самых ранних этапах его развития, гораздо раньше, чем другие категории, характеризующие материю. Пространство зримо, оно, собственно, и составляет тот мир, в центр которого помещает себя человек.

Известно, что средством объективации многих абстрактных категорий выступают метафоры. В данной статье мы намерены рассмот-

реть некоторые особенности, предпочитаемые английским языком для такого рода переносов.

Мы не задумываемся над тем, что наши высказывания могут не всегда соответствовать действительности. Например, такие предложения как: *The sun rises in the east, The river flows into the Pacific Ocean* кажутся нам вполне приемлемыми, хотя солнце не поднимается над горизонтом и река не течет в Тихий океан. Это объясняется тем, что человек осмысливает окружающую действительность на основе собственного восприятия, в первую очередь, зрительного. Если же мы не можем воспринять объект физически, мы делаем это при помощи представления в нашем сознании. Иными словами мы конструируем ментальный образ, используя фреймы, сценарии и контекст как строительные элементы. Просто, мы буквально «ословливаем» или «оязыковляем»¹ мир абстрактных понятий, эмоций, отношений, соизмеряя их с привычной для человека действительностью.

Несмотря на то, что наш повседневный язык изобилует метафорами, до недавнего времени считалось, что данный троп является предметом анализа риторики или поэтики, но никак не лингвистики. Основные подходы к изучению метафоры рассмотрены в статье Ж. Стина [Steen]. Одним из первых на метафору обратил внимание Роман Якобсон (Jakobson, 1985). Его идея заключалась в том, что метафора и метонимия представляют собой образ мышления, который оставляет след во всех знаках и знаковых системах. Р.Якобсон был вдохновлен работами В.Я. Проппа, основоположника структурно-типологического изучения [нарратива](#). Владимир Яковлевич Пропп попытался охарактеризовать структуру сказки при помощи ограниченного набора сюжетов. Представители структуралистской семантики применили аналогичный подход к описанию значений слов. Однако тут возникла проблема установления границы между лексическим значением и общим представлением о мире.

Дальнейшая разработка данного направления привела к тому, что подобные описания вышли за рамки семантики и оказались предметом рассмотрения прагматики (P. Grice, J. Searle, U. Eco). Отсюда оставался только один шаг к осмыслению того, что любой перенос значения основывается на сопоставлении двух областей знания, что даже так называемое буквальное значение связано с метафорическим восприятием окружающего мира.

1. Термин В.Н. Телия [1988: 200]

Начало следующему этапу изучения метафоры в рамках когнитивной лингвистики положила публикация работы Дж. Лакофф и М. Джонсон «Метафоры, которыми мы живем» [1980]. Многие ученые, работающие в сфере когнитивной лингвистики, посвятили себя исследованию проблемы концептуальной метафоры и метонимии в разных языках [Croft, Dirven, Langacker].

Традиционно метафору и метонимию рассматривают как две разные конструкции, берущие начало от двух разных когнитивных операций, хотя они схожи в том, что обе содержат определенный источник выражения (the source domain), который предлагает подразумеваемую цель (the target domain). Наиболее распространенное описание основного различия между метафорой и метонимией заключается в том, что ассоциация, которая ведет нас от источника к цели - это сходство и подобие между разнородными явлениями в случае **метафорического переноса**, и смежность в случае **метонимического переноса**.

Однако нередко возникают случаи взаимодействия метафоры и метонимии на уровне слова, из-за чего Л. Гусе [Goosens, 1990], ввел термин «метафтонимия», под которым понимается переход одного явления в другое в рамках концептуальных доменов (источникового и целевого). Дж. Лакофф приводит в пример реплику официанта: *The ham sandwich is waiting for his check* - *Бутерброд с ветчиной ждет счет*. Анализируя данный пример, мы вправе говорить о метафтонимии как самостоятельном когнитивном механизме, объединяющем в себе свойства метонимии (сочетание *The ham sandwich* заменяет собой человека, который ест бутерброд), и метафоры (официант называет посетителя *the ham sandwich* по некоторому сходству с концептом - источником. Или другой пример: *The White House isn't saying anything* - Белый Дом сохраняет молчание, который также иллюстрирует типичный перенос значения с места на событие, с места на учреждение, учреждения на ответственных исполнителей, производителя на продукт и т.д.

В одной из публикаций Дж. Лакофф и М. Джонсон [1999] используют метонимию для объяснения природы одной из фундаментальных концептуальных метафор нашей культуры, такой как **ВРЕМЯ ЕСТЬ ПРОСТРАНСТВО**. Поскольку восприятие времени основывается на нашем повседневном опыте движения в пространстве или отсутствии движения, существует фундаментальная корреляция между временем и пространством, которая позволяет систематическое отображение (*mapping*) этих двух самостоятельных областей в том

плане, что положение наблюдателя соответствует (*corresponds with*) настоящему, пространство перед наблюдателем соответствует будущему, а пространство позади наблюдателя соответствует прошлому [140]. Однако эти соответствия можно рассматривать и метонимически, при этом *corresponds with* заменяется на *stands for*. Авторы приводят предложение: *San Francisco is half an hour from Berkeley* [152] – Беркерли в получасе от Сан Франциско. В данном случае *полчаса* – это время, необходимое для преодоления расстояния между названными городами.

Представляет интерес замечание Лакоффа о том, что существует некоторая асимметрия в использовании метафор. Например, метафоры, использующие направление вверх/вниз (**хорошее – вверх, плохое – вниз, лучшее – вверх, худшее – вниз, счастье – вверх, печаль – вниз**) гораздо более распространены, чем метафоры «вперед/назад» (**будущее – впереди, прошлое – сзади**), но и они, в свою очередь, более распространены, чем метафоры «левое/правое» (**хорошее – справа, плохое, злое, мрачное – слева**). С объективной точки зрения каждое пространственное измерение должно обладать одной и той же описательной силой. Но с субъективной позиции важно, что зрение действует впереди, но не действует сзади.

В.Н. Телия отмечала, что в основе образования любого тропа лежат ассоциации, которые «дают основание, усматривая сходство или смежность между гетерогенными сущностями, устанавливая их аналогию, и прежде всего между элементами физически воспринимаемой действительности и невидимым миром идей и страстей, а также различного рода абстрактными понятиями, создаваемыми разумом в процессе ‘восхождения’ от умозрительного, абстрактного представления о действительности к конкретному ее постижению» [1988: 173].

Вопросу исследования внешних связей и отношений семантического поля пространства с другими полями посвящена работа В.Г. Гака [2000]. Это направление предполагает две задачи: переход номинаций из других полей в данное поле и, наоборот, переход номинаций из данного поля в другие поля. Однако задачи эти не равнозначны по своему объему, т.к. второй аспект — выход из пространства — дает значительно больший материал, так как пространственные понятия являются, как отмечалось выше, частым объектом переносного использования номинаций. Пространственные номинации переносятся в сферу иных семантических полей не только на уровне отдельных лексем или синтагм (словосочетаний), но и на уровне предложения.

На следующих примерах мы покажем, как осуществляется перенос пространственных характеристик зримых и осязаемых предметов на те понятия, денотаты которых мы не можем потрогать или увидеть.

Близкое РАССТОЯНИЕ описывает предметы как более схожие, тогда как далекие больше отличаются друг от друга: *That's a long way from what I want.* - Это совсем не то, что я хочу. *We're close friends. = hand and glove with smb.* - близкие друзья.

ГРАНИЦА нередко обозначает нахождение в непосредственной близости от опасности: *On the brink of disaster* – на грани катастрофы; *the edge of death* – на грани смерти.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ может быть связано с важнейшими этапами человеческой жизни или выбором жизненного пути: *He is on the journey to adulthood* – он на пути к взрослению; *She has passed away* – она отошла в мир иной; *following the path of enlightenment* – по пути просвещения; *She followed in her mothers' footsteps* – она пошла по стопам матери. Это могут быть и более обыденные жизненные ситуации: *come to the point of conclusion* – прийти к заключению. *Faced with the choice, she did a U-turn* – столкнувшись с выбором, она сделала решительный поворот (на 180°). *We're just going around in circles here.* - Мы ходим кругами.

НАПРАВЛЕНИЕ зачастую подразумевает идею достижения цели: *on the road to agreement* – на пути к соглашению, *on the road to peace* – на пути к миру. *That's a step in the right direction* – Это шаг в нужном направлении.

ВЫСОТА ассоциируется с достижением превосходства: *The height of one's career* – вершина карьеры; *climbing the career ladder* – взбираться по карьерной лестнице; *by head and shoulders above smb.* – на голову выше. *He thinks he's above the law* – Он думает, что превышает закон. И в противоположность вышеперечисленному: *That is beneath contempt* – низко пасть.

ГЛУБИНА обычно отображает интенсивность испытываемых эмоций: *He was deeply in love* – сильно влюблен; *deep despair* – глубокое отчаяние.

Общеизвестно, что человеческое сознание антропоцентрично, т.е. абстрактные понятия зачастую описываются при помощи конкретных представлений о времени и пространстве, данных человеку в непосредственном ощущении. С помощью соматической лексики можно описывать не только биологическое состояние человека, физическое восприятие (слух, зрение, обоняние, осязание, вкус), физические со-

стояния (жажда, голод, боль, влечение и т.д.) и реакции на различные внешние и внутренние воздействия (жар, холод, мурашки, пот, сердцебиение) [Апресян, 1995: 42]. Особенно много таких выражений связано с частями тела, такими как голова, руки, ноги: *the bowels of the computer* – «внутренности» компьютера, *at the head of smth.* – быть во главе, в начале чего-либо; *close at hand* – под рукой, *at the foot of the hill* – у подножия холма.²

С помощью пространственных метафор можно дать портретную характеристику человека, характеристику его интеллектуальной деятельности, эмоционального состояния, описать речеповеденческую и речемыслительную сферы, а также социальную сферу (межличностные отношения, отношение человека к окружающему его миру, предметную деятельность): *to be on top of it* – преодолеть трудности; *to be over heels at work* – весь в работе; *to lay heads together* – совещаться; *keep one's head above water* – справляться с трудностями; *to make head* – продвигаться; *to make head against* – сопротивляться; *He was hitting his head against a brick wall* – Он бился головой о стену; *give smb. his head* – дать волю; *to find one's feet* – утвердиться в положении; *to keep one's feet* – устоять; *to put one's foot down* – решительно воспротивиться; *to put one's foot in* – влипнуть; *to find the length of smb's foot* – раскусить человека; *take a hand in smth.* – участвовать; *to give a hand* – помогать; *to wipe smb's nose* – обмануть.

Пространственное значение может касаться как всего, так и только части идиоматического выражения, как, например, в словосочетаниях *the field of research*, *the sphere of influence*. В.Н.Телия [1988: 202] выделяет регулярное смысловое содержание подобных выражений 'как бы место распространения некоторой деятельности'. Кроме того, в этих сочетаниях осуществляются отбор, выравнивание и синтез гетерогенных по природе признаков, характерных для "настоящих" локативов типа *поле*, *область*, *сфера*, и понятия деятельности.

Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев [2000: 300] отмечают, что пространственная метафора оказывается едва ли не самой распространенной для эмоций (и даже само слово происходит от лат. *emotion* – движение). Возникновение эмоции часто метафорически уподобляется движению, перемещению в пространстве: *My head is going round* – голова идет кругом. *It's driving me around the bend* – Это сводит меня с ума.

2. Подробнее см. О.Г. Мельник, 2009.

His head was spinning with excitement – Его голова кружилась от волнения. *To fall in love* – влюбиться; *to hit the roof* – прийти в ярость; *to jump out of one's skin* – выпрыгивать из себя.

Существует не меньшее количество метафор, как с положительной, так и с отрицательной коннотацией, описывающих эмоциональное состояние человека, которые связаны со статическим положением: *to be beside oneself* – быть вне себя; *to be in the clouds*, *'to be in the seventh heaven* – быть на седьмом небе; *to sit in the pit* – быть в отчаянии; *over head and ears* – по уши; *be off one's head* – у него не все дома; *to lose one's head* – потерять голову; *keep one's head* – сохранять присутствие духа.

Итак, наше ментальное восприятие мира, предоставляющее психическую основу метафорам и позволяющее нам мыслить весьма абстрактно, испытывает очень большое влияние телесного восприятия мира. Таким образом, пространство и другие категории взаимопроникают, взаимонастраиваются и взаимообогащаются. Интересно отметить, что почти для всех приведенных нами примеров нашлись корреляции и в русском языке. Сходство и различие определяется как самим строем языка, так и национально-культурным сознанием его носителей.

Использованная литература

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. **Перемещение в пространстве как метафора эмоций**// Логический анализ языка. Языки пространств/ Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 277–289.

2. Гак В. Г. Пространство вне пространства// Логический анализ языка. Языки пространств/ Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127–134.

3. Мельник О.Г. Антропоморфизм в пространственной картине мира. Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков. Сборник трудов III международной научной конференции. Таганрог: ТГПИ, 2009. – С. 171-176.

4. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль Человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М, 1988. С. 173-203.

5. Gerard Steen “Metonymy Goes Cognitive-Linguistic”.

<http://www.thefreelibrary.com/Metonymy+goes+cognitive-linguistic> 30.07.2010.

6. Goosens, L. "Metaphonymy" / Cognitive Linguistics, 1, 1990. PP. 323-340.

7. Jakobson, Roman. "Closing Statement: Linguistics and Poetics." *Style in Language*. Ed. Thomas Sebeok. Cambridge, Mass: MIT P, 1960. 350-377.

8. Lakoff G., Johnson M. "Metaphors We Live By." Chicago, 1980.

9. Lakoff, George, and Mark Johnson. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic, 1999.

10. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. 24-е изд. - М.: Русский язык, 1995.

Е.М. Мельникова
(Екатеринбург)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЗЫКИ И ПЕСЕННОГО МАТЕРИАЛА НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СО СТУДЕНТАМИ ФАКУЛЬТЕТА МУЗЫКАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Модернизация целей и содержания современного языкового образования вызывает необходимость поиска средств оптимизации учения и обучения, что связано с внедрением новых и с более эффективным использованием уже известных методов и приемов.

Исходя из признания того, что успешность усвоения знаний и формирования умений и навыков во многом зависит от степени эмоционально-чувственного воздействия на учащихся, считаем использование такого важного источника ощущений, как музыка одним из главных способов оптимизации процесса. Руководством могут служить, в частности, рекомендации Д. Кэмпбелла, Е.Н. Солововой, И. Швердтфегер.

В практике преподавания английского языка использование музыки способствует достижению образовательных целей: формированию коммуникативной и социокультурной компетенций.

В центре специального внимания на 1 курсе должна находиться помощь студентам в преодолении языковых и психологических барьер-

ров, в создании и поддержке положительной групповой динамики, и польза от использования музыки для решения данной задачи несомненна.

Обучение иностранным языкам как средству коммуникации между представителями различных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках [Тер-Минасова, 2000:5].

Для решения данной задачи мы предлагаем использование песенного материала на занятиях по иностранному языку [Орлова, 1991: 24]:

- песни и другие музыкальные произведения стимулируют монологические и диалогические высказывания, служат основой развития речемыслительной деятельности студентов, способствуют развитию как подготовленной, так и неподготовленной речи;

- песни как один из видов речевого общения являются средством более прочного усвоения и расширения лексического запаса, так как включают новые слова и выражения. В песнях уже знакомая лексика встречается в новом контекстуальном окружении, что помогает ее активизации. В песнях часто встречаются имена собственные, географические названия, реалии страны изучаемого языка, поэтические слова. Это способствует развитию у студентов чувства языка, знания его стилистических особенностей;

- в песнях лучше усваиваются и активизируются грамматические конструкции. Они написаны в современном ритме, сопровождаются текстом с пояснительными комментариями, а также заданиями (цель которых – проверка понимания и обсуждение содержания);

- песни способствуют совершенствованию навыков иноязычного произношения, развитию музыкального слуха. Установлено, что музыкальный слух, слуховое внимание и слуховой контроль находятся в тесной взаимосвязи с развитием артикуляционного аппарата. Разучивание и исполнение песен помогают закрепить правильную артикуляцию и произнесение звуков, правила фразового ударения, особенности ритма и т.д.;

- песни содействуют эстетическому воспитанию студентов, сплочению коллектива, более полному раскрытию творческих способностей каждого. Благодаря музыке на занятии создается благоприятный психологический климат, снижается психологическая нагрузка, активизируется языковая деятельность, повышается эмоциональный тонус, поддерживается интерес к изучению иностранного языка.

При подборе песен следует учитывать музыкальные вкусы студентов. Рекомендуемыми к прослушиванию в образовательных целях являются следующие жанры: фольклор, джаз, кантри, опера, мюзикл. Несмотря на некоторую раритетность, эти жанры более приспособлены для изучения языка.

При работе с песней выделяют три этапа: предтекстовый, текстовый и послетекстовый. На каждом этапе решаются свои задачи [Перфилова, 2009: 3].

Задачи перед прослушиванием:

- Заботиться о тематическом соответствии;
- Заинтересоваться в работе с текстом;
- Стимулировать выдвижение версий относительно содержания песни;

• Активизировать имеющийся резерв знаний по данной теме;

• Применять имеющиеся знания.

Задачи во время прослушивания:

• Вызвать необходимую реакцию;

• Понять текст;

• Сделать выводы о значении песни.

Задачи после прослушивания:

• Мотивировать языковое понимание;

• Стимулировать к дискуссии по теме;

• Провоцировать на эмоции, высказывания.

Можно предложить огромное количество заданий исходя из целей и этапов работы. Вот некоторые из них:

1. Задания на множественный выбор;

2. Выбор: верно/неверно;

3. Внести детальную информацию в предложенную схему;

4. Установить верную последовательность (отрывков текста, картинок);

5. Заполнить пропуски в тексте;

6. Задать вопросы к тексту по содержанию;

7. Выразить свое мнение.

Студентам очень нравится работа с песенным материалом, они с удовольствием разучивают песни и исполняют их на различных мероприятиях, организованных нашей кафедрой «иностранных языков», например: конкурс проектов, неделя иностранных языков и т.д. А также выступлениям на английском языке от студентов- музыкантов очень рады гости конференций, проходящих в УрГПУ.

Таким образом, использование песенного материала на занятиях по иностранному языку способствует становлению коммуникативной компетенции студентов и приобщает их к культуре страны изучаемого языка.

Использованная литература

1. Орлова, Н.Ф. Совершенствование устной речи студентов старших курсов с использованием музыкальной наглядности / Н.Ф. Орлова. – М.: Просвещение, 1991.
2. Перфилова, Е.П. [электронный ресурс] / Е.П. Перфилова // Режим доступа: <http://festival.1september.ru>, 2009, свободный.
3. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурные коммуникации. – М., 2000.

Angelika Minka
(Taganrog)

THE CONCEPT «HOUSE\HOME» IN THE NOVEL «THE HOUSE IN NORHAM GARDENS» BY PENELOPE LIVELY

The house is the central setting of the novel, which serves as the background of events. Our aim will be to study spatial formation of the concept “house/home” in the novel and to reveal its meanings.

The house in Norham Gardens is a large old building in a quiet road of an ancient English city. And as this house was built in the last century, its architecture differs greatly from modern English buildings and it arouses a mix of various feelings in the minds of its masters, lodgers, guests, visitors and passers-by: “...these are not houses but **flights of fancy**. They are three stories high and disguise themselves **as churches**. They have ecclesiastical porches instead of front doors and round Norman windows or pointed gothic ones, neatly grouped in threes with flaring brick to set them off. They reek of hymns and the Empire, Mafeking and the Khyber Pass, Mr Gladstone and Our dear Queen. They have nineteen rooms and half a dozen chimneys and iron fire escapes.”

Penelope Lively creates one complex expanse in its development of time. The house has been existing for many years in the background of changing surrounding world, culture and history. So, the house is in the role

of timeless, eternal, unchanging and sturdy English nation, its tradition. The attitude of people to the house is different but it doesn't leave anybody indifferent. For Clare, the concept of the house is inseparably tied to the concept of her family. The house is the center of her universe as she thinks about it every day at school, she dreams about it, and she values it above all other things. In Clare's dream the house is shown as a living being (*the fire sighed, the kettle began to mutter to itself. The big houses brooded behind curtained windows, facing each other on stolid ranks*). The fear of losing the house is created through the epithets *blank, cold, pitch dark, empty*: "Coming home, she could see no light in any of the front windows. The house presented **a blank and empty face**." The mechanism of empty, devastated space aims at suggesting the feeling of loneliness and loss of close people: "The house, now that she had shut the door, swallowed her, empty, apparently, and quite dark."

The house is also **a source of wisdom and knowledge**. A visitor and its inhabitants can find much information about cultural and social life of the past times through books and queer old things kept in the library: "There were books instead of walls – in bookcases as long as the bookcases lasted and then overflowing into piles and toppling columns. There were stacks of box-files, too, labeled long ago with dusty labels on which the ink had faded into obscurity, like invisible writing that refuses to be reanimated. And there were mountains of paper, yellowing articles..."

The house is a store for keeping and preserving mental information: "Lying in bed that night, in the hinterland between being awake and asleep, when things slide agreeably from what is real to what is not, it seemed to her that the house itself, silent around her, was **a huge head**, packed with events and experiences and conversations. And she was part of them, something the house was storing up, like people store each other up. Drifting into sleep, she imagined **words** lying around the place like bricks, all the things people had said to each other here, piled up in the rooms like columns of books and papers in the library, and she wandered around among them, pushing through them, jostled by them."

A high social, cultural and educational status of the inhabitants is shown through the location of the house (Oxford) and special object-markers such as books, newspapers, crossword puzzles and a huge library. The above mentioned objects serve not only to portray the interior but also to show the inner world of the people who live there. But what distinguishes this house from the rest is its coziness: the fireplace creates calmness and conciliation, clocks set the rhythms and atmosphere of order in the house,

they tick and tell that time goes, life flows and everything develops. Only the clock's tick breaks the reign of silence in the house, the clocks' tickles brighten the house and measure out the time. Clocks are special symbols of life, a clock is like a heart which beats in the body. When there is no tickling the house seems still, silent and lifeless: *"The kitchen clock ticked and the pipes made the asthmatic wheezes and gurgles they always made."*

The concept **house-memory** takes an important place in the novel: *"...the past survived time and change, petrified in letters, notes, diaries. What a pity mirrors couldn't remember faces they had reflected before. There should be some way of peeling back layers - finding the aunts, years ago. Great-grandmother, parlourmaids, cooks..."* Time can be visible and smelled: *"she went to the junk-room. It was not unpleasant, not really a musty or stale smell, but somehow **the smell of some other time**, as though the air in the room, like the other things, was of 1890, or 1911, or 1926. Going into the room, it was you who became displaced in time: the room was quite at home."*

Penelope Lively represents houses not only as buildings and architecture but also as living beings with their own characters, mood and history. They mirror their inhabitants' preferences, personalities, characters and styles of life. They belong to history, which connects the past and the present, constructing a linking chain, which unites people of different generations: *"But how would he get on with great-grandmother - with her remote presence, almost extinguished by time, but surely still fainting clinging to this room, her thoughts, her feelings, her opinions, flickering out from 1911? There could hardly be two people further removed from one another. How odd, how very odd, that the same room should, eventually, have held them both: great-grandmother, in silk and whalebone, her mind furnished in the nineteenth century; John, in jeans and sweater, born thousands of miles away, speaking another language."*

The inner space of the house is stuffed and composed of various things, possessions and inherited objects of former and present masters. They keep remote presence and can tell about their lives and personality: *"... great-grand mother attended garden parties and theaters and entertained her friends to luncheon and afternoon tea and dinner in the evening. The equipment that had been necessary for all these activities, the dresses and capes and gloves and boots, and, above all, the battery of elaborate hats, feathers, ribboned, and flowered, lay still in the trunks in the attic."*

The house has many secrets and mystery in its store as it is filled with relics of the past of those people who had lived there. The masters of the

house did not throw away a single thing so the house is stuffed like a **museum**. Clare's visitors always wanted to see the hats, along with the lift and the china collection in the drawing room and the old photograph albums in the study desk. *"It's super coming here," they said happily. "Like a **museum** where you're allowed to take everything out and mess about with it". In no other house, thought Clare, in absolutely no other house, could you open an old trunk and be confronted with a large bundle of bows and arrows. And what looked like a set of very moth-eaten feather dusters and a lot of old coconut matting and a weird-looking slab of wood with some kind of a picture on it."*

The guests find the house weird and mysterious. They regret that their houses are ordinary, the same as the rest like half a million others: *"People liked coming to tea at Norham Gardens. They found the house extraordinary and entertaining... "Step back into the past," said Clare. "In this house we preserve an older, finer way of life. Welcome to nineteen thirty-six".* The house like the world is composed of memory. The presence of those who had lived there is carefully preserved in their possessions. No wonder that the house has such a romantic and mysterious hold on the imagination of its visitors.

For the aunts the house is **a shell, a base** where they feel protected and comfortable spending their days in the library reading books, solving crosswords and dozing according to their pattern of life: *"Now that they were old their lives had contracted. The house, which had always been **their base**, had become also **their shell**. It held everything they needed and they seldom went beyond it. The outside world came to them through newspapers and the windows..."* This extract depicts the idea of "home sweet home", and any person is realized as a substance that fills the house - the aunts are the integral part of the house: *"the room was once more properly furnished with aunts."*

Some characters consider this house vast, empty, indestructible, awkward and ugly because of its unnecessary huge size. They compare the house with **a dinosaur**, which absorbs too much electricity, expense, money for its renting and has unsuitable number of rooms for correct living in the late twentieth century: *"You had to be a fat busy Victorian family to expand enough to fill up basements and passages and conservatories and attics. You had to have an army of bootboys and nurses and parlour-maids. You had to have a complicated, greedy system of living that used up plenty of space and people just in the daily business of eating and sleeping and keeping clean. You had to multiply your requirements and your possessions, ac-*

*tivate that panel of bells in the kitchen - Drawing - Room and Master Bedroom and Library - keep going a spiral of needs and people to satisfy the needs. If you did not, if you contracted into three people without such needs, then a house like this became **a dinosaur**, occupying too much air and ground and demanding to be fed new sinks and drainpipes and a sea of electricity. Such a house became **a fossil**, stranded among neighbours long since chopped up into flats and bed-sitting-rooms."*

Clare understands that such houses are very old and sooner or later they will be destroyed and knocked down when they are no longer useful: *"I stood in front of the house which loomed above me like a sort of **memorial**".*

The girl is preoccupied with the thought about her house and she is asking a question whether the house should be preserved or not. But what Clare is certain about is that houses witness history - there were changes in the life, fashion, politics, appearance of people, their language, manners, development of technology, but the houses preserved their identity through ages without evolving with different time: *"Reduce them to the brick and dust from which they came? Or should you, just because they are old, not beautiful, but old, keep them? Houses like this have stood and watched the processes of change. People swept by the current, go with it; they grow, learn, forget, laugh and cry, replace their skin every seven years, lose teeth, form opinions, become bald, love, hate, argue and reflect. Bricks, roofs, windows and doors are immutable. Before them have passed carriages, and the carriages have given way to bicycles and the bicycles to the cars that line up now, bumper to bumper, along the pavement. In front of them have passed ankle-length dresses and boaters and frock coats and plus-fours and duffle coats and mini skirts. Through their doors have passed heads, shingled, bobbed, permed and unkempt. Within their walls language has changed, and the assumptions. And the furniture of people's minds. They (old houses) seemed to be there together in sad abandonment **like textbook illustrations of the past.**"*

Clare feels pity toward the past and fearsome to the future where the houses are uprooted and become identical. The author compares the old houses with islands as they stand alone among growing modern new houses and seem isolated, strange and remote: *"...the houses that survive as tenacious Gothic **islands** amid the concrete cliffs."*

Penelope Lively compares the house with **a train** and the inhabitants are its passengers. Clare's thoughts are struggling against time: *"Then and now. Yesterday. Tomorrow."* She wants to stop the time but it is like stop-

ping the train – the wheels go faster and the scenery is changing: “*She lay close to the fire, her face burning, and stared into it: incandescent interiors, gushing flame, logs grey-plated with ash, roaming shadows. I like fires. I like being here, just now, just at this moment. This is one of the times I wouldn't mind stopping at, for ever, or for longer, anyway, if you could kind of freeze yourself. But you can't. It's like being on a **train**, and seeing a lovely quite country station with flowers and cows in long grass, and not being able to get off at it.*”

For cousin, Margaret the house is a **morgue** because of its bad state and old people living there: “*it (house) had decayed quietly and privately. The curtains were faded in stripes, and the William Morris wallpaper had brown marks on it, and damp patches.*”

The house withstands not only the past and the present but also the weather and thus it is presented as a **battleship**: “*The houses, picked out with snow along ledges and gables, seemed different – diminished, less secure.... The blizzard roared all that night. The Norham Gardens houses stood four-square against it like **battleships** and it screamed against the brick and threw tiles down on to cars and tarmac and snapped branches from the trees.*”

The **tour** in the house symbolizes life. The house is in the open road, in transit between past and present, in a free area where everything can happen: “*Home, she **toured** the house, as though she had been away for a long time and needed to make sure that everything was all right and in its proper time. Drawing-room, library, study, dining-room, spare rooms.*”

The concept “house” defines inner and outer borders in the mind and behavior of a man. The notion “house” is comprised of different micro fields, which are interrelated, convey more nuances and additional semantic shades and present a wide range of correlations such as:

a) **house – a living space, a world, universe**; b) **parts of house** (doors, walls, roofs, attic, porch, the top of the house, the well of the staircase); c) **architecture** (Norman windows, pointed gothic windows, passages, ecclesiastical windows); d) **rooms and locations** (a kitchen, top rooms, a breakfast-room, a study, a dining-room, a flower-room, lavatories, a junk-room, scullery, basement, a library, a pantry, a hall, great-grandmother's writing room, a sewing room, a drawing-room, landing); e) **construction materials** (brick, gravel); f) **areas around and near the house** (front drive, fringes of the city, garden, street, pavement, a path, outline of the houses, lawn, road); g) **furniture, utensils, equipment** (coal, panel of bells, chimneys, iron fire escapes, fire, grandfather clock, sofas, stiff chairs, beds, plaid mantelpiece, traveling rugs, silk cushions, toffee-brown velvet,

dressings-table, lamp, bureau for paper, ancient photographs, a silver-framed photograph, notebooks, envelopes, masculine desks, wallpaper, solid table, miles of realistic blue satin ribbon, curtains, yellowing cards, hearthrug, a window shelf, a small bookcase); h) **living, life in the house**; i) **family**: a) **terms of relationship** (*kinship, ancestor, aunts, parents, mum, dad, great-grandmother, the old ladies*); b) **inhabitants; residence**; j) **rituals of home-making, hospitality, welcoming** (*tea-things, serving tea, parties, family holidays, favorite meals*); k) **family traits** (*the family brains*); l) **house and the nature** (*packing of dark trees, sunshine, melting snow, cold January wind, grey dusk, a coating of snow, a fresh fall of snow, shrubs, Christmas roses, the yellow beam*); m) **sounds** (*tickling of clocks, the wind rattling the window, snow flopping past the window, creaks of the toaster, a loud hissing noise of the fire, clatterings in the kitchen, roaming of passing cars, the hustle of tyres on the road, throbs, swelling whisper of sound, clicking and slamming of doors*); n) **renting** (*money, financial problem, to let, pension, legacy, securities, shares, lease, assets*); o) **“quantity” of things which fill the house** (*huge, immense, large, enormous, an army of bootboys, plenty of space, mountains of paper, a sea of electricity, trunks of old things, a pile of jerseys and underclothes, the battery of elaborate hats, bundles of old curtains, a heap of cushions, the columns of books, a large bundle of bows and arrows, tons of things*).

The house is presented as a complex frame with the structure including key concepts organized as functional parameters of the concept-theme, which serve to form the fulfilled model of human's habitat. The basic concepts are considered as knots of a complex frame and organize groups of subframes within the structure of the complex frame.

The concept, realized in the novel, has a complex structure and includes several semantic layers: 1) house - building, dwelling, domain, architecture, habitation, abode; 2) house - family, dynasty, generations; 3) house - a living being; 4) house - history; 5) house - memory; 6) house - love, care, respect; 7) house - protection, refuge, shelter, base, cloister; 8) house - museum, treasury, antiquity; 9) house - life; 10) house - wisdom, knowledge; 11) house - domesticity, hospitality, traditions, rituals, customs, relics; 12) house - time; 13) house - country, world, universe.

The House in the novel “The House In Norham Gardens” by Penelope Lively represents the essence of the English character which is associated with its main traits such as privacy, domesticity, comfort, intimacy, adherence to customs and traditions. The house is a microcosm of England and is marked with positive connotations - the essential qualities of the house are stability, safety, conservatism and coziness.

Literature

1. Penelope Lively “The House In Norham Gardens”. London: Jane Nissen Books, 2004.
2. <http://www.penelopelively.net/>

А. Р. Мубориева.
(Астрахань)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ

В настоящее время отмечается возросший интерес лингвистов к относительно недавно возникшему направлению в языкознании – неологии. Безусловно, это явление имеет непосредственную связь с тем, что процессы словообразования, характеризующие язык в процессе всей его эволюции, требуют тщательного теоретического осмысления, грамотно разработанной научной классификации.

Следует признать, что проблемы неологии получили широкое освещение в отечественной лингвистике (А.А. Брагина, О.А. Габинская, В.И. Заботкина, С.С. Изюмская, А.Н. Иванов, Н.З. Котелова, В.В. Лопатин, А.Г. Лыков, Г.Д. Маслова, Э.М. Медникова, Е. В. Сенько и др.). Существенный вклад в разработку теории неологии на этапе её становления как теоретической области лексикологии внес В. Г. Гак, выдающийся учёный-романист, мыслитель и педагог [Гак, 1978, 1983].

Несмотря на это, нельзя не признать, что в лингвистике до сих пор не существует четкого и общепринятого определения термина «неологизм» и что он требует терминологической конкретизации. До сих пор не установлено разграничение между такими терминологическими обозначениями как «неологизм», «новообразование» «окказионализм», «индивидуально-авторское словоупотребление», не выделено основных критериев различий между ними.

В традиционном понимании неологизмы (от греч. *néos* – новый и *logos* – слово) – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 331]. В концепции В. Г. Гака приоритетное значение отдается временному критерию и, со-

ответственно, неологизм определяется как новое слово, возникающее на памяти применяющего их поколения [Гак, 1983: 20].

Что касается функций неологизмов, представители системно-функционального подхода выделяют две основополагающие функции неологизмов в тексте: а) языковая экономия и б) оценка.

Целью данной статьи является характеристика функционирования неологизмов во французской научно-популярной экономической прессе. Было установлено, что язык научно-популярных статей на экономическую и финансовую тематику характеризуется регулярным использованием неологизмов. Такое явление связано, в первую очередь, с непрерывным развитием усиленными темпами сферы экономики, которое находит отражение в языке появлением большого числа неологизмов, выражающих актуальные проблемы различных общественных сфер.

Например, с целью дать определение экономике на современном этапе ее развития, французские журналисты предлагают следующие обозначения: *la “nouvelle économie”, la “nouvelle nouvelle économie”*.

Les politiques se prennent à croire à la “nouvelle économie” (Le Monde, mai 2006).

C’était il y a neuf mois, et il faut croire que depuis, on est passé à une “nouvelle nouvelle économie” du commerce en ligne, car non seulement les pertes d’Amazon se montent déjà à 625 millions de dollars pour les deux premiers trimesters, portant la dette de la société à 2.1 milliards de dollars, mais afficher des pertes colossales est de moins en moins bien vu dans le monde des entreprises Internet, surtout au bout de cinq ans (Le Monde, avril 2005).

Широкое использование компьютерных технологий в различных сферах экономики, а особенно вовлечение глобальной сети Интернет в сферу бизнеса способствовало появлению таких неологизмов как *la “Net-économie”, le cybercafé* (кафе, оборудованное компьютерами, подключенными к Интернету), *les cyber-consommateurs* (постоянные пользователи Интернетом).

...l’inflation est à un niveau toujours remarquablement bas; et puis, surtout, il y a précisément les avancées de la “Net-économie” qui font espérer de formidables gains de productivité (Le Monde, juin 2006).

Les Cassandres ont beau jeu d’évoquer un brouhaha numérique dans un cybercafé du commerce mondiale, ils ont tout simplement tort (Le Nouvel Economiste, octobre 2008).

*Pour rassurer les **cyber-consommateurs**, le site Internet d'assurance FirstAssur, filiale commune de Viel et Cie, Jet Multimedia, Quilvest Capital France, Financière Guilbert et Perouse Assurances, vient de lancer une police d'assurance, conçue par l'assureur **AIG Europe**, filiale de l'une des principales compagnies américaines (Le Monde, novembre 2006).*

Благодаря появившейся возможности приобретать разнообразные товары, используя Интернет, особенно актуальными становится неологизм **e-commerce** (торговля по Интернету):

*Le secteur du tourisme en ligne se porte bien, et reste le secteur le plus important du **e-commerce** en France: 5,3 milliards d'euros en volume d'affaires en 2007 contre 4,2 milliards en 2006, selon le Benchmark Group (Le Nouvel Economiste, octobre 2008).*

Благодаря образованию Евросоюза в научно-популярной экономической литературе появились неологизмы, представленные сложными составными именами существительными, в состав которых входит **euro-**:

-eurosepticisme

*Les réactions désordonnées des gouvernements européens face aux conséquences de la crise pétrolière, ainsi que la dégringolade de l'euro, donnent ces jours-ci une piètre idée de l'Europe, réveillant un **eurosepticisme** latent (Le Monde, mars 2007).*

- eurogroupe

*Sur cette dimension, l' **eurogroupe** n'a aucune prise... (Le Monde, septembre 2007)*

- eurosclérose

Бурное, стремительное развитие экономики способствовало появлению большого числа неологизмов, образованных при помощи префикса **hyper-**, обладающего семантическим значением «сверх..., пере..., гипер...» по следующим словообразовательным моделям:

1. **hyper-** + **существительное** (*hyper croissance économique, hyper-communication, hyperfréquence, hypermarché, hyperspécialisation, hyperurbanisation*)

2. **hyper-** + **прилагательное** (*hyperoccupé, hyper-réactive, hyperspécialisé*)

Одним из самых продуктивных префиксов со значением отрицания для образования неологизмов, встречающихся в научно-популярном экономическом тексте, является префикс **anti-**. Этот префикс служит для образования экономических терминов, выражающих действие, направленное против другого действия или состояния, вы-

раженного основой термина: *anticoncurrentiel, anti-embargo, anti-impôt, anti-inflationniste, anti-trust*.

Интересен случай образования сочетания с префиксом *anti-* и имени собственного:

L'anti-Robert Parker dont il souligne la propension à aplanir les goûts en utilisant son guide comme un levier de pouvoir (Le Nouvel Economiste, septembre 2008)

Употребленный в таком контексте, этот неологизм обозначает неодобрение политики данного деятеля, содержит оттенок иронии.

Тесная взаимосвязь экономики с политической жизнью страны прослеживается в постоянном появлении в научно-популярных экономических статьях неологизмов, связанных с именами различных политических деятелей. Так, анализ материала выявил ряд неологизмов, образованных от фамилии политических деятелей, занимающих (или занимавших) важные государственные посты, и служащих для обозначения лиц, являющихся сторонниками, поддерживающих политические взгляды и убеждения того или иного политического деятеля:

- **berlusconisation** (от фамилии премьер-министра Италии Сильвио Берлускони (Silvio Berlusconi):

Danger vis-à-vis de la crédibilité journalistique, danger sur la connaissance des événements secouant la planète, d'une berlusconisation de la société d'un formatage a minima des faits, danger d'une ultra-segmentation des sujets, etc. (Le Nouvel Economiste, novembre 2008)

- **chiraquien** (от фамилии бывшего президента Французской Республики Жака Ширака (Jacques Chirac):

Les chiraquiens eux, ne cachent pas leur joie, Alain Juppé en tête (Le Monde, mars 2006).

- **fabusien** (от фамилии Лорана Фабиуса (Laurent Fabius), бывшего министра экономики, финансов и промышленности Франции)

- **mitterandien, mitterandiste** (от фамилии бывшего президента Франции Франсуа Миттерана (François Mitterand):

Giesbert remarque que "la plupart des presidents ont été élu contre la presse Mitterandien..." (Le Nouvel Economiste, juillet 2008)

A la buvette de l'Assemblée nationale, mardi 12 septembre, un petit groupe analyse la chute de popularité de Lionel Jospin. "Regardez les trois derniers remaniements, il n'y a que des technos, des fabusiens, des courtesans!", commente un mitterandiste (Le Monde, avril 2006).

- **jospiniste** (от фамилии премьер-министра Франции Лионеля Жоспэна (Lionel Jospin):

*L'atmosphère commence à se charger lorsque le jeune député **jospiniste** Jérôme Cahuzac évoque le plan fiscal de Laurent Fabius qui aurait, selon lui, attisé les revendications des routiers (Le Monde, mai 2006).*

- **trotskiste** (от фамилии советского политического деятеля Льва Троцкого):

*Deux candidats au moins sont sur les rangs: Jean-Claude Mailly, responsable de la communication à FO, qui est soutenu par **les trotskistes** du syndicat, et Jean-Claude Mallet, chargé de la Sécurité sociale (Le Figaro économie, mars 2004).*

На данном этапе, соответственно, особенно продуктивной для образования многочисленных производных-неологизмов в современных научно-популярных текстах по экономике является фамилия действующего президента Франции Николя Саркози. Фамилия президента создала благоприятную почву для появления многочисленных неологизмов: **sarkoboy, sarko-facho, sarkoland, sarkomania, sarkosphère, sarkozysme, super-sarko**. Известный французский лингвист Клод Ажеж (Claude Hagège) констатирует факт, что со времен падения монархии подобный тип словообразования является типичным во французском языке и представляет собой своеобразную форму выражения словесной свободы [Castets. 2007: 5]. Следует отметить, что французская гласная «о» регулярно используется для сокращения слов либо образования сложных слов (например, *franco-français*). Наличие гласного звука «о» в фамилии президента изначально указывает на возможность образования различных производных, которым путем аффиксации можно придать либо положительное (**super-sarko**), либо отрицательное (**sarko-facho**) значения. Такое явление чрезвычайной распространенности производных от фамилии Sarkozy можно объяснить широким общественным резонансом, интересом, который вызывает фигура президента у своих соотечественников. Неологизмы свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве образ президента ассоциируется у французов с положительными эмоциями, с верой в президента, а сам он характеризуется как сильная и очень активная личность.

*Le **sarkozysme** sans le volontarisme politique brouille le message et laisse une impression de flou (Le Nouvel Economiste, novembre 2008).*

Положительные качества президента находят отражение в неологизме, образованном при помощи префикса **hyper** – **hyper-président**, который подчеркивает мощь, величество президента:

A l'UMP, le réflexe de boutique est entré en résonance avec le mal-vivre d'un parti majoritaire qui n'arrive pas à trouver ses marques aux côtés de l'hyper-président (Le Nouvel Economiste, mai 2008)

Но в некоторых случаях можно наблюдать отражение недовольства политикой президента. Так, в апокопе *Sarko* суффикс «-о» служит для передачи уничижительного значения, выражая неодобрение и раздражение, вызванное политикой Н. Саркози.

Quant aux députés, qu'irrite "intensement" la gouvernance selon Sarko, ils ne lâchent sans se faire prier sous le péristyle de la salle des cinq colonnes (Le Nouvel Economiste, août 2008).

Анализ научных экономических текстов показал, что способ образования прилагательных-неологизмов от имен деятелей является продуктивным и в данной разновидности текста. В данном случае неологизмы образуются от имен известных теоретиков в области экономики или представителей того или иного течения: *doctrine samuelsonienne* (←Samuelson), *théorie marshallienne* (← Marshall), *analyse rawlsienne* (←Rawls), *approche lancastérienne* (←Lancaster), *reflexion wébérienne* (←Weber).

Одним из самых распространенных англо-саксонских неологизмов в научно-популярных текстах на экономическую тематику в настоящее время является англицизм **«euroland»**. Появление данного термина датируется 1 января 1999 г. Он обозначает союз, объединение, в состав которого входит одиннадцать европейских стран, которые первыми ввели на их территории единую европейскую валюту – евро. Следует отметить, что по поводу употребления данного термина возникали многочисленные дискуссии с момента его появления: некоторые предлагали его французский эквивалент **«l'euroland»**, другие настаивали не его замене сочетанием **«la zone euro»**. Терминологическая комиссия Министерства Финансов отдавала предпочтение термину **«l'Eurolande»**, взятого из финансового словаря Гаррапа. Противники употребления англицизма **«euroland»** присваивали ему pejоративное значение «парк аттракционов», намекая на его созвучие с **«Disneyland»**. В научно-популярных текстах, как продемонстрировал анализ, встречаются оба термина: и **«l'euroland»**, и **«la zone euro»**, тогда как в научном экономическом тексте предпочтительным является сочетание **«la zone euro»**. Некоторые журналисты-популяризаторы отдают предпочтение термину **«la zone euro»**, который, по их мнению, обладает более нейтральным значением и является более техническим.

*“Ces évolutions confirment que la reprise de l'économie allemande, et notamment de son industrie, demeure particulièrement faible”, en déduit Marc Touati, de Natexis Banques populaires, qui affirme qu'en 2000 l'Allemagne “demeurera bien, pour la sixième année consécutive, le parent pauvre de la croissance de l'**Euroland** (Le Monde, mai 2007).*

*L'enquête de la Commission, basée sur des visites surprises dans un certain nombre de banques et sur des réponses à des questionnaires envoyés à la plupart des banques de **la zone euro** a montré que des banques et des associations nationales s'étaient entendues pour maintenir les commissions à un haut niveau ou pour contrôler leur baisse (Le Monde, septembre 2006).*

Таким образом, можно сделать заключение, что использование неологизмов автором научно-популярной статьи на экономическую тематику способствует созданию выразительности и экспрессивности научно-популярного текста, повышению уровня его рекламности, атрактивности, и, соответственно, может расцениваться как один из эффективных приемов популяризации научной экономической информации. Кроме того, употребление лексем-неологизмов позволяет автору-популяризатору представить свою личностную оценку происходящих в сфере экономики событий.

Использованная литература

1. Гак В. Г. О современной французской неологии [Текст] // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – С. 6-9.
2. Гак В. Г. Новые слова и новые словари [Текст] // Новые слова и словари новых слов. Том 2. – Л.: Наука, 1983. – С. 15-29.
3. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
4. Castets C. Do you speak Sarko? [Текст] // *Nouvel Economiste*. – 2007. – 6 décembre.

БИЛИНГВИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ БРЕТАНИ

В современном мире существование, или, вернее, сохранение и выживание региональных языков становится возможным благодаря билингвизму. Владение родным (миноритарным, региональным) языком наряду с языком титульной нации позволяет с одной стороны, адаптироваться в обществе, где родной язык не востребован, и с другой — сохранить его.

Необходимость знать язык титульной нации не вызывает сомнений и не нуждается в обосновании, тогда как нужность родного языка и целесообразность его изучения осознаётся далеко не всеми его носителями. К тому же зачастую носители миноритарного языка негативно настроены по отношению к собственному языку и культуре.

Ситуация во Франции, языковая политика которой долгое время была направлена на уничтожение региональных языков, не способствует сохранению и развитию миноритарных языков, как это видно на примере бретонского.

Автором проанализированы данные, полученные в ходе полевых исследований в Бретани (начиная с 1992г). Исследование проблемы билингвизма не ограничивалось опросом носителей бретонского языка; были опрошены также носители других региональных языков на территории Западной Европы (валлийцы, ирландцы) и территории бывшего СССР (ассирийцы, татары, евреи и др.). В результате были замечены некоторые закономерности, общие для всех миноритарных языков, и не зависящие от таких факторов как ареал распространения, культурная или религиозная принадлежность носителей языка, компактное или дисперсное проживание, носителей и т. д. Даже такой, казалось бы, важный фактор, как языковая политика государства, по нашему мнению не играет решающей роли в жизни малого языка, хотя, разумеется, влияние этого фактора на состояние миноритарного языка велико.

Бретонский язык относится к кельтской группе индоевропейской языковой семьи. Сформировался в 5-7 века н. э при переселении части Бриттов в Арморик (ныне - полуостров Бретань на Северо-Западе Франции) Письменность на основе латинского алфавита. Распространен в Западной части полуострова Бретань. С середины 16 ве-

ка бретонцы не имеют собственного государства; язык их лишен официального статуса.

Определить точное число носителей затруднительно; согласно исследования журналиста и социолога Ф. Брудика, опубликованным на сайте (www.langue-bretonne.com) к концу XX века их количество не превышало 250 000. До XII века бретонский был языком повседневного общения в деревнях и городах, а также языком богатой литературы и официальных документов. Бретонская средневековая литература оказало большое влияние на становление западноевропейской литературной традиции. Первая печатная книга появилась в Бретани в 1499г. Однако начиная с XII все нарастающее политическое влияние Франции привело к постепенному офранцузиванию бретонской знати. По-видимому, именно с этого времени начинает зарождаться идея превосходства французского языка над бретонским. Присоединение Бретани к Франции лишь усилило эту тенденцию, однако начиная с этого момента фактор языковой политики стал играть всё большую роль, так как Бретань вступила под юрисдикцию Франции. Согласно Ордонансу Виллер-Котре (1539)г только французский язык мог использоваться в области юриспруденции. Этот документ, направленный не столько против региональных языков, сколько против использования латыни и замены ее французским, тем не менее, был одним из первых ударов, нанесенных бретонскому языку.

Более серьезными были последствия Великой Французской Революции, после которой централизация французского государства усилилась. Поскольку Бретань оказывала сопротивление революционерам и республиканским порядкам, бретонский язык был объявлен проводником контрреволюционных идей и подлежал уничтожению.

Особого рассмотрения требует влияние системы всеобщего среднего образования во Франции, направленного с одной стороны на повышение уровня грамотности, с другой — на вытеснение региональных языков из сферы образования. В Бретани широкое распространение получила система запретов и наказаний [An Du. Cl., 2000]. Вплоть до 1970-х бретонские школьники подвергались суровым наказаниям в случае если они говорили между собой по-бретонски на территории школы: провинившемуся вешали на шею позорный знак (обломок старой доски и ли деревянный башмак), от которого он мог избавиться лишь в случае если застанет кого-то из товарищей «на месте преступления». Тот же, кто к концу учебного дня оказывался с позорным знаком на шее, должен был остаться после уроков. Многие пожилые ин-

форманты в 1993-1994м вспоминали, как учителя младших классов их били металлической линейкой по рукам за то, что они произвольно произносили несколько слов по-бретонски.

Однако вплоть до начала XX века в Бретани существовали церковно-приходские школы, где обучение велось на бретонском языке; большинство детей из бретоноязычных районов проходили катехизацию на родном языке. Проповеди в церквях велись ан бретонском языке. В результате бретонский язык по-прежнему продолжал ассоциироваться с «отсталостью» и «религиозными предрассудками». В 1903г употребление бретонского в церквях было запрещено. Этот запрет далеко не всегда соблюдался, но тем не менее он в немалой мере способствовал падению престижа бретонского языка, лишив его одной из функций – языка религии. Следующим ударом не только по бретонскому языку, но и по экономике региона и традиционному укладу жизни стали Первая и Вторая Мировые войны. Во время Второй мировой войны некоторые региональные политические деятели попытались использовать оккупацию для возрождения культуры и родного языка. По этой причине после окончания войны к упрекам в адрес бретоноговорящих добавилось еще и весьма серьезное обвинение в пособничестве фашистам.

Некоторые изменения наступили поле Второй Мировой войны, когда согласно закону Дексона, принятому в 1951г, было разрешено использовать региональные языки в процессе обучения в школах, а также в высших ученых заведениях. Однако меры, предпринятые для возрождения бретонского языка, не могли помешать стремительному сокращению числа носителей. По мнению многих информантов, сокрушительный удар по использованию бретонского языка в быту нанесло телевидение. Долгое время телевещание велось исключительно на французском языке; до сих пор не существует ни одного бретоноязычного канала, хотя существуют телепередачи и новости на бретосном языке, например, на канале FR3, но количество их невелико, причем постоянно ведется борьба против попыток сократить время, отпущенное на телевещание на бретонском.

В 1999 Франция отказалась подписать Европейскую Хартию региональных и миноритарных языков, так как по мнению Конституционного совета, хартия оказалась несовместима с французской Конституцией. Таким образом, государство отказалось поддерживать региональные языки.

В настоящее время бретонский язык преподается как в бретоноязычных школах Diwan так и в двуязычных школах, колледжах и лицеях, а также является одним из языков по выбору в обычных школах, где преподается по программе иностранного. Усилия энтузиастов дают весьма скромных эффект (по причинам, перечисленным ниже), однако способствуют выживанию языка в столь непростых условиях.

Жесткая языковая политика Франции, несомненно, в немалой степени повлияла на негативное восприятие родного языка его носителями, многие из которых при опросе старались скрыть или как минимум не афишировать факт владения родным языком. Однако многие бретонцы осознают необходимость знать родной язык, хотя рационально объяснить эту необходимость и обосновать её порой бывает затруднительно (о психологическом аспекте этой проблемы см.[Миноритарные языки Евразии, 2009: 239-263])

Использованная литература

1. An Du. Cl., Histoire d'un interdit. Le breton a l'école, Lesneven, Hor yezh, 2000.
2. Broudic, Fanch. Qui parle Breton aujourd'hui? Brest.
3. Миноритарные языки Евразии, проблемы языковых контрастов, М., Тезаурус.
4. Уфимцева Н. В. Методологические проблемы онтогенеза языкового сознания // Общение, языковое сознание, межкультурная коммуникация. Калуга, Ияз РАН, 2005, с 217-226

Л.А. Мурадова
(Москва)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ОБЛАЧЕНИЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале подгруппы «головные уборы»)

В своих многочисленных трудах В.Г.Гак неоднократно подчеркивал сложность и вместе с тем необходимость анализа лексического уровня языка, указывая на системный характер отношений между словами. «Каким бы пестрым ни казался словарный состав языка, слова в

нем живут не изолированно, а вступают в определенные отношения между собой, уточняющие их функции и значение». [Гак, 2004: 8]

Слова могут объединяться друг с другом на основании общности грамматических значений, морфемного состава, а также на основании «каких-то ассоциаций в сфере лексического значения» [там же, 140] Между словами обнаруживаются два типа семантических ассоциаций – по сходству и по смежности. В первом слова составляют лексико-семантические группы, во втором – тематические.

Цель данной статьи – опираясь на высказанные В.Г.Гаком положения, представить анализ существительных, обозначающих части облачения священнослужителей во французском языке. Таким образом, объектом исследования в данном случае будут выступать единицы конкретной лексики, или лексики с предметным значением. Денотатами подобных лексических единиц являются «образные представления о реально существующих материальных объектах» [Кобозева, 2000: 83]. У этих слов денотативное значение «преобладает» над сигнификативным, поэтому описание их значения «естественно выливается в изучение тех объектов, которые они называют» [там же] что, по нашему мнению, не должно рассматриваться как недостаток при исследованиях подобного рода.

Облачение священников – один из важнейших элементов оформления богослужения. Различают *церковное* облачение, предназначенное для повседневного ношения, и *литургическое*, которое надевают только во время литургии.

За всю многовековую историю христианства облачение священнослужителей неоднократно претерпевало изменения. Принятое сегодня литургическое облачение возникло как следствие сохранения моды поздней античности. Первоначально служители одевались в нарядную мирскую одежду, и только в период коренных изменений в манере одеваться, когда распространилась германская одежда, и появились штаны, они, на время богослужения, сохранили древнеримские облачения. «Так мирская одежда стала литургическим одеянием, к которому прикрепляли знаки отличия для указания на ступень рукоположения». [Жудинова, 2006: 116-117] До Второго Ватиканского Собора (1962-1965 гг.) католическое облачение отличалось большей пышностью, чем в настоящее время. Следует также отметить, что облачение рядовых священников, епископов, кардиналов и папы имеет существенные различия.

Рассмотрим лексические единицы, относящиеся к подгруппе головных уборов священнослужителей. Можно утверждать, что анализируемые существительные составляют лексико-семантическую (под)группу, т.к. они объединены родо-видовыми (гиперогипонимическими) отношениями. В качестве гиперонима выступает словосочетание *coiffure ecclésiastique*³ ‘головной убор священнослужителя’, а собственно названия этих головных уборов являются согипонимами. В свою очередь, гипероним *coiffure ecclésiastique* выступает как гипоним в ЛСГ *coiffure*, имея в качестве согипонимов словосочетания *coiffures de tissu*, *coiffures orientales*, *coiffures militaires*, *coiffures de magistrat*. На низшей ступени иерархии находятся самые частотные названия головных уборов, которым, в силу их употребительности, не нужна уточняющая промежуточная характеристика (*béret*, *bonnet*, *calotte*, *chapeau*, *coiffe*, *toque*), а также согипонимы для указанных выше промежуточных обобщенных названий:

(1 уровень)

coiffure

(2 уровень)

	<i>coiffures</i>	<i>coiffures</i>	<i>coiffures</i>
<i>coiffures</i>	<i>coiffures de</i>		
	<i>de tissu</i>	<i>orientales</i>	<i>militaires</i>
<i>ecclésiastiques</i>	<i>magistrat</i>		

(3 уровень)

<i>béret</i>	<i>fichu</i>	<i>chéchia</i>	<i>calot</i>	aumusse
	<i>mortier</i>			
<i>bonnet</i>	<i>foulard</i>	<i>fez</i>	<i>casque</i>	barrette
	<i>toque</i>			
<i>calotte</i>	<i>madras</i>	<i>kippa</i>	<i>casquette</i>	calotte
<i>chapeau</i>		<i>mantille</i>	<i>turban</i>	<i>képi</i>
camauro				
<i>coiffe</i>	<i>serre-tête</i>	<i>etc</i>	<i>shako</i>	galéro
<i>toque</i>	<i>etc</i>		<i>etc</i>	mitre
<i>etc</i>				tiare
				<i>etc</i>

3. Прилагательное *ecclésiastique* имеет в словаре *Le Petit Robert* следующую дефиницию: *relatif, propre à une «église, et spécialt. à l'Église catholique et à son clergé*. В данной статье прилагательное употребляется в узком значении.

В.Г Гак отмечает, что словарный состав языка «может быть представлен как система соприкасающихся, а подчас и перекрещивающихся лексико-семантических групп» [Гак. 2004: 140]. Действительно, кроме рассмотренной группы *coiffure*, в которой ЛСГ *coiffure ecclésiastique* занимает периферийное положение, эта последняя также входит в группу *vêtements sacerdotaux* наряду с обозначениями священнических одеяний и их частей (отделки, аксессуаров): *aube*, *chasuble*, *froc*, *mosette*, *rochet*, etc.

При исследовании ЛСГ в семасиологическом плане следует, прежде всего, определить объем интересующей нас группы: наряду с указанными выше существительными в нее входят также словосочетания: *chapeau romain*, *chapeau pontifical ou prélatice*.

Необходимо еще раз обратить внимание на периферийный характер некоторых из перечисленных лексических единиц. Так, существительные *catauro*, *galéro*, словосочетания *chapeau pontifical*, *chapeau romain* не фиксируются словарем *Le Petit Robert (PR)*.

Немаловажным является и тот факт, что обозначаемые указанными лексическими единицами объекты претерпели с течением времени столь существенные изменения, что дефиниции, которые дают словари, значительно отличаются в зависимости от того, придерживается ли лексикографическое издание строго синхронного описания или учитывает диахроническую динамику. Например, в определении существительного *aumusse*, по данным PR, нет указания на принадлежность обозначаемого предмета к головным уборам: *fournure que les chanoines et les chantres portaient sur le bras en allant à l'office ; cette fournure, symbole du canoncat*, в то время как Национальный центр текстовых и лексических ресурсов определяет его следующим образом: *coiffure de fournure devenue simple ornement ecclésiastique et qui est portée par les chanoines et les chantres sur le bras gauche lorsqu'ils vont à l'office (l'aumusse est un signe de la dignité ecclésiastique)* [CNRTL], т.е. первоначально это капюшон со свисающими на плечи концами, а затем – меховая накидка, которую носят на левой руке каноники.

Следующим шагом при анализе лексических единиц подгруппы *coiffures ecclésiastiques* является выявление дифференциальных семантических компонентов, самыми значимыми из которых являются: сан священнослужителя, имеющего право носить данный головной убор, форма, функциональные особенности.

Несмотря на кажущуюся простоту состава анализируемой ЛСГ, включающей небольшое число согипонимов, выделение дифференциальных сем в данном случае представляет существенные трудности.

Так, в результате изучения дефиниций словаря *Le Petit Robert* получается следующая комбинация семантических компонентов, формирующих значение исследуемых существительных

лексическая
единица
отсылка к
родовому
понятию
форма
особенности
использования
сан
священно-служителя
barrette
toque
carrée à trois ou quatre cornes

calotte
bonnet
ronde
couvre le sommet de la tête

mitre
coiffure
triangulaire
de cérémonie
évêque
tiare
coiffure
circulaire, entourée de trois couronnes
circonstances solennelles
pape

Как видно из приведенных дефиниций, анализируемые существительные могут объясняться либо через гипероним *coiffure*, либо через один из согипонимов данной ЛСГ. Во втором случае в определении можно выявить дополнительные семы. Например, *barrette* → **toque** - *coiffure sans bords ou à très petits bords*; *calotte* → **bonnet** - *coiffure souple, sans bord, dont la forme varie, couvrant une partie importante du crâne*. Следовательно, выделяя в значении слова *barrette* компоненты, указывающие на ее форму, мы можем добавить «отсутствие полей», а в случае со словом *calotte* – «нежесткость» формы, «отсутствие полей».

Естественно, что словарные дефиниции не могут отразить все признаки, свойственные объекту, обозначаемому соответствующей лексической единицей. Например, энциклопедическими словарями биретта описывается следующим образом: традиционный [головной убор](#) священников латинского обряда, представляющий собой четырёхугольную шапку с тремя или четырьмя гребнями наверху, увенчанными [помпоном](#) посередине. Обычно она бывает черного цвета, однако епископу положена малиновая биретта с помпоном, кардиналу – красная без помпона. Особенности формы и отдельные детали этого головного убора варьируются в зависимости от времени года или региона. Биретта носилась как вне богослужений, так и в определенные моменты литургии [Католическая энциклопедия].

Как известно, показателем «жизнеспособности» слова в языке является его деривационная способность. Основная часть единиц данной подгруппы эту способность не реализует, что является еще одним доказательством периферийного положения рассмотренных слов и словосочетаний. Тем не менее, можно привести пример семантической деривации: существительное *mitre*, при метафорическом переосмыслении (сходство по форме) развивает следующие значения 1) *тех.* насадка, надставка; колпак; оголовок дымовой трубы; 2) шляпка (*гриба*); 3) епископская шапка (*моллюск*). Фразеологизм *recevoir la mitre* означает 'быть посвященным в епископский сан'. От названия этого головного убора образовано прилагательное *mitral* конусообразный, имеющий форму митры. Данное прилагательное входит в состав медицинских терминов *vice mitral* митральный порок, *valve mitrale* митральный клапан.

Выше уже отмечалось, что в разные исторические эпохи правила ношения священнослужителями того или иного головного убора менялись. Он мог совсем выйти из употребления, соответственно, обо-

значающее его слово переходило в разряд историзмов. Иногда после периода забвения к предмету облачения обращались вновь, а вместе с предметом возвращалось и обозначающее его слово. Например, *сатауро* ‘камауро’, красные, шерстяные или бархатные, отделанные белым горностаем шапочки, становятся частью папского гардероба с XII века. После смерти [папы Иоанна XXIII](#) в [1963](#) г. этот головной убор выходит из употребления, но папа Бенедикт XVI вновь вводит его в обиход в декабре [2005](#) г. Ношение Бенедиктом камауро вызвало в средствах массовой информации сравнения понтифика с [Санта-Клаусом](#):

«Allure débonnaire et vent d’hiver, pour son audience hebdomadaire, le souverain pontife sait se protéger du froid. Il porte en effet le **«camauro»**, un bonnet en velours rouge bordé d’hermine blanche réservé et une mozette écarlate. Sorte de pèlerine courte, ouverte ou boutonnée sur le devant, comportant un petit capuchon, portée, dans le chœur, sur une soutane. Le capuchon est cousu ou amovible et maintenu par des boutons ou des agrafes. Soit l’uniforme officiel du Père Noël, la barbe blanche en moins.

Fréquemment porté par les papes de la période médiévale (définitivement fashion ce Benoît!), ce dont témoignent de nombreux tableaux de l’époque, le camauro est rarement apparu sur la tête des souverains pontifes contemporains, même si Jean XXIII l’a brièvement remis à la mode au siècle dernier» [Benoît XVI, icône fashion].

Еще одна цитата:

«Папа Римский Бенедикт XVI удивил собравшихся в Ватикане туристов и верующих, показавшись перед ними в средневековой шапочке, напоминающей ту, в которой обычно изображают Санта-Клауса.

Папа выехал на площадь Святого Петра в красной мантии. Погода была холодная и ветреная, и на голове у понтифика красовалась красная бархатная шапочка, отороченная белым мехом - почти такая же, как у западного Санта-Клауса, или «нашего» [Деда Мороза](#).

Представители [Ватикана](#) говорят, что такая шапочка, известная под названием камауро, была частью папского гардероба еще с XII века. Впрочем, последним понтификом, одевавшим камауро, был Иоанн XXIII, который умер в 1963 году» [Корреспондент. *net*].

Итак, мы можем констатировать, что, несмотря на весьма скромное число входящих в проанализированную подгруппу единиц, между ними складываются очень сложные отношения. Эта подгруппа, в свою очередь, является составной частью ЛСГ *Habits ecclésiastiques*, а эта

последняя представляет собой одну из групп лексико-семантического поля церковно-религиозной (теонимической) лексики.

Представленная иерархия базируется на внутриязыковых связях, отражая при этом членение внеязыковой действительности.

Использованная литература

1. Гак В.Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. - М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Жудинова Е.В. Религии мира. Католицизм. – М.: ООО «ТД «Издательство Мир книги», 2006.
3. Католическая энциклопедия. Т. 1. – М.: Издательство францисканцев, 2002.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – Эдиториал УРСС, 2000.

Интернет ресурсы

1. Корреспондент.*net*. <http://korrespondent.net/strange/140047>
2. Centre Nationale de Ressources Textuelles et Lexicales <http://www.cnrtl.fr/definition>.
3. Benoît XVI, icône fasnion. http://www.gala.fr/lifestyle_de_star/les_stars_et_la_mode.

С.Б. Мыльникова
(Ростов–на Дону)

ПРОБЛЕМА ПРИЕМОВ ГИПНОТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИТУАЦИЯХ ПОВСЕДНЕВНОГО ОБЩЕНИЯ

В данной статье мы рассмотрим проблему приемов гипнотического воздействия в повседневном общении по следующему плану: речевое воздействие, основы Эриксоновского гипноза, основные речевые стратегии гипнотического воздействия и их использование в ситуациях повседневного общения.

«Любое воздействие представляет собой систему действий, имеющих целью повлиять на кого–либо. Речевое воздействие – это

обязательная часть коммуникативной функции и она выступает обязательной составляющей речевого общения» [Матвеева, 2009: 10].

Именно в воздействии фокусируются все основные понятия и цели коммуникативного акта: поиски смысла, передача и выявление интенций, способов выражения, особенности человеческого понимания и восприятия. Целевые установки речи связаны с потребностями человека в коммуникативном воздействии на других людей: желанием убедить в чем-либо, заставить совершить определенный поступок, вызвать ту или иную эмоцию и т.д. Каждая из целевых установок имеет свои лингвистические и экстралингвистические средства выражения. Это могут быть структура построения текста, выбор лексики, мимики, жесты (ссылка по Гойхман, Надеина) [Басенко, 2010: 51].

Результатом воздействия может быть перестройка индивидуального сознания; изменение поведения; изменение эмоционального состояния; изменения знаний о мире; изменение отношения к событиям, реалиям мира [Матвеева, 2009: 12].

Рассмотрим использование приемов гипнотического общения в практике Эриксоновского гипноза.

Милтон Эриксон (1901– 1980) – [американский](#) психиатр, специализировавшийся на медицинском [гипнозе](#). Милтон Г. Эриксон получил мировое признание как крупнейший [психотерапевт](#)-практик. Его подход к изменённым состояниям сознания лёг в основу целого направления, известного как [эриксоновский гипноз](#) и психотерапия, дающая быстрый стратегический результат [Милтон, интернет].

В подходе Эриксона центральное место принадлежит естественному использованию процессов транса. «Транс естественен. Ощущения транса не представляют собой чего-то чуждого нормальному способу функционирования человека. Они ни в коей мере не являются необычными или искусственными. Они напоминают переживания, знакомые каждому из нас, – такие, как чтение увлекательного романа, влюбленность или грезы наяву. Единственное отличие транса нередко состоит в том, что чувственное участие здесь нередко более интенсивно и продолжительно, поскольку имеет целью достижение определенных целей» [Гиллиген, интернет].

Главная терапевтическая ценность транса состоит в том, что он может избавить человека от жестких ограничений и тем самым сделать возможным переструктурирование и реорганизацию системы самощущения. Сознательная, целенаправленная деятельность, как правило, связана с установлением тех или иных психических конфигура-

ций, или структур, что сужает поле внимания или сосредоточивает его лишь на связанных с этими ограничениями сигналах [Гиллиген, интернет].

Транс возникает во многих ситуациях. «Даже основываясь на этом кратком описании транса, мы можем обнаружить, что он возникает во многих ситуациях. Нередко он развивается в культурных ритуалах перехода, например, мои ощущения в ходе недавнего бракосочетания были по своему характеру, безусловно, подобны трансу. То же самое можно услышать от спортсменов и артистов, которые рассказывают, что испытывают раскованность и "отдаются течению". Это же могут чувствовать люди, глубоко поглощенные звуками музыки или ритмом танца. Это можно наблюдать у человека, углубившегося в книгу, или у ребенка, увлеченного телешоу, которые не слышат, когда к ним обращаются. Это происходит с замечтавшимся студентом, с клиентом, находящимся в глубокой депрессии, со стариком, ушедшим в воспоминания. Короче говоря, транс возникает во многих контекстах» [Гиллиген, интернет].

Транс можно вызывать различными способами. В числе средств наведения транса – ритмичные и повторяющиеся движения (танец, бег, укачивание, дыхательные упражнения и т.д.), монотонное пение (медитация, молитва, групповые ритуалы, скандирование лозунгов на митингах и спортивных соревнованиях, повторяющийся внутренний монолог при депрессии и т.д.), сосредоточение внимания (на мантрах, на голосе гипнотизера, на том или ином образе, идее, телевизионной передаче и т.д.) и уравнивание мышечного тонуса (с помощью расслабления, массажа, препаратов типа алкоголя и валиума, ритмичных движений и т.д.) [Гиллиген, интернет].

«Все эти взаимосвязанные способы имеют тенденцию снижать роль дискретных, аритмичных движений рассудочной, сознательной природы, создавая тем самым более целостный тип переживания. В результате изменения мышечного тонуса ослабевает пролегающее по поверхности тела различие собственного "я" и внешнего мира, и человек получает возможность синхронизироваться с взаимодополняющими биологическими ритмами и подстраиваться к целостным психологическим процессам» [Гиллиген, интернет].

Эриксоновский гипноз состоит из следующей последовательности шагов [Эриксон, интернет]:

- присоединение;
- ведение;

- наведение транса;
- внушение;
- вывод из транса.

Присоединение предполагает ваше активное участие в создании раппорта с человеком, с которым вы взаимодействуете [Психологический, интернет].

Под раппортом понимается доверительное взаимодействие, взаимопонимание и создание общего мира между двумя или более людьми. В основе раппорта лежат два сочетающихся процесса: первый этап – присоединение, второй этап – ведение [Психологический, интернет].

Ваша активная роль направлена на то, чтобы ускорить наступление взаимодействия. Иногда вместо слова «присоединение» используют слово «отзеркаливание». Однако присоединение ни в коем случае нельзя рассматривать как формальное повторение другого человека. Это поведение, за которым стоит положительное намерение установить хороший терапевтический контакт, с помощью которого можно двигаться к цели, определяемой вами и пациентом. В жизни мы присоединяемся постоянно (мы киваем головой в тон говорящему, мы раскрываемся навстречу человеку, который идет к нам, широко раскинув руки...) [Психологический, интернет].

Как правило, раппорт свойственен близким и хорошо понимающим друг друга людям. Уровни раппорта могут быть разными, и всё зависит от глубины взаимодействия и от длительности пребывания в раппорте. Под раппортом понимают особую атмосферу доверия, готовности к отзывчивости, взаимопонимания и помощи. Для хорошего раппорта характерно даже получение аналогичных чувств. Люди, находящиеся в раппорте, используют некий непонятный механизм внутреннего взаимодействия: даже на расстоянии они продолжают ощущать друг друга, вплоть до ощущения эмоций, переживаний [Психологический, интернет].

В наведении транса используются различные методики. В основе этих методов лежат лингвистические средства, которые гипнотизер использует для наведения транса.

Выделяют 6 основных речевых стратегий [О'Коннор Д., Сеймор Д Бэндлер Р, Гриндер Д., Горин С.А., интернет]:

1.Труизмы. Труизм – общеизвестные истины, утверждения.

Пример:

– Все люди могут погружаться в транс.

– Ученые заметили, что это естественное состояние человека.

2.Анаводящие вопросы. (А о чем...? А что...? А где...?)

Пример:

– Интересно (любопытно) вы уже заметили, что входите в транс?

– Можете ли вы заметить, услышать, почувствовать...?

3.Использование противопоставлений. (Чем..., тем...)

Пример:

– Чем дольше вы слышите мой голос, тем глубже вы входите в транс.

– Вы смотрите на меня, а (и) ваше дыхание становится все более спокойным.

4.Ложный выбор или выбор без выбора.

Пример:

– Вы хотите погрузиться в состояние транса быстро или постепенно?

5.Все выборы.

Пример:

– Вы хотите войти в транс сейчас или через некоторое время или вообще не входить.

6.Предположение.

Пример:

– Прежде чем вы войдете в транс вы слегка расслабитесь.

– В то время когда вы продолжаете неподвижно сидеть, ваше дыхание меняется.

Данные стратегии речевого воздействия широко используются и в повседневном общении, усиливая эффект речевого воздействия на коммуникантов:

1.Труизмы.

Пример:

– Всем известно, что учиться полезно.

– Все знают, что качество, важнее количества.

2.Наводящие вопросы.

Пример:

– Интересно, вы уже заметили, как улучшается качество жизни в вашем микрорайоне?

3.Использование противопоставлений.

Пример:

– Чем больше ты сидишь дома, тем больше отупеваешь.

– Если ты сейчас уйдешь, то больше не вернешься.

4. Ложный выбор или выбор без выбора.

Пример:

– Ты будешь суп на обед или за ужином?

– Ты уберешь игрушки сейчас или после того как помотришь мультик?

5. Все выборы.

Пример:

– Ты починишь кофемолку сегодня, завтра или вообще никогда?

6. Предположение.

Пример:

– Прежде чем вы уйдете отсюда, вы поймете, что я прав.

– В то время когда вы продолжаете работать над проектом, вы все лучше понимаете суть изучаемых проблем.

Таким образом, как показывает литературный обзор, речевое воздействие – это обязательная часть коммуникативной функции и она выступает обязательной составляющей речевого общения. Состояние транса является естественным для человека, является неотъемлемой частью раппорта и способствует усилению воздействия на коммуникантов в процессе общения. Речевые стратегии гипнотического воздействия лежат в основе этого процесса. Значительный интерес представляет лингвистическая сторона гипнотических приемов общения, используемых в повседневном общении, что является предметом нашего исследования.

Использованная литература

1. Басенко Г.В. Понятие речевого воздействия в комплексе смежных наук // Начала скрытой прагмалингвистики: хрестоматия для студентов немецкого отделения / под ред. Г.Г. Матвеевой, Е.И. Петровой. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. – 2010.

2. Бубличенко М. М. Гипнотические приемы в общении. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. [Электронный ресурс: <http://nlpr.ru/node/361> Дата обращения 04.07.10]

3. Бэндлер Р, Гриндер Д. Паттерны гипнотических техник Милтона Эриксона / Издательство “Флинта”, Сыктывкар, 2000. [Электронный ресурс: <http://nlpr.ru/node/287> Дата обращения 16.07.10]

4. Гиллиген С. Терапевтические трансы: Руководство по эриксоновской гипнотерапии / Пер. с англ. А.Д. Иорданского. - М.: Незави-

симая фирма "Класс". – 2005. [Электронный ресурс:
<http://nlpr.ru/node/363> Дата обращения 02.07.10]

5. Горин С.А. вы пробовали гипноз?: практическое руководство по применению гипнотических психотехник в бизнесе и медицине, рекламе и пропаганде, торговле и повседневной жизни. – Санкт-Петербург: Лань, 1995. [Электронный ресурс:

<http://nlpr.ru/node/285> Дата обращения 06.07.10]

6. Матвеева Г.Г., Петрова Е.И. Введение в скрытую прагмалингвистику: спецкурс для студентов немецкого отделения / Сост. Г.Г. Матвеева, Е.И. Петрова. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009.

7. Милтон Эриксон [Электронный ресурс:
http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%80%D0%B8%D0%BA%D1%81%D0%BE%D0%BD_%D0%9C Дата обращения 17.07.10]

8. Психологический словарь [Электронный ресурс:
<http://centercep.ru/spravochnik-psikhologii/212-rapport.html> Дата обращения 20.07.10]

9. Эриксон. Искусство гипноза [Электронный ресурс:
http://www.it-med.ru/library/ie/e_hypnosis.htm Дата обращения 17.07.10]

К.А. Насилевич
(Ростов-на-Дону)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВ- ЛЕННОСТЬ СТРУКТУРЫ КОНТЕКСТНО-СВЯЗАННЫХ РЕК- ВЕСТИВНЫХ РЕПЛИК В АНГЛИЙСКОМ ДИАЛОГЕ

Для современных лингвопрагматических исследований характерно изучение речевых актов в синтагматическом аспекте. Было, в частности, установлено, что в контекстно-связанном речевом акте структурная схема манифестирующего его предложения реализуется иначе, чем это происходит в условиях синтаксической изоляции. В данном случае имеет место так называемое «синтаксическое согласование» [Рыбкина, 2004: 14], которое характеризуется заменой ряда коммуникативно неактуальных компонентов анафорическими субститутами или неполной реализацией структурной схемы. Представляется, что некоторые из правил сокращения синтаксической структуры высказывания обладают универсальным характером, другие – тесно связаны с закономерностями грамматического строя конкретного языка. К пер-

вым можно, по-видимому, отнести тенденцию замещать анафорическими элементами или эллиптировать компоненты, передающие выводимую информацию. «В любом информационном блоке, - пишет в этой связи М. Халлидей, - восстанавливаемая информация обычно представлена анафорой – ссылкой, замещением или эллипсисом» [Halliday, 1967: 206].

В данной статье делается попытка доказать закономерный характер использования различных анафорических средств и соответственно структурную обусловленность степени структурной неполноты контекстно-связанных диалогических реплик на материале последовательностей реквестивных речевых актов с повторяющимся сказуемым. Выбор таких последовательностей оправдывается тем, что в английском языке благодаря существованию большого числа аналитических форм глагола расчленено выражающих грамматическую и лексическую информацию, создается возможность при повторном введении предупомянутого сказуемого, обойтись без повторения знаменательного глагола.

Для целей нашего анализа существенно выделить такие сегменты диалогического текста, в которых наблюдается повтор сказуемого, и определить их особенности. Нижней границей сегмента будем считать сложное высказывание, содержащее несколько элементарных речевых актов, связанных сочинительной или подчинительной связью, поскольку оно включает более одного предикативного ряда и семантически эквивалентно последовательности простых высказываний. Верхнюю границу в нашем случае определить труднее, так как действие законов сокращения распространяется лишь на короткую дистанцию и может охватывать не весь тематически связанный сегмент. В этом легко убедиться на примере (1), где адресант, ощущая значительную удаленность репрезентанта от антецедента, повторяет знаменательную часть сказуемого: (1) *«I told them I'd look them up in Rome sometime, if I ever got there, but I doubt if I ever will. **Could you look them up, I mean?**»* [Helprin, 2003: 157]. В диалогическом тексте границей сегмента будем считать не смену говорящего, а смену темы, поскольку именно единство темы является предпосылкой вторичного упоминания сказуемого.

Для решения поставленной нами задачи выяснения фактов, определяющих способ выражения повторяющегося сказуемого, существенно выделить в сегменте те его части, которые содержат лексически идентичный компонент, оформленный как сказуемое, хотя бы в одной из частей. Поэтому мы будем рассматривать как равноправные раз-

личные синтаксические структуры, содержащие эти компоненты. Исследование показывает, что семантическое согласование, состоящее в анафорической субституции или эллипсисе сказуемого, происходит в результате взаимодействия только тех элементарных предикативных единиц, которые содержат лексически идентичные предикативные компоненты. Поскольку именно его структура подвергается изменению, будем называть его зависимым, а конструкцию, содержащую первое упоминание сказуемого, - опорной.

Значение предварительно упомянутых компонентов может выражаться посредством различных анафорических средств. Что касается сказуемого в английском языке, то информация этого члена предложения может передаваться тремя различными способами – замещением, репрезентацией и эллипсисом. Каждый из данных способов обладает своей спецификой, однако на более высоком уровне обобщения их объединяет одно общее свойство – анафоричность. Это свойство наиболее очевидно у глагола-заместителя *do*, который ведет себя по отношению к предварительно упомянутому глаголу аналогично местоимению по отношению к предварительно упомянутому существительному, то есть вводит в новое сообщение лексико-грамматическую информацию замещаемого компонента путем отсылки к антецеденту в опорном предложении. Что касается эллипсиса или репрезентации, которая является частным случаем эллипсиса, то их принято рассматривать как особый тип замещения. «Эллиптические конструкции, - отмечает Е.В. Падучева, - отличаются от конструкций с местоимениями только тем, что слово-заместитель оказывается в них нулевым» [Падучева, 1974: 59]. Специфика каждого из анафорических средств состоит в их взаимоотношениях с антецедентом. Нулевой заместитель охватывает либо всю группу сказуемого (2), либо только одно сказуемое (3): (2) «*I won't speak to him. Will you speak to me?*» [Brown, 2002: 124]; (3) «*Could you kindly lead me to her and her to me?*» [Koontz, 2001: 77].

Репрезентация характеризуется как «эллипсис с сохранением представителя» [Реунова, 2000: 37]. Она наблюдается в зависимом предложении, когда сказуемое выражено сложной глагольной составляющей, благодаря чему его грамматическая и лексическая информация представлены расчленено-вспомогательным или связочным глаголом и знаменательной частью. Идентичная знаменательная часть эллиптируется, а идентичная вспомогательная часть представляет на уровне предложения всю глагольную составляющую. В зависимости

от характера новой, нетождественной информации глаголы-репрезентанты подразделяются на видо-временные (4), связочные (5) и модальные (6): (4) «*I'll cry all the time. Will you stop crying?*» [Koontz, 2002: 231]; (5) «*He is here. Why are you looking at him like an unsuccessful doctor?*» [Clancy, 2004: 69]; (6) «*You must do something. Could you say if I must go?*» [Silverberg, 1997: 95].

Замещение в отличие от эллипсиса во всех его разновидностях характеризуется тем, что у глагола-заместителя анафорическая отсылка входит в состав значения. Существенными являются и синтаксические различия: глагол-заместитель, занимая позицию всей глагольной составляющей, создает полную синтаксическую структуру; репрезентанты оставляют позицию знаменательного элемента глагольной составляющей эксплицитно не выраженной и тем самым создают неполносоставную структуру.

В условиях употребления заместителей и репрезентантов наблюдается значительное сходство, реализующееся в характере отношений с антецедентом, сочетаемости, противопоставленности повторению. Однако сфера употребления заместителя *do* гораздо уже, чем у репрезентантов. Она ограничена временными формами Present и Past Indefinite, в то время как временные и модальные репрезентанты обслуживают все остальные видо-временные формы и передают широкую гамму модальных значений. Отношения между заместителем *do* и репрезентантами, следовательно, системны и могут быть охарактеризованы как отношения дополнительной дистрибуции.

Поскольку анафорическая субституция в рамках контекстно-связанных реквестивных реплик затрагивает коммуникативно неактуальные компоненты, причины выбора самих анафорических средств следует искать в самом факте низкой степени коммуникативного динамизма заменяемого компонента. Однако само понятие степени коммуникативного динамизма сказуемого нуждается в уточнении. Дело в том, что хотя во всех сегментах обсуждаемого типа лексическая часть информации сказуемого зависимой реквестивной реплики одинаково выводима, сказуемые зависимого и опорного предложений различаются степенью совпадения грамматической информации, передаваемой так называемыми темпорально-модальными указателями. При совпадении грамматических параметров степень коммуникативного динамизма оказывается ниже, чем при несовпадении этих параметров. Исследование показывает, что именно этот фактор предопределяет выбор анафорических средств выражения сказуемого в зависимой рекве-

стивной реплике. В общем виде описываемые правила можно сформулировать следующим образом:

1. сказуемое зависимой реквестивной реплики, характеризующееся теми же грамматическими параметрами, что и антецедент, и имеющее благодаря этому низкую степень коммуникативного динамизма, подвергается эллипсису;

2. сказуемое, выражающее несовпадающую грамматическую информацию и обладающее более высокой степенью коммуникативного динамизма, репрезентируется или замещается.

Рассмотрим действие этих правил на конкретном материале.

Правило 1. Ср.: (7) «*Won't you pass here and there, here and there for a while?*» [Davies, 2002: 53]; (8) «*Will you say it to them or they to you after the first ten minutes?*» [Hillerman, 2003: 87]; (9) «*I saw Lora yesterday. It isn't a dream. Say!*» [Clancy, 2004: 21].

В примерах (7)-(9) представлены сказуемые различных типов: простое глагольное (7), усложненное (8), составное именное (9). Различаются они и по форме, связанной с коммуникативной установкой реплики (вопрос-побуждение – повествование-побуждение). Однако во всех примерах сказуемое зависимой реквестивной реплики не несет грамматической информации, отличающейся от антецедента, сигналом чего является полный эллипсис сказуемого.

Реализация Правила 2 происходит в противоположных условиях, когда известные объекты наделяются новыми свойствами в новые отношения. Ср.: (10) «*Will you invite them to the party? You never do*» [Clancy, 1994: 47]; (11) «*I am a man. Could I say you never was?*» [Silverberg, 1997: 101]; (12) «*Could you get up as quickly as you could?*» [Hornby, 2004: 59].

На первый взгляд, наши примеры не удовлетворяют требованию наделять известные объекты новыми свойствами: сказуемые во всех репликах идентичны. Однако идентична у них не только лексическая информация. Грамматическая информация у сказуемого каждой зависимой реквестивной реплики относится к плану нового. Новое должно анализироваться здесь как контрастирующее, противопоставленное какой-то альтернативе. В (10) и (11) анафорические заместители контрастируют со знаменательными глаголами по категории времени, в (12) – по модальной окрашенности действия. Как видно из сравнения (10) и (11), репрезентанты и заместитель *do* в одинаковой мере используются как темпоральные указатели, обеспечивая в сумме выражение всех необходимых видо-временных категорий глагола.

Что касается новой информации модального характера, то для ее выражения используется обширный класс глаголов, передающих различные оттенки отношений субъекта к действию, обозначенному смысловым глаголом. Ср.: (13) «*I'm clearing out as soon as I should. Couldn't you go?*» [Clancy, 1994: 73]; (14) «*Could you surrender a great deal more than you mean to?*» [Silverberg, 1997: 214]; (15) «*She needs to be taken for a walk. Would you like to do it?*» [Hornby, 2004: 185].

Г.Г. Почепцов, объединивший эти глаголы в один класс глаголов-усложнителей сказуемого, разбивает их на восемь групп на основе общих содержательных признаков. Выделяются собственно модальные глаголы, глаголы, выражающие кажимость действия (*seem*), осуществимость (*try, attempt*), отношение субъекта к действию (*want, mean, love*) и т.д. Все эти глаголы, по мнению Г.Г. Почепцова, «отличаются признаком неполноты предикации» [Почепцов, 1971: 134]. Вместе с полнозначным глаголом они образуют одну минимальную синтаксическую единицу – сказуемое. Эта точка зрения, хотя она не является общепризнанной в той ее части, которая касается глаголов всех перечисленных групп, кроме первой (собственно – модальные глаголы), предстает тем не менее вполне обоснованной, так как «разница между *can* в *can write* и *want* в *want to write*, - как справедливо отмечает Г.Г. Почепцов, - лежит в смысловой сфере и заключается в принадлежности соответствующих значений к различным понятийным сферам. В плане же синтаксическом роль этих глаголов одинакова [Почепцов, 1971: 138-139]. Одинаковой она оказывается и при включении в диалогический текст предложений, содержащих глагол типа *want* и предварительно упомянутый полнозначный глагол. Глаголы обсуждаемого типа подобно модальным глаголам выступают в зависимой диалогической реплике как анафорические компоненты, передающие новую, невыводимую информацию. Эти особенности употребления позволяют отнести описываемые глаголы к группе репрезентативов сказуемого, вопреки установившейся традиции рассматривать в качестве репрезентанта только сопровождающую их частицу *to* [Структурный синтаксис английского языка, 1985: 106]. Подобный взгляд сложился при изолированном рассмотрении предложения, когда не учитывались его отношения с другими частями текста. Выход за пределы предложения с усложнителем и сопоставление его с опорным показывает, что представителем сказуемого, выражающим невыводимую часть его информации, является именно усложнитель, а сопровождающая его частица *to* лишь сигнализирует об актуализации его гла-

гольной сочетаемости в отличие от субстантивной, обозначаемой в аналогичных анафорических конструкциях местоименным заместителем. Ср.: (16) «*Do let's get a home. Only are you sure you want **one**?*» [Hornby, 2004: 53]. Непризнание за глаголами типа *want* статуса репрезентанта и приписывание такого статуса частице *to* приводит к тому, что элементы, однородные по целому ряду существенных признаков, не рассматриваются в одной системе, и напротив, разнородные элементы – модальные глаголы и приинфинитивная частица – оказываются включенными в одну систему, что противоречит требованиям системного описания языковых явлений.

Таким образом, мы установили, что действие коммуникативных факторов, предопределяющих замену предварительно упомянутой знаменательной части сказуемого анафорическими субститутами на уровне реквестивной диалогической реплики, реализуется в виде правил, согласно которым степень эксплицитности повторяющегося сказуемого в контекстно-связанной реквестивной реплике находится в прямой зависимости от коммуникативной актуальности передаваемой информации. Этот же фактор предопределяет, хотя и опосредованно (с учетом характера анафорического субститута) и степень структурной полноты реализующегося при этом предложения.

Использованная литература

1. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. – М., 1974.
2. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. – Киев, 1971.
3. Реунова О.И. Эллипсис как лингвистическое явление. – Пятигорск, 2000.
4. Рыбкина С.В. Рамка как ведущий структурно-организационный принцип оформления синтаксических отношений в немецком языке и ее типологическая отмеченность: Автореф дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2004.
5. Структурный синтаксис английского языка. – Л., 1985.
6. Brown C. The Hellbound Heart. – L., 2002.
7. Clancy T. Patriot Games. – L., 2004.
8. Davies R. The Rebel Angels. – L., 2002.
9. Halliday M.A. K. Notes on Transitivity and Theme in English // Journal of Linguistics. – 1967. – v. 3. – P. 201-232.
10. Helprin M. A Soldier of the Greatwar. – L., 2003.

11. Hillerman T. The Blessing Way. – L., 2003.
12. Hornby N. A Long Way Down. – L., 2004.
13. Koontz D. Intensity. – L., 2001.
14. Koontz D. Sole Survivor. – L., 2002.
15. Silverberg R. The Time of Changes. – NY, 1997.

Т. В. Нешева
(Новокузнецк)

АРГУМЕНТАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Сразу оговоримся относительно термина «аргументационные технологии» в названии. Понятие технологии рассматривается нами предельно широко как комплекс организационных мер, операций и приемов, направленных на реализацию поставленных задач. Данный термин отражает непосредственную связь аргументации со стратегиями и тактиками, поскольку стратегия, тактика и технология – это три непосредственные составляющие человеческого общения [Плотникова, 2006: 87-98], при этом понятие технологии шире и включает стратегии и тактики. Таким образом, аргументационные технологии – это комплекс операций и приемов, осуществляющих процесс аргументации, воздействия говорящим на слушающего.

Проблема воздействия языка на сознание давно перестала быть прерогативой классической риторики. К ней обращаются не только специалисты по теории пропаганды, по рекламе и теории коммуникации, но и лингвисты-теоретики, осознавшие всю важность исследования речевоздействующего потенциала языковой системы [Демьянков, 1983; Баранов, 1990; Ducrot, 1995; Eemeren, Grootendorst, 1996]. В наиболее явном виде феномен воздействия проявляется в языковой аргументации – комплексе языковых средств, используемых для влияния на речевое поведение человека.

Механизмы воздействия, аргументационные технологии присутствуют в любом типе коммуникации. Для подтверждения данной гипотезы в качестве материала для исследования мы возьмем два противоположных по системообразующим признакам типа дискурса: повсе-

дневный и институциональный. Если институциональный дискурс - специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума [Карасик, 2004], то повседневный дискурс рассматривается нами как личностное общение, сводимое чаще всего к бытовому. Участники личностного дискурса выступают во всей полноте своих качеств, в отличие от участников институционального дискурса, системообразующим признаком которого является статусная, представительская функция человека.

Использование в качестве материала исследования данных типов дискурса позволит, в том числе, выделить объективные и субъективные механизмы аргументационных технологий. Безусловно, категории объективности и субъективности являются наиболее спорными в любой области знаний, в первую очередь в гуманитарной. В связи с развитием когнитивной лингвистики, появлением биологической концепции языка, категория объективности подвергается постоянной критике. Тем не менее, вслед за Б.А.Серебренниковым [Серебренников, 1988], мы рассматриваем объективность как общепринятый, универсальный параметр. Субъективность же является производной каждой говорящей личности.

Рассмотрим пример:

-Ты небось влюбилась, Варюш, - выговорил он с усилием и вдруг покраснел, как школьник. – Из-за этого и мерихлюндии всякие! А я не умею про это говорить. Чего со мной про это разговаривать, когда я ничего не понимаю! Лучшие уж с матерью (Устинова «На одном дыхании»),

представляющий классическую схему аргументации: аргумент 1 (*ты небось влюбилась*) – аргумент 2 (*а я не умею про это говорить*) – тезис (*лучше уж с матерью*), при этом второй аргумент вытекает из первого, обеспечивая его приоритет. Первый аргумент интересен с точки зрения использования специфического языкового средства – слова-аргументатора *небось*, который и формирует аргументационную силу высказывания [Нешева, 2008]. Говорящий пытается избежать неприятного для него разговора, дистанцируясь от собеседника. В то же время он неуверен в правильности принятого решения, поэтому смягчает категоричность первого аргумента с помощью аргументатора *небось*. Таким образом, даже если он не прав, он заранее предупреждает о своей возможной ошибке. Подтверждается это и местоположением слова в предложении: для говорящего оно важно, поэтому он предва-

ряет им всю фразу. В данном случае аргументация проявляется в единстве семантических, синтаксических и прагматических средств. Стратегия дистанцирования выстраивается благодаря слову-аргументатору, его семантике и местоположению в высказывании.

В институциональном дискурсе аргументационная сила высказывания может формироваться не одним словом-аргументатором, а расширенной лексической конструкцией:

На основании многолетних наблюдений и расчетов я могу совершенно точно сказать, что температура воздуха в России существенно понизится к январю (Р. Вильфанд, директор Гидрометцентра).

В институциональном дискурсе большую роль играет лаконичность изложения основной пропозиции высказывания. Если в повседневном общении говорящий может для усиления воздействующей силы повторить аргумент (*А я не умею про это говорить. Чего со мной про это разговаривать, когда я ничего не понимаю!*), нарушая максимум количества, то в официальной беседе максима количества соблюдается за счет логичного расположения частей высказывания и использования более сильного по воздействующей силе аргументатора (*совершенно точно*).

В коммуникативном пространстве французского языка аргументация в большей степени опирается на семантический аспект слов-аргументаторов как в бытовом дискурсе, так и в институциональном:

-Tu es stupide, Derec. Je t'adore, mais je ne puis accepter la pauvreté. Non, décidément, je ne saurais me contenter d'une existence médiocre. Ecoute-moi. Il faut que tu te remettes d'accord avec ta femme (Agatha Christie «Le train bleu»).

В данном случае говорящий вводит два тезиса: 1 - *Tu es stupide, Derec*; 2 - *Il faut que tu te remettes d'accord avec ta femme*, доказывая их одним аргументом, повторяя его дважды *je ne puis accepter la pauvreté; je ne saurais me contenter d'une existence, médiocre*. Логика аргументации не соблюдена, тем не менее, стратегия приказа выстроена, что достигается за счет введения слова-аргументатора *décidément*.

В институциональном дискурсе логика, как правило, соблюдена, но для усиления воздействующей силы говорящий может прибегнуть к неоднократному использованию одного слова-аргументатора:

Dix millions de fois plus lumineuse que le Soleil, sept fois plus chaude, 265 fois plus lourde, 100 à 265 fois plus grande. La présentation de R136a1, la plus grosse étoile connue de l'univers, a de quoi donner le vertige (www.lefigaro.fr/sciences-technologies).

Анализ языкового материала показывает, что технологическая сущность аргументации проявляется во взаимосвязи семантического, синтаксического и прагматического уровней высказывания. На семантическом уровне важна роль слов-аргументаторов, введение которых придает высказыванию статус аргумента. В большей степени это свойственно институциональному дискурсу, в котором ограничение в использовании языковых средств компенсируется обширной семантикой слов-аргументаторов. Синтаксис высказывания зависит от использованного слова-аргументатора и общей стратегии общения.

Использованная литература

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. – М., 1990.
2. Демьянков, В. З. Аргументирующий дискурс в общении: по материалам зарубежной лингвистики // Речевое общение: Проблемы и перспективы. – М., 1983. – С. 114-131.
3. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004.
4. Нешева, Т. В. Коммуникативно-прагматический потенциал слов-аргументаторов: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. – Иркутск, 2008.
5. Плотникова, С. Н. Стратегичность и технологичность дискурса // Вестник ИГЛУ. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. - Лингвистика дискурса – 2. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 87-98.
6. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М.: Наука, 1988.
7. Ducrot. O. Les Modificateurs Déréalisants [Text] / O. Ducrot // Journal of Pragmatics, 1995. – №5. – С. 145-165.
7. Eemeren, van F. H., Grootendorst, R Fundamentals of Argumentation Theory. A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1996.

К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ СИНОНИМИЧНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Анализ выражения смысловых отношений на уровне сложного предложения приводит к выводу о том, что наличие в языке синтаксических структур, передающих идентичные смысловые отношения между фактами и явлениями экстралингвистической реальности, обуславливает их синонимичность. Как уже отмечалось, в советской лингвистике были выработаны основные критерии синонимичности синтаксических единиц, а именно:

- 1)общность сложного сигнификата;
- 2)общность синтаксического значения;
- 3)разноструктурность.

Остановимся на анализе первого критерия. Общность сложного сигнификата лежит в основе их понятийной общности. Под сложным сигнификатом мы, вслед за Ю.Н.Власовой, понимаем группу качеств, которые находятся в определённых типизированных отношениях друг с другом, сложное структурированное понятие или группу понятий, составляющих определённое единство и являющихся результатом отражения серии однотипных взаимосвязанных событий (ситуаций). [Власова Ю.Н., 1981: 30]. Как сложносочинённые, так и сложноподчинённые предложения, являясь событийными наименованиями, обозначают определённые отношения между ситуациями реальной действительности.

В своих основных значениях синтаксические категории сочинения и подчинения отвечают определённым смысловым отношениям, которые укладываются в рамки оппозиции: смысловое равноправие-иерархия. Подобную оппозицию обобщённо в логико-психологических рамках Ж. Антуан представляет следующим образом: однородность(равновесие) – неоднородность(отсутствие равновесия); отношения гармонии в относительном единстве – отношения определяемого и определяющего в иерархической двойственности, что собственно и составляет сложноподчинённое единство.[G. Antoine, 1958: 304].

Изучая гипотаксис и паратаксис как способы связи смежных цельных предложений в современном английском языке, многие лин-

гвисты указывают на общность, существующую между ними, выражающуюся в том, что при определённых условиях эти способы связи могут переходить друг в друга и находятся в отношениях, типичных для членов бинарной оппозиции. Наличие в языке синтаксических структур, передающих идентичные смысловые отношения между фактами и явлениями экстралингвистической реальности, ставит вопрос об их синонимии.

Сложносочинённые и сложноподчинённые предложения, выражающие определённые смысловые отношения, рассматриваются как сигнификативные синонимы, объединённые именно в плане своей сигнификативной совместимости. Смысловыми отношениями, общими для сочинения и подчинения являются: **1.** временные; **2.** причинно-следственные; **3.** противительно-уступительные отношения.

Временные отношения на уровне сложного союзного предложения передаются при помощи сложноподчинённых предложений с подчинительными союзами *when, while, as, after* и сложносочинённых предложений с сочинительным союзом *and*.

Для сопоставления объёма выражения временного значения воспользуемся методом семного анализа. Мы разделяем точку зрения Е.В.Гулыга и Е.И.Шендельс, что релевантными для сложноподчинённого предложения являются синтактико-семантические отношения между главным и придаточным предложениями, эксплицитное выражение которого осуществляется прежде всего лексически насыщенными союзами. [Гулыга В.В., Шендельс Е.И., 1976: 309]. Мы считаем это положение справедливым и по отношению к сложносочинённому предложению.

Данные словарей показывают, что в структуру значения временных союзов входят следующие временные семы (мельчайшие семантические элементы).

Сема 1 - одновременность действия придаточного предложения с действием главного в составе сложноподчинённого предложения и одновременность действий частей сложносочинённого предложения. Эта сема обнаруживается в структурах значения союзов *when, while, as, and*. Необходимо отметить, что сопоставление союза *as* с союзом *while* выявило особый оттенок значения временного союза *as*, а именно, выражение одновременности главного и придаточного предложений без указания на совпадение временных границ этих действий. Союз *while* также выражает одновременность действий, но озна-

чает их полное совпадение по времени протекания, причём он подчеркивает характер действия придаточного предложения.

В сложносочинённых предложениях одновременность выражается сочинительным союзом **and**, но только в самом общем виде, уточняют характер временных отношений: **а.** соположение форм времени/ настоящее-настоящее; прошедшее-прошедшее/; **б.** вариация форм вида /общий- продолженный/.

1. *When they finished their lessons they went out for a walk.*
2. *As Andrew entered he was serving his last client.*
3. *While she was standing there, Frisco passed with a tall girl.*
4. *The evening was fast closing in and everybody stood up to go home.*

Сема 2 – предшествие действия придаточного предложения действию главного в сложноподчиненном предложении и предшествование второй части сложносочиненного предложения действию первой части.

Наличие этой семы проявляется в структурах значения союзов **when, after, as, and**. Семантическая структура сложноподчиненных предложений выявляется главным образом через: **а.** семантику подчинительных союзов, вводящих придаточные предложения в состав сложноподчиненного; **б.** соположение форм категории соотносительности/ неперфектные- перфектные формы/ в главном и придаточных предложениях. Временные и видо- временные формы являются своего рода индикаторами временной дифференциации обоих видов сложных предложений. Однако их роль при выявлении значения всего предложения возрастает в сложносочиненных предложениях в силу того, что временное значение/ предшествование/ с помощью союза **and** может быть выражено в общем виде.

1. *After arrangements are made, we will follow.*
2. *She was a woman of character; and when she had come to a decision, she adhered to it.*

Сема 3 – следование действия придаточного предложения за действиями главного в сложноподчиненном предложении и следование действия второй части сложносочиненного предложения за действием первой части. Эту сему обнаруживаем в структурах значения союзов **when, before, and**. Например:

1. Before he left the house he wrote a short note to District nurse.
2. They had spread blankets over the grass everywhere round small wood fires and now they sat gazing back at the valley.
3. There was a short stiff silence and then he turned to go out of the room.

Средствами, помогающими обнаружить семантическую структуру сложноподчиненных предложений, служат: а. семантика союзов **when, before, and** (особенно *before*); б. соположение форм категории соотнесенности /перфектные/ неперфектные/ в обеих частях сложного предложения. Следует отметить, что если автор стремится подчеркнуть разрыв во времени между первым и вторым действием в соединяемых предложениях, как правило, употребляются разные грамматические времена. Действия в соединяемых предложениях будут отражать естественный ход событий реальной действительности (объективное время). Роль видо- временных форм особенно важна в обнаружении семантической структуры сложносочиненного предложения.

Как мы видим, сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями могут выражаться временные отношения одновременности, предшествования, следствия. Однако, степень точности их передачи в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени выше, чем в сложносочиненных. Это связано с наличием в них большого числа однозначных, лексически насыщенных подчинительных союзов. Наибольшее количество сем имеет в семантической структуре сложноподчиненных предложений с придаточными времени, вводимыми союзом **when**. Эти предложения ближе всего стоят к сложносочиненным предложениям с союзом **and**, выражающим временные отношения.

Подчинительный союз **when** и сочинительный союз **and** являются многозначными союзами, а наибольшую склонность к синонимии проявляют многозначные союзы. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени могут быть преобразованы в сложносочиненные и наоборот. Основными операциями при этом являются: субституция союзов и пермутация частей предложения. Например: 1. *The coolness of his head came back, when he started to climb. - He started to climb and the coolness of his head came back.* 2. *The woman shook her head and the two others opposite looked at him. -When the woman shook her head, the two others opposite...*

Однако следует иметь в виду, что условием, препятствующим взаимной трансформации сложносочиненных предложений в сложно-

подчиненные и наоборот, является различие в объёме их грамматического значения. Сложноподчиненные предложения, в которых выражена сема 3 - следование действия придаточного, вводимого союзами *when, before* за действием главного, не могут быть трансформированы в сложносочинённые предложения, поскольку в силу своих структурных особенностей им не свойственно передавать следование действия I части предложения за действием его II части.

Анализ выражения причинно-следственных и противительнo-уступительных отношений на уровне сложного предложения будет предметом рассмотрения отдельных статей.

Использованная литература

1. G.Antoine. La coordination en francais. T.I. P., 1958.
2. Власова Ю.Н. Синонимия синтаксических конструкций в современном английском языке.- Ростов-на-Дону: Ростовск.ун-т, 1981.
3. Гулыга В.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка// Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 291- 313.

А.Е.Павленко
(Таганрог)

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ (языкотворчество шотландского поэта Хью Макдермид)

Важнейшей проблемой любого из миноритарных или региональных языков является формирование собственного литературного стандарта. Очевидно, что без этого немислимо повышение социального статуса и официальное признание подобных идиомов. Упрощенно понятие стандарта применительно к языку подразумевает то, что существует «правильный» и «неправильный» язык и, соответственно «хорошие» и «плохие» тексты. Образцы правильной письменной речи дает словесность, созданная на том или ином языке, и так называемые «малые» языки не являются исключением в этом плане.

Любопытный пример противоречивого развития демонстрирует социальная история регионального языка равнинной Шотландии. Этот язык, известный как Scots language или просто Scots, не является офи-

циальным и признается шотландским государством лишь как элемент культурного наследия. В шотландских школах письменный скотс стал вводиться лишь недавно, причем только как факультативный предмет, поэтому требуется большая внутренняя мотивация, чтобы научиться хорошо писать на нем, а также основательно познакомиться с его литературной традицией. Очевидно, что сочинительство на скотс в этих условиях является уделом энтузиастов. Как отмечают Н. Р. Маккалум и Д. Первес, многие современные шотландские авторы не готовы предпринимать усилия, необходимые для успешного использования скотс в литературном творчестве [MacCallum, Purves, 1995: xii-xiii]. Это и не удивительно, ведь основная читательская аудитория в Шотландии давно отдает предпочтение англоязычной литературе.

Несмотря на то, что литературное творчество на скотс и преподавание этого языка чрезвычайно затруднены отсутствием единой нормы, история шотландской литературы богата замечательными произведениями, созданными на этом языке. В обществе присутствует сознание того, насколько важно изучать исконный язык и обобщать языкотворческий опыт старых и новых шотландских авторов. Говоря о современных авторах, подразумевают в первую очередь поэта Хью Макдермида, ставшего классиком шотландской литературы. Это и не удивительно – именно Макдермид имеет репутацию создателя наддиалектного литературного варианта скотс, широко известного сейчас как «лаланс».

Наименование «лаланс» (от шотл. Lallans, т.е. Lowlands) закрепилось за новым литературным вариантом языка скотс, с 1940-х годов. Этот вариант, известный сначала как «синтетический» (synthetic), «возвышенный» или «высокий» (aggrandised) и «литературный» (literary) скотс был выработан намеренно, чтобы выполнять роль литературного стандарта. Сейчас статус скотс как самостоятельного языка, отличного от английского, в значительной степени зависит от успешного распространения этого варианта. Макдермид высказывался по поводу создаваемого нового стандарта в том духе, что «...без такого канона значительная часть усилий отдельных авторов растрачивается в конечном счете бесплодно» [MacDiarmid, 1995: 371].

Известно, что сам Макдермид не употреблял для обозначения языка, которым пользовался, лингвоним «лаланс», ставший столь по-

* Литературный псевдоним Кристофера Марри Грива (1892 – 1978).

пулярным среди последователей поэта. Вместо этого он прибегал к таким терминам, как Braid Scots (примерно означающий «настоящий скотс») или Synthetic Scots («синтетический скотс»). Использование последнего оказалось большой ошибкой поскольку, закрепившись за языком произведений Макдермида, определение «синтетический» способствовало восприятию его как искусственной системы. Термин «лаланс» получил распространение среди последователей и почитателей поэта и впоследствии стал восприниматься как введенный в обиход им самим для обозначения созданного им искусственного языка. Сам Макдермид отрицал это, иронически отмечая, что по единодушному мнению, ему «...удалось совершить чудо изобрести новый язык на основе диалектов, на которые в свое время распался скотс...и создать неоспоримо великую поэзию с помощью этого малореального... средства» [цит. по Purves, 1997: 83].

Тем не менее, несмотря на собственные опровержения Макдермида, это заблуждение остается весьма распространенным не только в обществе, но и среди специалистов. Так, например, редактор антологии «The Best of Scottish Poetry» (1989), Р.Белл, в своем предисловии пишет: «Я рад, что в нашем издании хорошо представлены территориальные диалекты скотс. Я не сожалею о том, что здесь так мало работ на лаланс. Я считаю расточительным отступлением шотландской поэзии тот факт, что такой великий поэт и притягательная личность как Хью Макдермид достиг вершин своего творчества в тот период этого (т.е. XX) столетия, когда распространилась мода на синтетические языки. Бернард Шоу был сторонником эсперанто, но у него хватило здравого смысла не писать на нем свои пьесы. Лаланс порождение словаря Джеймисона (шотландский лексикограф, А.П.) всегда был слишком искусственным, чтобы стать действительным средством общения с широким читателем (general reader)». Сравнение языка произведений Макдермида с эсперанто, несомненно, является преувеличением. Однако, действительно, существует трудность семантического характера, обусловленная тем, что лингвоним «лаланс» это, прежде всего, лишь одно из названий языка скотс, причем старое и известное. В некоторых контекстах он может содержать негативную коннотацию, подчеркивающую «искусственность», якобы присущую этому варианту скотс.

Первая мировая война, развитие национально-освободительных движений в колониях, революционный подъем в Великобритании 1918-1921 гг. всколыхнули те общественные слои Шотландии, кото-

рые прежде были далеки от политики. Депрессивный характер шотландского региона в британской экономической системе, рост централизации государственного аппарата, невнимание правительственных кругов к положению в культурной жизни Шотландии все это укрепляло позиции националистов в среде интеллигенции и студенчества [Зверева, 1987: 123].

После первой мировой войны в среде интеллигенции происходило переосмысление роли и предназначения Шотландии и шотландской культуры не только в общебританском, но и в мировом контексте. Именно в эти годы вокруг личности молодого журналиста и поэта Хью Макдермиды сформировался литературный кружок, который один из его участников, профессор Денис Сурат, назвал «Группой Шотландского Возрождения» (The Group of Scottish Renaissance). С этим литературным кружком связаны имена таких авторов, как Уильям Сутер, Роберт Гэриок, Алистер Мак-Ки, Роберт Маклеллан, Гудсир Смит, Александр Скотт и ряда других. В то время как некоторые члены этой группы симпатизировали левым политическим взглядам, другие склонялись к противоположной крайности, а прочие и вовсе игнорировали политический аспект возрождения. Сам Грив, являвшийся духовным лидером и «фанатиком» группы [см. McGill, 1925: 1], придерживался радикальных коммунистических и одновременно националистических взглядов (он, например, выступал за создание Шотландской рабочей республики).

Известность Х. Макдермиду принесли уже его ранние поэтические работы Penny Wheep (1926) и A Drunk Man Looks at the Thistle (1926). Такие его стихотворения, как The Bonnie Broukit Bairn, The Eemis Stane, Empty Vessel и The Innumerable Christ показали, что скотс как литературный язык может подняться над узко бытописательной и ностальгической поэзией и взяться за темы любого масштаба. До Макдермиды ни один из шотландских поэтов, включая Р. Бернса, не сумел до такой степени расширить диапазон использования скотс в своем творчестве. Как известно, сам Бернс в тех случаях, когда он в своих стихах обращался к рассуждениям на отвлеченные темы, переходил на английский язык. Примером такого переключения является его стихотворение «To a Mouse», которое автор начинает на полноценном скотс, а позднее, дойдя до философских обобщений, переходит на английский [The Penguin Book of Scottish Verse, 1976: 307]. При всем своем языковом патриотизме Бернс не считал скотс языком, подходящим для «серьезных» тем и прибегал в таких случаях к английскому.

Поэтический дар Макдермида в наибольшей степени раскрылся в ранней лирике. Так, одним из наиболее ярких произведений того периода является стихотворение «The Watergaw» («Радуга»), написанное на скотс. Однако в полной мере выразительные возможности этого языка были развиты и продемонстрированы Макдермидом в таких философско-политических произведениях, как упомянутая выше поэма «The Drunk Man Looks at the Thistle», а также поэма «The Second Hymn to Lenin». В ситуации, когда английский язык уже давно захватил в шотландском обществе все ключевые позиции, Макдермид сумел показать, что скотс с неменьшим успехом можно использовать не только в лирической, но и в философской поэзии.

«Группа Шотландского Возрождения» была прежде всего литературным течением — ее связь с политической жизнью Шотландии, в особенности с требованиями введения самоуправления, в итоге оказалась сравнительно незначительной. В этом проявились некоторые известные особенности движения за возрождение исконного языка в Лоуленде. Оно формировалось чрезвычайно медленно и стало реальностью лишь в 20-е годы XX в. Такое медленное его развитие необычно и примечательно в том отношении, что движение за национальное возрождение Шотландии на протяжении двух веков реализовалось почти исключительно в интеллектуальной и культурной сферах [см. McGill, 1995: 1]. В сфере политики оно проявлялось в весьма смягченной форме, в основном в требованиях воссоздания шотландской государственности.

Несмотря на достаточно глубокие различия в политических взглядах, все участники «Группы» были заодно в том, что касается создания новой оригинальной шотландской литературы и выработки нового языкового стандарта. Они творили в таких разных жанрах как поэзия, драматургия, литературная критика и художественная проза и при этом основным мотивом их литературной деятельности, по собственным свидетельствам этих авторов, было их шотландское самосознание и стремление выражать свои мысли «по-шотландски» [там же: 2].

Как известно, любое использование языка или языкового варианта, не являющихся национальным стандартом, в сообществе, литературным стандартом которого является другой язык, всегда вызывает конфликтную ситуацию. С этим конфликтом связано ощущение того, что преобладание литературного стандарта не является полным. Между тем, другой язык, не являющийся стандартом, может занимать об-

щепризнанное (но обычно ограниченное) место в жизни данного сообщества и может использоваться в тех регистрах литературного творчества, которые не выходят за рамки общественных и культурных функций, присущих такому языку. Именно в такой ситуации находился скотс со времен Бернса вплоть до начала деятельности «Группы Шотландского Возрождения» [McClure, 2000: 21].

Языкотворчество занимало центральное место в деятельности «Группы», члены которой осознанно и целенаправленно трудились над созданием новой нормы скотс. Сам Х. Макдермид являлся сторонником возрождения и обогащения наиболее авторитетного центрально-шотландского варианта языка. Он формулировал свою позицию вполне в духе теории Сепира-Уорфа, и заключалась она в том, что «...нельзя мобилизовать все возможности шотландского гения, если не поднять разговорный скотс до былого статуса национального языка. Когда творил Бернс, упадок зашел уже достаточно далеко, и поэтому необходимо вернуться к более раннему периоду, чем эпоха Бернса, чтобы найти источник чистой шотландской речи вплоть до Данбара и придворных поэтов «makars», писавших на скотс, который мог быть грозным оружием в полемике» [цит. по McGill, 1995: 4]. Исходя из этого, сам Макдермид и остальные авторы «Группы» стремились включать в язык своих произведений выразительные слова или колоритные обороты из числа архаизмов и историзмов.

В целом, опыт творческой деятельности авторов круга Х. Макдермиды был чрезвычайно успешным. Они смогли создать злободневную и новаторскую в языковом отношении поэзию, которая в свою очередь значительно расширила сферу применения языка. Их деятельность принесла определенные плоды и в политической сфере. В связи с тем, что эти авторы создавали свои произведения, стоя на патриотических позициях и неустанно подчеркивали политическую подоплеку использования ими скотс, язык в их творчестве оказался на пересечении многочисленных общественных противоречий. Их основные достижения относятся именно к сфере языкотворчества, хотя, конечно, и сегодня скотс никоим образом не может быть охарактеризован как «полноценный» в быденном понимании язык. В поэзии скотс достиг вершины своего развития именно в XX в., далеко превзойдя многие идиомы, вероятно, с большим правом претендующие на статус «полноправного языка».

Раннее творчество Х. Макдермиды и других авторов «Группы Шотландского Возрождения» являлось, в известном смысле, филоло-

гическим экспериментом, в ходе которого были выработаны определенные языковые нормы. В настоящее время скотс имеет регистры, в которых он значительно сильнее отличается от любого варианта английского языка, чем это имело место до начала деятельности «Группы». Уровень развития литературного скотс, и без того высокий, продолжает повышаться и, хотя этот язык еще не получил официального статуса, его уже можно представить в этой роли. Если на данный момент и не существует единой канонической литературной нормы, то, во всяком случае, предпринимаются энергичные попытки выработать ее. При этом в обществе продолжается живое обсуждение проблем и перспектив создания нового стандарта. Справедливости ради, однако, следует отметить, что если в области письменного использования скотс наблюдается поступательное развитие, то в повседневном устном обиходе продолжается его упадок. При этом, естественно, имеет место глубокое расхождение устной и письменной форм скотс [см. McClure, 2000: 23].

В целом, несмотря на то, что до сих пор не произошло радикального позитивного изменения статуса скотс, в некоторых отношениях этот статус оказался гораздо ближе к желаемому состоянию, чем это было в первой половине XX в. В остальном однозначно негативное отношение к скотс в обществе уступило место дискуссии о перспективах развития исконного языка.

Л. Г. Павленко
(*Таганрог*)

МЕТАФОРА КАК АКТУАЛИЗАТОР КОНЦЕПТА ДВИЖЕНИЯ

Язык играет важную роль в процессах обработки информации о мире, его концептуализации. Тенденцией развития современных языков является «установка на многоканальность речевого сообщения, то есть на передачу все большей информации в единицу времени» [Николаева, 2000: 15]. Не только в художественных произведениях, но и в практике повседневного общения при конструировании ситуации широко используются слова как в прямых, так и в переносных значениях. Метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, язык, мышление и деятельность [Лакофф, Джонсон, 2004: 25]. Испокон веков метафори-

зации подвергаются прежде всего слова, обозначающие наиболее известные понятия и предметы из ближайшего окружения человека [Гак, 1977: 113]. Поскольку в процессе взаимодействия человека с действительностью постоянно производятся различные перемещения, «концепт движения входит в список первичных концептов, определявших концептуальную систему человека в начале его эволюции» [Кубрякова, 2004:10]. Не случайно широко употребляется концептуальная метафора «Движение – это жизнь».

Известное высказывание С. В. Кацнельсона о том, что глагол выступает в виде матрицы высказывания [Кацнельсон, 1984: 54], следует, на наш взгляд, иллюстрировать не только морфологической структурой глагола, но и широким спектром ситуаций, детализирующих отображаемые глаголом перемещения и движения. Многие глаголы движения обладают плотной концептуальной структурой. Так, английские глаголы движения сочетают в себе разнообразные характеристики: темп перемещения (*slow, speed, run, race, scuttle*), среду перемещения (*walk, stride, pace, promenade, bathe, dive, float, paddle, swim, wade, fly, plane*), средство перемещения (*canter, amble, navigate, ride*). В английском языке глаголы движения конвертируются от названия транспортного средства (*boat, bus, canoe, cart, cycle, ferry, perambulate, punt, raft, rink, scull, yacht*). Обладая определенными интегральными признаками, различные глаголы высвечивают вместе с тем, присущие только им характеристики движения. Сравним глаголы высокого темпа движения, выделив их дифференциальные признаки: *He stormed from the room and slammed the door* [Grisham, 1995: 58] – сила, энергичность с которой человек стремительно вышел из комнаты; *He moved quickly darting out of doors into the waiting car* [там же: 68] – стремительность движения; *He screamed obscenities at the Kluckers, who were easing away, and he spun the metal wheels of his chair, lundging in their direction* [там же: 69] – устремленность движения. Таким образом, глаголы движения в английском языке обладают насыщенной концептуальной структурой. Через сочетаемость этих глаголов с одушевленными и неодушевленными объектами в них зафиксировано представление человека об окружающем мире во множественных его проявлениях, и они могут широко подвергаться метафоризации. Всегда ли этот процесс сопровождается выражением концепта движения?

В концептуальной структуре глагола прослеживаются следы связанности движения, состояния с объектами определенных типов, и появление нетипичного актанта, вызванное образностью, порождает

метафору. Если в концептуальной структуре глаголов движения содержится образ траектории движения, то глаголы иных категорий отражают иные представления о взаимодействии объектов и их причинно-следственных связях; они отражают широкий спектр ситуаций, конституирующих их детали. За каждым глаголом активизируется некая сцена или совокупность сцен [Кубрякова, 2004:267], образное развитие которой в дискурсе активизирует неприсущие определенной категории глагола сцены, что приводит к метафоризации. Метафоризация основана на взаимодействии когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образу источника, происходит метафорическая проекция “metaphorical mapping”. Она обнаруживается на уровне семантики предложения в виде метафорического следствия.

Проведенный анализ примеров из современной английской и американской литературы выявил две модели метафоризации глаголов движения.

В первой модели сохраняются прототипические черты глаголов движения: *Other days the traffic simply crawls* [Clark, 2009: 79]. Детализация характера перемещения отражает не присущие предмету перемещения. «Сверхплотность» глагола связана в данном случае с совмещением в нем характеристики глагола и характеристики прилагательного «медленный». Глагол сохраняет категориальный признак, так как структура цели «движение» шире структуры источника «медленное движение», конкретизирующей, детализирующей его. Изменение присущей глаголу среды также приводит к метафоризации: *Sam dove into the tall grass at the edge of the estuary* [Martin, 1994:288].

Во второй модели происходит перекатегоризация глагола, базирующаяся на метафорическом соотношении глагола с соответствующей концептуальной категорией за счет функциональной реализации иных прототипических признаков. Пространственное видение того, что обозначено глаголом в образе траектории как мысленного следа и соединения в линию точек в образе перемещения включается в когнитивную структуру глагола в виде отражений в ней того, кто выполняет действие. Онтологически свойственные предметам перемещения могут приписываться предметам и явлениям, для которых перемещение не является естественным: *The story was on the front page and it leaped out at her* [Sheldon, 1988: 405]. Здесь глагол не сохраняет категориального признака, так как этот признак высвечивает лишь такое свойство

источника как «внезапность», а в области цели – «привлечение внимания». Иными словами, происходит профилирование не движения, а иных категориальных признаков.

Особенностью глаголов движения является их способность означать движение не только в пространстве, но и во времени: *May comes between April and June. Winter has come. Years pass, hours fly, days run quickly*. Это историческое понятие хронотопа, то есть единства пространства и времени. Факты разных языков показывают, что древнее сознание не разграничивало категории пространства и времени, в основе представления о которых лежат такие признаки как «далекий – близкий», «отделение – соединение», «покой – движение», они имеют яркую перцептуальную природу [Топорова, 1985:11].

Метафоризация может иметь место в результате чувственного восприятия субъектом окружающего мира в минуты физической слабости: *The room began to whirl. "No – Teresa thought. I mustn't faint [Sheldon, 1988:146]*, и мы часто говорим: «почва ушла из под ног», «все поплыло». При этом мир вокруг чувствующего субъекта остается объективно статичным, но физические процессы в его организме – сужение сосудов, изменение скорости передвижения крови по ним – делают этот мир или его части субъективно движущимися. Мы, не задумываясь, употребляем глаголы движения с прототипически статичными актантами: *Outwardly Teresa seemed fine. Inside she was sunk in an abyss of deep, desperate loneliness [Sheldon, 1988: 151]*, *The news media were in a feeding frenzy. The headlines tumbled over one another[там же: 269]*.

Глаголы движения входят в ядро системы языковых средств, обозначающих пространственные отношения, одну из важнейших систем координат человеческого бытия. Поэтому, с одной стороны, они легко поддаются метафоризации, а с другой стороны, выражение пространственности способствует высвечиванию, профилированию движения в глаголах иных категорий.

Движение является формой жизни и фактором развития человека, поэтому представления о движении широко распространены; не только глаголы движения, но и глаголы других категорий могут в дискурсе моделировать сцены движения, перемещения в результате их метафоризации: *The Miro family headed for the church fighting their way through the panicky crowds trying to flee [Sheldon, 1988: 239]*. Здесь профилируется движение, а его векторность эксплицируется пространственным предлогом. Образом источника выступает обобщенный опыт практи-

ческой жизни человека в мире – сила тела, с помощью которой прокладывается маршрут перемещения, в результате метафорической проекции обеспечивается цель – движение. Поскольку в результате метафоризации профилируется движение, то глагол приобретает категориальный признак движения. Перекатегоризация определяется погашением признаков категориального значения действия с силой и актуализацией основного прототипического признака категориального значения движения, который эксплицируется предлогом направления: *Thirty thousand visitors had swarmed into the city from all over the world* [Sheldon, 1988: 2].

Таким образом, концепт движения широко актуализируется метафоризацией как глаголов движения, так и глаголами других категорий.

Использованная литература

1. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977.
2. Кацнельсон С. В. Речемыслительные процессы //ВЯ. 1984. № 4.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянских культур, 2004.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.
6. Топорова Т. В. Семантическая мотивировка концептуально значимой лексики в древнеисландском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
7. Clark Mary Higgins. Where are you now? A division of Simon Schuster, Inc. 2009.
8. Freud Ester. The Sea House. Penguin Books, 2004.
9. Grisham John. The Chamber. New York: Dell Publishing, 1995.
10. Sheldon S. The Sands of Time. New York: Warner Brothers, Inc. 1988.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В ходе работы у переводчика возникают разного рода трудности. Причиной тому является несоответствие языкового строя языка оригинала и языка перевода. Несоответствия встречаются на всех уровнях языка, однако, исследователи в области перевода наибольшее внимание уделяют именно расхождениям на грамматическом уровне (Л.С. Бархударов, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер и др.). В лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой грамматика определяется как «строй языка, то есть система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и способов словопроизводства. Грамматика представляет собой строевую основу языка, без которой не могут быть созданы слова (со всеми их формами) и их сочленения, предложения (шире – высказывания) и их сочленения» [Ярцева, 1990: 113].

Основной задачей перевода является передача смысла (мыслей), а не лексических и/или грамматических форм языка оригинала, поэтому в языке перевода зачастую можно встретить иные формальные средства.

Существуют случаи, когда соответствий в языке перевода совсем не существует. Например, наличие артиклей в европейских языках и отсутствие их в русском; инфинитивные обороты, вводимые глаголом чувственного восприятия; абсолютный герундий; абсолютный причастный оборот. В этих случаях нет единого переводческого стандарта, и выбор средств остается на усмотрение переводчика.

Хотя данная статья посвящена расхождениям только на уровне грамматики, отметим, что переводчик редко рассматривает грамматические структуры вне лексического наполнения. Как правило, все грамматические трансформации влекут за собой и лексические. Я.И. Рецкер отмечает: «Во многих случаях изменение конструкции предложения вызывается лексическими, а не грамматическими причинами... Грамматические соответствия между языками разных систем в подавляющем большинстве случаев могут быть только функциональными, зависящими от ряда переменных факторов. Но даже когда найдена оптимальная структура предложения в переводе с учетом всех

факторов, то возникает немаловажный вопрос о выборе наилучшего порядка слов, вернее, порядка чередования членов предложения. При переводе на русский язык это в основном стилистическая проблема...» [Рецкер, 1974: 76]. Таким образом, переводчик должен прибегать к грамматическим трансформациям под влиянием самых разных факторов.

Когда не существует прямого соответствия грамматической конструкции в языке перевода, существуют три способа установления эквивалентности между высказываниями [Комиссаров, 1999: 177]:

1) Нулевой перевод. При нулевом переводе грамматическая единица опускается вследствие ее избыточности. Например:

Dammi la borsa, che hai comprato ieri – Дай мне сумочку, которую ты вчера купила.

В данном примере значение определенного артикля дублируется придаточным предложением.

2) Приблизженный перевод. В этом случае грамматическая единица языка оригинала частично соответствует грамматической единице языка перевода в данном определенном контексте. Так, при переводе причастного оборота нужно учитывать обстоятельственные отношения (условные, уступительные, временные, причинно-следственные и пр.). Например:

Entrata la nonna, i bimbi smisero di giocare.

Когда вошла бабушка, детки перестали играть.

В данном примере представлена временная функция.

3) Трансформационный перевод. При такого рода переводе безэквивалентная единица передается с помощью грамматической трансформации.

В.Н. Комиссаров выделяет три приёма грамматических трансформаций [Комиссаров, 1999: 165]:

- приём антонимического перевода;
- приём описательного перевода;
- приём компенсации.

Нередко при переводе помимо полностью совпадающих или полностью несовпадающих грамматических форм, встречаются и частично совпадающие (например, параллельная грамматическая форма существует, но не употребима в данной ситуации). В таких случаях существует полные и различные варианты неполного переводов. Т.А. Казакова составила классификацию правил перевода при сходстве и различии грамматических форм [Казакова, 2003: 154]:

- полный перевод;
- частичный перевод;
- нулевой перевод;
- функциональная замена;
- уподобление;
- конверсия;
- антонимический перевод;
- развёртывание;
- стяжение.

Что касается уровня словосочетаний и предложений, то возможно использование следующих приёмов:

- полный перевод;
- частичный перевод;
- нулевой перевод;
- функциональная замена;
- описательный перевод;
- распространение;
- антонимический перевод;
- перестановка компонентов;
- стяжение;
- добавление;
- опущение.

Таким образом, несоответствия в грамматических структурах двух языков можно компенсировать с помощью других грамматических или лексических средств. В процессе перевода переводчик сам выбирает приёмы, наиболее подходящие в конкретной ситуации. При этом основную роль при выборе того или иного приёма играют требования передачи содержания, то есть смысловое наполнение.

Возвращаясь к вопросу грамматического аспекта перевода, хотелось бы отметить, что ей переводчики уделяют значительно меньше внимания, по сравнению с проблемой выбора лексики и стиля. Это легко объяснить. Стиль имеет решающее значение для общего впечатления от перевода, а лексические ошибки намного серьезнее грамматических. Однако, сосредотачиваясь исключительно на лексике, переводчик может упустить из внимания важные вопросы грамматики. В результате в переводах нередко можно встретить ошибочное калькирование грамматических конструкций языка оригинала. Переводчик должен знать в совершенстве не только грамматический строй обоих

языков, но и уметь передать формы и конструкции иностранного языка формами и конструкциями родного.

Многие исследователи в области теории перевода останавливаются на проблеме грамматического расхождения. Однако, зачастую это такие пары языков как английский-русский, немецкий-русский, французский-русский. Что касается трудностей перевода с итальянского языка на русский, то существуют лишь отдельные статьи таких итальянистов, как Черданцева, Хачатурян, Ямпольская. Полного же системного исследования данной проблемы не было.

Таким образом, не стоит умалять важность грамматического вопроса в процессе перевода, так как грамматические нарушения или неверно выбранные приёмы могут привести к грамматическим отклонениям от норм языка, к грамматической интерференции и, как результат, к искажению смысла.

Использованная литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. Спб., 2003.
3. Комиссаров В.Н. Основы общей теории перевода. М., 1999.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
5. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983.

Ю.А.Пащенко
(Таганрог)

ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ГЕРМАНИИ

В немецком языке существует множество эквивалентов русского термина «общественная работа»: Ehrenamt, Bürgerengagement, Bürgerinitiativen, bürgerschaftliches Engagement, freiwilliges Engagement, freiwillige Arbeit, Freiwilligenarbeit, Wohlfahrtstätigkeit. Объяснить это можно тем, что общественная деятельность относится к сектору, характеризующемуся сложностью и многообразием понятий и терминов, дополняющих друг друга.

Общественная работа – это особое направление, нацеленное на стимулирование локальных схем развития, особенно в сфере образования, начавшееся в колониальных странах после второй мировой войны. Первоначальный термин «общественное развитие» по определению Большого толкового социологического словаря это – движение, сформированное для создания лучших условий проживания всего населения при активном участии и инициативе местного общества.

В Германии общественная работа «Ehrenamt» восходит к слову «Ehre», что означает «честь, почесть», т.е. почётная работа, выполняемая не за денежное вознаграждение. В русском языке дословный перевод данного термина («Ehrenamt» - почётная должность) имеет несколько иной смысл, поэтому наиболее подходящим эквивалентом считается «общественная работа» или «общественная деятельность».

Под социальной общественной деятельностью понимают личное участие человека в помощи другому человеку или группе людей. Истоки женского движения связаны с добровольной ангажированностью в области социальной работы, социальной педагогики и социальной политики. Слово же ангажированность восходит к немецкому – «sich engagieren», что означает заняться чем-либо, включиться в какую-либо деятельность. Основательницы женского движения действительно были очень активны. Они добились создания системы образования в области социальных женских профессий и стояли у истоков борьбы за профессионализацию социальных услуг.

«Буквальный смысл слова «социальный» означает «общественный». Применительно к социальному государству оно будет звучать как «общественное государство», т.е. такое, которое гармонически соединяется обществом и служит ему». В настоящее время обозначение «общественный» в своём первоначальном смысле относится только к определённым видам деятельности в социальной области. Это – выборные должности (например, председатель), членство в инициативных группах (работа с молодёжью, с иностранцами, безработными), попечительство и т.п.

Большинство видов общественной деятельности противопоставляются «должностной» работе. Поменялось также отношение граждан к понятию «честь», «почесть».

Однако восприятие «ближнего» и осознание того, что вся ответственность не может лежать только лишь на государстве или профессиональных услугах продолжает меняться. Устанавливается новое понимание гражданского солидарного сострадания и самопомощи. Это

находит своё отражение в дискуссиях по поводу гражданского общества и о вкладе коммунитаризма⁴ в решение социальных проблем.

Общественных работников/добровольцев нельзя рассматривать по отношению к профессиональным социальным работникам и социальным педагогам как «дилетантов» или «помощников». Они обладают знаниями и опытом, накопленными во время профессиональной, учебной деятельности, семейной жизни, в социальной сфере. Как правило, такие специалисты проходят курс повышения квалификации, прежде чем приступать к решению определённых заданий. Область задач у многих добровольцев плавно переходит из одной сферы в другую. Так, например, в случае соседской взаимопомощи от работы с семьёй до социального ангажмента, в случае работы со школьниками – сфера деятельности общественного работника охватывает как школу, так и работу с молодёжью. Существуют разнообразные комбинации между социальным и культурным ангажментом, например, в работе с молодёжью и работе с женским населением, плавные переходы от самопомощи в собственной группе и помощь людям, состоящим в других группах. Все больше добровольцев появляется среди учителей, юристов, инженеров-экономистов, врачей, административных специалистов, которые применяют свои знания и умения на этапе перехода от учёбы к профессиональной деятельности, либо по её окончании.

В Германии активистов, работающих в критических точках мира, называют «профессиональными добровольцами». Фонды, ООО, больницы, дома престарелых, дома инвалидов и тому подобные организации находятся в большой зависимости от компетентных общественных работников.

Германия является исключением по сравнению с другими европейскими странами, если речь идет о добровольной социальной деятельности безработных. В этой стране они имеют право сами выбирать себе род занятий [Becker, Mulot, Wolf, 1997: 242]. Выбирая занятие «по душе», немецкие безработные получают шанс благодаря добровольной общественной деятельности быстрее интегрироваться в

4. Коммунитаризм (от [англ. communitarian](#)) — идеология конца [XX века](#), стремящаяся к сильному [гражданскому обществу](#), основой которого являются местные сообщества и неправительственные [общественные организации](#), а не отдельные личности. Коммунитаризм выступает за предоставление бесплатного [образования](#), программы по повышению [нравственности](#) и [защиту окружающей среды](#). Он жёстко уязвляет права личности и права предпринимателей с социальной ответственностью и допускает их ограничение в тех случаях, когда они предоставляются обществом и реализуются за счёт [государства](#).

социальную, культурную и политическую среду и устроиться на работу.

В немецкоязычном пространстве ещё не найден компромисс между употреблением терминов «добровольный» и «общественный». Поэтому они употребляются практически синонимично. На международном уровне скорее более употребительным является слово «доброволец». Это связано с тем, что оно более близко по значению к понятию «волонтёр» в англо-американском употреблении.

Исследования фонда им. Роберта Боша «Социальные инициативы в новых федеральных землях» показали, что для занятых на общественных началах в ГДР не было перерыва в переходе к общественной деятельности в объединённой Германии. Это относится в основном к церковной деятельности, а также к работе в государственных и партийных институтах, в таких как, например, родительский комитет класса или школы, работа с пожилыми в «Фольксolidаритет»⁵. Независимо от своей политической ориентации во время режима ГДР «общественная/добровольная работа характеризуется как однозначное преимущество, приобретение свободы и возможность формировать социальную действительность без предписаний государства» [Kramer, 1996].

Добровольцы, однако, не выказывают свою готовность помогать без колебаний. Они ждут интересующих их предложений, хотят регулировать график своей общественной работы, иметь гарантии защиты в случае риска и поддержку.

ФРГ, в отличие от многих европейских стран, где работу всех волонтёрских организаций координирует один центр, не имеет единой системы управления. Координационные пункты рассредоточены, например, в таких организациях как «Бюро пожилых людей», в центре встреч «Готовность помочь» (Берлин), в агентстве добровольцев (Бремен), в проекте волонтёров (Эссlingen) и пр.

Взаимосвязь между профессиональными социальными работниками и добровольцами довольно таки хорошо изучена и известна, так как гражданское участие в общественной работе по праву считается весомым дополнением социальной работы [Aner, 2006: 87]. В то время

5. „Volkssolidarität“ – организация, основанная в 1945 году в восточной Германии, лейтмотив которой – солидарность. Главные направления работа с пожилыми людьми, хронически больными, нуждающимися с посторонней помощи. В последние годы основная работа ведётся с молодежью и детьми. Члены организации могут быть штатными и общественными работниками.

как «постепенное огосударствление социальной работы сковывает свободу индивидуального выбора специалиста, отдаляет от живого человека, реальных проблем «меньшинств», мешает увидеть и оценить их индивидуальность и самобытность» [Гончарова, 2001: 2], добровольцы, волонтеры, общественные работники, говоря разговорным языком, смешиваются с народом и, таким образом, получают более объективное представление о повседневных проблемах людей, имеют возможность быстрого завоевания доверия.

Можно ли призывать к участию, ответственности и самопомощи в эпоху процветания индивидуализации, редукции социальных отношений? Ситуацию можно изменить путём активизации самих нуждающихся в помощи граждан. Общество живёт за счёт активного участия его членов в культурной и социальной жизни. Профессиональная помощь ограничена в своих возможностях, а иногда является и вовсе неэффективной, если она не дополнена добровольческой активностью и участием тех, кому она оказывается. Люди задумываются о значимости социальной поддержки, когда она необходима им самим или их близким.

Общественная деятельность приобретает всё большую важность в Германии:

- для трети населения общественная работа относится к повседневности (многие работают с юношеского возраста до старости);
- приносит 35 млрд. евро социальной системе (из расчета заработной платы 7,5 евро в час);
- 4,5 млрд. часов ежегодно, отработанных добровольно;
- 7,5 % общего рабочего времени в Германии отводится на общественную деятельность [Pfeiffer, Steden, 2008: 14].

Работа на общественных началах не означает лишь помощь другим, но и саморазвитие. Работа с детьми, забота о пожилых, консультирование мигрантов, помощь в борьбе с алкогольной и наркозависимостью – посредниками между готовыми помогать и нуждающимися в помощи в Германии являются 4 крупные благотворительные организации: CARITAS, DIAKONIE, Rotes Kreuz, и около 175 менее известных организаций.

В странах с высокоразвитой социальной системой, таких как Германия, количество волонтеров, задействованных в социальной работе значительно выше, чем в странах с низким социальным потенциалом. Около 25 млн. жителей Германии работают добровольно, без оплаты

труда. Это обусловлено не только количеством нуждающихся в оказании социальной помощи, а в работе, которая проводится в области социального образования.

Заинтересованные активно участвовать в добровольческой деятельности граждане Федеративной Республики Германия знают куда можно обратиться за консультацией, так как по всей стране существует множество центров для добровольцев, волонтеров, где при помощи специалистов каждый имеет возможность определиться с видом общественной работы в соответствии со своими способностями, навыками и интересом.

Структуру работы центров для добровольцев Германии можно сравнить с работой центров занятости в России. Они сотрудничают с социальными, коммунальными учреждениями, обществами, союзами. Сотрудники таких центров всегда в курсе кому какого рода поддержка необходима. Обязательным пунктом являются обменные программы и курсы повышения квалификации для добровольно ангажированных граждан.

Благотворительные организации, заботящиеся о населении, приносят свой вклад в развитие солидарного общества, они борются с равнодушием и выступают за культуру солидарности, способствуют развитию гражданской активности и выступают посредником между обществом и государством, между частными лицами и организациями, т.е. создают партнёрские отношения.

Дать однозначное определение понятия «общественная работа» на сегодняшний день невозможно. Она не является ни научной дисциплиной, ни профессией. Не имеет теоретической и методологической базы. Нельзя уложить в несколько строк то, что связано с повседневной жизнью, людьми, их проблемами, обществом, государством. Общественная и социально-педагогическая работа призваны постоянно меняться, подстраиваясь в соответствии с потребностями индивида. Можно сделать вывод, что оба вида работы полидисциплинальны, требуют от своего исполнителя способности к адекватной реакции на ситуацию, к повышению квалификации, обладания соответствующими человеческими качествами и действия в соответствии с этическими нормами.

Использованная литература

1. Гончарова А.Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества: Моногр. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2001. 160 с. //Allpravo.Ru, <http://www.allpravo.ru/library/doc108p/instrum4247/item4256.html>.
2. Aner, K.: Zivilgesellschaftliches Engagement aus biografisch-handlungslogischer Perspektive. Unkonventionelle Operationalisierung einer Forschungsintention. In: Cloos, P., Thole, W.: Ethnografische Zugänge. Professions- und anderssatInnenbezogene Forschung im Kontext von Pädagogik. VS Verlag für Sozialwissenschaften. Wiesbaden, 2006.
3. Becker, R., Mulot, R., Wolf, M.: Fachlexikon der Sozialen Arbeit. 4. Auflage, Frankfurt am Main, 1997.
4. Kramer, D. unveröffntl. Bericht Juli, Oerlingshausen, 1996.
5. Pfeiffer, I., Steden, Ph.: Engagementatlas 09: Was nützt bürgerschaftliches Engagement? Prognos AG Köln, 2008, S.14.

С.В. Первухина
(Ростов-на-Дону)

ЗНАЧЕНИЕ АНТИЧНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ: ЗАРОЖДЕНИЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Люди издавна стремились понять окружающий мир. Понять – значит истолковать, объяснить по каким законам он функционирует. Для объяснения происходящих событий, а также из-за желания заглянуть в будущее изобретались различные способы, которые объединялись методами толкования. Намерение понимать мир дало толчок зарождению нескольких учений, среди которых можно назвать герменевтику, логику, риторику и точные науки. В данной статье мы рассматриваем античные герменевтические традиции и влияние, которое они оказали на дальнейшее развитие герменевтических методов.

«Термин "герменевтика" - (hermeneutike) - происходит от греческого *hermeneuein*, что значит: высказывать, выяснять, излагать, переводить; или же от слова *hermeneia* - объяснение, истолкование» [Шульга, 2002: 3]. В пантеоне греческих богов Гермес выполнял роль

толкователя воли богов для людей. Желание узнать будущее заставляло людей обращаться к прорицателям и оракулам, способным предугадывать грядущие события по природным явлениям или же в состоянии мистического транса. Часто их слова были непонятны и нуждались в толковании, которое осуществляли определенные люди – герменевты. Однако, не всегда их толкование было однозначным, обратившимся к предсказателям требовалось самостоятельно трактовать некоторые слова, а для правильной трактовки необходимо принимать во внимание различные факторы окружающего мира.

Античный период в герменевтике занимает несколько столетий с VII в. до н.э. до VI в. н.э. Большую роль в становлении герменевтики в ранний период играло толкование мифов, а затем некоторые традиции стали применяться для толкования текстов Священного Писания.

Мифология давала информацию о сотворении и устройстве мира, а также о ценностях и этических представлениях античного мира. Мифы о подвигах Геракла отражали отношение к таким качествам человека, как сила, мужество, изобретательность и удачливость. Эти черты воспринимались как дар богов и чрезвычайно почитались. Создание и толкование мифов формировало важную часть античной когнитивной и аксиологической картины мира. С зарождением христианства в поздний античный период и возникшей необходимостью толкования книг Священного Писания появилась идея о множественности трактовок текста. Отмечено, что «в III в. ясно намечаются уже три определенных течения в истолковании мифов: моралистически-психологическое, аллегорическое (стоики) и эвгемеризм (историческое)» [Шпет, 1989: 233]. Моралистически-психологическое направление подразумевало воспитательный характер толкования, оно утверждало морально-этические ценности культуры. Аллегорическое толкование утверждало существование нескольких трактовок текста: вместе с простым, понятным сразу смыслом текста, существует более глубокий смысл, метафорический и абстрактный, а, возможно, мистический. Историческое толкование можно считать буквальным: слова трактуются так, как они значили во время написания текста. Другими словами, для понимания текста можно учитывать различные факторы, от которых зависит интерпретация этого текста, и что открывается в этом тексте для читателя. Впоследствии эти идеи развивались многими учеными, отмечались факторы, влияющие на множественность трактовок. Среди них можно выделить культурно-исторический, психологический, эстетический и некоторые другие факторы.

В Древней Греции высоко ценилось искусство, особенно литература. Греки старались сохранить значительные литературные произведения и потом часто обращались к ним для цитирования и толкования. В произведениях Гомера «Одиссея» и «Илиада» затейливо сочетались правда и вымысел, история и мифология. Огромное количество трудов более позднего периода были комментариями и толкованием этих великолепных книг. Комментарии касались разнообразных аспектов: истолковывался язык, на котором было написано произведение, объяснялись вышедшие из употребления слова и выражения, разъяснялись некоторые моменты с морально-этической стороны. В таком комментировании мы усматриваем первый герменевтический анализ, направленный на глубокое понимание смысла: абсолютное понимание всех языковых единиц, вне зависимости от их употребительности, а также понимание, почему в тексте сказано именно так. Благодаря анализу текста на глубоком уровне формируется осознание морально-этической цели этого текста.

Как метод комментирования и перевода при толковании произведений Гомера использовался парафраз текстов. Различали перевод с одного языка на другой (иностраный), а также более современное изложение этого же текста, чтобы он стал понятен молодым людям. Такое изложение было важно для сохранения значимых для культуры текстов, а также для формирования аксиологической картины мира. Парафраз и его возможности заставили задуматься о природе слова, о связи слова с его значением, над случайностью или закономерностью называния того или иного предмета таким словом. В зависимости от взглядов на эту проблему можно было выделить две научные школы: аномалисты, которые отрицали связь слова и значения, и аналогисты, которые усматривали закономерности в языке. Этим вопросом также занимались исследователи софисты. Тему связи формы и значения знака развивал в своих диалогах Платон и чуть позже Аристотель. Это открытие было важно не только для герменевтики, а в первую очередь для развития лингвистики в целом, так как оно дало основу для развития лексикологии и семиотики. Вопрос случайного или осознанного выбора языкового выражения в тексте чрезвычайно интересен для герменевтики, так как это основа интерпретации художественного текста. Анализ мотивов выбора языковых единиц, их прагматика, психологическое воздействие на читателя – это лишь небольшой спектр вопросов современной филологической герменевтики.

Можно отметить различные способы толкования древних текстов, например, дословное и аллегорическое. Дословное или историческое толкование Библии проводил Флаций [Дильтей, 2001: 25-27]. Он исходил из убеждения, что каждое выражение Священного Писания имеет свое толкование на основе других выражений Библии или догм веры. Таковую точку зрения В. Дильтей называл филологически-историческим знанием [Дильтей, 2001: 25]. Дословное толкование так же включает в себя комментирование словоупотребления и выражений в историческом аспекте, в случае устаревания языка толкуемого текста. Таким образом, историческое или дословное толкование – это толкование текста на основе знания текста и языка, на котором этот текст был написан.

Философ Анаксагор из Клазомен был приверженцем аллегорического толкования произведений Гомера, которое раскрывало иносказательность некоторых моментов из этих текстов. При аллегорическом толковании текст является лишь отправной точкой для порождения новых смыслов, которые могут задействовать различные сферы, как показывают современные исследования: культурологическую, морально-этическую, индивидуально-психологическую. Аллегорическое толкование во многом зависит от культуры, в которой был создан этот текст, а также от культуры интерпретатора, интерпретирующего этот текст, от его внутреннего мира, характера, эмоционального состояния. Античные философы, как правило, обращали внимание на морально-этическую сторону толкования, их комментарии часто носили воспитательный характер. Аллегорический метод толкования применялся для толкования мифов, к нему прибегали стоики (например, Панэций, Посидоний), а затем он использовался для толкования Священного Писания, особенно Пятикнижия. Одним из наиболее известных философов в аллегорическом толковании был Филон Александрийский. Он считал Пятикнижие Библии венцом мудрости, для понимания которого необходимо аллегорическое толкование [Асмус, 1999: 506].

Анаксагор также написал «одно натурфилософское сочинение, в котором первым принципом движения оказывается ум, вероятно, не без влияния Ксенофана, бог которого "помышлением ума все потрясает"» [Шичалин, 1995: 112-113]. Возможно, это была одна из первых теорий о мышлении, которая активно развивалась потом в философии (Р. Декарт и др.) и нашла свое отражение в когнитивистике (И.А. Стернин, З.Д. Попова, В.З. Демьянков и др.).

Греческий философ Ориген известен особым способом толкования текстов Священного Писания. В своей книге «О началах» он рассуждал о природе слова и его связи с его значением. Ориген «приходит к утверждению также особой способности для понимания и словесного выражения чистой интеллектуальности: этим особым «божественным чувством», по его словам, также «нужно слушать то, что мы говорим, и рассматривать то, что мы пишем» [Шпет, 1989: 235]. Ориген рассуждал о «божественном вдохновении», которое нужно для написания текстов и для их толкования. Мы видим в этом истоки психологической герменевтики, которая учитывает психологическое состояние читателя и автора, учитывает внутренний мир автора для полного толкования текстов.

Колоссальную роль в развитии научного знания в целом и герменевтики в частности сыграли труды Аристотеля. Огромное влияние на все науки оказало сочинение Аристотеля «Органон», в котором тот изложил обоснования логики. Это произведение создало основу для философии и других наук как орудие научного исследования, а идеи, изложенные в «Органоне», развивались другими античными мыслителями. Ценные выводы о достоверности знания мы можем найти в трудах его последователя Парменида. «Парменид пытается установить строгое различие и даже противоположность между истиной и мнением, между знанием совершенно достоверным и знанием, о котором можно сказать, что оно всего лишь не лишено вероятности, есть лишь правдоподобное предположение» [Асмус, 1999: 29]. Продолжение мысли о вероятностных знаниях и умозаключении развивалось позднее в психологической герменевтике, использовалось при анализе информации в политике, стало основой логики и теории информации.

Аристотель основал теорию умозаключения и его видов (например, научного, диалектического, эвристического, паралогического), а также он подробно рассмотрел виды объяснения. Его труды были направлены не только на понимание текстов, но и на правильное изложение мыслей, они стали основой для возникновения риторики. Уже его современники начинали строить свои речи исходя из риторических правил, разработанных Аристотелем, признавая их правильными и рациональными. Эти правила используются и в современной риторике.

Учение о слове привлекало многих древнегреческих философов и мыслителей. Одна сторона этого учения – правильное истолкование текста, а его другая сторона – правила построения текста, который бу-

дет понятен и убедителен, т.е. искусство красноречия. Искусство ораторской речи легло в основу различных наук и занятий: судебные и политические речи, а также первое естественнонаучное знание, - использовали правила построения речи. Было важно определить правила составления логически организованной речи, которая была бы понятна окружающим людям, и которая была бы убедительной вследствие своей логичности и убедительности. После Аристотеля правила составления речи развивались его последователями, риторика получила статус самостоятельной науки.

Значительное место в античной философии и герменевтике занимало учение о логосе. Логос в античной традиции видится как «слово», «речь» самой вечной природы, мирообразующее начало. Впервые понятие логоса ввел Гераклит, которого называли «темным философом». В дошедших до нас трактатах есть много противоречий, в них отсутствуют четкие определения. Тем не менее, понятие логоса заинтересовало античных философов, они стали использовать его в своих учениях. Логос виделся как отражение Космоса, т.е. окружающего мира, в нем есть идея божественного деяния [Асмус, 1999: 506].

Мы привели здесь важнейший фрагмент Гераклита, переведенный Секстом Эмпириком: «Эту - вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать [ее], и выслушав однажды. Ибо, хотя все [люди] сталкиваются напрямую с этой вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [ее], даром что узнают на опыте [точно] такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя [их] так, как они есть. Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому как этого не помнят спящие» [Мотрошилова, 1995: 59]. Из этого фрагмента следует, что в речи содержится больше информации, чем люди обычно воспринимают, «выслушав однажды». В тексте содержится множество смыслов, которые можно извлечь при тщательном анализе. Эта мысль в наши дни развивалась в литературоведении (М.М. Бахтин, Р. Барт и др.) и лингвистике (М.Ю. Лотман, Г.И. Богин и др.).

Итак, античные мыслители заложили основу для развития филологии в целом, и герменевтики в частности. Большим шагом в развитии филологии была идея о неравнозначности значения и смысла. Она получила продолжение в виде различных видов толкования текста: буквальном, аллегорическом, анагогическом и морально-этическом. Они потом применялись для толкования мифов и художественных произведений. Античный герменевтический период захватывает ста-

новление христианства, способы толкования текстов стали применяться для интерпретации Библии. Особые способы толкования Библии дали начало экзегетике – толкованию Священного Писания. Были разработаны правила построения текста, возникла важнейшая герменевтическая идея о существовании множественности смыслов в тексте, стали разрабатываться различные подходы к поиску нескольких смыслов в тексте.

Именно в античных герменевтических традициях уделялось большое внимание морально-этическим ценностям, текст рассматривался с позиций воспитания определенных качеств характера у людей. Художественные тексты рассматривались как хранилища определенных морально-этических ценностей, они формировали аксиологическую картину мира. В античных мифологических традициях тексты формировали аксиологическую картину, а в ранней христианской традиции толкование текстов религиозного характера происходило на основании принципов веры, т.е. библейских ценностей.

В период античности стала развиваться риторика, зародились основы лексикологии, семантики, текстологии. Для герменевтики особенно важным было обращение внимания на контекстное значение слова, различие прямого и метафорического словоупотребления. Важным оказалось учение о логическом построении текста, понятии об объяснениях и умозаключениях.

Одним из главных достижений античного знания, основной его ценностью, на наш взгляд, является внимательное отношение к окружающему миру и стремление понять его логически, мы видим в этом основу герменевтического взгляда на мир и текст, как отражение этого мира. В трактатах мыслителей того времени мы находим истоки некоторых герменевтических принципов, которые развивались позднее и используются в настоящее время. Изобретение методов толкования и системы логических объяснений также вносит свой вклад в понимание мира и имеет большое значение для дальнейшего развития герменевтики.

Использованная литература

1. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1999.
2. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. Т.4. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

3.Мотрошилова Н.В. Идея логоса. / История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья.- М.: Греко-латинский кабинет, 1995. - С.59-61

4.Шичалин Ю.А. Софисты./История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья.- М.: Греко-латинский кабинет, 1995 - с.112-113

5.Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы. // Контекст. М., 1989

6.Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФРАН, 2002.

И. Ф. Погребная, Е. Н.Степанова.

(Ростов-на-Дону)

АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ КАК КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МЛАДШИХ КУРСАХ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Чтение представляет собой сложный психофизический процесс, давно и успешно изучаемый лингводидактикой [Клычникова,1970; Егоров,1953; Гальскова, Гез, 2005].

Чтение на иностранном языке является специфической речевой деятельностью и важной составляющей коммуникативной компетенции учащегося.

С сожалением приходится констатировать, что в настоящее время многие выпускники средних школ не научены читать настолько хорошо, насколько это необходимо, чтобы пользоваться этим умением в практической деятельности, в частности, в процессе обучения в высшем учебном заведении.

Иногда в практике преподавания приходится сталкиваться с тем фактом, что учащиеся тратят массу времени на фактически дословный перевод, складывая из слов, как мозаику, содержание читаемого материала, не будучи до конца уверены, что правильно поняли прочитанное. Такая трудоемкая и малоэффективная работа с текстом есть следствие недостаточного владения навыками чтения. И это притом, что для изучающего иностранные языки чтение является базовым, а стало быть, должно стать самым развитым умением. Зачастую именно недостаточно развитые навыки чтения могут привести к неуспеваемости. И, наоборот, правильно организованное обучение чтению может стать залогом успешного освоения материала и достижения цели ком-

муникативного обучения- умения пользоваться иностранным языком как средством общения. Возможно причина подобной ситуации кроется в том, что даже на занятиях, посвященных чтению, мы, фактически, учим языку, повышая языковую компетенцию учащегося.[Hyland,1995:104] .Учебные тексты обычно анализируются на предмет наличия определенных грамматических структур ,фразеологизмов или служат материалом для презентации речевых моделей и стилистических приемов, практики перевода .На первом году обучения такая интенсивная работа с текстом позволяет учащемуся накопить необходимый языковой опыт, служащий основой для дальнейшего развития и совершенствования языковых умений и навыков. Недостаточность языкового опыта учащихся препятствует планированию объемных заданий по чтению для самостоятельной работы. Работа по развитию навыков чтения проводится, в основном аудиторно на материале специально разработанных для этих целей учебно-методических пособий. [Погребная, Степанова, 2009; Томашевская, Степанова, Вертоградова, 2008] .

Предлагаемая авторами система представляет собой строго определенную последовательность заданий, направленных на использование освоенного посредством чтения материала, в устной и письменной речи.

Упражнения подразделяются на три группы (vocabulary development exercises, exercises in comprehension and discussion, consolidation exercises),каждая из которых предназначена для развития определенных навыков и умений. Сканирование текста с целью поиска эквивалентной лексики, выбор синонимов/антонимов, упражнения на составление ситуаций по тексту с использованием определенных слов и словосочетаний (1группа упражнений) направлены на овладение лексикой и тренировку ее употребления в речи на содержательном материале текста. Задание дать детальные ответы на вопросы по тексту(2группа) предназначено для получения фактической информации о событиях, поведении героев. Эти упражнения предполагают самостоятельную подготовку и контроль в аудитории. Упражнения дискуссионные, комментирующие, драматизации(3группа) ставят своей задачей активизацию речемыслительной деятельности учащихся, более глубокое понимание текста, совершенствование навыков устной речи в процессе обсуждения прочитанного. Упражнения такого типа составляют основу аудиторной работы.

На данном этапе обучения интенсивное чтение является основным видом чтения.

Однако, помня о важности формирования у учащихся навыков экстенсивного (поискового, курсорного) чтения, авторы сочли целесообразным включить ряд заданий, подготавливающих учащихся к свободному экстенсивному чтению, определяемому как чтение большого количества текста с целью понимания общего содержания прочитанного [Internet [http://fio.info.ru / archive/group144/c2wu6/page%202.htm](http://fio.info.ru/archive/group144/c2wu6/page%202.htm).] В качестве примеров заданий, развивающих навыки такого чтения можно привести следующие: *scan the text to find support to the given statements, support or challenge the given statements, comment on the title of the story/book, define which of the given proverbs suits the end of the story*. Названные типы упражнений могут быть использованы при работе над любыми другими произведениями.

Экстенсивное чтение направлено на развитие навыка беспереводного чтения и начинать его следует только тогда, когда накопленный языковой и методический опыт позволяет достаточно полно понимать прочитанное, лишь изредка обращаясь к словарю. Однако уже на первом году обучения на языковом факультете целесообразно практиковать такую форму работы по развитию навыков чтения, которая пропорционально сочетает методику интенсивного чтения с методикой экстенсивного чтения, подготавливая учащихся к большим объемам чтения неадаптированной и несокращенной художественной литературы. На втором курсе при недостаточно высоком уровне подготовки учащихся можно предложить следующую форму работы по совершенствованию навыков чтения :всей группе учащихся предлагается единый материал для чтения (рассказ, роман).На начальном (дотекстовом) этапе преподаватель проводит своеобразную презентацию произведения, стараясь снять определенные трудности культурологического и языкового характера ,в процессе чтения студентам предлагалось ответить на несколько поставленных вопросов, озаглавить части рассказа. На завершающем этапе студенты отвечали на вопросы по содержанию для проверки полноты понимания текста и на вопросы интерпретационного характера ,прямые ответы на которые в тексте отсутствовали. Такая форма работы была успешно проведена нами на материале рассказа Скотта Фицджеральда “Babylon Revisited”и вызвала живой интерес к творчеству писателя и дискуссию на заключительном занятии.

Обратимся к условиям, обеспечивающим успех экстенсивного чтения. Главное условие - правильно выбранный материал для чтения,

который, независимо от жанра, должен быть достаточно легким, чтобы не упустить линию сюжета, и интересным для читающего. Чтение должно быть комфортным, в естественном темпе, без строгих временных рамок. Следующим важным условием успешной работы считаем регулярный контроль. Экстенсивное чтение контролируется преподавателем путем специальных заданий, которые должны охватывать достаточно большие отрезки текста и касаться содержательной стороны произведения и сюжетной линии. Задания должны стимулировать использование полученной информации в речевом общении, в интерпретации прочитанного, в дискуссии по содержанию. Один из приемов завершения работы над книгой для экстенсивного (индивидуального) чтения - письменная работа в форме так называемого «свободного письма» [Day,2004:8] содержащего впечатления, мысли о книге, рассуждения о поступках героев, эссе, в которых преподавателем будет оцениваться только содержание и логичность изложения. Эффективной завершающей формой служит презентация прочитанной книги для аудитории учащихся.

Второй год обучения, пожалуй, самый важный в плане развития и совершенствования навыков чтения. Вводится еще один серьезный практический аспект – работа с газетным текстом, требующая высокой концентрации внимания и дополнительных навыков. В зависимости от поставленной цели выбираются приемы работы с текстом. Для работы с газетным текстом важно просмотровое чтение (scanning) и чтение с целью извлечения основной информации (skimming) Среди приемов, развивающих упомянутые умения назовем следующие: найти соответствующее тексту *summa*гу, найти ключевые слова и предложения, подобрать правильные заголовки к текстам, заполнить пропуски нужными по смыслу словами или предложениями. Практикуемый нами следующий вид работы представляется нам достаточно эффективным: студенты получают по несколько пронумерованных карточек с короткими газетными текстами и заданием рассортировать их в соответствии с содержанием по нескольким названным проблемам, назвать ключевые слова и предложения, которые помогли им определить основное содержание, определить, какая информация показалась новой и интересной, приводятся ли в текстах цифры, статистика, предлагаются ли пути решения проблем. Отвечая на поставленные вопросы студенты вынуждены несколько раз обращаться к текстам для беглого прочтения. Эти упражнения выполняются аудиторно и строго таймированы.

Мы привели лишь несколько наиболее эффективных, на наш взгляд, приемов работы по развитию навыков чтения, в частности экстенсивного чтения. Эффективное экстенсивное чтение- важное условие успешного усвоения изучаемого материала и приобретения необходимых студенту рабочих навыков. Роль экстенсивного чтения трудно переоценить. Практика показывает, что внимание к экстенсивному чтению приносит свои плоды – студенты не только более свободно и бегло читают, но и значительно расширяют словарный запас, пополняют свой культурный опыт, приобретают привычку к чтению, что приводит, в конечном итоге, к более свободной речи и письму, к повышению лингвистической компетенции. Методика располагает большим количеством методов и приемов работы по развитию навыков чтения и задача преподавателя, определив цель чтения, вооружить учащегося необходимыми стратегиями для работы с текстами.

Использованная литература

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам.: лингводидактика и методика.- М.: Издательский центр «Академия», 2005.
2. Егоров Т.Г. Психология овладения навыками чтения.- М. :Изд-во АПН РСФСР, 1953.
3. Клычникова З.И. Психология чтения. (Психологические основы обучения чтению). Иностранные языки в школе. 1970, №6. Мозаика. 2008. №4. с. 23-32.
4. Погребная И.Ф. , Степанова Е.Н. Daddy Long-Legs by Jean Webster. Учебно-методическое пособие по домашнему чтению по практике устной и письменной речи английского языка для студентов 1 курса факультета лингвистики и словесности ПИ ЮФУ. Изд. 3. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ-2009.
5. Томашевская Л.А., Степанова Е.Н., Вертоградова Л.А. Magnolia Buildings by E. Stuckly. Учебно-методическое пособие по развитию навыков чтения и разговорной речи (на материале книги Э.Стакли «Квартал «Магнолия»»). Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2008.
6. Day R. Two Writing Activities for Extensive Reading. English Teaching Forum. Washington D.C. -2004. Volume 42, №3. p8-11.
7. Hyland K. Purpose and Strategy: Teaching Extensive Reading Skills. Creative Classroom Activities. 1989-1993. English Teaching Forum. Washington D. C. -1995. p104-109.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ- НЕОЛОГИЗМЫ СЛЕНГА: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ СЛОВООБРАЗОВА- ТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Особое место словообразования в системе языка обусловлено тем, что оно формируется, существует и функционирует как область моделирования производных единиц. Выявление же тенденций словопроизводства является целью словообразования, при этом объектом изучения становятся новые слова, их словообразовательная структура, продуктивные модели и словообразовательные значения.

Ненормативная лексика – просторечная, сленг, жаргон - продолжает теснить и обогащать языковой стандарт. Некоторые авторы считают, что именно американский сленг заслуживает серьезного изучения, т.к. он является одним из источников пополнения лексики литературного английского языка [Швейцер, 1983: 184; Смирнова, Хомяков, 1990].

Говоря о том, что движет людьми в изобретении сленга, В.А.Хомяков отмечает, что двумя самыми важными импульсами являются: “...desire to secure increased vivacity and the desire to secure increased sense, of intimacy in the use of language” (Khomiakov, 1997: 62).

Исследуемый нами материал – прилагательные –неологизмы сленга- имеют свои отличия и особенности, словообразовательные модели. Дефиниция неологизмов варьируется и несколько отличается в разных источниках:

Neologisms are "words that have appeared in a language in connection with new phenomena, new concepts,...but which have not yet entered into the active vocabularies of a significant portion of the native speakers of the language". [Woodhouse dictionary, 1972: 225]

“A *neologism* is the term used to describe a word that has been made-up or invented by a speaker, which appears in a transcript of spontaneous speech dialogue. It can also be described as a word which does not appear in the dictionary of the primary spoken language, but which is also not a foreign word.” [Internet <http://en.wiktionary.org>]

Определение неологизмов четко сформулировано в диссертации Волошина Ю.К.: «При анализе определений понятия неологизм различными исследователями становятся очевидными две точки зрения,

закрывающиеся в том, что термин «неологизм» применяется как к словам, появившимся в языке для обозначения новых понятий (Волошин Ю.К., Арнольд И.В., Ахманова Ю.С. и др.), так и к словам, по-новому обозначающим уже существующие понятия, и к словам, приобретающим новое значение (И.Р.Гальперин, Н.Г. Олексенко и др.)» [Волошин, 1971: 4].

Формирование словаря сленга происходит за счет источников и средств, свойственных языку вообще, и английскому языку в частности [Береговская, 1996: 32-41]. В сленге широко используются онома-топия (звукоподражание), словосложение, сокращение слова, превращение имен собственных в нарицательные, заимствования, аналогиче-ское расширение значения, а также новообразования, окказионализмы, заимствования из жаргона.

Следует отметить, что неологизмы, как правило, возникают на ба-зе существующей языковой традиции, используя имеющиеся уже в языке словообразовательные средства.

Что же отличает сленг и неологизмы сленга в плане словообразо-вания? Каковы ключевые модели образования прилагательных-неологизмов сленга? Каковы тенденции развития словарного состава этой области языка – вот вопросы, которые нам хотелось бы осветить в данной статье.

Морфологические неологизмы созданы по образцам и из морфем, существующим в определенной языковой системе.

При сопоставлении словообразовательных полей прилагательных сленга и неологизмов сленга отмечается очень интересное наблюдение. Микрополя (или способы словообразования) словообразователь-ного поля прилагательных сленга и неологизмов сленга однотипны, но конститутенты – словообразовательные модели, их количество, про-дуктивность, ядро и периферия значительно отличаются. В сленге преобладающим способом словообразования является конверсия. При более детальном рассмотрении и сопоставлении прилагательных сленга и неологизмов сленга можно выявить и тенденции, и отличия внутри микрополя, а именно численное превосходство тех или иных моделей образования прилагательных, а данные по исследованию прилагательных-неологизмов сленга добавляют и расширяют наше понимание нынешней лингвистической ситуации в данной области.

Рассмотрим словообразовательное поле (СП) прилагательных сленга и прилагательных-неологизмов сленга. Таким образом, 775 прилагательных сленга, отобранных из словарей The Macmillan Dictio-

nary of American Slang (далее MDAS) и Dictionary of Modern Slang by T.Thorne, следующим образом распределяются по микрополям: 4 микрополя характеризуют исследуемые единицы сленга и неологизмы сленга. Доминантным микрополем СП является, как видно из представленных Диаграммы 1 и Диаграммы 2, **микрополе конверсии** в обоих случаях. К ядру СП мы относим микрополе, насчитывающее более 40 % конститuentов от числа исследуемых единиц в своем составе.

Диаграмма 1. СП прилагательных сленга. Итак, очевидно преобладающее количество исследуемых единиц является в обоих случаях конверсивами, конститuentами главного словообразовательного микрополя сленга, в котором насчитывается 43,6 % прилагательных сленга и добрая половина (50,3%) неологизмов сленга, с численным превосходством конверсивов-неологизмов, что еще раз подтверждает возрастающую продуктивность конверсии как способа словообразования в сленге и новые веяния и тенденции в образовании сленгизмов-новообразований, восходящих к производящим основам не только разных частей речи, но и словосочетаний.

Некоторые лингвисты ограничивают процесс конверсии только двумя частями речи: глаголом и существительным [Есперсен, 1982: 168; Амосова, 1956: 84]. С.Робертсон пишет, что это не единственный тип конверсии: “almost any interchange is possible” [Robertson, 1955: 209]. О возможности разных частей речи вступать в процесс конверсии говорит также Л.Бауэр “Conversion is a totally free process and any lexeme can undergo conversion into any of the open form classes as the need arises” [Bauer, 1996: 226].

Рассмотрим подробнее ядерные модели. Подавляющее большинство Пр сленга микрополя конверсии образуются по 2 моделям: **N -> A** (41,7%) и **PII -> A** (34,8%). Среди Пр-неологизмов сленга данные модели хоть и присутствуют, но доля производных, созданных по ним невелика, и в ядро микрополя они не входят. Интересен тот факт, что на современном этапе развития языка Пр-неологизмы сленга не только не повторяют модели ядра сленга, не подтверждая таким образом стереотип устойчивости и продуктивности моделей-доминант, а имеют в качестве словообразовательной базы субстантивные словосочетания. Более 2/3 Пр-неологизмов сленга от числа всех конверсивов (67,8%) имеют субстантивные словосочетания в качестве производящих основ.

Более 50% Пр сленга, образованы по модели **N□A** от ЛГР существительных лица и характеризуются основным типом СЗ “*характеризующий / относящийся к / имеющий качества того, кто назван основой*”: *gonzo* n - a silly or foolish person -> *gonzo* a - insane, wild; bizarre, confused. *The guy is totally gonzo!* (DAS).

По модели **PII□A** преимущественно от основ причастия II (36%) глаголов действия образуются Пр со значением, полученным в результате метафорического переноса, с выделением значительной группы Пр, обозначающих разные степени алкогольной или наркотической интоксикации. Например: *stoned* (Sl.)- под воздействием алкоголя или наркотиков.

* “*He was totally stoned and didn't know what he was saying*”, *Carter says* (St. - 1997.- Aug.26th. - P.7).

Диаграмма 2. СП прилагательных-неологизмов сленга Пр
неологизмы сленга, образованные от субстантивных словосочетаний имеют основной тип СЗ “*имеющий качества, обусловленные семантикой субстантивного словосочетания*” или значение, полученное в результате метафорического переноса : *shortgun*- “forced (of wedding), presumably because the bride is pregnant”

**It was a shortgun wedding but they are sure in love* (DAS).

Несмотря на то, что **микрополе аффиксации** является вторым после микрополя конверсии по объему, бесспорная продуктивность ядерной модели, по которой образуется около 2/3 прилагательных данного микрополя как в сленге, так и у неологизмов сленга, констатирует устойчивость в тенденциях образования Пр разных вариантов английского сленга, включая новые слова. И у аффиксальных прилагательных сленга (33%), и у неологизмов сленга наблюдается полное совпадение модели ядра N + -y (57%) при разнообразии других (17) периферийных аффиксальных и префиксальных моделей.

Микрополе словосложения. Некоторые лингвисты считают словосложение вторым по важности и продуктивности способом словообразования в английском языке (преимущественно в сфере существительного и прилагательного) после аффиксации [Амосова, 1956: 70]. Исследование же фактического материала показало, что на современном этапе развития английского сленга словосложение уступает первенство конверсии и аффиксации, но в нашем случае является вторым после конверсии микрополем, имеющим существенные отличия в моделировании производных единиц сленга и неологизмов сленга.

Ядро Пр композитов сленга представлено моделями **A + A**, (**A + N**)+ **ed** и **N + A**, а у прилагательных-неологизмов несколько иная тенденция с новообразованиями по моделям **N+A** и **N + PI**.

Прилагательные сленга образованы по модели A + A преимущественно с помощью удвоения основ и путем слияния основ. Для большинства Пр, образованных путем удвоения основ основным типом СЗ является “характеризующийся качествами одной основы с усилительным значением другой основы”: *hotsy-totsy* - fine, great; *teeny-weeny* - tiny.

**Well, isn't that just hotsy-totsy (DAS).*

** Could you move just a teeny-weeny bit to the left (DAS).*

Пр сленга, образованные путем слияния основ, характеризуются основным типом СЗ “характеризующийся качествами, обозначенными основами”: *humongous* - huge, enormous, tremendous; *mingy* - “mean” and “stingy”.

**Why can't you borrow it? I'm just mingy, that's all (DAS).*

Пр сленга, образованные по модели (A + N)+ -ed, имеют метафорическое значение. Например: *light-fingered* - склонный к воровству, известный как вор; *hard-nosed* - stern and business-like, unsympathetic; *double-gated* - бисексуальный, странный, эксцентричный.

**Carl is a little double-gated at times. Tries too hard for a laugh (DAS).*

Модель N + A является ядерной не только для Пр сленга, но и для Пр неологизмов сленга и характеризуются метафорическим значением. Например: *goose-bumpy* - испуганный, покрывшийся мурашками; *ace-high* - of the best, first rate.

**His reputation is ace-high (MDAS).*

Модель N + PI является основной только для Пр неологизмов сленга. Компоненты сложных Пр находятся между собой в отношениях подчинения с предикатно-объектной связью. Все Пр неологизмы сленга характеризуются метафорическим значением: *hip-shooting* - haphazard, recless, or impulsive; *mind-blowing* - hallucinogenic.

**...the poet celebrates the mindblowing effects of LSD ... (BDNE).*

**...he delivers a great many hip-shooting generalizations about American culture (BDNE).*

Такое переосмысление значения или метафорический перенос свойствен именно разговорной речи, как отмечает Г. Гумовская, “ In colloquial speech ... speakers tend to use a small group of words in quite

different meanings” [Goumovskaya, [2007](#)]. Примеры прилагательных неологизмов сленга полностью подтверждают данную тенденцию.

Микрополя сокращений периферийны и не имеют существенных отличий. Основной способ сокращения - усечение финальной части производящей основы. Основной тип СЗ - “имеющий качества / свойства, обозначенные основой” : *triff* <- terrific; *affirm* <- affirmative, *stoked* “enthusiastic, happily surprised” <- stoked-up.

**We were stoked on Mary. She is the greatest (DAS).*

СЗ “имеющий параметры / характеристики / местонахождение, обозначенное основой” : *Metro* “of, relating to, or extending over a region including a large city and its suburbs” <- metropolitan.

**The Valley of the Sun - Metro Phoenix - includes the satellite cities of Scottsdale... (BDNE).*

Таким образом, прилагательные неологизмы сленга имеют свои, отличные от классического сленга, тенденции словообразовательного характера. При сходстве в составе ядерных (конверсия и аффиксация) и периферийных (словосложение и сокращения) микрополей словообразовательного поля прилагательных, наблюдаются существенные отличия продуктивных словообразовательных моделей - конститuentов микрополя конверсии и словосложения, при абсолютно новых веяниях и тенденциях в образовании конверсивов-неологизмов от производящих основ субстантивных словосочетаний.

Использованная литература

1.Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка.- М.: Изд-во литр-ры на иностр. языках, 1956.

2.Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания, 1996. - № 3. - С. 32-41.

3.Волошин Ю. К. Новообразования и собственно неологизмы современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1971.

4.Смирнова О.В., Хомяков В.А. Некоторые особенности современного этапа в англоязычной просторечной лексикографии // Вопросы англ. лексикологии и лексикографии: Межвуз. сб. науч. тр. ПГПИ-ИЯ.- Пятигорск, 1990.- С.80-86.

5.Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. - М., 1983. -184 с.

6. Bauer L. English Word-Formation. - Cambridge University Press, 1983 (1996). - 311 p.

7. Goumovskaya G. Stylistic Differentiation of English Vocabulary <http://eng.1september.ru/2007/01/10.htm>

8. Jespersen O. Growth and Structure of the English language. - 10th. Ed. - The Univ. Chicago Press, 1982.

9. Khomiakov V.A. An External History of the English Language.- Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 1997.

10. Robertson S. The Development of Modern English.- New York: Prentice-Hall, 1955.

11. Woodhouse Dictionary. N. J. 1972.

12. <http://en.wiktionary.org>

Г.Т. Поленова
(Таганрог)

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА АСИММЕТРИЮ В ЯЗЫКЕ

Лингвистическая концепция В.Г. Гака строится на прочной логико-философской основе и характеризуется непревзойдённой степенью многоаспектности: изучение языка в процессе коммуникации; связь языка с мышлением и с экстралингвистической ситуацией; асимметрия знака и общее исчисление типов асимметрии в языке; теория иконичности в грамматике; функциональная грамматика; создание семантической типологии языков и т.д. [см. Крылов, 2004: 4-5].

Теория асимметрии языкового знака, разработанная С.И. Карцевским в 1929 г., включала лишь асимметрию на парадигматическом уровне, имеющую два проявления: вариативность означающего при неизменном означаемом (алломорфия) и вариативность означаемого при неизменном означающем (полисемия). В.Г. Гак значительно расширил трактовку асимметрии знака, распространив её на синтагматический и семиотический планы. В синтагматическом аспекте возникают два типа асимметрии: слитная форма и аналитическая. В слитной форме совместно выражаются значения, которые в других случаях выражаются раздельно; в аналитической форме одно общее значение выражается совокупностью отделимых элементов. Две формы асимметрии рассматривает В.Г. Гак и в семиотическом плане: нулевая форма и

пустая форма. Нулевая форма характеризуется отсутствием специального показателя. Пустая форма – форма, утратившая своё содержание, десемантизированная [Гак, 1998: 119-120]. В целом теория асимметрии В.Г. Гака включает шесть проявлений асимметрии, тесно взаимосвязанные исторически и функционально. Предельная обобщённость такой концепции асимметрии позволяет применять её в самых разных областях лингвистики и на материале языков разных систем.

Третью главу в книге «Языковые преобразования» В.Г. Гак назвал: «Использование идеи симметрии/асимметрии в лингвистике», т.е. асимметрия справедливо рассматривается на фоне понятия симметрии, как вторая часть единой оппозиции. «Симметрия – это упорядоченность, регулярность, единообразие предметов и явлений объективного мира. Это понятие однопорядковое с такими понятиями, как закономерность, сохранение, инвариантность. Симметрия есть проявление устойчивости, равновесия в состоянии. Асимметрия – это противоположное понятие. Оно отражает нарушение упорядоченности, регулярности, разнообразие. В асимметрии проявляются нарушения равновесия и устойчивости, связанные с изменением в организации системы, составных частей целого» [там же: 107]. Автор выделяет статическую, гомологическую и динамическую симметрию/асимметрию. Статическая симметрия, по В.Г. Гаку, означает изучение отдельного языка, сохранение аналогичных признаков и элементов в звеньях его системы, регулярность. Гомологическая асимметрия/симметрия сопоставляемых объектов проявляется при сравнении языков [там же: 109]. Динамическая симметрия выявляется в сохранении форм и отношений при развитии языка, в сохранении пропорциональности значений и форм при словообразовании и в других случаях образования одной формы языка от другой [там же: 112].

Понятие симметрии, известное ещё мыслителям античности, приобрело научный статус в XIX в. на материале кристаллографии. Затем оно переключалось в геометрию и позже – в физику, т.е. термин пришёл в языкознание из естествознания, как и многие другие. Одним из ведущих направлений современной науки, репрезентирующих собой естественнонаучный вектор развития теории нелинейных динамик в современной культуре, является синергетика. Попробуем соотнести это понятие с симметрией/асимметрией. Основопологающий тезис синергетики заключается в том, что на всех уровнях структурной организации бытия именно неравновесность (хаос) выступает условием и источником возникновения порядка. Аспектом исследуемого объек-

та, предметом синергетики выступает процесс «зарождения упорядоченности» [Можейко, 2001: 925-926]. В терминах В.Г. Гака – это зарождение симметрии из асимметрии и, наоборот, из симметрии асимметрии, т.е. развитие языка от простого к сложному и от сложного к простому, по спирали. Поясним сказанное примерами.

Согласно контенсивной типологии Г.А. Климова языки номинативно-аккузативного строя прошли через определённые этапы в своём развитии, а именно: период нейтрального, классного и активного строя [Климов, 1977: 291]. Н. Луман совершенно правильно заметил, что «современности в весьма широком объёме достаточно в качестве репрезентации прошлого» [Луман, 2005: 197]. Наиболее древние языки, в частности, енисейские, хранят черты всех перечисленных этапов, которые при тщательном анализе языкового материала, например кетского языка, можно представить как поступательное движение от асимметрии к симметрии или от «хаоса» к «порядку».

Нейтральный строй ассоциируется с наличием беспорядочного, асимметричного набора простейших дейктических частиц со структурой CV vs. VC с диффузным значением; с отсутствием какой-либо грамматики, ср.: кет. *bi-bu-ba/bo*, **ib-*ub-ab/*ob*, *di-du-da/*do*, *id-ud-ad/*od* и т.д. [см. Поленова, 2002: 20]. Мы не одиноки в таких выводах. В Георгиев, например, считает, что протоиндоевропейский язык изначально использовал только моносиллабические лексемы и не имел никакой морфологии [Georgiev, 1975: 47]. Человек на этом этапе только начинал выделять себя из природы и обозначал себя звуком *a* без различения пола. В обществе это была эпоха матриархата, следы которой ещё так чётко видны в кетских обычаях, обрядах и в мифологии [Поленова, 2007¹].

Классный строй вносит симметрию в первичные частицы, закрепляя их за определёнными классами объектов окружающей человека среды. Показателем класса становится согласный звук, а гласный выполняет дейктическую функцию, указывая на степень близости *resp.* дальности объекта от говорящего, ср. кет. *ki* – этот (здесь, ближайший), *tu* – этот, тот (посередине), *qa* – тот (дальний).

По мере развития классного строя симметрия нарушается. Стирается грань между различными классами. Их рамки раздвигаются за счёт образования новых слов или за счёт расширения значения существующих слов-частиц. В современном кетском языке уже трудно поддётся объяснению, почему к мужскому классу относятся не только наименования мужчин, но и наименования: таких животных, как: *qoj*

‘медведь’, *qaj* ‘лось’, *s’el* ‘олень’, *er’ < ed* ‘соболь’, *kun* ‘росомаха’, *qyt* ‘волк’, *tip* ‘собака’ и др.; рыб: *t’ot* ‘таймень’, *qyr* ‘щука’, *takt* ‘чир’, *s’ul* ‘нельма’ и др.; птиц: *di?* ‘орел’, *qaŋ* ‘коршун’, *tiŋ* ‘лебедь’, *xuŋ* ‘филин’ и др.; пресмыкающихся и червей: *tix* ‘змея’, *utix* ‘червь’, *iron* ‘пиявка’; наименования насекомых: *s’uj* ‘комар’, *bys’t* ‘оса’, *tyt* ‘мошка’, *qyn’t* ‘муравей’ и др.; деревьев: *oks* ‘дерево’, *us* ‘береза’, *xaj* ‘кедр’, *ej* ‘сосна’ и др.; наименования космических явлений: *qip* ‘месяц’ и др.; явлений природы и времён года: кет., югск. *ekŋ* ‘гром’, кет. *ul’es* ‘дождь’, *us’es* ‘тёплая погода’ и др.; предметов религиозного культа, богов, духов, мифологических шаманов и героев: *daŋol’s* – деревянный идол, в котором живет душа умершего, кет. *es*, кот. *e:š* ‘бог’; кет., югск. *ul’gus* ‘водяной’, *Al’ba*, *Dox*, *Bal’na* и др. предметов материальной культуры: жерди для установки каркаса чума; жерди для установки тагана, сушилка для сушки рыбы, для запруживания речек, где ловят рыбу; колья для привязывания лодок; обручи для чума, бубна, берестяной посуды; крупные листы бересты для чума; отдельные детали крытой лодки и др.

Интересно здесь отметить тенденцию развития именных классов в языках Африки. Так, в предисловии к коллективной монографии «Морфонология и морфология классов слов в языках Африки» говорится: «Несмотря на то, что наличие именных классов является исконной и отличительной чертой нигеро-конголезских языков, их положение в системе языка характеризуется неустойчивостью» [Охотина, 1979: 3]. Отмечается, что категория класса движется в направлении двухклассной системы.

К концу классного периода вырабатывается симметрия по активности денотата в соответствии с оппозицией: *активный/инактивный*. Бывшие дейктические частицы и дейктические гласные теряют конкретное значение, абстрагируются и служат мощным средством формо- и словообразования. В кетском языке этот процесс можно показать на примере одновременного участия первичных дейктических частиц в слово- и формообразовании. Ср.: *dija* – я стану (нем. *werde*), *kuja* ты станешь, *duja* – он станет, *daja* – она станет / *din’a* я стал, *kun’a* – ты стал, *dun’a* – он стал, *dan’a* – она стала; *diba* – я ем, *kuba* – ты ешь, *du-ba* – он ест, *daba* – она ест. Приведённые словоформы представляют собой слияние двух первичных дейктических частиц. Бывшими частицами являются и предикативные показатели имени, ср.: *ad qadi* – я большой, *u qagu* – ты большой, *bu qadu* – он большой, *bu qada* – она большая. В то же время появляются обозначения действия – глаголь-

ные формы с показателями агенса (группа показателей *D*) и патиенса (группа показателей *B*), вырабатываются показатели предикативности (личные и неопределённо-личные): кет. *-di*, *-ku*, *-du/-da* (см. примеры выше) и *-s'i*, *-am*. Приведём кетские субъектно-объектные и предикативные показатели, восходящие к первичным частицам, в единственном числе, т.к. формы множественного числа – более позднее образование [Поленова, 2002: 57-62].

Таблица № 1. Субъектно-объектные показатели кетского глагола и предикативные показатели имени (единственное число)

Лицо	Ряды / Клас с	Показатели группы <i>B</i>				Показатели группы <i>D</i>					Предикативные суфф.
		1-й ряд	2-ой ряд	3-ий ряд	4-ый ряд	1-й ряд	2-ой ряд	3-ий ряд (инф.)	4-ый ряд (инф.)	5-ый ряд (суф.)	
1-е		<i>ba-</i>	<i>bo-</i>	<i>ba-</i>	<i>bo-</i>	<i>di-</i>	<i>di:</i>	<i>-di-</i>	<i>-di-</i>	<i>-di</i>	<i>-di</i>
2-е		<i>ku-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>	<i>gu</i>	<i>ku:</i>	<i>-ku-</i>	<i>-ku-</i>	<i>-ku</i>	<i>-ku/-gu</i>
3-е	Муж. Жен. Вещ.	<i>a</i> <i>i</i> <i>i/ó</i>	<i>o</i> <i>u</i> <i>u</i>	<i>bu-</i> <i>bu-</i> <i>ó</i>	<i>bu-</i> <i>bu-</i> <i>ó</i>	<i>di</i> <i>da</i> <i>b/ó/da</i>	<i>du:</i> <i>da:</i> <i>bi-/ó</i>	<i>-a-/o-</i> <i>-i-/u-</i> <i>-b/-m-</i>	<i>-ja-</i> <i>/sa-</i> <i>--</i> <i>ja/sa-</i> <i>-ja-</i> <i>/sa-</i>	<i>-du</i> <i>-da</i> <i>-am</i>	<i>-du</i> <i>-da</i> <i>-bi/-am</i>

При активном строе вырабатывается и оформляется грамматически оппозиция: активный класс (мужской)/ инактивный класс (женский и вещный), о чём свидетельствуют формы двух падежей: основного (инактивный) и родительного (активный). В обществе воцаряется патриархат, хорошо отражённый в мифологии и верованиях кетов [Поленова, 2007²: 20-21].

Таблица №2. Формы основного и родительного падежей личных местоимений и имён существительных

Число	Падежи	1-е лицо	2-е лицо	Он	Она	Имя сущ. (класс одуш.)	Имя сущ. (класс неод.)
Ед.	Осн.	<i>ad</i>	<i>u</i>	<i>bu</i>	<i>bu</i>	<i>op</i> –отец, <i>am</i> – мать	<i>qus'</i> -чум
	Родит.	<i>ab/abi</i>	<i>uk/uŋi</i>	<i>buda</i>	<i>budi</i>	<i>opda</i> , <i>amdi</i>	<i>qus'di</i>
Мн.	Осн.	<i>ətn</i>	<i>əkŋ</i>	<i>buŋ</i>		<i>obaŋ</i> <i>ataŋ</i>	<i>quŋ</i>
	Родит.	<i>ətnna</i>	<i>əkŋna</i>	<i>buŋna</i>		<i>obaŋna</i> <i>ataŋna</i>	<i>quŋdi</i>

Образованию категории числа, т.е. симметрии: единственное число/множественное число, предшествовал хаос (асимметрия) в выражении множественности денотатов. В кетском языке ещё и сегодня имеется 20 – 30 типов образования множественного числа существительного. Супплетивные формы типа кет. *ket* – человек, *deŋ* – люди, *oks'* – дерево, *aq* – деревья и т.п. восходят к периоду синкретизма частей речи, к нейтральному строю языка. Большинство способов нерегулярного (не по правилам) образования множественного числа хранят следы классного строя. Так, во множественном числе многих имён исчезают исходные согласные форм единственного числа: *-j*, *-p*, *-l*, *-s*, *-t*, *-q* и др. Например: *hiŋ* (мужчина) – *hon'*; *e:j* (сосна) – *e:n*; *qaj* (лось) – *qəp'*; *sa?k* (белка) – *sa:n*; *s'el'* (олень) – *s'en*.

Устанавливается симметрия и в выражении множественного числа, как в сфере имени, так и глагола. Морфологически множественное число выражается в кетском языке двумя бывшими классными показателями: *n* и *ŋ*. Аффиксы *n* и *ŋ* выполняют функции показателей множественного числа во всех частях речи, кроме прилагательных, где функционирует только суффикс *ŋ*, например: *qä* ‘большой’ – *qeŋ* ‘большие’. Ср.: *am* ‘мать’ – *amaŋ*, *beb* ‘сноха’ – *bebaŋ*, *hun* ‘дочь’ – *hunaŋ*, *hib* ‘сын’ – *hibaŋ*, *baŋ* ‘земля’ – *baŋan*.

Таблица № 3. Субъектно-объектные показатели кетского глагола и предикативные показатели имени (множественное число)

Лицо	Ряды / Класс	Показатели группы В				Показатели группы D					Предикативные суффиксы
		1-й ряд	2-ой ряд	3-ий ряд	4-ый ряд	1-й ряд	2-ой ряд	3-ий ряд (инф.)	4-ый ряд (инф.)	5-ый ряд (суф.)	
1-е		<i>daŋ</i>	<i>daŋ</i>	<i>daŋ</i>	<i>daŋ</i>	<i>di-</i>	<i>di:</i>	<i>-daŋ</i>	<i>-daŋ</i>	<i>-daŋ</i>	<i>-daŋ</i>
2-е		<i>kaŋ</i>	<i>kaŋ</i>	<i>kaŋ</i>	<i>kaŋ</i>	<i>gu</i>	<i>ku:</i>	<i>-kaŋ</i>	<i>-kaŋ</i>	<i>-kaŋ</i>	<i>-kaŋ/-gaŋ</i>
3-е	Одуш. Неод.	<i>aŋ i/ó</i>	<i>oŋ u</i>	<i>bu-ó</i>	<i>bu-ó</i>	<i>di b/ó /da-</i>	<i>du: bi/ó</i>	<i>-aŋ/-oŋ -b/-m-</i>	<i>-jaŋ/oŋ -ja/sa-</i>	<i>-aŋ -am</i>	<i>-aŋ -am</i>

Таблица хорошо показывает первоначальное отсутствие различия форм числа в глаголе (ряды 1-2 в группе D).

В конце активного строя симметрия активности/инактивности нарушается. Наступает этап очередного хаоса в языке, т.е. асимметрии. Это период перехода от языка активного строя к номинативно-аккузативному. Кетский язык ещё находится на этом этапе: множество субъектно-объектных показателей и сохранение многих черт активного строя, в частности, наличие категории версии: субъектно-объектные показатели, начинающиеся с *ba-*, выражают центростремительную версию, а с *bo-* - центробежную. Ср.: *baɣabda* –я слышу, но: *boks'ibej* –меня несёт ветром.

На материале индоевропейских языков схему перехода от симметрии к асимметрии и, наоборот, от асимметрии к симметрии можно проследить на примере аналитических конструкций в английском и немецком языках. В древнеанглийском языке было всего два времени: настоящее и прошедшее. Симметрия? – Да. Но уже на протяжении древнего периода начали появляться аналитические формы глагольных времён, т.е. симметрия переходила в асимметрию. Развитие аналитических форм глагола шло по линии ослабления лексического значения глаголов *sculan*, *willan*, *bēon*, *wesan*, *habban* и развития в них грамматического значения показателя той или иной формы времени. В древневерхненемецком языке происходит тот же процесс: из свободных бивербальных предикативных словосочетаний, число которых было достаточно велико, вырабатываются формы аналитических времён глагола: перфект, плюсквамперфект, футурум I и II, все формы пассива и статива. Лексические сочетания становятся морфологическими, т.е. можно говорить уже об установившейся симметрии. Состояние любого языка следует рассматривать как систему, находящуюся в движении в целом и в отдельных своих частях [ср. Жирмунский, 1976: 124].

Использованная литература

- 1.Крылов С.А. Некоторые особенности лингвистической концепции В.Г. Гака. 2004. Интернет.
- 2.Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
- 3.Можейко М.А. Синергетика. // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 925-934.
- 4.Климов Г.А. Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977.

5. *Поленова Г.Т.* Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). Изд-во ТГПИ. Таганрог, 2002.

6. *Georgiev, V.I.* Die Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien. // *Linguistique balcanique*. 1975. V. 13. №3.

7. *Поленова Г.Т.* Отражение картины мира древнего человека в мифологии, фольклоре и этнографии кетов. // Человек в современных философских концепциях. Материалы Четвёртой международной конференции. Волгоград, 28-31 мая 2007 г. в 4-х томах. Т.2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007¹. С. 599-602.

8. *Поленова Г.Т.* Роль мифологии и фольклора в исследовании истории языка. // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков. Сборник трудов Международной научной конференции (8-10 июня 2007 г., Таганрог, Россия). Ч. 1. Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2007². С 16-21.

9. *Поленова Г.Т.* Типологическая диахрония категории числа в енисейских языках. // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков. Сборник трудов III международной научной конференции (5-7 июня 2009 г., Таганрог, Россия). Ч. 1. Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2009. С. 32-40.

10. *Охотина Н.В.* (отв. редактор). Морфонология и морфология классов слов в языках Африки. Коллективная монография. М.: Изд-во «Наука», 1979.

11. *Жирмунский В.М.* Общее и германское языкознание. Л.: Изд-во «Наука», 1976.

Е. В. Полякова
(Таганрог)

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

Существует большое количество работ, направленных на выявление влияния языковых категорий на восприятие, членение и категоризацию действительности, приводящих к образованию национально-детерминированных языковых картин мира, складывающихся под влиянием различий в языке и культуре разных лингвокультурных сообществ (ЛКС). Являясь частью этнокультурного сознания, моральное сознание представляет собой ту его часть, которая определяется общ-

ностью единого, особым образом систематизированного фонда знаний и представлений, влияющего на алгоритм восприятия явлений действительности, систему норм и оценок, детерминирующих модели поведения индивида в обществе. Все эти накопленные знания, навыки, нормы межличностного приспособления, верования, моральные ценности составляют этическую культуру общности, которая определяет систему моральных установок и ценностей ЛКС.

Целью данной статьи является выявление роли социально-психических факторов в систематизации этических концептов в моральном сознании ЛКС.

Обыденное сознание реализуется в чувственных образах, порождаемых личностным опытом непосредственной взаимосвязи человека с природным миром. Оформленный в языковые структуры, с помощью которых организуется моральное сознание каждого конкретного социума, этот опыт становится всеобщим регулятивом. Другими словами, разнообразные знания, накапливаемые человеком и обществом в процессе их жизнедеятельности, образуют сложную динамическую систему моральных ценностей, которая и выражает осознанное отношение людей к своему бытию и определяет дальнейшее изменение этого бытия вместе с изменением окружающего мира. Возникновение норм и должного способа поведения в обществе происходит в неразрывном единстве с социальной психикой. Мораль при этом взаимодействии выполняет присущую ей ценностно-ориентирующую роль по отношению к поведению. Всякая моральная система нуждается в особых социально-психических механизмах, обеспечивающих влияние ее норм и оценок на индивидуальное поведение и их общественную поддержку.

Социально-психические проявления материализуются в этических концептах, составляющих систему морально-этических норм поведения людей в обществе, и формируются культурными установками конкретного ЛКС и в виде общественных канонов и стереотипов, которые являются обязательными для всех членов ЛКС. Каждое отдельное ЛКС обладает собственной системой моральных ценностей, характеризующихся универсальными и идиоэтническими чертами. Этические знания сами по себе, не воплощенные в реальные, социально значимые действия, не являются нравственной ценностью, и лишь посредством социальной психики создается почва для усвоения нравственных норм, вырабатывается нравственный образец, который актуализируется в этических концептах. Наиболее ярко особенности соци-

ально-психических явлений проявляются в этических концептах, выраженных идиомами, и хранятся в ассоциативно-образном основании этих языковых знаков. Исследование этических концептов, воплощенных в значении идиом, наиболее полно вскрывает особенности социально-психической общности, поскольку, если мораль осуществляет свою регулятивную функцию посредством общих для данного сообщества людей фундаментальных представлений о добре и зле, о правильном и неправильном, о достойном и недостойном, то социальная психика, воздействуя непосредственно на поведение, приводя его в соответствие с требованиями данной общности, является носителем не «истины» и не всегда «нормы-ценности», а одобрения или неодобрения со стороны сообщества, коллективного приятия или неприятия определенного действия и доверия или недоверия со стороны потребителя информации [Вичев, 1978: 52], что наиболее явно воплощается в коннотативном аспекте значения идиом и креативной деятельности фантазийно-игрового сознания в процессах фразеологического переосмысления.

Отличительная черта социальной психики состоит в том, что, отражая общественное бытие, она является не познанием общественного бытия, а эмоционально-побудительной и санкционирующей реакцией на события, факты, поступки и т.п., затрагивающие интересы данной общности людей. Социально-психическое состояние общественного сознания проявляется в форме эмоциональной реакции на события, поступки, опосредованные в значении идиом референцией не прямо к миру, а всегда через фреймовое включение, которое является посредником между значением языковой единицы и выполнением ей знаковой функции [Телия, 1996: 92]. Негативное отношение общества к человеку, подавляющему другого, повелевающего другими людьми реализуется идиомами, актуализирующими концепт “domination”:

1) *to boss someone around* – to give orders to someone; to keep telling someone what to do:

e.g. Stop bossing me around. I'm not your employee.

2) *to get someone over a barrel* – for someone to be put at the mercy of someone; to get control over someone:

e.g. Ann will do exactly what I say. I've got her over a barrel.

3) *to get someone under one's thumb* – to get control over someone:

e.g. All right, John. You've got me under your thumb. What do you want me to do?

4) *to have someone in one's pocket* – to have control over someone:

e.g. Don't worry about the mayor. She'll cooperate. I've got her in my pocket.

5) *to throw one's weight around* – to attempt to boss people around; to give orders:

e.g. Don't try to throw your weight around in this office. We know who our boss is.

Также негативно воспринимается ситуация, в которой человеку не оставляют возможности выбора

6) *to push (press) someone to the wall* – to force someone into a position where there is only one choice to make; to put someone in a defensive position:

e.g. There was little else I could do. They pushed me to the wall.

О человеке, который не подчиняется нормам и правилам, выработанным в определенном социуме, неодобрительно говорят, что такой человек это

7) *a law unto oneself* – one who makes one's own laws or rules; one who sets one's own standards of behavior:

e.g. You can't get Bill to follow the rules. He's a law unto himself.

Как можно видеть из приведенных примеров, в самом понятии власти нет ничего плохого, однако неприятие вызывает подавление воли другого человека, отражающее отрицательное эмоциональное состояние.

Усвоение моральных норм зависит не столько от рационального осознания норм и принципов, сколько от их глубокого эмоционального переживания. Этические концепты систематизируются вокруг чувств, в которых моральные знания, убеждения находят свое существование, поскольку человек познает и создает мир вокруг себя с чувством удовольствия или неудовольствия, восхищения или неодобрения, ненависти или сострадания и т.д. Эмоции и чувства отражают действительность в форме переживаний, они не содержат образа отражаемого, а выражают его ценность для представителей данного ЛКС. Каждой эмоции или чувству противостоит противоположное переживание, между которыми существует множество переходов: радости противостоит страдание, любви – ненависть, коллективизму – эгоизм, что находит отражение в наличии антонимических этических концептов, номинируемых идиомами. «В обыденном сознании семантическая неопределенность языка является одной из фундаментальных характеристик, поскольку самые глубинные слои языкового мышления, содержат слова и ФЕ, имеющие одновременно прямо противоположные

значения. Это может быть обусловлено тем, что человек в своих мысленных картинах отображает не бытие неподвижного мира, а свои действия в нем. Следовательно, в сознании людей фиксируются и особенности организации своих действий как «возмущающего фактора», и особенности упорядоченности предметной среды, возникающей в результате подобных ощущений» [Марков, 1993: 55].

Система морального сознания включает в себя концепты, актуализирующие моральные качества, моральные принципы и моральные чувства. Моральные качества являются понятиями нравственного сознания, с помощью которого в общественной жизни выделяются и характеризуются с моральной точки зрения наиболее типичные черты поведения людей. Примером морального качества в идиоматике английского языка может служить, например, концепт “deception”: *cover someone's tracks (up); dirty work; do a snow job on someone; do someone out of something; double-cross someone; gloss something over; have an ace up one's sleeve; lead someone down the garden path; monkey business; pull the wool over someone's eyes; red herring; sail under false colors; speak with a forked tongue* и другие.

Относительно моральной нормы моральные качества подразделяются на положительные и отрицательные, и не содержат указания на то, какие действия человек должен, а какие не должен совершать, а дают характеристику и оценку поведения человека. Социально-психическая природа таких явлений как сплетня, клевета, ложь, злословие, хвастовство состоит в выполнении функции отдушины, служа определенным эмоциональным целям, которые трудно с точностью обозначить, но которые показывают ложно адресованный способ проявить свое недовольство, желание бороться, не выступая прямо против противника [Вичев, 1978: 87].

Моральное сознание хранит стереотипные образы морального поведения, моральных принципов и моральных чувств личности, которые представлены такими концептами, как «совесть»: *lie somebody's door; a good conscience is a continual feast; pangs (pricks, twinges, worm) of conscience; come to terms with one's conscience; according to one's own lights*; «достоинство»: *to be worth one's salt; hold one's own; to hold one's head up*; «дружба»: *as thick as thieves; Siamese twins; friendship is not to be bought at a fair; fair-weather friend; son of a gun, etc.*; «репутация»: *hasty climbers have sudden falls; touch bottom; fall low; he that lies down with (sleeps) with dogs must rise with fleas; get a black eye; rate with someone* и многими другими концептами. Моральное поведение чело-

века отражено в таких концептах как «власть» *hold the reins; have somebody on the string; etc.* и концептах, отражающих средства ее достижения: «презрение» *laugh somebody to scorn; snap one's fingers at somebody;* «унижение» *crop somebody's feathers; give somebody the freeze;* «порицание» *call someone on the carpet; bite someone's head off; lay down the law; etc.* Среди положительно оцениваемых принципов морального поведения личности следует выделить концепт «помощь/благодетельство»: *charity begins at home; get (put, set) somebody on his legs; give a leg up to somebody; go to bat for somebody; stand by somebody's side, etc.*

Моральные чувства, переживаемые человеком, широко представлены идиоматикой английского языка. Концепты, актуализирующие моральные чувства, группируются вокруг центрального для человека концепта «жизнь/судьба». Такие концепты как «стыд», «совесть» и «страх», связаны с функциями социального контроля и выражают способность человека быть объектом и субъектом оценки. Концепт «гнев» актуализирует моральное чувство, являющееся эмоциональной реакцией на изменяющуюся обстановку, и представляет собой ситуационное нравственное чувство. Такие концепты как «счастье», «несчастье», «печаль», «тоска», «страдание», «любовь», «ненависть», «надежда» репрезентируют устойчивые психические состояния.

В обыденной практике люди имеют дело со стереотипными ситуациями, которые кодируются системой моральных норм, выраженных в этических концептах, согласно которым все члены общества представляют как себя вести. Многообразный опыт человеческих взаимоотношений закрепляется в идиоматических выражениях, поговорах и пословицах, представляющих собой наивную систему нравственных ценностей, которые являются критерием моральной аутентичности. Этот опыт образует инвариантное ядро морали, закрепляется в когнитивной базе ЛКС и систематизирует ее национально-специфичное культурное пространство.

Систематизация идиоматических этических концептов на социально-психической основе показывает, что в моральное сознание англичан входят этические концепты, номинирующие моральные качества личности, моральные поступки, принципы и моральные чувства, являющиеся результатом эмоционально-побудительной реакции на события, факты, поступки, затрагивающие интересы данной общности людей.

Использованная литература

1. Вичев В. Мораль и социальная психика. М.: 1978
2. Марков Б.В. Разум и сердце: история и теория менталитета. Спб:1993
3. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов -знаков-микротекстов//Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М.: 2004
4. Richard A. Spears NTC's Thematic Dictionary of American Idioms. NTC Publishing Group: 1997

Н. С. Помогаева
(Таганрог)

ЯВЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ (на материале сложноподчиненных предложений с придаточными времени и сложносочиненных предложений)

Проблема синонимии вообще, и синтаксической синонимии в частности, сложна и неоднозначна. Различные ее аспекты привлекали внимание не только лингвистов, но и деятелей других наук, прежде всего философии, семиотики, психологии. Это вполне естественно, так как «сопоставление синонимических структур позволяет глубже проникнуть в сущность языковых явлений, полнее раскрыть функционально-семантические особенности синтаксических единиц» [Кононенко, 1967: 3].

Говоря о синтаксической синонимии, мы исходим из того понимания синтаксических синонимов, которое содержится в работах В.П. Сухотина: «Под синтаксическими синонимами мы понимаем такие различающиеся по структуре свободные соединения слов (словосочетания), а также предложения, их части и более сложные синтаксические образования данного языка в данную эпоху его развития, которые выражают однородные отношения и связи явлений реальной действительности. Однородность выражаемых отношений доказывается, как правило, возможностью взаимозамен без ущерба для смыслового и грамматического значения сопоставляемых конструкций. Само понятие синонима предполагает не одинаковые, а именно разнотипные образования» [Сухотин, 1956:13]. Предлагаемое понимание син-

таксической синонимии хорошо согласуется с закономерностями когнитивной деятельности человека. Между различными наблюдаемыми объектами первоначально отыскиваются коренные черты сходства, что позволяет системно ограничить круг исследования. Затем, при более пристальном рассмотрении каждого объекта внутри намеченного круга отыскиваются и систематизируются их отличительные (дифференцирующие, дистинктивные) признаки.

Проведённое исследование базируется на учении о семантических формах мышления П. В. Чеснокова. Мысли, выражаемые значимыми единицами языка, имеют две стороны: содержание, отражающее те или иные факты действительности, и форму, представляющую внутреннюю структуру этого содержания. Существует два типа форм мышления – логические, порождаемые потребностями процесса познания, которые являются общечеловеческими по своему характеру, и семантические, обусловленные особенностями грамматического строя языка, которые могут различаться в разных языках и на разных этапах развития одного языка. Логические и семантические формы – две стороны единого мыслительного процесса. Семантические формы противопоставлены логическим. Но те и другие нельзя разрывать, они существуют в единстве, так как принадлежат одной области мышления – языковой [Чесноков, 1992: 23].

Различные высказывания с тождественным или близким содержанием, воспроизводящие различные семантические формы мышления, образуются на основе парадигматики альтернативных синтаксических моделей. Таким образом, если одно и то же содержание может быть выражено с использованием различных синтаксических конструкций, наполняющихся соотнесенными лексемами с их варьированием на морфологическом и словообразовательном уровнях, то такие конструкции могут быть признаны синтаксическими синонимами.

Поскольку исследование индивидуальных комбинаций языковых средств в речи, выражающих тождественное или близкое содержание, должно проводиться с учетом формально-семантических различий отвлеченных синтаксических схем, которые используются при описании одной и той же ситуации, предметом детального анализа в данной статье стали соотносимые синтаксические единицы: сложноподчиненные с придаточным времени и сложносочиненные предложения. Идентичность этих конструкций заключается в их объективном содержании, а различия наблюдаются не только в материальных струк-

турах, но и в тех формах мысли, которые соответствуют каждой структуре.

Рассмотрим предложения интересующих нас конструкций:

1. Когда лейтенант заснул, двери во всех купе закрылись... (Булгаков) / *Лейтенант заснул, и двери во всех купе закрылись.*

2. В то время как он отъезжал от батареи, налево тоже послышались выстрелы в лесу... (Л.Н. Толстой) / *Налево послышались выстрелы в лесу, но он уже отъезжал от батареи.*

3. Как только отъехала коляска и скрылась из вида, в окне показался Степан. (А.П. Чехов) / *Коляска отъехала и скрылась из вида, и Степан показался в окне.*

Исследовав синонимичные конструкции, мы можем отметить, что основные различия семантических форм содержания сложноподчиненного предложения с придаточным времени и содержания сложносочиненного предложения состоят в следующем.

Изменяется характер охвата содержания. В сложноподчиненном предложении обогащается содержание релата, то есть придаточная часть. В сложносочиненном предложении идея отношения присоединяется к той части, которая соответствует главному предложению в сложноподчиненном, то есть в данном случае обогащается содержание референта. Отношение между высказываниями остается в основном тем же, что и в сложноподчиненном предложении, изменяется лишь форма связи и выраженный ею характер синтаксической зависимости.

Следующее изменение можно выявить в таком параметре, как направленность отношений между компонентами мысли. В сложноподчиненных предложениях с придаточным времени придаточная часть целиком связана с главным предложением, главная часть может находиться как в препозиции по отношению к придаточной части, так и в постпозиции, в то время как в сложносочиненном предложении референт, соответствующий придаточной части, не может предшествовать релату. Таким образом, в СПП с придаточным времени компоненты могут меняться местами, но отношение всегда направлено от главной к придаточной части, а вот в ССП порядок слов один – главная часть всегда находится после придаточной.

На основании проведенных исследований сложноподчиненных предложений с придаточными времени и их трансформов (ССП) можно сделать следующее заключение.

Обратимость СПП с придаточными времени в ССП является одним из критериев синонимии исходных предложений и их трансформов, поскольку и те и другие отражают одну и ту же типовую ситуацию.

Что касается ССП, то их временные отношения выражены при помощи определенного порядка следования их предикативных частей.

Использованная литература

1. Кононенко В.И. Синонимика синтаксических конструкций с сравнительным союзом в современном русском литературном языке. АКД. Киев, 1967.

2. Сухотин В.П. Из материалов по синтаксической синонимике. В сб.: «Исследования по синтаксису русского литературного языка». М., Из-во АН СССР, 1956.

3. Чесноков П. В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. Таганрог, 1992.

И. А. Проничева
(Тула)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ СОННИКОВ

Сонники как перечень ключевых лексем (предметов, лиц, действий, появляющихся во снах) и их значений являются органической частью «общего знания» традиции, поэтому их изучение с точки зрения лингвокультурологии необходимо при исследовании культуры народа.

Сновидение как культурная реалья существует только в качестве нарратива или символа. Подробный пересказ сна (нарратив) характерен для устной народной традиции снотолкования. Сон-нарратив обладает подобием сюжета. При толковании такого вида сновидений необходим индивидуальный подход, учитывающий весь комплекс символов и их взаимодействие.

В сонниках представлены толкования снов – символов. В отличие от сна – нарратива, являющегося подробным пересказом сновидения с учетом всех образов, появившихся в нем, и их взаимодействия, сон –

символ имеет четкую структуру, аналогичную структуре словарной статьи: слева – образ сновидения, справа — толкование.

Сон – символ предполагает интерпретацию единичного ключевого образа сновидения. Возможна как универсальная, так и индивидуальная трактовка некоторых символов. Иногда сон-символ рассматривается вне контекста (элементов сна-нарратива): «*лиса – лукавый враг*» [Миллион снов, 1901: 67]. Но в большинстве случаев для интерпретации символа необходимы элементы контекста.

Польская исследовательница С. Небжеговска ввела понятие «минимальный текст снотолкования», подразумевая при этом «лаконичные предложения типа *когда снятся яйца, то это сплетни*». [Небжеговска, 1994: 67] Сонник – это «комплекс минимальных текстов снотолкования, складывающихся, подобно лексемам в словаре, в словарь символов сновидений». [Небжеговска, 1994: 67]

Существуют два подхода к анализу текстов сонников с точки зрения лингвокультурологии: анализ состава образов и анализ интерпретации образов сонников.

Образы, входящие в состав текстов сонников, в своей совокупности представляют симболярий культуры. «Симболярий культуры – это совокупность знаков различных семиотических систем, обладающих культурной семантикой» [Токарев, 2009: 44] Симболярий культуры является перечнем базовых образов. Единицы культурного симболярия появляются и функционируют в том или ином культурном тексте.

Понятия текста культуры и симболярия культуры являются смежными. И культурный симболярий, и культурный текст представляют собой совокупность культурно маркированных знаков. Однако симболярий культуры включает в себя парадигматический аспект этой совокупности (перечни культурно маркированных знаков), а текст культуры – синтагматический, функциональный.

В данной работе текстом культуры является сон, т.е. образы сновидений. Перечень образов и их толкований, представленный в соннике, выступает как симболярий культуры. Анализ состава образов сонников необходим, так как, если рассматривать сновидение как язык, то сонник представляет собой словарь этого языка.

Следует обратить внимание на способ расположения образов в составе сонника. Образы могут быть классифицированы на основании их принадлежности к различным тематическим группам. Данный способ характерен для современных авторских сонников. Например, в разделе «География сна» представлены следующие тематические

группы: «Вода», «Воздух», «Земля», «Небо», «Постройки», «Свет». Раздел «Спящий» включает в себя группы «Голова», «Тело», «Обувь», «Одежда и украшения». Рассматриваемый способ расположения образов отличается системностью, но является неудобным для читателя, т.к. далеко не все образы сна можно четко классифицировать. В связи с этим, данный способ расположения образов препятствует быстрому нахождению определенного образа. Наиболее удобным способом расположения образов в соннике является алфавитный, представленный в большинстве дореволюционных и современных сонников.

Анализ состава образов сонников возможен в диахроническом и синхроническом аспекте.

В синхроническом аспекте логично рассмотреть образы сонников с точки зрения их принадлежности к тому или иному коду культуры. Культурный код – «система означивания, то есть сформированная стереотипами лингвокультурного сознания совокупность знаков и механизмов». [Алефиренко, 2002: 61-62] Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Нельзя не согласиться с учеными (В.В. Красных, Г.В. Токарев), что набор кодов культуры универсален для всего человечества. Следует отметить, что их репрезентации всегда национально и культурно детерминированы. Количество культурных кодов ограничено, и разнообразие культур разных народов обусловлено трансформацией известных культурных кодов.

Культурный код определяется по базовому образу в результате обобщения внутренних форм однотипных косвенных номинаций. В текстах сонников представлены биоморфный, антропоморфный, анимический, фетишный, акциональный и мифологический коды культуры. Базовым образом биоморфного кода является «растение»/ «животное», антропоморфного кода – «человек», анимического – «природная стихия», фетишного – «предмет», акционального – «действие», мифологического – «мифическое существо». С точки зрения естественного языка в состав кодов культуры входят различные лексические и фразеологические единицы. Лексические единицы представлены лексемами, принадлежащими к знаменательным частям речи. Так как сонник подобен словарю, т.е. перечню ключевых лексем, лексические единицы, входящие в его состав, могут быть классифицированы в соответствии с их отнесенностью к различным кодам культуры. Особенностью сонника является тот факт, что в качестве ключевых лексем выступают только имена существительные и глаголы. Лексемы других

частей речи, в частности, имена прилагательные, наречия, причастия, могут входить в состав минимального текста снотолкования в качестве дополнительных, уточняющих лексем. Например, «мост – символ надежности и поддержки. Полуразрушенный, неотремонтированный или ненадежный подвесной мост – недобрый знак, наяву Вас что-то сильно огорчит, выбьет из привычной колеи жизни, возможно, не на шутку испугает, вызовет панику. Прочный, основательно построенный мост – наяву Вы должны быть готовы к выполнению очень ответственного и чрезвычайно сложного поручения» [Современный сонник 2008: 98] Данное толкование иллюстрирует, что включение уточняющих лексем в минимальный текст снотолкования способно изменить семантику рассматриваемого образа.

С точки зрения диахронического подхода, следует отметить, что симболярий сонников претерпел значительные изменения с течением времени. Эти изменения коснулись как состава образов, входящих в состав сонника, так и подхода к интерпретации образов. Особенно подвержен изменениям состав антропоморфных и фетишных образов. Этот факт объясняется тем, что данные изменения затрагивают образы, имеющие отношение к социальной сфере, а также к научно-техническому прогрессу.

Устаревшие лексемы принадлежат к числу архаизмов (*сапожник, цирюльник, каторжник*) и историзмов (*агитатор, камер-юнкер, гусар*). Реалии, для обозначения которых служили данные лексемы, исчезли полностью или изменились коренным образом. Данный исторический процесс привел к забвению лексем, называющих исчезнувшие явления (*капельдинер, сбитеничик*), и появлению новых лексем, заменивших устаревшие (*цирюльник – парикмахер, половой – официант*). Наименее подвержены изменениям образы, принадлежащие к биоморфному, акциональному, анимическому и мифологическому кодам культуры.

Помимо исторически и социально обусловленного исчезновения или замены лексем, составляющих симболярий сонников, наблюдается процесс проникновения в состав снотолкований многочисленных неологизмов, обозначающих приметы современной эпохи (например, *налоговый инспектор, бомж, поп-звезды, руководитель, турист, журналист, космонавт, компьютер, видеофильм, супермаркет, телефон, фонограмма, диссертация, контракт, джинсы, дубленка*). Следовательно, симболярий сонников обогатился большим количеством неологизмов и утратил архаизмы и историзмы.

Вторым направлением лингвокультурологического анализа сновиков является рассмотрение толкований образов. В синхроническом аспекте изучается подход к интерпретации конкретного образа. Важным фактором является наличие или отсутствие уточняющих лексем.

Как правило, антропоморфные образы представлены единичной лексемой, выраженной именем существительным, и не включаются в минимальный текст снотолкования. Например, *«клоун – насмешка, глупое положение»* [Смирнов, 2003: 258] Данное толкование репрезентирует отрицательные коннотации лексемы *«клоун»*. Во вторичной номинации эта лексема используется для обозначения нелепого человека, поведение которого вызывает насмешливо-неодобрительную реакцию окружающих.

Ключевые образы сновидений, выраженные лексемами, принадлежащими биоморфному коду культуры, могут сопровождать глагольными лексемами, называющими действия тех или иных животных, и эпитетами. Причем, глаголы радикально меняют общую семантику образа. Например, *«собака – друг, помощник, покровитель; (большая) – высокая протекция, поддержка; (черная) – депрессия; (кусает) – обида на близких, знакомых; (собаки дерутся) – домашний скандал»* [Смирнов, 2003: 211]

Толкования анимических образов часто содержат глагольные лексеммы. Например, *«вода чистая – благополучие, мутная – печаль, студеной – здоровье, пить воду – скука, броситься в воду – быть преследуемым, погружаться в воде – затруднительное положение, омыть руки: для больного – трудное положение, для здорового – отрешение от дел»* [Миллион снов, 1901: 30] В данном толковании определяющую роль играет минимальный текст снотолкования, включающий эпитеты (*«чистая»*, *«мутная»*, *«студеная»*) и глаголы (*«пить»*, *«броситься»*, *«погружаться»*, *«омыть»*). Единицы акционального кода культуры, обозначающие действия относительно водных объектов, т.е. единиц анимического кода культуры, содержат культурные коннотации, на которых базируются толкования.

Изучение толкований сновидений в диахроническом аспекте позволяет проследить изменение подходов к интерпретации рассматриваемого образа. Изменение подхода к толкованию антропоморфных образов будет рассмотрено на примере образа *«толпа»*. *«Видеть себя среди народной толпы – знак, что случится Вам провести время в одиночестве»* (старое толкование) [Энциклопедия сновидений, 2004: 318] Старое толкование основано на принципе антитезы, являющемся

архаичным в современных сонниках. Антитезные толкования проникли в дореволюционные сонники посредством влияния народной традиции.

В современных толкованиях принцип антитезы выступает как исключение, а не правило, и подобные толкования крайне редки. *«Сон, в котором Вы видите чем-то разгоряченную людскую толпу, предвещает Вам в недалеком будущем большую сумятицу в делах или в семье»* (современное толкование) [Энциклопедия сновидений, 2004: 318] *«Толпа – общественное мнение/собственные низшие стихийные эмоции и силы, необдуманность поступков; (находиться в гуще) – потеря индивидуальности, ощущение своей незначительности/ желание затеряться, скрыться, спрятаться»* [Смирнов, 2003: 234]

Представленные современные толкования вербализуют культурные коннотации, присущие лексеме «толпа». Данная лексема обладает отрицательными коннотациями «суета», «стихийность», «обезличенность».

Таким образом, произошел переход от антитезного принципа толкования к коннотативному. Этот процесс характерен для большого числа антропоморфных образов.

Старые и современные толкования анимических образов также базируются на различных принципах. Рассмотрим толкования образа *«радуга»*. Лексема *«радужный»*, дериват лексемы *«радуга»*, имеет положительные коннотации *«радостный, приятный»* (радужные перспективы). В связи с этим, образ *«радуга»* является положительным.

В дореволюционном соннике *«радуга – печаль, обман»* [Миллион снов, 1901: 77] Толкование *«радуга – печаль»* является антитезным, так как в сознании русского человека радуга ассоциируется с радостью, счастьем. Толкование *«радуга – обман»* основано на бытовых знаниях, указывающих на недолговечность радуги: она появляется на небе, люди любуются ею, но вскоре радуга исчезает. Оба подхода к интерпретации образа *«радуга»* не вербализуют культурные коннотации.

Современные толкования образа *«радуга»* основаны на коннотациях лексемы *«радужный»*. *«Радуга, увиденная во сне, сулит Вам исполнение Ваших самых сокровенных и, казалось бы, неосуществимых желаний. Стремиться коснуться ее руками – значит проявить удивительную для нашего времени и весьма похвальную доверчивость»* (современное толкование) [Энциклопедия сновидений, 2004: 262]

В результате изменения подхода к интерпретации образов сонников антирезные, мифологически обусловленные и прямые толкования уступили место толкованиям, репрезентирующим культурные коннотации ключевых лексем.

Таким образом, возможны различные подходы к лингвокультурологическому анализу текстов сонников. Рассмотренные подходы решают следующие задачи: изучение состава образов и его исторического изменения, а также изучение интерпретации конкретных образов в синхроническом и диахроническом аспектах.

Лингвокультурологический анализ текстов сонников позволяет изучить восприятие и интерпретацию образов, принадлежащих к различным культурным кодам, русской лингвокультурой.

Использованная литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002.
2. Миллион снов. Новый и полный сонник: Предсказание снов, гадание на картах и пр. Распознавание будущего по рукам и по лицу человека. – Репринтное воспроизведение издания 1901 года. – М.: Совместное советско-канадское предприятие Книга – принтшоп, 1990.
3. Небжеговска, С. Сонник как жанр польского фольклора [Текст] // Славяноведение. 1994. № 5.
4. Смирнов, Т. Современный психоаналитический эзотерический сонник для сновидящих. – М.: Амрита – Русь, 2003.
5. Современный сонник. – М.: Эксмо, 2008.
6. Токарев, Г.В. Лингвокультурология: Учеб. пособие/ Г.В. Токарев. – Тула: Изд-во Тул.гос.пед.ун-та им. Л.Н. Толстого, 2009.
7. Энциклопедия сновидений/ Сост. А. Маренина. – Челябинск: Аркаим, 2004.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫК ДОСТОЕВСКОГО: ПРАГМАТИКА МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Влияние французского языка, французской литературы и культуры на Россию трудно переоценить. Многие русские писатели говорили, писали и просто думали по-французски, среди них самые популярные и читаемые не только в России, но и во всем мире: Пушкин, Толстой, Достоевский... Но при этом у каждого из них было свое отношение к Франции и “свой” французский. Если о произведениях Л.Н.Толстого можно говорить как о русско-французской литературе, то творчество Ф.М.Достоевского при всем его своеобразии всегда было исконно и глубоко русским. Несмотря на то, Ф.М.Достоевский хорошо знал французский язык, читал французскую литературу в подлиннике, и даже переводил О.Бальзака на русский язык, он очень дорожил русским языком как символом русской культуры и видел будущее России в возвращении к народным началам, к родным корням.

Нельзя сказать, что отношение Ф.М.Достоевского к западной культуре было однозначно отрицательным, скорее оно было двойственным. Он уважал и ценил «все великое и прекрасное», совершенное европейцами, и, думается, что самой большой святыней Европы была для него именно литература. С другой стороны, писатель не мог принять целый ряд западных ценностей и открыто выступал против «лакейского подражания Европе». «Заёмную европейскую цивилизацию», европейскую культуру, «отвергнувшую Христа», Ф.М.Достоевский считал «чуждой русской душе», о чем красноречиво свидетельствуют следующее его высказывание: «Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных, - точно так, как мы не могли бы носить чужое платье, сшитое не по нашей мерке». [Т. 18, с.36]

Носителем же западной культуры, как и иностранного языка, является «так называемое прежде «образованное общество», сбор всего отрешившегося от России, не понимавшего её и офранцузившегося» [Т.28,кн.2, с.259]. В этой связи показательно, что эмиграция для Ф.М.Достоевского – не столько факт выезда за границу, сколько при-

верженность иной, западной культуре, одним из знаков которой является использование иностранного языка. Поэтому "духовных" эмигрантов, «заграничных выкормков», как называет их писатель, он находит и среди тех, кто живет в России.

Посвящая целые главы дневника писателя беспощадной критике русских, говорящих на французском языке, Ф.М.Достоевский характеризует их как «международных межеумков», которые перестают «родиться с живым русским языком» и способны лишь на то, чтобы «говорить длинные речи чужими мыслями и чужими фразами». Этот «выветрившийся слой» общества он противопоставляет народу как носителю исконно русской культуры. Различие языков, наряду с различием ценностей и культурных норм, рассматривается Ф.М.Достоевским в качестве одной из причин непонимания народом высшего общества: «Высшие классы скоро утеряли самый язык, на котором говорила масса. Чужестранный элемент развился в небывалых размерах...» [Т.20, с.15]

Как писатель-реалист, Ф.М.Достоевский не мог не отразить в своем творчестве русско-французское двуязычие, характерное для того времени. Однако, длительное и системное исследование иноязычных вкраплений в творчестве писателя убедило нас в сложности и неоднозначности возможных трактовок их функционирования в художественном тексте. Даже употребление личных имен нельзя однозначно свести к номинативной функции, поскольку имена некоторых персонажей-иностранцев приводятся в русифицированном виде (например, мистер Астлей, Де-Грие в «Игроке»), тогда как русские имена других персонажей оформляются как иноязычные вкрапления (например, Лиза Хохлакова в «Братьях Карамазовых» именуется Lise, Мария Шатова в «Бесах»— Marie). С точки зрения социальной характеристики трудно объяснить, почему персонажи равного социального статуса различаются по признаку употребления иноязычных вкраплений. Парадоксально также, что русские по происхождению персонажи, находясь в России, употребляют не меньше (а Степан Трофимович Верховенский из романа «Бесы» даже больше) иноязычных единиц, чем французы. Все вышесказанное приводит нас к выводу о необходимости более глубокого, детального и, по возможности, всестороннего анализа контекстов употребления иноязычных единиц, составляющих объективную базу исследования.

Ситуация проясняется, если рассмотреть вышеуказанные несоответствия через призму индивидуально-авторского мировосприятия. На

фоне постоянной полемики Ф.М. Достоевского с западниками и, исходя из неприятия им европейской цивилизации и западного пути развития, взаимодействие элементов различных языков может символизировать противостояние или противопоставление культур. Из всего вышесказанного следует, что сосуществование и взаимодействие разных языков в творчестве Ф.М. Достоевского опосредовано выражает представления писателя о той или иной культуре. Языковые знаки выступают у Достоевского в качестве символов семиотических систем разного уровня: языка – религии – культуры. Причем, сравнение своей и чужой культур у Достоевского эмоционально окрашено. [Кретов, Проценко, 2002:95]

Поскольку иноязычные единицы соотносятся Ф.М. Достоевским с иной культурой, «чуждой русской душе», использование иноязычных вкраплений является одним из средств «отчуждения». Даже именование русских персонажей на иностранном языке является знаковым. Это своего рода клеймо, символ авторского отношения. С этой же точки зрения, присутствие/отсутствие иноязычных единиц или частота их употребления в речи персонажей можно рассматривать как показатель степени их «отчужденности», оторванности от России. В доказательство справедливости такого понимания можно привести множество фактов. И прежде всего то, что «любимые» персонажи Достоевского, носители русской культуры, народного духа и христианского мировосприятия, никогда не говорят на других языках. Напротив, оторванные от России и родной почвы «западники» (преимущественно из высшего сословия), которые считают, что «Россия свинство» [БрК 122] не могут обойтись без французского языка как признака их возвышенности и утонченности.

Таким образом, для выявления прагматики межъязыковых взаимодействий более эффективным представляется индуктивный путь – от анализа конкретных словоупотреблений к выявлению неких общих функций иноязычных вкраплений в их соотношении с индивидуально-авторской картиной мира. Основываясь на суггестивном компоненте художественной формы, мы провели обобщенную классификацию функций иноязычных вкраплений из французского языка. При этом иноязычные вкрапления рассматриваются как целое, неделимое на отдельные языковые знаки единство.

«В аспекте понимания (декодирования) французскому языку свойственна большая зависимость слова от окружения и высказывания от контекста. В русском языке упот-

ребляется сравнительно чаще прямая номинация, не зависящая от контекста», - заметил В.Г. Гак [Гак, 2000:84]. И действительно, как уже отмечалось выше, употребление иноязычных вкраплений очень редко ограничивается “чистой номинацией”. Тем не менее, можно выделить целую группу случаев, когда номинативная функция иноязычных вкраплений очевидна:

- наименования печатной продукции: названия газет, журналов, художественных произведений, например: “*Indépendance belge*” [Ид 106], “*Confessions*” [ПН 88], “*Madame Bovary*” [Ид 499], “*Misérables*” [Пд 383];

- топонимические указатели: названия городов, улиц, отелей и других заведений, например: *Vernex-Montreux* [Бс 46], *Rue Vivienne* [ЗЗ 77], *Bal-Mabile* [Иг 308];

- специфические реалии французского быта, например: *pot-au-feu* [ЗЗ 75], *bonnet de coton* [ЗЗ 96], *table d’hôte* [Иг 209], *parfait amour* (название вина) [УО 262].

Гораздо чаще иноязычные вкрапления используются в иносказательной функции. В этой группе мы объединили случаи собственно иносказательного употребления иноязычных вкраплений и аллюзию. В первом случае французский язык используется для косвенного, перифразированного обозначения того, о чем говорящий не осмеливается сказать прямо, т.е. в данном случае по-русски. Так, например, в романе «Бесы» под французским выражением *activité dévorante* подразумеваются полицейские преследования, возможные аресты и преследования со стороны властей, что впрочем, вполне очевидно при расширении контекста: «Вся тайна в том, что тут всё зависит от взглядов правительства. Пусть правительство основывает там хоть республику, ну там из политики или для умирения страстей, а с другой стороны, параллельно, пусть усилит губернаторскую власть, и мы, губернаторы, поглотим республику; да что республику: всё, что хотите, поглотим; я по крайней мере чувствую, что готов... Одним словом, пусть правительство провозгласит мне по телерафу *activité dévorante* и я даю *activité dévorante*.» [Бс 246]

В случае аллюзии иноязычные вкрапления в завуалированной форме указывают на то, о чем говорящий думает, но не называет. В некоторых случаях намек очевиден и реализуется сочетанием глагола *comprendre* (понимать, догадываться) с личным местоимением: «Наши пройдохи - *vous comprenez* – его ловят, ищут, ташат его нарасхват...!»

[ДС 329] или «Ни малейшего намека на то (tu comprends?) и в высшей степени умение говорить дело и говорить превосходно...» [Пд 108]

В виду особой употребительности в творчестве Ф.М. Достоевского крылатых выражений, поговорок, афоризмов, представляется возможным особо выделить афористическую функцию. Прежде всего к ней относятся крылатые фразы и афоризмы, которые в краткой форме выражают определенную жизненную позицию, например “*Après moi le déluge*”, “*Pire ça va, mieux ça est*”. Близким по функции оказывается, на наш взгляд, и употребление ряда устойчивых словосочетаний, выражающих готовые, общеизвестные понятия, такие как *bon sens*, *comme il faut*. Так, *bon sens* в нижеследующем контексте явно рассматривается говорящим как более точное и сжатое определение того понятия, которое он пытается определить по-русски: «Впрочем, он умный человек; есть этот *bon sens*, трезвое, практическое понимание вещей...» [СА 11]

Таким образом, под афористической функцией мы понимаем употребление иноязычных устойчивых сочетаний разного рода как более точное и лаконичное выражение определенного понятия или идеи. Собственно же афоризмы, как и цитаты, могут использоваться и в других функциях, например, аргументации. Тем не менее, такое употребление “готовых” выражений далеко не всегда является эмоционально нейтральным. Иноязычные вкрапления могут создавать определенные внетекстовые ассоциации и имплицитно выражать отношение автора. Наиболее показательным в этой связи является следующее высказывание о французском характере: «По-моему, впрочем, никакой формы и нет, а один только петух, *le coq gaulois*» [Иг 230]. Как известно, галльский петух как символ Франции и французского характера не раз использовался ее противниками в карикатурах и различных сатирических аллегориях, не говоря уже о тех ассоциациях, которые вызывает данный зооморфизм в русском языковом сознании.

Значительная доля иноязычных единиц используются как функционально-стилевое средство, представляя собой знак более высокого по сравнению с русским языком стиля. Переменяя свою речь иноязычными вкраплениями, персонажи подчеркивают свою благонравность, учтивость, принадлежность к высшему свету, образованному обществу. Данную функцию условно можно обозначить как функцию авторитетности, имея в виду употребление французского языка как более значимого и высокого по стилю. В ряде случаев иноязычные вкрапления используются параллельно с соответствующими русскими

эквивалентами, являясь при этом в градации синонимов вершиной, наиболее выразительным средством, например: «Ну, знаете, этот аристократизм, beau monde!...» [СС 48]; «Разумеется, для изящества, для эстетики, pour paraître...» [ЗЗ 60]; «Видите ли, сколько во мне этой милой простоты, откровенности, этой bonhomie» [УО 359].

Иноязычные вкрапления рассматриваются при этом как высшая похвала, более значимое, торжественное, впечатляющее и, в конечном счете, более выразительное средство. Такое понимание иностранного языка объясняется самим Ф.М.Достоевским в одном из его произведений: «...потому что русские спроста всякому вздору верят, а уж и по-давно тому, что француз прокричал» [Иг 235]. Однако, поскольку сам автор не придерживается такого взгляда, возникает внутреннее противоречие между точкой зрения автора и персонажа, которое лежит в основе создания иронического эффекта и помогает писателю подчеркнуть неестественность, наигранность и фальшивость поведения персонажей.

Ирония обычно возникает как следствие контраста между формально возвышенной иноязычной формой и в действительности критичным отношением повествователя, которое становится очевидным из контекста, например: «В эти минуты он даже впадал в какое-то уныние, особенно разыгрывался его гемморой, называл свою жизнь une existence manquée <...>» [СА 7]. Иронический эффект создает также употребление иноязычного вкрапления в неожиданной, несоответствующей по смыслу ситуации. Так, например, говоря о том дне, когда Иван Ильич после приключившегося с ним “скверного анекдота”, решил все же отправиться в канцелярию, повествователь употребляет выражение “в одно прекрасное утро”: «Наконец, по прошествии целых восьми дней сомнений и муки, он почувствовал, что не может более выносить неизвестности, и un beau matin решил отправиться в канцелярию.» [СА 44]

Употребление иностранного языка может также создавать пародийный, комический эффект, окрашивать разговор в шуточные тона. В таких случаях употребление иноязычных вкраплений (в том числе и цитат) является как бы игровым, и разговор переводится в шутку, причем веселое настроение и смех собеседников всегда подчеркивается в контексте, например: «Мы очень смеялись, вместо простыни постлали рубашку, а вместо подушки постлали пальто. Помню, как Зверев, окончив работу, с любовью щелкнул по дивану и проговорил мне: - Vous dormirez comme un petit roi! И глупая веселость его и француз-

ская фраза, которая шла к нему как к корове седло, сделали то, что я с чрезвычайным удовольствием выпался тогда у этого шута.» [Пд 139]

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что французский язык используется Ф.М.Достоевским как экспрессивное, эмоционально-оценочное средство и эффективный стилистический прием. Анализ контекстов употребления иноязычных вкраплений показывает, что их функции весьма разнообразны. Более того, учитывая индивидуально-субъективные особенности восприятия художественного текста, далеко не всегда можно однозначно и безоговорочно определить роль и назначение иноязычных вкраплений. Поэтому мы склоняемся к концепции полифункциональности иноязычных единиц, причем **понимаем ее** как распространяющуюся не только “вширь”, но и “вглубь”, своего рода пирамиду, состоящую из нескольких уровней. Вершиной, т.е. функцией наиболее общего порядка, является отражение реального двуязычия как приметы времени. Следующие по степени обобщения уровни – уровень жанра, произведения и персонажей – также включают универсальные, наиболее общие функции. Однако, доля индивидуально-авторского своеобразия увеличивается прямо пропорционально продвижению от вершины пирамиды к ее основанию, которым и является уровень конкретного словоупотребления. Этот “глубинный” уровень представляет собой точку пересечения различных функций, как одного порядка, так и разного уровня иерархии.

Использованная литература

- 1.Гак В.Г. Язык Пушкина и французский язык. / В.Г.Гак // ВЯ, 2000. - №2. - С.79-89.
- 2.Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30т./ АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Л.: Наука, 1972.
- 3.Кретов А.А. Переключение языковых кодов как отражение индивидуально-авторской картины мира/ А.А.Кретов, Е.А.Проценко // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2002. – Вып. 4. – С. 92-98.

ЭПИТАФИЯ КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной статье речь идет об эпитафии как части культуры народа. В ней подчеркивается этическая и эстетическая функция эпиграфических надписей на памятниках. Ведь духовный расцвет общества немыслим вне связи с историко-культурным наследием. Надгробные надписи являются историческими документами, хранилищем языка и письменности народа, раскрывают его мировоззрение, образ жизни, этические и эстетические предпочтения. Надгробия с сохранившимися текстами представляют большую ценность вследствие того, что отражают эволюцию письменности и языка народа, населяющего край, тем самым показывают вехи становления культуры. Сохраняя письменность и воплощенный в ней язык, надмогильные камни играют роль старинных рукописей, а кладбища, где они сосредоточены, представляют собой хранилища ценных исторических документов. Через рассмотрение эпитафий можно проследить даже стадии формирования мышления народа.

Интерес к эпитафиям как к особому разделу культуры существовал давно. Начало их изучения в России связано с именем Петра I. Во время посещения в 1722 году разрушенного города Булгар он обратил внимание на большие камни с арабскими письменами и приказал казанскому губернатору А. П. Салтыкову сделать копии этих надписей для кунсткамеры. В 1771 году переводы текстов надгробий на русский язык опубликовал академик И.И. Лепехин. В 1831 году был издан труд немецкого ученого Г. Ю. Клапрота, работавшего в Петербургской Академии наук. В 1846 году эпиграфические памятники Булгара изучил профессор Казанского университета И. Н. Березин. Значительный вклад в эту область науки внес преподаватель турецко-татарского языка Санкт-Петербургского университета Хусаин Фаизханов, определивший даты памятников путем лингвистического анализа текстов. [Фаизханов, 1863:16].

Особенно оживилось изучение надгробных текстов с образованием Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Работа стала проводиться планомерно, на основе научного анализа, с публикацией результатов в изданиях Общества. В этот плодотворный период конца XIX-начала XX вв. выделяются труды Илио-

дора Износкова, Николая Катанова, Гайнутдина Ахмарова. В 20-х годах XX столетия вновь проявился интерес к изучению надгробий. В эти годы появились работы Н. Ф. Калинина, С. Е. Малова и других [Калинин, 1942: 21]².

В 1990-е годы в связи с переменами в политической системе, появлением новых социокультурных ориентиров возрос интерес к культурному наследию прошлого.

Традиция оставлять памятные, добрые слова об ушедшем из этого мира человеку на века прижилась и распространилась по миру. Этот кладбищенский жанр развивался по своим законам и правилам. В основе его лежит главная заповедь: о покойном плохо не говорят. Отсюда проистекают подходы и требования к этому лаконичному изречению: возвышенная строгость, предельная серьезность, убедительная проникновенность, эмоциональная окраска текста. Встречаются, однако, и надгробные надписи иронического, сатирического и даже уничижительного содержания. Наверное, многое зависит от того, каким был человек при жизни.

Надгробная летопись богата и многообразна. Тема смерти привлекала многих мыслителей и поэтов, и они подарили миру глубокие философские размышления о бренности земной жизни и бессмертии души по ту сторону черты. *«Недрам довлеет мой прах, к небу возносится дух»* (Сенека), *«И смерть моя, и жизнь - от Бога суть оне, и я не сам живу, а Бог живет во мне»* (Йоганнес Шефлер), *«Бессмертье - истина, исполненная света, и постоянно смерть доказывает это»* (Рабиндранат Тагор). [Гиллельсон, 1998:15-18]³.

Параллельно с высокой поэзией создавались надгробные надписи по случаю смерти реального человека, ведь эпитафия в какой-то степени и документальный жанр, несущий информацию о личных чертах и поступках. Безвестные авторы придерживались канона, но литературные достоинства таких творений почти всегда уступали выражению в них чисто человеческих чувств. Исследователи истории жанра отмечают, что со временем старые формы застывают, множатся, и узнанное клише становится самым массовым. Еще в XVIII - начале XIX века эпитафии писали для воспроизведения на памятниках. Уже в середине XIX века на смену этому жанру приходят лирические стихотворения. Но традиции сильны, и начинается обратный процесс: заимствование цитат из надгробных элегий больших литераторов, часто независимо от воли автора. Порой они видоизменялись в стремлении приблизить их к конкретным обстоятельствам. Часто светская эпита-

фия вытесняется на памятниках церковными текстами, несущими вечные истины о душе. Тексты также дают ориентир для совершения правильных поступков и достижения ценности, под которой подразумеваются мир и спокойствие. Таким образом отражаются не только религиозные, но и «мирские» этические нравы, мастер утверждает «добро» как понятие, которое необходимо сохранить, взывает к долгу, пытаясь повлиять на поведение людей. Авторы эпитафий высеченным на камне словом о добре воспитывали этику, учили жить по общечеловеческим законам, т.к. это, по их мнению, обеспечивало попадание в рай.

Начиная с XX века, эпитафия как литературный жанр оставалась невостребованной. На смену приходят новые типы надписей. Но в настоящее время эпитафия возвращается на кладбища. Стиль эпитафий резко изменился. Если несколько десятилетий назад родственники при написании эпитафий придерживались заданных, стандартных форм, слов, выражений, мыслей, то в последние 15-20 лет эпитафия стала способом самовыражения. Отсюда индивидуализация стиля и языка, поэтической формы, которая позволяет человеку лучше выразить искренние чувства. И уже нет сомнения, что эта старая культурная традиция - увековечивать память о близких людях в красивой, оригинальной форме эпитафии - вновь, как и 100 - 150 лет назад, становится особым современным кладбищенским жанром. Фактически речь идет о возвращении классического символизма в современном погребальном искусстве.

Люди часто задерживаются у надгробий с надписями. Почему посетители кладбищ охотно читают эпитафии? Они читают о смерти, заслугах, боли горюющих знакомых и незнакомых людей, чтобы узнать больше о смерти, о том, как другие семьи справляются со смертью близких. Читая эпитафии, люди думают о себе, о своей жизни, о собственной смерти, своих нынешних и будущих заслугах, о том, какой след останется после ухода. Эпитафии побуждают к размышлению о самом главном. Сегодня пришло время всерьез вести разговор о возрождении духовности, поэтому развитию такого погребального вида искусства, как эпитафия, следует уделять более пристальное внимание. Поражает смысловое разнообразие современных эпитафий. Кроме традиционных тем - скорбь, память, благодарность, заслуги, достоинства усопшего, эпитафии несут новые мысли, которые ранее редко или вообще не встречались в надгробных надписях: выводы, итоги прожитой жизни, которые подводят близкие родственники. Осо-

бое место занимают эпитафии, написанные или заказанные при жизни усопшим.

Эпитафия, пожалуй, самая эффективная форма выражения скорби. Траур, как правило, ограничивается собственно похоронами, поминками и некрологом. Но близкие родственники, друзья испытывают потребность в более глубоком и продолжительном выражении своих скорбных чувств. Могила - это то место, где родственники чувствуют себя ближе к усопшим. А эпитафия помогает точнее выразить скорбь, и главное - надолго. Высеченные в камне слова светлой памяти и скорби уйдут в века. Эпитафия становится вечной хранильницей скорби и печали.

Ценность таких надписей и в том, что они служат источниками для изучения народного творчества. Представляя собой образцы литературного творчества, эпитафии в полной мере обладают художественными достоинствами; будучи частью кладбищенской поэзии, одухотворяют своей чувственностью людей, читающих запечатленные на камне посвящения. Анализируя поэтические образцы, автор подчеркивает, что они – знак того, что в прошлые века народное творчество в крае процветало, формировалась целая плеяда народных сочинителей.

Сегодня важно обобщить существующий опыт современных эпитафий в разных уголках России, рассмотреть эпиграфические памятники в культурологическом аспекте, проанализировать комплексно с мировоззренческой, этико-эстетической, исторической и лингвистической, этнокультурной позиции.

Использованная литература

1. Фаизханов Х.А. Три надгробные болгарские надписи. – СПб.: АН, 1863.
2. Калини Н.Ф. Итоги работы комиссии по эпиграфике. – Казань : 1942.
3. Гиллельсон Н.И. *Русская эпитафия.- Советская Россия 1998.- С.15-18.*

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ ГЕРМАНИЗМОВ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Немецкий лингвист Вильгельм фон Гумбольдт отмечал, что условием существования любого естественного языка как основного средства коммуникации является его развитие, эволюция - отмирание отживших и появление новых элементов на всех уровнях языковой системы, то есть подвижность языка. Эволюционные процессы затрагивают, в первую очередь, лексико-семантический ярус языка, так как именно лексика обращена к объективной действительности и непосредственно отражает все, что в ней происходит. Следует подчеркнуть, что лексика любого языка испытывает изменения а) на базе слов и основ собственного языка (словообразование, изменение значения слова) и б) на базе слов и основ других языков (заимствование). В современном русском языке по данным исследователей около четверти слов – заимствования.

Заимствование - это иноязычный языковой элемент, который перенимается носителями одного языка у носителей другого языка в процессе языкового взаимодействия. Процесс лексического заимствования обусловлен как внешними, так и внутренними причинами. Внешние причины – тесные политические, экономические, культурные связи между народами. Внутренние языковые причины заимствований объясняются потребностью разграничения смысловых оттенков, социально-психологическими факторами (модой, престижностью и т.д.)

Цель нашей работы – заимствования германизмов в лексике современного русского языка. Большой Энциклопедический словарь даёт следующее определение германизмам: германизмы - слова и выражения, заимствованные из германских языков, главным образом немецкого языка ("стул", "лагерь", "канцлер", "ярмарка" и др.), или образованные по моделям германских слов и выражений ("выглядеть" по образцу нем....). Немецкие заимствования составляют в словаре русского языка примерно 3%. Проникновение германизмов в русский язык объясняется тесным взаимодействием Германии и России на многих этапах исторического развития этих стран. Следует также отметить, что ни один из европейских народов не вступал с русским в

столь тесное, долговременное и многоуровневое взаимодействие во всех его проявлениях (от партнерства к противоборству и наоборот), как немцы.

Интерес России к немецкой культуре зарождается в Петровскую эпоху. После возвращения Петра Первого из Западной Европы в Россию, заимствование слов из европейских языков существенно активизировалось. Из Германии на работу в Санкт-Петербург было приглашено большое количество ученых и специалистов. В 1716 году вышел указ Петра об обязательном обучении административных служащих немецкому языку. Для этого несколько десятков молодых служащих были посланы в столицу Пруссии – Кёнигсберг. Вскоре во многих областях ремесленного промысла вначале в Санкт-Петербурге, а позже и во многих городах России начали преобладать немцы. В русском языке появляются заимствования из немецкого военных и ремесленных терминов, названия некоторых бытовых предметов, в морском деле, в административном управлении: *фейерверк* – *Feuerwerk*, *гаубица* – *Haubitze*, *гауптвахта* – *Hauptwache*, *вахтёр* – *Wachter*, *верфь* – *Werft*, *юнга* – *Junge*, *каюта* – *Kajute*, *шлюз* – *Schleuse*, *флигель* – *Flügel*, *факел* – *Fackel*, *верстак* – *Werkstatt*, *шпатель* – *Spatel*, а также *бакенбарды* – *Backenbart*, *абзац* – *Absatz*, *форзац* – *Vorsatz*, *шпиндель* – *Spindel*.

В Петровскую эпоху в России широкое распространение получила инструментальная музыка. Следует отметить, что первая инструментальная капелла в Петербурге была немецкой. В русском языке в этот период появляются заимствованные слова из немецкого: *горн* – *Horn*, *клавир* – *Klavier*, *арфа* – *Harfe*.

Михаил Васильевич Ломоносов, учившийся в Марбурге и Фрайберге и считавшийся основателем российской горной промышленности, металлургии, минералогии и геологии ввел в обиход массу немецких терминов в указанных областях: *шухта* (*Schichte*), *шлифф* (*Schliff*), *штольня* (*Stollen*) и другие.

Во второй половине XVIII, первой половине XIX века русская культура испытывала прямое влияние немецкой культуры благодаря высокому уровню образования в Германии. В этот период из немецкого языка были заимствованы слова: *кант* (*Kante*), *ландшафт* (*Landschaft*), *штрих* (*Strich*), *мольберт* (*Malbrett*), *труппа* (*Truppe*), *анислэг* (*Anschlag*), *капельдинер* (*Kappeldiener*).

Кроме того, названный период считается периодом расцвета музыкальной культуры в столице Австрии Вене. Здесь собираются вели-

чайшие композиторы Европы: Гайдн, Моцарт, Бетховен, Шуберт, Лист, Штраус. В это время возникают новые музыкальные инструменты (фисгармония), совершенствуются духовые инструменты. К данному периоду относятся заимствования: *лейтмотив (Leitmotiv)*, *обертон (Oberton)*, *камертон (Kamerton)*, *унтертон (Unterton)*, *туш (Tusch)*, *вальс (Walzer)*, *мундштук (Mundstück)* и другие.

С началом франко-прусской войны (1870 – 1871) отношение к немцам резко изменилось. И.С. Тургенев 15 сентября 1870 г. в письме к Анненкову: «Падение гнусной империи (имеется в виду империя Наполеона) не изменило моих симпатий, но несколько переставило их. Теперь немцы являются завоевателями, а к завоевателям у меня сердце особенно не лежит».

Антинемецкие настроения продолжают и в начале XX века. Германия находилась в полной изоляции от научной и культурной жизни Запада. Советская Россия этого периода тоже оказалась в культурной изоляции, что, несомненно, на короткий период сблизило науку и культуру Германии и России. В этот период, например, в русском разговорном языке появляется заимствование из немецкого языка слова *блат* – *Blatt (лист)*. Это слово, появившееся во время правления В.И. Ленина, когда приглашённые работать в Россию немцы во время отсутствия в стране всякой пищи кормились по специальному листку, который назывался блатом.

В 30-е годы из немецкого языка было заимствовано слово *тонфильм*, ставшее архаизмом. В 40-50 года XX века в русский язык вошли слова: *мессершмитт (Messerschmitt)*, *фюрер (Führer)*, *абвер (Abwehr)*, *полицай (Polizei)*, *блицкриг (Blitzkrieg)*, *мотороллер (Motoroller)*, *шлягер (Schlager)* и др.

С начала 90-х годов XX века Россия стала более открыта миру. В русском языке появляется очень много заимствований, в том числе и германизмов: *аукцион (Auktion)*, *вексель (Wechsel)*, *аккредитив (Akkreditiv)*, *маклер (Makler)*, *банкир (Bankier)*, *гастарбайтер (Gastarbeiter)*, *гешефт (Geschäft)*, *агент (Agent)* и другие.

В последнее время в языковую моду в русском языке вошло заимствованное из немецкого языка слово «гастарбайтер», обозначающее того, кто приезжает из менее развитых стран на временную работу в более развитую страну. Этот термин появился в Германии в 60-х годах XX века, когда на неквалифицированную, низкооплачиваемую работу в Германию приезжали турки, югославы, итальянцы.

Часть немецких заимствований вошла в русский язык устным путём, часть – книжным.

Приметы германизмов:

- Начальное сочетание шт-и шп-: *штаб, штамп, штанга, штык, шпик, шпион, шпинат, шприц, шпроты, шпала, шпатель, шпиндель, штурм, шторы*;
- Конечное – мейстер: *гроссмейстер, концертмейстер, танцмейстер*;
- Сложные слова: *бутерброд, цейтнот, вундеркинд, курорт, циферблат, мундштук, плацкарт, лейтмотив и другие*.

Таким образом, тесное взаимодействие Германии и России на многих этапах исторического развития способствовало обогащению русского языка новыми словами.

Использованная литература

1. <http://de.wikipedia.org/wiki/Lehnwort>
2. europaeum.com/EEE/EEE2003/08FremdundLehnwoerter.htm
3. <http://www.duden.de/downloads/produkte/duden>
4. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Заимствование>
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998
6. Современный словарь иностранных слов:/Изд-во «Рус, С56 яз.». – Ок. 20 000 слов. – М.: Рус.яз., 1993.

А. Г. Рыбцова
(Таганрог)

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЗАПАД» В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (на материале газеты «Известия»)

Как показывают социологические и лингвистические исследования, концепт «Запад» в последние годы занимает все более важное место в русской языковой картине мира.

Концепт, как единица ментальных и психических ресурсов нашего сознания, является той частью информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека [Кубрякова, 1997,с.90].

Анализ концептов позволяет раскрыть общие закономерности и специфику человеческого освоения мира посредством языка. Восприятие другой культуры всегда идет через призму своих национальных ценностей и особенностей характера [Гришина, 2004, с.2]. Поэтому восприятие Запада россиянами дает богатый материал для изучения особенностей русского менталитета.

Запад – композиционно сложное, неоднозначное понятие, включающее в себя социальный, политический, экономический, культурный и другие аспекты.

Несмотря на всестороннее изучение «Запада» рядом гуманитарных дисциплин (историей, философией, социологией, политологией, геополитикой), в лингвистике данный концепт к настоящему времени не являлся объектом специального научного исследования.

Исследования по восприятию одного народа глазами другого народа с точки зрения языкового выражения в современной лингвистике только начинают появляться.

Материалом исследования послужили статьи центрального периодического издания «Известия». «Известия» - одна из наиболее уважаемых современных газет, издаваемая с 1917 года и выходящая тиражом 176 тысяч экземпляров, являясь одним из ключевых источников деловых и политических новостей в российском информационном пространстве.

«Известия» - газета, в которой достаточно подробно освещаются события в стране и в мире практически во всех отраслях общественной жизни — политике, экономике, культуре, спорте, информационных технологиях и многих других. Такое разнообразие тематик позволяет более полно составить образ концепта «Запад», складывающийся у российских читателей.

Пресса, отражая общественно – политические тенденции того или иного государства, а вместе с тем формируя общественное мнение, делает акценты именно на тех сторонах жизни другой страны, которые непосредственно связаны с интересами своей нации [там же].

Наиболее часто Запад упоминается при освещении общественно-политической жизни России. Это обоснованно ведущим положением западных стран в мировом сообществе, и, следовательно, их влиянием на его мнение, решения и отношение к нашей стране:

На Западе расстроились, обиделись и стали относиться к России хуже, с подозрением... Нас пытаются сделать средоточием финансовых пороков (Изв. №22, 2001, А. Лившиц)

Запад потихоньку начинает добреть к России (Изв. №13,2000, П.Фадеев)

Как Запад будет относиться в 2000 году к России, ее государственным институтам, бизнесу, просто гражданам (которые, пока еще «под подозрением» в любой развитой стране) таким и станет имидж нашей страны. (Изв.№13, 2000, А.Колесников)

Положительное оценивание факта, события, явления наделяет описываемое явление характеристиками «своего»: за норму, идеал, положительное обществом принимаются свои культурные образцы. Негативно оцениваемое наделяется характеристиками «чужого».

Так, интервью с известным русским писателем Анатолием Рыбаковым озаглавлено *«Русский человек не хочет жить в роскоши»*, основная мысль которого звучит следующим образом:

Мы должны искать свои пути к свободе, демократии, а это подражание Западу... (Изв. №4,2001)

Таким образом, положительно оцениваемое описывается как «свое» и поэтому принимается за должное; негативно оцениваемое отторгается.

Столько на нас в последнее время было вылитو грязи со стороны Запада, что мы перестали замечать коррупционные скандалы, которые регулярно сотрясают сам Запад (Изв. №16, 2000, А.Костин).

Лаконичный стиль Хемингуэя в течение многих лет вызывал или насмешки или открытую ругань со стороны литературного «истеблишмента» Америки, в то время как в России за минувшие десятилетия его знают, пожалуй, лучше, чем на Родине. (Изв.№25, 2001, Е. Бай)

Исследователи различных направлений (журналисты, социологи, психологи, лингвисты и др.) отмечают, что газета в значительной мере должна отвечать ожиданиям своего читателя и преимущественно поддерживать сложившиеся в лингвокультуре представления о том или ином явлении или факте. [Гришаева, 2006, с. 186] Следовательно, газета не может не тиражировать культурные авто- и гетеростереотипы, которым свойственны устойчивость, обобщенность, а также четкая связь с эмоциональной сферой человека и фундаментальными ценностными ориентациями социума. [там же,с.159]

Автостереотипы - это образ собственного народа, включающий в себя мнения, суждения, оценки, преимущественно положительные. Цель автостереотипа — воспитание и поддержание чувства патриотизма. Гетеростереотипы значительно менее доброжелательны. Главная точка этого вида стереотипов — так называемый “комплекс ино-

странности”, предполагающий, что член другого этноса не только “иной”, но и “странный”. [Чернявская Ю.]

Российская мечта в отличие от американской – это мечта о Великой Халяве. И не для себя только, не самому разбогатеть, а чтобы сразу всех осчастливить. (Изв.№14, 2001, Р. Сагдиев)

Запад наше кино не волновало никогда. (Изв.№17, 2001, В.Кичин)

Также имеет место и разрушение устоявшихся стереотипов:

И западный «мидл» переживает кризис среднего возраста не легче российского коллеги по социальной веточке (кто не верит, пусть посмотрит оscarоносную «Красоту по-американски»). (Изв.№4, 2001)

Как видно из примеров, газета «Известия» предоставляет обширный материал для рассмотрения всех аспектов концепта «Запад». Таким образом, анализ статей издания «Известия» позволяет, на наш взгляд, выявить (с высокой долей достоверности) российское общественное мнение о понятии «Запад», а также рассмотреть и систематизировать языковые средства, составляющие представления русских о Западе.

Использованная литература

1. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений/ Л.И. Гришаева, Л. В. Цурикова – 3-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2006.

2. Гришина О.А. Актуализация концепта Америка в современном русском языке: На материале публицистических текстов: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 Кемерово, 2004.

3. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов/под ред. Е.С.Кубряковой и др. – М.: Изд-во МГУ, 1997.

4. Чернявская Ю. Народная культура и национальные традиции.
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/03.php

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ.

Теоретические положения когнитивной лингвистики пронизывают различные области современного изучения языка. Отечественные лингвисты активно исследуют вопросы грамматики, лексической семантики, теории номинации и мотивации с позиций когнитивного подхода [Гак, 1970: 68-71; Кубрякова, 1994; Степанов, 1995: 7-34; Телля, 2001: 409].

Традиционная проблематика теории номинации получает новое прочтение в связи со стимулирующими идеями когнитивной лингвистики. В понятийный аппарат когнитивной теории номинации входят теории прототипической семантики, примитивных концептов, вопросы категоризации, концептуализации, блендинга, изучение ментальных репрезентаций.

В этой связи важно выделить сферы научно-когнитивной номинации и, соответственно, обыденно-когнитивной номинации. Научно-когнитивная номинация – продукт научно-эмпирического познания мира. В её пределах исследуются математические, физические, химические, юридические, экономические, лингвистические и другие терминосистемы, создающиеся на научной основе представителями данных специализированных областей. Обыденно-когнитивная номинация определяется особенностями сознания человека в его креативной номинативной деятельности, которая формируется стихийно.

С когнитивных позиций анализируются подходы к изучению теории терминологической номинации. Ономасиологический и семасиологический подходы к изучению терминов были прекрасно разработаны в парадигматической теории номинации, в дальнейшем оба подхода получили своё преломление в специализированной теории терминосистем, а ономасиологический подход справедливо рассматривается как ранний вариант когнитивной (постклассической) теории номинации.

Изучение специализированных терминологических подсистем проводится преимущественно на материале английского языка и реже на материале других языков. В английском языке терминополь исследуются дифференцированно, начиная с терминополь общественно-

политической лексики, охватывая далее терминосистемы биологии, химии, экономики, терминосистему зоонимических полей и ряд других. В последнее время появляются публикации, в которых сложно-структурные образования рассматриваются с точки зрения когнитивного подхода. В них традиционный ономаσιологический подход получает новую когнитивно-номинативную интерпретацию [Володина, 1997: 80; Манерко, 2000: 42; Рябко, 2004: 43].

Флоронимическое терминопole сравнительно недавно стало объектом специального изучения на материале английского языка. Особенность наименований растений заключается в том, что имена растений являются продуктом обыденно-когнитивной номинации и, строго говоря, относятся не к терминосистемам, а к номенклатурам. Наша задача заключалась в том, чтобы не просто выявить и зафиксировать этапы флоронимической номинации, но и реконструировать в форме теории те когнитивные предпосылки, которые могут объяснить основания каждого этапа номинации.

При изучении фактологического материала выяснилось, что этап мотивации флоронимической номинации реализуется двумя механизмами: а) рема-тематический (параметрическая номинация); б) индуктивно-логический (прагматическая и локативно-темпоративная номинация).

Параметрическая номинация в рамках флоронимического терминопole вызвана контактно ознакомительным отношением к природе. Подобное отношение к растениям ставит перед номинатором проблему выбора мотивационного признака параметрической номинации. Нами прослежено, что выбор мотивации номинации растений на основе релевантных признаков осуществляется с опорой на их информационные рема-тематические свойства. Выбор прототипического признака можно объяснить, исходя из теории прототипической семантики [Seiler, 1993: 115-139; Taylor, 1995: 312]. Прототипический признак оказывается преференциальным при параметрической номинации растений в силу своей простоты и стандартности в процессе перцептивного восприятия растений, с одной стороны, и с учётом когнитивно-психологической установки номинатора, с другой стороны.

Прагматическая номинация вызвана, прежде всего, потребностями практического отношения к действительности, когда номинатор усматривает в конкретном растении его полезность применительно к потребностям личной жизни. Практические потребности могут охватывать различные сферы хозяйствования, медицины, парфюмерии,

использование растений в ритуально-магических операциях и действиях. Это наиболее важная мотивационная потребность флоронимической номинации фиксирует феноменологические свойства растений.

Индуктивная логика лежит в основе номинации прагматических и локативно-темпоративных флоронимов. Эти признаки не являются мгновенным снимком фенотипа растения. Они оказываются в основе номинации благодаря механизму индуктивного обобщения многих частных случаев. Например, гриб «подберёзовик» получил своё наименование благодаря длительному наблюдению грибников о том, что данный гриб растёт именно под берёзой, что находится в основе индуктивно-логического механизма флоронимической номинации.

К прагматическим, в широком смысле этого слова, можно отнести и наименования растений, которые имеют адресный характер, т.е. когда возникает потребность заполнить адресные места произрастания тех или иных растений, которые необязательно связаны с сугубо прагматическим целевым назначением, хотя во многих случаях это действительно имеет место – наименование полезных трав, деревьев, ягод, грибов – локативно-географические наименования, которые определяются природными локусами (болота, реки, горы, лощины и т.д.). Со временем локативно-географический компонент теряет свою конкретную адресную привязку и становится обобщенным для всех носителей языка, а не только для данной конкретной местности. В совокупности собственно-прагматические наименования и опосредованно-прагматические наименования, т.е. наименования адресного характера, составили больше половины общего объема нашей выборки.

Наименования растений на феноменологическом уровне выступают как продукты обыденно-когнитивного сознания носителей языка. Это значит, что они детерминируются, с одной стороны, внешними перцептивными восприятиями (параметрическая номинация), а, с другой стороны, практическими потребностями и интересами (прагматическая и локативно-темпоративная номинация).

Использованная литература

1. Гак В.Г. Асимметрия лингвистического знака и некоторые общие проблемы терминологии// Лингвистические проблемы научно-технической терминологии.- М., 1970. – С. 68-71.

2. Володина М.Н. Психолингвистический аспект терминологической номинации//Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. – 1996. - № 4. – С. 54-60.

3. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1997а.

4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов//Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1997б.

5. Манерко Л.А. Сложноструктурное субстантивное словосочетание: когнитивно-дискурсивный аспект (на материале технической литературы современного английского языка): Автореф. дис. д-ра филол.наук. – М., 2006. .

6. Рябко О.П. Сложноструктурные флоронимы в английском языке: когнитивно-фреймовая и мотивационно-номинативная интерпретация: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – Пятигорск, 2004.

7. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века//Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 7-34

8. Телия В.Н. Концептообразующая флуктация константы культуры «родная земля» в наименовании «родина»//Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.:Языки славянской культуры – М., 2001. – С. 409-417

9. Seiler H. A functional view on prototypes//Conceptualizations and mental processing in language. – Berlin, 1993 – P.115-139

10. Taylor J.R. Linguistic categorization. Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford: Clarendon Press. 1995.

М.А. Рященко
(Пятигорск)

АНАЛИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛЕКСИКИ XIV-XV вв.

В XIV-XV в.в. во Франции, как известно, ещё царит двуязычие – латынь является языком государственным и деловым, но и роль французского уже возрастает. Этим объясняется растущий интерес к научным переводам латинских и греческих трудов на французский язык. И, конечно, в этом процессе большую роль играло развитие науки и желание переводчиков познакомить французов с научными достижениями “ древних “. Официальные переводчики - N. Oresme, P. Bersuire,

R.de Presles- по заказу выполняют переводы трудов Аристотеля, Тита Ливия. Этим же занимаются другие французы, хорошо знающие свой официальный язык (латынь) – королевские чиновники, переписчики, печатники и поэты. Возникает главная проблема периода- создание научной терминологии.

С этого момента обогащение словарного состава языка XIV-XV вв. пошло по двум направлениям:

- 1 - продолжалось естественное развитие исконного словаря,
- 2 - началось создание терминологической лексики как составной части общего словаря, при этом встал вопрос о роли переводчиков в обогащении лексики XIV-XV в.в. и оформлении латинизмов и грецизмов.

Займствования составляли едва ли не большую часть всего словаря. По данным P. Guiraud, благодаря им лексика французского языка обновилась на 41% (!), из 5000 латинизмов, входящих в состав современного языка, 3500 были заимствованы в этот период, который является периодом создания лексического состава французского языка [Guiraud, 1966: 56].

Существует мнение, что заимствования из латыни являются главным образом научными терминами, т. е. отношение исследователей к лексике неоднозначно. Поэтому мы прибегли к словообразовательному анализу всей лексики периода, т. е. этимологическому исследованию словарного состава, как это делается в рамках диахронии.

Преимущества такого исследования в том, что лексика XIV-XV вв., поскольку она зарегистрирована в этимологических словарях, вошла как продуктивная в состав общенационального французского языка.

В этимологических словарях приводится точное время (век) появления в языке того или иного слова. Дело в том, что некоторые французские исследователи, обозначая лексику как “ancien français”, имеют ввиду XIII- XIV (!) вв. Поэтому приходится прибегать к этимологическим словарям, потому что время появления слова (неологизма) принципиально обязательно.

Недостаток анализа лексики определенного периода только по этимологическим словарям, в том, что не учитывается лексика, которая употреблялась (и может быть широко) в данном периоде, но которая в силу разных социальных причин так и осталась за пределами общей лексики: в этом случае трудно сделать достаточно объективный вывод о продуктивности словообразовательных моделей периода.

В ряде случаев неологизмы XIV-XV вв. не доходят до нас не потому, что их словообразовательные модели непродуктивны, а по причине изменений в общественной жизни, которая не востребовала часть неологизмов: часты случаи, когда созданное 400-600 лет назад слово, практически не употреблявшееся, становится очень востребованным как словообразующая основа и даёт новые производные:

agronomie (1361) > *agronomique* (XVIII)

orbite (1314 – “rare”) > *orbital* (1874)

jambe (1080) > *enjamber* (XV)

applicateur (1361) > *applicateur* (1963) и т.д.

Или же это касается неологизмов (того или иного периода), закрепившихся в общем словаре, но до поры, до времени малоупотребительных, например:

disponible (1492) – “rare” – до XIX в

physique (1487) ~ до XVII в (*Pascal*)

ponctuel (XIV) ~ до XVII в

prolétaire (XIV) ~ до 1748 г. и т.д.

Вернёмся к характеру заимствований (из латинского языка прежде всего) в XIV-XV вв. и характеру неологизмов: как показывает лексика XIV-XV вв. во всём объёме в процентном отношении научные термины составляют, очевидно, не более 20% всей лексики; это медицинские термины, философские, грамматические, юридические. Остальная (“нейтральная”) лексика это или неологизмы (новые производные) или заимствования из латыни, ассимилированные во французском языке, или заимствования из итальянского, испанского-португальского, германских языков, арабского через латынь и греческий, из диалектов. Небольшой процент лексики – продукт творчества поэтов, писателей – ономатопея и так называемая окрашенная (стили) лексика.

Таким образом, утверждения о преимуществе терминологической лексики в XIV-XV вв, на наш взгляд, преувеличены.

На начальном этапе работы над лексикой периода главной задачей является установление этимологии новых образований (в т.ч. заимствований), иначе говоря – необходимо отделить производные старофранцузского периода от последующих производных. Нужны не только готовые производные, но и словообразующие аффиксы для установления того:

1-какие старофранцузские аффиксы вышли из употребления и какие сохранились и продолжали функционировать (выясняется устойчивость и продуктивность аффиксов и словообразовательных моделей)
2-чтобы увидеть процесс формирования устойчивых моделей в XIV-XV вв., т.е. эволюцию словообразовательных моделей, а это помогло бы объяснить и будущие нормы в словообразовании

Следующей задачей является исследование этимологических дублетов – самая яркая черта лексики XIV-XV вв., с неоднозначным к ним отношением исследователей, о чём подробнее ниже и т.д.

Какие бы ни были задачи каждого периода в плане словообразования, все они объединяются одной общей задачей – установление степени продуктивности – в нашем случае – аффиксального образования.

Каков был вклад латинских заимствований во французском языке среднефранцузского периода? F. Brunot называет его “*invasion en masse*” и утверждает, что количество латинизмов, вошедших в язык в эту эпоху, не поддаётся исчислению даже приблизительно. И далее: “*Le XIVs. est veritablement l’époque ou se constitue le vocabulaire savant*”. Из 2-х веков периода называется один потому, что половина заимствований падает именно на XIV век.

Латинизмы вошли во все сферы жизни- “*administration, politique, sciences, arts...ils se rapportent aux choses les plus diverses...*”[Brunot, 1933: 514].

Приведём хотя бы небольшие списки латинских заимствований по частям речи:

Существительные: *aspect, acte, astre, attribut, audace, classe, commerce, conclave, divorce, domicile, fabrique, famille, complaisance, absence, agriculteur*

Прилагательные: *adorable, abstrait, barbare, compact, complexe, délicat, difforme, discontinu, livide, nocturne, perplexe, communicable, insupportable, brutal, capital, clérICAL.*

Глаголы: *absenter, accepter, altérer, assimiler, attribuer, balbutier, capituler, communiquer, consolider, convoquer, délecter, diminuer, évoquer, séparer, transformer, approfondi.*

Греческих заимствований было значительно меньше, и часть из них перешла из латыни: *acacia, acéphale, agonie, anarchie, athlète, anatomie, antipode, apologie, atome, aristocratie, asthmatique, catalogue, climat, cyclope, démocratie, diaphragme, spasme, hérétique, période,*

épigramme, embryom, étymologie, hierarchie, hypocondre, hypothétique, monopole, oligarchie, pédagogie, sphérique.

В процессе латинских заимствований и их освоения французским языком появилось большое количество варваризмов: *assecution, compétiité, difficulter, fantasier, passiblement, précocité, rareté*. Часть из них сохранилась во французском языке: *abjuration, accusatif, adoration, agregation, agresseur, altitude, animation, anticipation, aspect, capture, client, concept, culture, candide, captif, copieux, corpulent, cupide, accelerer, agreger*.

Много латинизмов было заимствовано из народной латыни – *active, amalgame, antiomoine, assoupir, certificat, conclusif, conférence*.

Часть слов с неустановленным происхождением ("obscur"): *aggravation, association, carnation, cassation, coïncidence, cordialité, admissible*.

Словарный состав французского языка состоит из двух слоев лексики – исконной и книжной. Исконные слова являются естественным продолжением развития слов народной латыни, тогда как книжные слова являются заимствованиями из латинского языка (книжным путем).

При заимствованиях латинских слов происходит ассимиляция, причем французы, владеющие двумя языками (французским и латинским), стремились сохранить в этих заимствованиях латинскую орфографию как образец для подражания. Поэтому не возникло необходимости в полном уподоблении книжных заимствований исконным словам, а латинские заимствования подверглись не фонетической ассимиляции, а лишь материальному оформлению их конечной части, ее приспособлению к французскому языку, исходя из правил последнего: "офранцузивание" происходило путем суффиксальной замены в конечной части : *negocia-negoce, agonia-agonie* и т.д.

Бессистемное оформление латинских заимствований приводило к двум последствиям :

- 1.засоряло французский язык (т. к. часто нарушало принятые уже нормы словообразования и орфографии)
- 2.заставляло сопровождать переводы глоссариями.

Поэтому одной из задач переводчиков XVI в.будет решение проблемы

оформления заимствованной лексики. [Литвинцева,1991].

Заимствования из других языков были следующими:

1 – **из итальянского:** в связи с начавшимся в Италии Возрождением во французский язык проникает большое количество итальянских заимствований – терминов и нейтральной лексики: *academia, ambassade, arborer, arlequin, alarme, bande, balcon, banderole, banquet, bastion, brigade, baldaquin, bemol, brave, calme, canaille, cantilène, cavalcade, caviar*.

2 – **из германских и их диалектов:**

arquebuse (< *al.*), *bague* (< *neerd.*), *ballast* (< *ang.*), *biere* (< *neerd.*), *brique* (< *neerd.*), *boulevard* (< *neerd.*), *crèche, écran* (< *haut all.*), *gripper, paquet* (< *neerd.*), *haricot* (< *germ.*), *grouiller* (< *neerd.*), *bourse* (< *neerd.*), *gothique* (< *goth.*), *tique* (< *angl.*), *mannequin* (< *neerd.*), *filtre* (< *suisse* < *all.*), *tillac* (< *anc scand.*).

В основном это нидерландские слова (военная лексика, но есть и нейтральные слова).

Ещё меньше заимствований

3 – **из испанского языка**, который, очевидно, не знали во Франции; по всей вероятности, из-за отсутствия контактов по историческим причинам (борьба с маврами). Однако слова испанского и даже португальского происхождения проникли:

alcado, bazar (< *port.*), *cadis, caravelle* (< *port.*), *coutille, guitare, gabardine, galère* (< *catal*), *hidalgo* (Rabelais), *jacquette* (< *catal*), *grimace* (< *anc esp*).

4 – **из арабского**, которого во Франции не знали совсем., но которым интересовались всегда, через итальянский, испанский, португальский, латинский во время переводов проникло несколько слов: *arsenal* (< *it* < *arab*), *algèbre* (< *grec* < *arab*), *almanach* (XIV), *caravansérail* (< *turc*), *jasmin* (XV) (< *arab*), *rame* (< *esp* < *arab*), *raquette* (< *arab*), *zénith* (< *arab*).

Прежде, чем переходить к анализу неологизмов, необходимо рассмотреть вклад **диалектизмов** из нормандского, франсийского, бретонского, пикардского, диалектов Прованса и Лангедока, (из шампанского не зафиксированы):

Accabler (< *norm*), *ricaner* (< *norm*), *bouquet* (< *norm*), *camus* (< *norm*), *écaille* (< *norm*), *hagard* (< *norm*), *louche* (< *norm*), *macroule* (< *norm*), *avachir* (< *fran*), *cabine* (pic), *maquiller* (< *pic*), *boulangier* (< *anc pic*), *bijoux* (< *bret*), *fat* (langue d'Oc), *ambassade* (< *prov*), *brume* (< *prov*), *cabane* (< *prov*), *pastel* (< *prov*), *langouste* (< *prov*), *bastille* (< *prov*), *cadet* (< *gasc*), *cigale* (< *prov*), *escargot* (< *prov*), *goudron* (prov) и др.

До признания французского языка единым, национальным (XVI в.) диалекты играли существенную роль в жизни общества, на них не только говорили, но их использовали поэты. Поэтому они (диалекты) проникали в литературу и в язык. И будут проникать ещё и в XVI веке (особенно гасконский при Генрихе IV), создавая те неудобства, с которыми будут бороться пуристы XVII века.

Использованная литература

1. Доза А. История французского языка/ А. Доза.- М., 1956.
2. Литвинцева И.Ю. Роль переводчиков в процессе становления французского национального письменно-литературного языка XVI в. Автореф. дис... канд. филол. наук./ И.Ю. Литвинцева.- М.: МОПИ, 1991.
3. Катагощина Н.А., Гурычева М.С., Аллендорф К.А. История французского языка/ Н.А. Катагощина., М.С. Гурычева, К.А. Аллендорф.- М., 1976.
4. Лопатникова Н.Н. К вопросу о словообразовательном анализе в диахронии и синхронии/ Н.Н. Лопатникова.- М.: МГПИ им. Ленина, 1972.- С. 65-79.
5. Скредина Л.М. Хрестоматия по истории французского языка/ Л.М. Скредина.- М., 1981.
6. Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900/ F. Brunot. P., 1933.- v.I..
7. Cohen M. Histoire de la langue: le français/ M. Cohen.- P., 1967.
8. Guiraud P. Le moyen français/ P. Guiraud.- P., 1966.
9. Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique/ A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand/- P., 1971.

Л.К. Сальная
(Таганрог)

РЕФЛЕКСИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

Рефлексия (от латинского reflexio – «обращение назад») – понятие, возникшее в философии и означавшее процесс размышления человека о том, что происходило в его собственном сознании. Необходимо отметить, что в современной науке рефлексивный подход широ-

ко применяется в организации междисциплинарных научных исследований, выступает в качестве объяснительного принципа в социологии, лингвистике, искусствоведении.

В настоящее время изучению рефлексии уделяется большое внимание в общей, социальной, педагогической и инженерной психологии. Развитие личности рассматривается в двух аспектах: когда человек развивается, принимая уже существующие в культуре нормы и ценности, способы и виды деятельности; на следующем этапе, когда культурный опыт уже усвоен, человек самосовершенствуется, создавая нечто новое в культуре, преобразует окружающий мир - в любом из этих случаев человек приобретает новые возможности. Рефлексия в современной науке актуальна при изучении мышления, самосознания личности, процессов общения и совместной деятельности. В концептуальном понимании рефлексия рассматривается как форма переосмысления человеком различных содержаний индивидуального сознания, деятельности и общения.

В контексте самосознания личности рефлексия можно охарактеризовать как процесс самопознания личности, содержания ее внутреннего мира, построения целостного образа своего «Я».

Рефлексия как метакогнитивный процесс отражает способность субъекта анализировать собственные мыслительные процессы, предполагает способности к целеполаганию, планированию, прогнозированию, принятию решений.

В процессе общения рефлексия можно охарактеризовать как процесс отражения человеком внутреннего мира своего собеседника и его способность осознавать, как он воспринимается собеседником.

Рефлексия способствует адаптации человека к изменяющимся условиям, реконструируя проблемную ситуацию, помогает выявить причины проблемы и решить ее. Таким образом, рефлексия имеет важное значение в процессе решения творческих задач, изучаемом в психологии. Интеллектуальный тип рефлексии, включающие в себя такие виды, как экстенсивный, интенсивный, конструктивный, и личностный тип рефлексии (ситуативный, ретроспективный и перспективный виды) позволяют определить роль рефлексии в процессе развития личности, организации мыслительных процессов при решении творческих задач. В исследованиях рефлексии как механизма организации творческого мышления и саморазвития личности И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов выделили три основных типа осуществления «я» в проблемно-конфликтных ситуациях: консервативное становление, поступа-

тельное развитие и интенсивно-творческое саморазвитие [Семенов И.Н., Степанов С.Ю., 1982]. Проблемно-конфликтные ситуации в данных исследованиях рассматриваются как необходимая предпосылка развертывания творческого процесса. Общение, а также адекватный рефлексивный способ осуществления «я», предполагающий использование и совершенствование личностных и интеллектуальных ресурсов человека, являются обязательными условиями осуществления творческого процесса. Рефлексия в общении и совместной деятельности определяется как социальная рефлексия. В кульминационные моменты творчества у человека проявляется интегральная рефлексия экзистенциального типа, которая влечет за собой изменение «Я», после преодоления кризиса решения творческой задачи рефлексия возвращается в рамки первоначальных рефлексивных процессов, протекающих теперь на основе функционально новой структуры личности. С целью развития данного типа рефлексии используются организационно-деятельностные игры и имитационное моделирование, практикуется принятие групповых решений конфликтных, проблемных ситуаций в ходе различных рефлепрактик, тренингов.

Рефлексия в педагогическом процессе включает его участников - преподавателя и студента, причем творческое решение проблемно-конфликтных ситуаций, на наш взгляд, является крайне важным аспектом деятельности субъектов обучения.

Способность к рефлексии являются обязательным компонентом профессиональной программы преподавателя, так как деятельность педагога относится к сфере межличностных отношений. Профессионально важным является умение преподавателя осмыслить внутреннюю картину мира обучающегося, анализировать свои действия в ситуации общения, планировать свои действия, предвидеть их эффект, изменять ситуацию педагогического общения таким образом, чтобы студенты получали стимул к развитию. Рефлексивная дуга преподавателя включает личность студента, его переживания и действия, действия, которые предпринимает по отношению к нему преподаватель, а также ситуация, в которой происходит взаимодействие. Профессиональное мастерство педагога предполагает его способность осмысливать свои действия, принимая во внимание не только предпосылки к возникновению данной ситуации, реальные условия (текущая ситуация общения), но и цели обучения (ожидаемые промежуточные и итоговые результаты), то есть крайне важным представляется владение ситуативным, ретроспективным и перспективным видами рефлексии.

Другая сторона рефлексии в деятельности преподавателя - отражение собственного «Я» как субъекта профессиональной деятельности. Способность преподавателя исследовать, критически осмыслить себя как профессионала, свои действия основаны на рефлексивных свойствах сознания и являются залогом профессионального совершенствования.

Профессиональная рефлексия позволяет преподавателю понять не только причины своих действий, но и то, как именно он добивается педагогических целей, определить эффективность действий.

Со стороны преподавателя рефлексивная интеграция теоретических знаний преподавателя и его практического опыта выражаются в возникновении ведущих идей – сложного образования, включающего как убеждения, идеалы, личностные смыслы, но и принципы отбора методов обучения, выбор стиля общения, формирующегося в процессе педагогической деятельности и осмысления своего опыта и опыта своих коллег [Кулюткин Ю.Н., Сухобская Г.С., 1990].

В своей работе мы использовали практические задания, созданные или переработанные А.А.Визяевой [Визяева А.А., 2004]. Практики для развития рефлексивных способностей включают такие упражнения как рефлексивный анализ наиболее важных дел, включающий выделение проблемы, анализ желаемых результатов, шагов к их достижению, обстоятельств, которые могли бы повлиять на решение данной проблемы, обстоятельств, мешавших решить ее раньше, определение дальнейших позитивных изменений в жизни. Упражнение «Поставь себя на место другого» способствует развитию социально-перцептивных способностей, необходимых для построения полноценного процесса общения, и, следовательно, процесса обучения. Тест «Импульсивность» помогает преподавателю определить собственный стиль поведения на занятии, соотнести его со стилями поведения студентов группы, таким образом создать психологически комфортную атмосферу обучения. Вопросник «Я хорошо учу тебя?» позволяет более полно преподавателю оценить свою деятельность, посмотреть на свои действия в процессе обучения глазами студентов, скорректировать свое рефлексивное отражение и, возможно, профессиональные деформации. Упражнение «Мои учителя», методика, разработанная А.А. Визяевой «Перевод на суахили» способствуют формированию ведущих принципов преподавателя.

Обучение рефлексии студентов вуза способствует повышению эффективности обучения, так как, осмысливая свое «Я» в университе-

те, отношения с сокурсниками и преподавателями в процессе обучения, планируя свою учебную деятельность, анализируя свои действия и реагируя на изменяющийся окружающий мир, совершенствуясь, студенты проходят этапы адаптации в вузе, социализации в профессиональном сообществе и закладывают основу для успешной профессиональной деятельности (упражнения «Кто я?», «Поставь себя на место другого», рефлексивный анализ наиболее важных дел, тест «Импульсивность»).

Рассмотрим роль рефлексии в современном образовательном процессе на примере обучения иностранному языку в неязыковом вузе.

Роль преподавателя, его функции, цели и задачи, подходы и методы работы меняются под влиянием изменений, происходящих в обществе.

Переход от «знаниевой» парадигмы, ориентированной на допрофессиональную подготовку, к «компетентностной» парадигме предполагает работу преподавателя, направленную на развитие познавательных способностей и личностных качеств, обучение рефлексивному мышлению, которые обеспечат готовность студентов к профессиональному, политическому и социальному самоопределению, саморазвитию, а также выявляет необходимость постоянного саморазвития, профессионального самосовершенствования преподавателя, поиска оптимальных форм и методов работы.

С формированием общеевропейского и общемирового образовательного, экономического и культурного пространства произошло повышение значимости иностранного языка – из дисциплины, способствующей развитию высококультурной личности, иностранный язык стал фактором, определяющим способность специалиста взаимодействовать в современном международном профессиональном сообществе – то есть профессионально значимой составляющей его деятельности. Как уже упоминалось, преподаватель перестал быть хранителем массива данных, раз и навсегда сформулированных правил. Развитие общества влечет за собой развитие науки и языка. Гораздо более важными в настоящее время стали способности анализировать информацию, события и явления, делать выводы, прогнозировать направления развития ситуаций, умения ориентироваться в современных научных течениях и профессионально важной информации, использовать полученные знания в принципиально новых условиях, то есть способности к рефлексивному мышлению.

Несомненно, именно от личности преподавателя зависит атмосфера в аудитории, во многом увлеченность преподавателя определяет степень энтузиазма студентов при изучении той или иной дисциплины. Что касается изучения иностранного языка, занятия которым можно определить как особым образом организованное общение, коммуникативные качества, эрудированность, интерес к преподаваемой дисциплине существенно влияют на формирование и сохранение положительной мотивации студентов. Преподаватель, решая профессиональную задачу развития интеллекта студента, выстраивая гибкий сценарий обучения, учитывающий каждого участника процесса обучения, должен помнить о влиянии собственной индивидуальности на учебный процесс. Осознанию положительного и отрицательного педагогического влияния способствует функция рефлексивного контроля в Я-концепции преподавателя. Рефлексия помогает преподавателю создать определенный имидж, задействовать в процессе обучения те свойства личности, которые находились бы в гармонии с индивидуальными особенностями и личностными характеристиками студентов.

Умение преподавателя сформулировать промежуточные и итоговые цели и задачи на каждом этапе обучения и выбрать подходы, методы и формы обучения, адекватные индивидуально-психологическим особенностям, личным профессиональным целям обучающихся, целям курса иностранного языка в системе целей подготовки специалиста зависит от способности к постоянной рефлексии, непрерывного мониторинга процесса обучения и умения грамотно варьировать методы, приемы и средства обучения. Рефлексия позволяет эффективно осуществлять обучение студентов, адаптировать инновационные подходы, методы и формы обучения, экстраполировать их на конкретную группу, конкретного студента, реализовывать совместную творческую деятельность. Рефлексия, являясь инструментом ретроспективного и перспективного анализа, способствует видению целостного процесса обучения, определению закономерностей и общих педагогических и методических проблем. Эффективность рефлексии обеспечивается наличием обратной связи; в процессе общения со студентами, мониторинга уровня обученности преподаватель не только определяет цели, задачи обучения, пути их решения, но и может изменять способы решения задач в ходе процесса обучения адекватно изменяющимся условиям.

На результативность обучения влияет состав группы. Каждый член группы обладает определенным уровнем владения иностранным

языком, индивидуальным стилем его изучения, мотивацией и отношением к процессу обучения, причем все вышеперечисленные факторы изменяются в процессе обучения, что вызывает необходимость регулярного диагностирования мотивации каждого студента и группы в целом, формирования осознания важности изучения иностранного языка как языка профессионального общения. Преподаватель, будучи участником процесса обучения, должен стремиться не просто задействовать свои коммуникативные способности, личностные качества и индивидуальные особенности, но и, будучи профессионалом, должен в результате рефлексии собственной деятельности формировать и развивать профессиональные компетенции, необходимые для успешного осуществления своей профессиональной деятельности.

Рассматривая рефлекссию как изначально философское понятие, детализировавшееся со временем и актуальное для многих наук, в том числе психологии, педагогики и методики, выделим важнейшие, на наш взгляд, аспекты рефлексивного восприятия окружающего мира преподавателем.

Рефлексия предполагает осознание преподавателем своего «Я», своей личности в окружающем мире, (личностная позиция, индивидуально-психологические качества, которые влияют на осуществление профессиональной деятельности).

Непосредственно профессиональная рефлексия включает осознание своих профессиональных качеств, причин профессиональных действий, самого педагогического процесса, целей, которые эти действия преследуют и полученных результатов. Рефлексия выступает как инструмент создания профессионального имиджа и ведущих принципов преподавателя. Важнейшей в педагогическом процессе, на наш взгляд, является социально-перцептивная функция рефлексии. Умение слышать студента, воспринимать и понимать его как личность, а также осознавать то, как он воспринимает преподавателя обеспечивает обратную связь в обучении, делает процесс субъект-субъектным. Владение ретроспективным, интроспективным и перспективным видами рефлексии является показателем мастерства педагога, так как позволяет сделать процесс обучения творческим, адекватно реагирующим на изменяющиеся условия обучения. Обучение студентов рефлексивному (критическому) мышлению, основанное на собственном опыте рефлексивного мышления, способствует социализации студентов, построению собственной траектории профессионального развития.

Использованная литература

1. Визяева А.А. Психология думающего учителя: педагогическая рефлексия – Псков: ПГПИ имени С.М.Кирова, 2004.
2. Кулюткин Ю.Н., Сухобская Г.С. Мышление учителя: личностные механизмы и понятийный аппарат. – М.: Педагогика, 1990.
3. Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Проблема формирования типов рефлексии в решении творческих задач // Вопросы психологии, 1982. - №1.

О.С. Сачава
(Санкт-Петербург)

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТЕКСТОТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ» И «ИНСЦЕНИРУЕМАЯ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ»

Цель данной статьи – рассмотреть текстотипологическую интертекстуальность и инсценируемую интердискурсивность как понятия, коррелирующие между собой, но не тождественные друг другу, т.е. имеющие в лингвистической науке различный эвристический потенциал.

Первое из них – текстотипологическая интертекстуальность – является широко известным, «устоявшимся» в лингвистике. Инсценируемая интердискурсивность – понятие относительно новое, постепенно входящее сегодня в научный оборот. Как показывает история науки, в период становления нового понятия в той или иной области знаний для его обозначения часто «по традиции» используется уже существующий, устоявшийся термин, обозначающий понятие, так или иначе коррелирующее с новым, что затрудняет научную коммуникацию. В связи с этим внесение уточнений в вопрос о соотношении понятий «текстотипологическая интертекстуальность» и «инсценируемая интердискурсивность» представляется сегодня необходимым и целесообразным.

Вначале обратимся к традиционному для отечественной лингвистики термину *«текстотипологическая интертекстуальность»*. В его основе лежат понятия «тип текста» и «интертекстуальность», последовательное рассмотрение которых необходимо нам для достижения поставленной цели.

Говоря о *типе текста*, необходимо отметить, что ведущим признаком типа текста как такового является наличие определенной социально нормированной схемы текстопорождения, существующей в языковом арсенале носителей языка и используемой ими в соответствующих коммуникативных обстоятельствах [Sandig, 1975: 113]. Например, мы знаем, что сказка как особый тип текста начинается в русском языке словами «Жили-были», текст научной статьи подразумевает постановку проблемы, выдвижение гипотезы, систему доказательств и выводы. Как своего рода «инвариантные образцы» текстопорождения, типы текста «являются социально выработанными» и «не соотносятся с индивидуально-смысловыми образованиями как таковыми» [Денисова, 2003: 147]. Иными словами, для каждого отдельного носителя языка существующие на данный момент в культуре типы текста имеют нормативное значение. Они «не создаются им, а даны ему» [Стоянович, 2002: 149, ср. также Holtuis, 1993: 63].

Следовательно, для успешной коммуникации каждый носитель языка должен обладать определенной *текстотипологической компетенцией*. Немецкий исследователь Сюзанна Хольтуис характеризует текстотипологическую компетенцию как коллективное знание представителей одной кутьтурно-языковой общности о нормах построения текстов того или иного типа, предопределяющее и опосредующее процессы речепроизводства и речевосприятия [Holthuis, 1993: 55].

Говоря о втором компоненте термина «текстотипологическая интертекстуальность» необходимо отметить следующее. «В противоположность пониманию текста как завершенной, принципиально замкнутой системы *интертекстуальность* рассматривается как категория «разгерметизации» и открытости текста и охватывает качественно различные стратегии содержательного и формального соотнесения текста с другим(и)» [Чернявская, 2007: 8]. В современной лингвистике говорят, с одной стороны, о референциальной, с другой стороны, о текстотипологической интертекстуальности.

Референциальная интертекстуальность предполагает «межтекстовое взаимодействие за счет присутствия в одном тексте фрагментов другого текста» [Гончарова, Шишкина, 2005: 23]. Т.е. основным объектом рассмотрения становится коррелирование между собой отдельных текстов.

Текстотипологическая интертекстуальность «вытекает из представления о том, что внутри открытого массива текстов, обеспечивающих разные формы человеческой деятельности и коммуникации,

существует намеренное выражение черт, типичных для определенного вида текстов и потому повторяющихся в них» [там же, 23]. Иными словами, текстотипологическая интертекстуальность соотносит конкретный текстовый экземпляр с его прототипической моделью и другими текстами данного типа. Следовательно, текстотипологическая интертекстуальность «является конституирующей характеристикой текстового типа» и «рассматривается как обязательное условие производства и восприятия текстов» [Чернявская, 2003: 31].

Однако при наличии такого рода связи текста с его текстотипологической моделью и другими текстами данного типа, современная культура демонстрирует *примеры целенаправленно инсценируемой автором соотношенности текста с принципиально иной типологической моделью*, и, соответственно, текстами иного типа. Например, рекламная статья может быть оформлена как брачное объявление, инструкция по эксплуатации, вопрос в редакцию журнала, задача, загадка и др., брачное объявление заимствует текстотипологические признаки сказки, политическая сатира написана в форме кулинарного рецепта, советов по уходу за животными и т.д. [Сачава, 2009: 15-17], что имеет огромный потенциал убеждающего воздействия на адресата.

Для наглядности в качестве примера приведем и проанализируем текст рекламной статьи, посвященной магазину MediaMarkt:

Свод законов MediaMarkt

Все товары фирменные и продаются по мизерным ценам.

Если в течение месяца покупатель находит дешевле в магазинах города, ему возвращается разница.

Данное рекламное сообщение демонстрирует характерные для иного типа текста — текста закона — заголовок и лексико-грамматическое оформление. Так, в тексте есть типичное для законодательного дискурса условное придаточное предложение с союзом «если». Сообщение носит обобщенно-личный характер. Этот эффект создается посредством использования соответствующих возвратных форм глагола: «продаются», «возвращается».

Актуализация таким образом законодательного дискурса в сознании носителя языка усиливает персуазивный эффект сообщения, придает тексту большую силу убеждения, ибо закон интуитивно воспринимается нами как текст, устанавливающий те или иные нормы и не подразумевающий критической оценки.

Подобное оформление текстов неоднократно оказывалось в центре внимания исследователей и ранее. Однако в отечественной лин-

гвистике долгое время не было термина, обозначающего межсистемные взаимодействия типов текста. Разные ученые говорили об этом явлении как о «нарушении правильности текста» [Гальперин, 2006: 144], «кодовой интертекстуальности» [Арнольд, 1999: 417], «контаминации прототипов», «смещении текстовых образцов» [Гончарова, Кесслер, 2000: 133]. Но данные термины отражают, в первую очередь, специфику языкового оформления отдельных текстовых экземпляров, а не сущность диалогических отношений между собой типов текста и дискурсов как целых систем взаимосвязанных текстов, соотносимых с определенной сферой человеческого познания и коммуникации.

В немецкоязычной терминологической системе для обозначения рассматриваемого явления используются термины *Texttypenreferenz/Systemtextreferenz*, противопоставленные термину *Einzeltextreferenz* [Broich, Pfister, 1985]. Первый из них – *Texttypenreferenz* – логично было бы перевести на русский язык как «текстотипологическая интертекстуальность». Однако, как было отмечено выше, под текстотипологической интертекстуальностью в отечественной лингвистике понимается соотнесенность текста с *его* текстотипологической моделью и с другими текстами *данного*, а не *принципиально иного* типа.

Следовательно, описываемое явление должно иметь другое обозначение. В.Е. Чернявская предлагает в этой связи термин «*инсценируемая интердискурсивность*». Начиная размышления о данном термине, обратимся к самому понятию «интердискурсивность».

В его основе лежит сложный, многозначный в современной лингвистике термин «*дискурс*», понимаемый как «комплексная взаимосвязь многих текстов, функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы» [Чернявская, 2001: 17] и характеризующихся специфическими правилами организации речевой деятельности. Ср. в этой связи: «Дискурс – это особое использование языка» [Степанов, 1995: 38]. Соответственно, *интердискурсивность* – «взаимодействие между различными типами дискурса», «перекрещивание различных областей человеческого знания и практики» [Чернявская, 2003: 36].

Говоря о взаимоналожении, взаимопроникновении различных дискурсов/коммуникативных сфер с лингвистических позиций, можно выделить естественную интердискурсивность и инсценируемую смену дискурса [Чернявская, 2007: 23].

Естественная, спонтанная интердискурсивность является неотъемлемой характеристикой коммуникации в целом, ибо «интердискурсивными являются, по определению, все языковые элементы,

структуры, отношения, стратегии, характеризующие одновременно многие дискурсы» [Чернявская, 2003: 36]. На уровне содержательного наполнения текста спонтанная интердискурсивность отражает естественный процесс интеграции человеческих знаний, рассредоточенных в разных дискурсивных формациях [Чернявская, 2007: 23].

В случае *целенаправленно инсценируемой интердискурсивности* «на текстовой плоскости создается такая особая взаимосвязь языковых единиц, которая инициирует в воспринимающем сознании [...] переход от одного типа дискурса [...] к другому» [Чернявская, 2007: 22-23]. «Отправитель сообщения сознательно меняет типологический код, облакает сообщение в форму принципиально иного типа текста», в результате чего в рамках одного текстового целого наблюдается «ясно и сфокусировано выделенная противоположность одной и другой текстовых систем» [там же, с. 20]. Т.е. благодаря особому оформлению текста в сознании реципиента «происходит «переключение» на другую систему знаний, кодов, другой тип мышления» [там же, с. 22]. Наглядным примером этому может послужить приведенный и проанализированный выше рекламный текст.

Таким образом, *в основе инсценируемого интердискурсивного взаимодействия лежит совокупность эксплицитно выраженных в тексте сигналов, или маркеров, позволяющих имитировать в сообщении иной тип текста*. Однако *сущность инсценируемой интердискурсивности не сводится только к явлениям текстового уровня*. Речь в этих случаях идет о «когнитивном переключении с одной типологической модели текстопроизводства и –восприятия [...] на другую» [Чернявская, 2007: 23, курсив наш – О.С.]. Воздействие текстов, демонстрирующих явление инсценируемой интердискурсивности, на адресата основывается на его текстотипологической компетенции.

Следовательно, *сопоставляя понятия «текстотипологическая интертекстуальность» и «инсценируемая интердискурсивность»*, можно заключить следующее:

1. *Инсценируемая интердискурсивность* – взаимодействие различных систем знания и сфер коммуникативной практики, *целенаправленно* актуализируемое в сознании адресата посредством особого оформления текста, – может рассматриваться как *когнитивно-прагматическая* характеристика текста. *Текстотипологическая интертекстуальность* в данном контексте представляется, скорее, как *когнитивно-коммуникативная* категория, соотносящая текст в сознании адресата с соответствующей моделью речепорождения и другими

текстами данного типа, с одной стороны, и с определенным типом коммуникативной ситуации, с другой стороны.

2. *Инсценируемая интердискурсивность особым образом коррелирует с текстотипологической интертекстуальностью*, а именно, *текстотипологическая интертекстуальность является основной предпосылкой интердискурсивного взаимодействия* в сознании носителя языка. Ибо при инсценируемой смене дискурса качественный скачок в восприятии текста происходит только в случае актуализации текстотипологической интертекстуальности в сознании носителя языка. Речь идет об идентификации адресатом истиной типологической принадлежности текста, т.е. о его соотношении с истиной типологической моделью и другими текстами данного типа, с одной стороны, и об «узнавании» имитируемого типа текста, т.е. о соотношении текста с иной, имитируемой текстотипологической моделью и другими текстами соответствующего типа, с другой стороны.

3. *Основываясь на текстотипологической интертекстуальности, инсценируемая интердискурсивность не тождественна ей, ибо не соотносит текст с его текстотипологической моделью и другими текстами данного типа, а, напротив, представляет собой своего рода «диалог» различных типов текста, репрезентирующих различные дискурсы.*

Использованная литература

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006.
3. Гончарова Е.А., Кесслер К. О новых подходах к типологическому изучению текстов в немецкой германистике // Когнитивно-прагматические и нехудожественные функции языка: Сб. науч. тр. – СПб, Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – (Studia linguistica, вып. 9) . – С. 132-154
4. Гончарова Е.А., Шишкина И.П. Интерпретация текста. Немецкий язык: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2005.
5. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. – М.: Азбуковник, 2003.

6. Сачава О.С. Textoобразующий потенциал инсценируемой интердискурсивности (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт- Петербург, 2009.

7. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. – М.: Изд-во РГГУ, 1995. – С. 35-73.

8. Стоянович А. Традиция как механизм стереотипизации текста // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2002. – С. 137-163.

9. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11-22.

10. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст дискурс – стиль: Коммуникации в экономике: Сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. – С. 23-42.

11. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: Сборник научных статей. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 7- 26.

12. Шишкова Л.В., Смирнова Т.Ю. Синтаксис современного немецкого языка: Учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.

13. Broich U., Pfister M.. Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien /Unter Mitarbeit von Bernd Schulte-Middelich. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1985.

14. Holthuis, S. Intertextualität: Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption. – Tübingen: Stauffenburg-Verl., 1993.

15. Sandig B. Zur Differenzierung gebrauchssprachlicher Textsorten im Deutschen // Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht / Gülich E., Raible W. (Hg.), 1975. – S. 113- 124.

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Социализация личности происходит в процессе интеграции индивида в общество, через усвоение им социальных норм и ценностей, а язык (тем более иностранный) - один из способов этой интеграции. Эдвард Сепир [4] в своих классических работах утверждал, что язык это великий рычаг социализации, возможно величайший из всех существующих, язык – это символический ключ к поведению. Следовательно, языковое образование – это основа саморазвития личности и ее интеллектуального роста, показатель готовности к продуктивной деятельности в обществе.

Языковая вербальная коммуникация – это основа профессиональной социализации. Именно наличие коммуникативной компетентности дает человеку возможность наиболее полно реализовать себя в профессиональном и социальном развитии. Умение вести диалог, добиваться успеха в процессе коммуникации – важные составляющие профессиональных умений в различных сферах деятельности. Современный специалист должен свободно ориентироваться в быстро меняющемся информационном пространстве, обладать способностью применять иностранный язык целенаправленно, действенно и убедительно, быть коммуникативно-компетентным.

В системе высшего профессионального образования можно выделить два уровня языковой социализации – это уровень овладения иностранным языком в контексте общей языковой подготовки и уровень концептуального познания – овладение словами, терминологической системой, категорийным аппаратом, профессиональными аспектами языка в контексте научной и узкопрофессиональной языковой подготовки, направленный на приобретение профессиональной языковой и коммуникативной компетентности.

На первом уровне языковой социализации в вузе развитие языковой личности средствами иностранного языка происходит в результате трансляции не только знаний о другом языке, но и социально-культурного опыта носителей этого языка, то есть обучения межкультурной коммуникации. Именно благодаря приобретению межкультур-

ной компетенции языковая социализация личности проходит наиболее полно и гармонично. Личность мы рассматриваем как устойчивую систему социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена определенного общества.

Цель первого этапа языковой социализации в системе высшего профессионального образования заключается не только в усвоении обучающимися вербального кода иностранного языка и умении его использовать на практике, то есть в общении, но и в формировании в его сознании “картины мира”, присущей носителю этого языка как представителю определенного социума, а так же в формировании уважительного и позитивного отношения к культуре стран изучаемого языка. Как отмечает Н.Д. Гальскова: “Обучение иностранному языку должно быть направлено на приобщение (обучаемых) к концептуальной системе чужого лингвосоциума”[1, 47].

Языковая социализация на этом этапе предполагает усвоение обучающимися ценностей, норм поведения, установок, характерных для данного общества или социума, которые невозможно понять и воспринять вне языковой ситуации и речи, и готовность их использовать в процессе коммуникации.

Как уже отмечалось выше в системе высшего профессионального образования можно выделить два уровня языковой социализации (рис. 1) – это уровень овладения языком в контексте межкультурной коммуникации и уровень концептуального познания, нацеленный на приобретение профессиональной языковой и коммуникативной компетентности.

Задача первого уровня языковой социализации заключается в подготовке студентов к вербальной коммуникации на иностранном языке с учетом не только нормативных правил словообразования, грамматики и произношения, но и норм социальной дифференциации и вариативности, характерных для данного языкового коллектива.

*Рис. 1 Структура языковой социализации
студентов технического вуза*

Задача второго уровня языковой социализации – это становление профессиональной языковой личности, которое происходит, как правило, на старших курсах.

В соответствии с концепцией “языковой личности”, предложенной Ю.Н. Карауловым [2, 29], выделяют следующие основные характеристики “профессиональной языковой личности”:

1) компетентность в специальной (профессиональной) сфере: этот вид компетентности формируется по мере освоения научной картины мира в результате последовательного “прохождения” разных уровней сложности этой деятельности (социализация); в итоге носитель языка способен осуществлять профессиональную деятельность разной степени сложности;

2) социальная полифункциональность, понимаемая как способность к актуализации нескольких социальных ролей, требующих разной степени освоения мира; как правило, большинство этих ролей требует обыденного уровня сознания, однако в репертуаре социальных ролей обязательно присутствует профессиональная роль, осуществляемая благодаря формированию научной картины мира в сознании носителя языка;

3) формирование научной картины мира в процессе образования (обучения); процесс формирования научной картины мира представляет собой континуум последовательных переходов от наивной к научной картине мира, обуславливающий многомерность сознания носителя языка.

Языковая профессиональная социализация осуществляется путем приобретения обучаемыми профессиональной языковой и коммуникативной компетентности. Профессиональный язык влияет на сознание, формирует профессиональное мышление, является средством ориентации в профессиональной деятельности, помогая адаптироваться к новым условиям, т. е. выступает агентом социализации.

Профессиональная социализация подразумевает процесс усвоения и воспроизводства не только профессиональной культуры, (профессиональные знания и умения), но и включает совокупность норм поведения и взаимоотношений, и систему ценностей, определяющих содержание процесса формирования профессиональной идентичности личности. Профессиональная социализация тесно связана с коммуникативной деятельностью, следовательно, мы можем говорить о “профессионально-коммуникативной социализации”.

Под “профессионально-коммуникативной социализации” мы вслед за Шмаковой О. В. понимаем “... педагогически организованную форму субъект-субъектного взаимодействия личности и окружающей образовательной среды, предполагающую активное участие

будущего специалиста в освоении культуры человеческих отношений, в овладении определенной социально-профессиональной ролью, знаниями и коммуникативными умениями, необходимыми для успешной социокультурной интеграции специалиста и имеющую результатом определенную профессиональную идентичность”[4, 14]. Успешная реализация данного процесса напрямую зависит от уровня владения профессиональным языком.

Освоение профессионального языка в системе высшего профессионального образования, дает студентам возможность в дальнейшем успешно осуществлять профессиональной коммуникации на иностранном языке, так как они владеют единым профессиональным языком, который формируется в сфере их образовательной, а затем и производственной деятельности.

Владение профессиональным языком – важнейшее условие успешной профессиональной деятельности. Профессиональный язык состоит из терминов, специфических номинативных знаков, не зная которые невозможно полноценно осуществлять научную и коммуникативную деятельность.

В процессе усвоения профессионального языка, будущие специалисты овладевают иноязычными современными профессиональными терминами и выявляют социализирующую роль профессионального языка. Социальный институт образования – важный этап в процессе восприятия, усвоения и понимания студентами терминов своей профессии, несущий ответственность за формирование языковой профессиональной системы будущего молодого специалиста.

Профессиональные иноязычные термины применяются для обозначения предметов, явлений, отношений, имеющих значение только в пространстве конкретной профессиональной деятельности в определенный период времени. Следовательно, через термины происходит связь с профессиональным знанием и деятельностью. Профессиональный язык становится средством осмысления принадлежности к определенной социально-профессиональной группе и является средством профессиональной самоидентификации.

В рамках высшего профессионального образования как социального института стоит задача введения будущего специалиста в профессиональный мир через осмысление профессиональных иноязычных терминов, которые являются важнейшим элементом профессиональной коммуникации и адаптации, а процесс обновления профес-

сиональной языковой системы индивида - один из компонентов его общей социализации.

Использованная литература

1. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя. АРКТИ-ГЛОССА, М. –2000.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 2003.
3. [Сепир](#) Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 2002.
4. Шмакова О. В. Профессиональная социализация студентов средствами иноязычного делового общения (на материале обучения деловому английскому). Автореферат дисс. к.п.н. – Новокузнецк, 2009.

Ю. А. Силина
(Воронеж)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ВО ФРАНЦУЗСКИХ НАРРАТИВНЫХ ТЕКСТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Тема нашего доклада: «Функционирование лексико-семантической группы зрительного восприятия во французских нарративных текстах первой половины XIX века».

Данное исследование представляет собой попытку реализации качественного (семиотического) и количественного (функционального) анализа группы глаголов зрительного восприятия французского языка, образующих отдельный класс слов, как в функциональном, так и в лексическом отношении. Мы ставим перед собой цель – изучить данные о функциональной нагрузке (ФН) на лексико-семантические единицы, передающие значения активного зрительного восприятия во французских нарративных текстах на протяжении первой половины XIX века. Для достижения данной цели решались следующие задачи:

1. Определение объекта исследования.
2. Формулировка принципов отбора и обработки источников.
3. Определение величины ФН на лексико-семантическое поле зрительного восприятия (ЛСП ЗВ).

4. Выявление распределения ФН на лексико-семантические группы 3В (ЛСГ 3В).

5. Анализ ФН на ЛСЕ внутри каждой ЛСГ 3В.

Объектом исследования являются способы представления ситуаций зрительного восприятия, в которых активным мыслится субъект зрительного восприятия, а не объект, а именно трех типов лексических значений: «видеть», «смотреть», «созерцать», где языковыми средствами выражения данных значений являются глагольные лексико-семантические варианты (ЛСВ) и глагольные фразеосочетания (ФС) [Кретов, 1980].

Анализируемый материал (более 2500 примеров) извлечен из произведений французской нарративной прозы совокупной длиной 1 400 тыс. словоформ, принадлежащих десяти авторам первой половины XIX века: Оноре де Бальзак, Александр Дюма, Поль Феваль, Виктор Гюго, Проспер Мериме, Жорж Санд, мадам де Сталь, Стендаль, Эжен Сю, Альфред де Вини.

Таблица 1

Сведения о выборках первой половины XIX века

N ^o	Сокращенное обозначение	Автор	Название текста	Размер текста в слово-формах (округл.)	Год создания текста	Годы жизни автора
1	Balz	Honoré de Balzac	"Le Père Goriot"	92 000	1835	1799-1850
2	Duma	Alexandre Dumas	"Les trois Mousquetaires"	230 000	1844	1802-1870
3	Féva	Paul Féval	"Le Loup Blanc"	78 000	1843	1816-1887
4	Hugo	Victor Hugo	"Notre-Dame de Paris"	178 000	1831	1802-1885

5	Mer m	Prosper Mérimé e	"Chronique du règne de Charles IX", "Carmen"	68 000+20 000=88 000	1829, 1845	1803- 1870
6	Sand	George Sand	"François le Champî", "La petite Fadette"	49 000+ 62 000= 111 000	1848, 1849	1804- 1876
7	Staë	Madam e de Staël	"Corinne ou l'Italie"	178 000	1807	1766- 1817
8	Sten d	Stendha l	"Le rouge et le noir. Chronique du XIXe siècle"	175 000	1830	1783- 1842
9	Sue	Eugène Sue	"Les mystères de Paris"(1,2,3,p arties)	180 000	1842	1804- 1857
1 0	Vign	Alfred de Vigny	"Cinq-Mars ou Une conjuraton sous Louis XIII"	132 000	1826	1797- 1863

Объект данного исследования – глаголы ЗВ – предъявляет требования к выбору источников. Рассматриваемые лексические единицы чаще всего встречаются в прозаических нарративных текстах французской литературы. Поскольку нас интересует функциональная нагрузка на ЛСГ ЗВ, и распределение ее внутри ЛСГ, нам удобнее иметь равное количество примеров в выборках, чем выборки одинаковой длины (извлечение не менее 250-ти ситуаций ЗВ у одного автора).

В исследовании мы применяли необходимый статистический инструментарий для выявления внутренней зависимости между количественными и качественными характеристиками глагольных лексем ЗВ. С его помощью были определены абсолютная и относительная частоты каждой ЛСЕ, средняя функциональная нагрузка на ЛСГ ЗВ, границы доверительного интервала, относительная ошибка средней. Следует отметить, что под функциональной нагрузкой (ФН) в общем виде понимается употребительность той или иной единицы в потоке речи.

Поскольку мы оцениваем встречаемость ЛСЕ ЗВ в текстах разной длины, ФН на ЛСГ ЗВ определяется как «абсолютная величина реализаций значения участия в зрительном восприятии в качестве субъекта», отнесенная к длине текста в тысячах словоупотреблений. Следовательно, ФН на поле ЗВ измеряется в ЛСЕ ЗВ на тысячу словоупотреблений [Кретов, 2006:133] .

Для начала мы проанализировали функциональную нагрузку на глаголы зрения у каждого из рассматриваемых авторов. Мы получили следующие результаты (см. табл. 2):

Таблица 2

№	Автор	Количество употреблений ЛСЕ ЗВ	Длина выборки (тыс. сл.)	Средняя ФН
3	Féva	240	78	3,08
5	Merm	265	88	3,01
1	Balz	252	92	2,74
6	Sand	251	111	2,26
10	Vign	264	132	2,00
4	Hugo	343	178	1,93
7	Staë	285	178	1,60
8	Stend	278	175	1,59
9	Sue	258	180	1,43
2	Duma	313	230	1,36

В рассматриваемом периоде ФН находится в пределах от 1,5 до 3,1 раз на 1000 словоупотреблений. В двух выборках этого периода ФН превышает 3 ‰: в выборке Féva – 3, 08 и в выборке Merm – 3, 01. Минимальная ФН наблюдается в выборках Duma – 1,36 и Sue – 1,43.

Поскольку поле глаголов зрения состоит из трех ЛСГ: *смотрения, видения и созерцания*, то следующей нашей задачей является изучение распределения ФН на данные подгруппы на протяжении первой половины XIX века (см. табл.3).

Таблица 3

	Видение	Смотрение	Со- зер- ца- ние
Duma	0,22045	0,63898	0,14 058
Vign	0,22727	0,60985	0,16 288
Balz	0,27778	0,58333	0,13 889
Sue	0,27519	0,58140	0,14 341
Stend	0,28777	0,56835	0,14 388
Hugo	0,27988	0,56268	0,15 743
Féva	0,38333	0,48750	0,12 917
Sand	0,29084	0,48606	0,22 311
Merm	0,34340	0,46792	0,18 868
Staë	0,38596	0,43509	0,17 895

Из полученных данных мы можем сделать вывод, что во всех десяти выборках ФН на ЛСГ *смотрения* значительно выше, чем ФН на ЛСГ *видения* и *созерцания*. Наибольшая ФН на ЛСГ *смотрения* наблюдается в выборке Duma – 0,68. Наименьший разрыв между ФН на ЛСГ *смотрения* и *видения* мы можем заметить в выборке Staë (0, 44 : 0, 39).

Что касается распределения ФН между ЛСГ *видения* и *созерцания*, то в данном случае во всех десяти выборках ФН на подгруппу *видения* выше, чем ФН на подгруппу *созерцания*. Наибольшая разница между ФН на ЛСГ *видения* и *созерцания* наблюдается в выборке Féva (0, 38 : 1, 13). Наименьший разрыв в ФН между глаголами *видения* и *созерцания* в выборке Sand (0, 29 : 0, 23).

Таким образом, мы можем констатировать, что для данного периода времени характерно преобладание употреблений глаголов *смотрения* по сравнению с глаголами *видения* и *созерцания*. А в свою очередь ЛСГ *видения* являются более частотным по отношению к ЛСГ *созерцания*.

Следующим этапом нашего исследования является изучение распределения ФН между ЛСЕ внутри каждой из трех ЛСГ зрения: *смотрения*, *видения* и *созерцания*. Для реализации данной задачи мы определяем среднюю ФН для каждой ЛСЕ в ЛСГ, вычисляем относительную ошибку средней и доверительный интервал.

В результате были получены следующие данные для ЛСГ *смотрения*, ЛСГ *видения* и для ЛСГ *созерцания*.

В ЛСГ *смотрения* максимальная ФН (88,2) наблюдается у глагола *regarder* в значении «смотреть на что-то». За ним по частоте употребления следует глагол *voir* в значении «посмотреть» (13, 5) и фразеосочетание *jeter un regard* – «бросить взгляд» (9,13).

ЛСЕ внутри ЛСГ *видения* являются менее многочисленными сравнению с ЛСЕ *смотрения*.

Мы констатируем тот факт, что максимальная ФН в рамках ЛСГ *видения* (51,6) наблюдается у глагола *voir*, в значении – «видеть что-то». На втором месте по частоте употребления идет глагол *apercevoir* в значении – «заметить что-то» (11,4).

Следует подчеркнуть, что в рамках ЛСГ *созерцания* находится ряд глаголов, которые уже встречались среди ЛСЕ *видения* и *смотрения*, но в данном случае объект носит процессуальный характер или является сложным, подвижным предметом. Наибольшая ФН внутри ЛСГ *созерцания* наблюдается у глагола *voir* (10,3) в значении «наблюдать некий процесс». Затем идут несколько глаголов обладающих приблизительно равной ФН (*contempler*, *suivre les yeux*, *considérer*, *apercevoir*).

Кроме того, внутри каждой ЛСГ существуют ЛСЕ, обладающие минимальной ФН, т.е. их встречаемость в выборках является единичной.

Таким образом, функциональный анализ лексико-семантического поля ЗВ во французской нарративной прозе первой половины XIX века, ЛСГ *смотрения*, *видения* и *созерцания*, а также структурных звеньев ЛСГ позволил нам определить среднюю ФН на поле ЗВ в целом, а также на отдельные ЛСГ ЗВ (*смотрения*, *видения*, *созерцания*) и ЛСЕ внутри каждой ЛСГ. Проведенный анализ позволяет сделать следую-

щие выводы: для первой половины XIX века характерно значительное преобладание глаголов *смотрения* над глаголами *видения* и *созерцания*, а что касается ЛСГ *видения*, то данные ЛСЕ являются более многочисленными по отношению к ЛСЕ созерцания. Определение ФН ЛСЕ внутри отдельных подгрупп позволило нам определить место данной единицы не только в функциональной иерархии анализируемого текста, но и в рамках всего рассматриваемого периода времени. Данные, полученные в результате исследования, позволят нам в дальнейшем осуществить прогноз функционального состояния исследованных ЛСГ на вторую половину XXI века.

Использованная литература

1. Кретов А.А. Семантические процессы в лексико-семантической группе глаголов зрительного восприятия современного русского языка / А. А. Кретов // Дисс... канд. филол. наук. - Воронеж, 1980.
2. Кретов А.А. Основы лексико-семантической прогностики / А. А. Кретов // Автореф. дисс... докт. филол. наук. - М.: МГУ, 1994.
3. Кретов А.А. Основы лексико-семантической прогностики /А. А. Кретов. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2006.

Л.В. Силкина
(Таганрог)

АЛЛЕГОРИЯ И ИМПЛИКАЦИЯ В ПЬЕСЕ Л.ФЕРРЕРО «АН-ЖЕЛИКА»

Это произведение рано умершего итальянского романиста и драматурга, вынужденного в 1928 году эмигрировать из фашистской Италии, было написано на французском языке на «прекрасном французском» по отзывам Колетт и других известных французских писателей.

Основным содержанием этой аллегорической пьесы, названной автором «сатирической комедией», становится проблема антинародной, тиранической власти и борьбы с нею. А эта проблема в условиях захвата власти фашистами сначала на родине автора в Италии, затем в других европейских странах становится самой злободневной в период «десятилетий между двумя войнами». Содержательность и актуаль-

ность произведения привлекли к нему самое широкое внимание, особенно после постановки «Анжелики» труппой Жоржа Питоева в 1936 году. Театральный обозреватель журнала “La Petite Illustration” отмечал тогда же : «Самые выдающиеся критики Франции, Германии, Италии, Швейцарии, Португалии, Бельгии, Испании, США, Бразилии, Аргентины посвятили обширные статьи анализу идей Лео Ферреро, выявлению значения его персонажей.» [La Petite Illustration, 1936: N 402, 16]

Символические персонажи «Анжелики», большинство которых автор позаимствовал из итальянской комедии “dell arte”, как и герои мифов, широко шагнувшие в драматургию эпохи, были призваны не только подчеркнуть условность происходящего, но и выразить «вечные идеи», показать «вечно существующие типы».

Схематизм образов, упрощение и «уплощение» интриги, способ её драматургического воплощения – всё это унаследовано от итальянской «комедии масок», также как и её весёлая бурлескная атмосфера. И это целевая установка автора. Обозначенная уже в первой авторской ремарке: Площадь какого-то фантастического города, где дома, деревья, жители, костюмы, революции и правительства немного упрощены... Персонажи одеты, как современные люди, однако сохраняют некоторые детали своих старых костюмов.[Ferrero, 1936: 3]

Действие пьесы разворачивается в двух планах: реальном, где действуют персонажи-маски в традиционных амплуа и символическом, проистекающем из их двойного значения. Бесхитростная история о том как поэт Орlando пытался спасти от злого Регента честь прекрасной Анжелики, подняв на её защиту весь город, о том как он одерживает победу, увы, весьма кратковременную, о том как он гибнет от руки капризной Анжелики имеет и иной смысл. В этом втором плане Анжелика является символом свободы, а борьба Орlando с Регентом, проповедником идеологии «сверхчеловека»: “Les surhommes ont le droit de vivre aux depens des hommes et d'ignorer leurs lois” становится борьбой против фашизма.

Ферреро в отличие от некоторых драматургов не пытался стать «над схваткой». Он не отрицал многозначности, многослойности своего произведения, его связи с современной действительностью. Ещё в 1935 году, когда у него появился замысел «Анжелики», он высказал мысль о том какими чертами, на его взгляд, должно обладать по-настоящему значительное произведение: «По-настоящему значительным произведением является то, которое, будучи выпущено в свет,

открывает самому автору такие стороны, которых он не знал. И всё это потому, что значительные ситуации...значительные драмы, значительные персонажи автор их видит в одном ракурсе, в двух, но, если они действительно значительны, они обязательно будут богаче, будут включать много других сторон, других обликов, о которых автор не думал и которые он увидит после. [L.Ferrero,1936: 24]

Уже одни только характеристики, которыми в авторских ремарках снабжены все действующие лица, определяют довольно наглядно время действия – это современная эпоха. В одной, двух фразах драматург даёт портрет, где подвергает осмеянию «уважаемых» представителей современного общества: всевозможных дельцов, парламентариев, воспитателей юношества и многих других. Вот, например, Пульчинелла “ il est depute ministriel, il a une tete de Romain chauve, des yeux de faucon et un air imposant. Il a un air tres preoccupe du bonheur du monde et il ne s'interesse qu'au sien”. [Ferrero,1936: 3] В таком же ключе подаются и все прочие сатирические персонжи. С симпатией, но не без известной доли иронии характеризуется Бригелла: *journaliste communiste, il est charmant, amuse, tres jeune et peut-etre convaincu.* [Ferrero, 1936: 11] Каждая маска представляет собой определённую социальную или политическую группу современного буржуазного государства. Свой характер, своё амплуа, свою общественную роль они в полной мере выражают в отношении к Анжелике-Свободе. Особенно неприглядна эта роль у Панталона, отца Анжелики (*un grand industriel*) и у её жениха Валерио (*homme du monde*), то есть, у представителей привилегированных сословий западных государств, в руках которых и находились все буржуазные свободы и которые все их так легко отдали фашистам. Панталон – типичный представитель этой соглашательской буржуазии. Он только и способен на то, чтобы тихо поворчать, если ему покажется , что «сильная личность» его в чём-то ущемляет. Однако соображения личной выгоды всегда заставят его пойти на сговор даже с тем, кто наносит ему оскорбление, задевает его честь. Именно так и происходит в пьесе, где Регент собирается восстановить средневековое право «первой ночи», для того, чтобы заполучить дочь Панталона Анжелику, которую отец собирается выдать замуж за «светского человека» Валерио. И отец, и жених готовы поступиться собственной честью, честью Анжелики при первой же возможности заработать на этом. Один забывает обо всём при намёке на получение вожделенных промышленных заказов, второй при намёке на получение не менее вожделенного дипломатического поста. « Вы сумасшедший!»-кричит

Панталон поэту Орландо, когда тот призывает народ защитить Анжелику и хочет заставить также действовать её отца и жениха. «Вы нас компрометируете» вторит отцу жених, обращаясь к Орландо. И они продолжают:

Pantalon-Il est inutile de resister.

Valerio- Le Regent a pour lui l'armee.

Pantalon –La flotte.

Valerio – La police.

Pantalon – La justice.

Valerio – Vous aller ruiner ma carriere. Etes-vous le fiancé d'Angelica?

Pantalon – Etes-vous son pere? [Ferrero,1936: 12]

Комический характер данной ситуации возникает из-за парадоксального перераспределения амплуа масок. Вопреки общепринятому «благородный отец» и «любящий жених» вместо того, чтобы броситься спасать попавшую в беду Анжелику, бросаются чуть ли не с кулаками на её защитника Орландо. Эта фарсовая ситуация превращается в злую сатиру благодаря двойной смысловой нагрузке, которую несут как персонажи пьесы, так и её фабула.

На выручку Анжелике приходит странствующий поэт и взбудораженный им простой народ этого фантастического города. Здесь возникает ещё одна важная проблема: возможно ли обретение свободы самим народом как таковым? С тиранией надо бороться всеми возможными и допустимыми средствами, народ должен это делать, именно таковы призывы Орландо. Но дорос ли народ до полного обретения свободы? Выводы Ферреро не очень утешительны. Народ в его пьесе сначала с энтузиазмом бросается на выручку Анжелике по призыву Орландо и добивается победы над Регентом. Однако затем начинаются раздумья и колебания, страх перед силами, поддерживающими Регента, страх за себя, своё благополучие.

L'ouvrier – Ils vont nous tomber dessus!

Le boutiquier – Et encore, si on pouvait se defiler!

Le paysan – Moi, j'ai une femme et cinq enfants! [Ferrero,1936: 15]

К финалу народ как бы вообще устраняется из действия, когда Тарталья, Пульчинелла, Панталон, вновь затосковав по «сильной личности», готовятся предать Орландо. Вдобавок и Анжелика-Свобода заявляет, что ей тоже нравится «сильная личность». В финале Орландо гибнет от руки Анжелики. Придя к власти, Орландо хотел до конца оставаться лояльным, его принципы не позволяли ему проявлять наси-

лие даже по отношению к тем, для кого насилие было всегда принципом власти. Орландо, придя к власти, устраивает свободные выборы. Регент представляет свою кандидатуру и снова оказывается у власти. Подтекст более чем прозрачен. Ситуация в предвоенной Европе ясно обозначена. И никого из современников не могли ввести в заблуждение комические маски пьесы. Погиб Орландо, народ не сумел защитить своего любимца. Однако Хозяйка Кафе, лучшая представительница этого самого народа, ясно указывает на настоящих виновников гибели поэта:

Qu'avez-vous fait? Vous, les ministres? Vous, les industriels? Rien, rien! Et vous l'avez
laisse tuer! [Ferrero, 1936: 23]

И хотя Орландо погиб, жертва его не напрасна. Такие люди, как он «бессмертны, они меняют лицо мира», звучит в финале пьесы.

Оригинальную и внешне лёгкую форму пьесы, где мастерски используется аллегория и подтекст, несущие столь серьёзное и глубокое содержание, заметили и отметили уже современники, так Поль Валери писал тогда же, в 1936 году: « Эта пьеса, удивительно прозрачная и глубокая, полная горечи и лёгкости, произвела на меня необычайное впечатление. Мне кажется, что максимум значения в ней достигнут при помощи минимума средств, и самое существенное содержание облечено в самую фантастическую форму». Остаётся только присоединиться к столь глубокой и компетентной оценке замечательного французского поэта.

Использованная литература

1. La Petite Illustration. P.: 1936, № 402

Смирнова Р.Ф
(Таганрог)

О КОГЕРЕНТНОСТИ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Менталистская теория Г. Гийома отвечает тем запросам, которые формируются в исследованиях языкового знака. Гийом занимался анализом означаемого (грамматического значения), обращаясь к структу-

ре означающего как той стороне знака, которая приспосабливается более или менее успешно к структуре означаемого.

Что же происходит в структуре речевой деятельности? Ответ на поставленный вопрос и является основной задачей статьи. Он может быть выражен очень кратко: в структуре речевой деятельности, куда включается говорящий (мыслящий субъект), всегда поддерживается порядок (*ordre*), т.е. общая закономерность когерентности означаемого и означающего, когерентность между системой и ее реализацией.

Ученый не употребляет термин «логика» как «прямой» путь развития, где нет «преодоления препятствий». Он использует термин «когерентность» (*lat. cohaerentia* – внутренняя связь). По Г. Гийому, это «дорога, которой следует язык, это путь когерентности, где случаются «дорожные происшествия», ошибки на уровне мысли, речи и письма... Извилистый путь, который ведет на вершину горы, обладает когерентностью, он не логичен, хотя имеет свою логику» [Гийом, 1992: 19]. Л. М. Скрелина определяет когерентность как неосознанную интуитивную логику говорящего..., обычное обыкновенное мышление выступает как строитель и как пользователь языка. Основная характеристика обычного мышления — это его неосознанность. Обычное мышление направляется догадливостью, оно исторически изменчиво, ибо является строителем языка. В отличие от научного мышления оно не логично, а когерентно [Скрелина, 1992:210].

Г. Гийом, говоря о когерентности как законе установления соответствий между означаемым и означающим, различает два типа таких соответствий: максимальная когерентность, присущая системе языка, и когерентность, которая формируется в речевой деятельности.

При этом глубинные структуры подчиняются закону наибольшей когерентности (*la plus grande coherence possible*): их означаемые выстраиваются в упорядоченные когерентные ряды (законченное оформление слова и система частей речи, система глагольных времен и т. д.) Поверхностные же структуры не всегда образуют или вообще не образуют упорядоченных когерентных рядов. В отличие от языка, как системы означаемых, в речи как означающем, хотя и не действует закон максимальной когерентности, произвола нет. В ней самой формируется когерентность: семиология (план выражения), чтобы быть действенной (*operante*) вынуждена «прилаживаться» в той или иной степени к «систематике», плану содержания: (*reproduire suffisamment le psychisme*). Она стремится повторить в себе когерентность психосистематики, подчиняясь особому закону «достаточности» выражения (обо-

значения), наилучшей экспрессивной достаточности (*la meilleure suffisance expressive*) [Гийом, 1992: 75-76]. Через тонкий анализ речевых фактов (*travail intellectif*) в языке обнаруживается симметрия и рациональность. Эта симметрия и рациональность достигалась разными способами, при этом формы и системы могли быть рациональными и нерациональными. И какими бы ни были связи между означаемым и означающим (когерентные или некогерентные), в акте речевой деятельности достигается актуализация. Благодаря кинетизму системы говорящий, строитель и пользователь языка имеет выбор.

Для того, чтобы яснее понять специфику грамматического означаемого в теории психосистематики попытаемся представить его структуру и связи инварианта и вариантов. Необычность его структуры и связей в системе языка и речи состоит, по нашему наблюдению, в том, что в речевой деятельности грамматическое означаемое себя дублирует. В глубинной структуре — это «идея знака», представление — *effet de puissance*, по Гийому, т. е. фундаментальная значимость, инвариант, широкий по объему и гибкий (*flechi*) для разложения (*decomposition*), системный инвариант [Moignet, 1974:163]. В поверхностной структуре он имеет варианты (*effets de sens* — речевые означаемые — денотаты), находящие в речи (речевой деятельности) по закону «достаточности» удобные для коммуникации означающие. Декомпозиция системного инварианта возможна благодаря кинетизму системы и динамике означаемого, заранее готового к поиску соответствующего означающего. Схема дублирования системного инварианта может быть представлена следующим образом: соотношение означаемого и означающего в языке и речи

речь		
(означающее		
означаемое	знак	означаемое
язык		денотат
Означаемое в системе языка		понятие.
Означаемое в системе речи		денотат.

Понятие или означаемое — представление, идея знака получает свое речевое обозначение — знак. Знак обращен и в сторону языка, и в сторону речи, чтобы показать их общее «ядро» - единение.

Выбор речевого означаемого говорящим совершается в процессе актуализации на одной из ее «ступеней» (остановок мысли — *saisie* — перехват). Условно Ж. Муанье выделяет три: *saisie prescose* — ранняя остановка; *saisie mediane* — средняя остановка; *saisie tardive* — поздняя остановка [Moignet, 1974: 105-111].

Мыслящий субъект делает выбор по своей неосознанной интуитивной логике из той части инварианта, которая ему необходима для коммуникации, и находит для нее форму (подходящее означающее) по закону «достаточности» выражения выражаемому содержанию или по принципу системной языковой экономии, которая подчиняет речевую многозначность языковой однозначности. «В основе такого соотношения между языковыми инвариантами и речевыми вариантами лежит в ы с ш и й п р и н ц и п э к о н о м и и, который заключается в поиске м и н и м а л ь н о г о в плане языка и м а к с и м а л ь н о г о в плане речи» [Скрелина, 1987: 28-29]. Веерообразное изображение этого механизма показано ученым в том же труде [Скрелина, 1987: 32].

Примером «дублирования» инварианта — означаемого может служить анализ актуализации местоименных слов *qui*, *que*, *quoi*, предложенный Ж. Муанье [Moignet, 1974: 163-183]. В практических грамматиках эти слова распределены по трем разрядам местоимений: неопределенные, вопросительные и относительные. Как их классифицировать? Грамматические омонимы?

В теории психосистематики они являются речевыми вариантами — означаемыми системного инварианта — идеи знака (*l'etre virtuel* - виртуальное существо). Из этого системного инварианта готового к изменению (декомпозиция) его объема, говорящий извлекает речевые означаемые (*effets de sens*). При переходе из языка в речь объем его неопределенности (расплывчатости) меняется (или сужается или расширяется) в зависимости от степени актуализации: *qui* в начале своего движения от широкого к узкому, т. е. на ранней ступени актуализации (*saisie prescose*) сохраняет свой широкий объем значения и функционирует как неопределенное местоимение. В речи, где формируется взаимная аккомодация означаемого и означающего, это местоимение употребляется в пословицах: *qui tot donne, deux fois donne* – (дорога ложка к обеду) или застывших выражений с глаголом в субжонктиве:

qui que vous soyez, quoi que vous fassiez. Налицо когерентность содержания и формы.

На средней ступени актуализации рождается вопросительное местоимение в вопросах, инвариант которых содержит схему «дубитивности», сомнения, которое тяготеет и к утверждению и к отрицанию, чем, вероятнее всего, и объясняется семантическая эквивалентность вопросов типа *У тебя есть компьютер? У тебя нет компьютера?*

На поздней ступени с нулевой неопределенностью (*saisie tardive*) qui вводит определительные придаточные предложения, где оно выполняет функцию члена предложения. Говорящий (строитель и пользователь языка) все же получает свободу выбора (без произвола). Наличие в языке парадоксов, аномалий не мешает установлению когерентности означаемого и означающего. Парадоксы, аномалии напоминают носителю языка о традициях его предков, образе их жизни, о различных способах сохранения красоты языка и т. д. Несколько примеров: - использование в языке женского рода существительных, обозначающих занятия, выполняемые мужчинами: *une sentinelle*, *une estafette* – часовой, вестовой; *une gouache* – хулиган; и, наоборот, мужского рода, адресованных женщинам: *un souillon*, *un laideron* – неряха. Форму женского рода используют с пренебрежительным значением: *elle est sans cervelle* – она безмозглая, т. е. дура, а по отношению к мужчине употребляют форму мужского рода: *c'est un puissant cerveau* – говорят об ученом.

Исчезали аномалии, но сохранялся «здоровый» консерватизм. Например, аномальные глаголы *gesir*, *poindre*, *choir*. Остатки их исчезают не сразу: *ci-git* от *gesir* сохранилось в эпитафии — Здесь покоится..., в других частях речи (существительные: *la chute* от *choir*; *le point* от *poindre* и др.) Или еще любопытный пример сохранения слова-наречия *companiedusement*, форма которого антагонистична его содержанию: такому сверх-многосложному слову как будто в насмешку над здравым смыслом приписывают противоположное значение - «кратко» [Доза, 1956:194]. Здесь проявляется с одной стороны как бы выбор фонетически подходящих языку слов и дух народа — юмор французов.

Специфика актуализации как процесса, как движения мысли с ее остановками по воле (интуиции) говорящего может дать объяснение, полагаем мы, интересному, на первый взгляд загадочному явлению, которому Martin R. дал название «расплывчатая грамматика» (*grammaire floue*). Примеры:

- чередование наклонений: индикатив/субжонктив во всех типах придаточных предложений;
- выбор артикля для определения степени детерминации имени, - функционирование коммуникативных типов предложений (вопросительных, прежде всего) во вторичных функциях;
- лексико-грамматические средства для выражения нечеткости, приблизительности;
- смягченные средства эмоционального характера и т.д.

Все перечисленное — это не проявление «расплывчатости» значения, а, скорее, проявление закона когерентности двух сторон знака, установление симметрии (порядка), стремление говорящего (пользователя и строителя языка) как можно «тоньше», точнее разграничить оттенки значений, чтобы избежать двусмысленности и достичь наилучшей выразительности (*la meilleure suffisance expressive*).

Г. Гийом развивал направление, которое искало истину, скрытую за видимостью речевых фактов Эта истина, - писал ученый, - состоит в том, что в языке царит порядок: «*Le systeme se dessine du cote de la forme. Le non-systeme – du cote de la matiere. La matiere, pourrait on dire, est desordre, la forme est l'ordre saisissant le desordre*». [Guillaume, 1973: 39]. Не случайно им выдвигается гипотеза о подобии языка теории. Порядок, о котором говорит Гийом, отражает отношение инвариант/варианты.

На протяжении всей истории развития французский язык заботился о строгости, точности, подыскивая языковые элементы для выражения этой точности и ясности. Среди них, назовем такие как:

- эксплетивное *ne*: *Je crains qu'il ne pleuve*. - Я боюсь, как бы не пошел дождь (что дождь может пойти). *Je crains qu'il ne pleuve pas*. - Я боюсь, что дождь не пойдет;
- утвердительную частицу *si*, которой нет в других романских языках;
- контекстное употребление многих местоименно-наречных слов: *quand-meme*, например;
- лексико-грамматические омонимы;
- примеры таких явлений как функционально-взаимная компенсация: (грамматикализация и лексикализация).

Глобальный подход к изучению способов взаимодействия разных уровней языка может также ответить на вопрос, как в речевой деятельности достигается обоюдная аккомодация (*accomodation reciproque*). Здесь очень важным окажется изучение взаимодействия лексики

и синтаксиса. Так, к примеру, сходные поверхностные структуры «скрывают» разные значения:

I. Структуры с составным именным сказуемым, атрибут (предикатив) которых выражается именем существительным без артикля. Такое имя может быть только одушевленным:

1.-S - V + Attribut du sujet (N sans article). Le vieil Amarolle etait chasseur. (Simenon).

2.-S – V – COD – Attribut du COD: Le conclave l'a fait pape. (Brunot).

II. Структуры с обособленным предикативным приложением:

1.- Enfant, il a taquine le goujon. Celibataire, elle a passe la trentaine...(Bialot).

2.- Combustible rare, le plutonium coute tres cher.

В примере №1 приложение однословно, без определения, так как подлежащее в предложении одушевленное (он — ребенок, она — не замужем). В примере №2 опущение определения невозможно, так как приложение принадлежит к разряду неодушевленных имен. Автор дает свои объяснения этому явлению Могилевская. [2000:11-13].

Бесспорным является роль языка и его эмоциональной стороны в становлении и развитии человека, его сознания. Гипотеза Г.Гийома о том, что наука о языке является «знанием» не о физическом мире, в котором живет человек как часть этого мира, а «знанием» о м е н т а л ь н о м мире, который живет в нем самом подтверждается развитием языка и человека. Можно говорить о мире вне меня (l'univers du hors moi) и о мире во мне (l'univers de l'en moi), т. е. языке и согласиться с ученым в том, что язык, как «мир во мне» это внутренний духовный мир «глубинная духовная цивилизация носителя языка» [Гийом, 1992: 145-147].

Не прекращается поиск значимых средств и в наши дни. Глобальный подход к языку как динамической системе, учет всех его сторон продолжает давать замечательные результаты работы мысли строителя и пользователя языка (Le moi pensant).

Использованная литература

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. - М.: Высшая школа, 1986.

2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Перевод с французского. Послесловие и комментарии д-ра филол. наук Л.М. Скрелиной. - М.: Прогресс. Культура. 1992.

3. Доза А. История французского языка. Перевод с французского. - М.: Изд-во иностр. Литературы, 1965.
4. Могилевская А.Д. Скрытая грамматическая категория лица у французского имени. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук — Санкт-Петербург, 2000.
5. Скрелина Л.М. Грамматическая синонимия. Учебное пособие по спецкурсу. - Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1987.
6. Скрелина Л.М. Школа Гийома: психосистематика. - М.: Высшая школа, 2009.
7. Lecons de linguistique de Gustave Guillaume. 1948-1949. Serie C: Grammaie particuliere du francais et grammaire generale (IV) / Publ. par R. Valin. Quebec: PUL; Paris: Klincksiec, 1973. Vol.3.
8. Moignet G. Le systeme du paradigme qui, que, quoi: // Etudes de psychosystematique francaise. - Paris, 1974.

**Т.Е. Соболева,
Р.В. Романова**
(Белгород)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ВОПРОСА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Коммуникативная лингвистика, ориентированная на исследование языкового общения в реальных условиях, позволяет по-новому оценить различные «нетипичные» виды высказываний, которые в силу своего скрытого прагматического потенциала могут вызвать затруднение для понимания.

К таким явлениям языка можно отнести риторические вопросы, представляющие собой «пограничное» явление на стыке между вопросительными и повествовательными предложениями. В связи с этим одной из задач ученых-лингвистов является изучение механизма возникновения косвенного значения риторических вопросов.

Речевая деятельность осуществляется, как известно, в условиях непосредственного общения, а оно предполагает не только понимание косвенного речевого акта и адекватную реакцию на него, но и объяснение таких явлений, как интенция говорящего при произнесении косвенного речевого акта, причина выбора данной языковой формы, в данном случае – риторического вопроса.

Риторический вопрос – одна из самых распространенных стилистических фигур, характеризующаяся замечательной яркостью и разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков. Риторические вопросы содержат эмфатическое утверждение (или отрицание), оформленное в виде вопроса, не требующего ответа. Риторический вопрос ставится не для того, чтобы побудить слушателя сообщить нечто неизвестное говорящему. Функция риторического вопроса — привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятость. Ответ в нем уже подсказан, и риторический вопрос только вовлекает читателя в рассуждение или переживание, делая его более активным, якобы заставляя самого сделать вывод. Совпадающие по внешнему грамматическому оформлению с обычными вопросительными предложениями, риторические вопросы отличаются яркой восклицательной интонацией, выражающей изумление, крайнее напряжение чувств. Риторический вопрос помогает порой смягчить оскорбительные, либо шокирующие речи, такие как, например, обвинения. Эта фигура речи часто употребляется адвокатами во время судебных прений (<http://fr.wikipedia.org/wiki>): *Comment pouvait-il entrer dans la maison sans casser la fenêtre ou la porte? C'est impossible!* («Как бы смог он попасть в дом, не разбив окно или не выломать дверь? Да это невозможно!»).

Проблема определения места риторических вопросов в составе вопросительных предложений решается различными исследователями по-разному.

Одним из первых, кто стал учитывать коммуникативно-содержательные факторы при классификации вопросительных высказываний, был Ф. Брюно. По содержанию, а не по грамматической форме он выделяет:

а) реальные вопросы, то есть вопросы, где говорящий действительно спрашивает о чем-либо;

б) мнимые вопросы, то есть такие, в которых говорящий ничего не спрашивает, а наоборот, утверждает [Brunot, 1936].

Эти положения ознаменовали собой поворот к новым методам исследования вопросительных предложений для раскрытия глубоких внутренних связей в их содержании. Это разграничение вошло во французский синтаксис. Так, некоторые грамматисты выделяют среди вопросительных конструкций два типа:

а) реальный вопрос;

б) ложный, или риторический вопрос [Grevisse, 1993: 584]

В своём труде «Теоретическая грамматика французского языка» В.Г. Гак в составе вопросительных предложений выделяет типы, объединяемые на основе первичных и вторичных функций этих предложений. Первичной функцией ВП является запрос информации: *Quel temps fait-il aujourd'hui?* («Какая сегодня погода?»); *Quelle langue apprends-tu?* («Какой язык ты изучаешь?»). Вторичные же функции ВП реализуются, когда говорящий не ждет ответа, а именно – когда информация неизвестна, когда некому ответить или же вопрос он задает самому себе (*question rhétorique; fausse question*).

Таким образом, по мнению В.Г. Гака, риторический вопрос представляет собой характерный случай использования вопросительного высказывания во вторичной функции [Гак, 2000: 659-662]:

- *Mais où veux-tu qu'il aille?* («Да куда он по-твоему пойдет?») – [*Il peut aller nulle part / N'importe où. Droit devant lui...*] («Он никуда не пойдет/ Да неважно куда. Куда глаза глядят...»). Риторический вопрос здесь употреблен иронически, а, как известно, ироническое высказывание понимается в смысле противоположном его буквальному значению. То есть, говорящий делает некий выпад в сторону адресата, подтрунивает над ним, так как полагает, что ответа на его вопрос нет.

Так, И.Б. Шатуновский считает, что РВ активно используются в диалоге с целью выражения отрицательных оценок и суждений, как средство своего рода речевой агрессии, направленной против собеседника. Такое употребление особенно характерно для разговорно-бытового дискурса [Шатуновский, 2004: 19]. Во французском языке также можно найти примеры такого употребления РВ: *Il éclata de rire. – Et vous les croyez? Chère Béatrice, comment vous détromper? Il se moquait d'elle...* В данном случае, говорящий насмехается над адресатом, над его глупостью/непонятливостью/наивностью, что является характерным случаем речевой агрессии.

Также он отмечает, что особую, очень распространенную и продуктивную группу составляют вопросы, выражающие незнание говорящего [Шатуновский, 2004: 30]: *D'où viens-tu, mon petit bonhomme? Où est-ce «chez toi»? Où veux-tu emporter mon mouton?* («Откуда ты, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь забрать моего барашка?») – [*Je ne sais pas d'où tu viens. Je ne peux pas imaginer où c'est «chez toi». Je ne peux pas comprendre où tu veux emporter mon mouton*] («Я не знаю, откуда ты. Я понятия не имею, где твой дом. Я не понимаю, куда ты хо-

чешь забрать моего барашка»). О таких вопросах можно сказать, что они находятся на полпути между собственно вопросами и риторическими вопросами. Как и в собственно вопросах, адресат здесь не знает ответа на формулируемый им вопрос, однако значение побуждения, направленного на адресата, дать ответ на этот вопрос, исчезает, поскольку конкретного адресата или нет вообще, или же ясно, что адресат также не знает на него ответа.

И.Б. Шатуновский утверждает, что риторические вопросы могут переноситься из реального диалога – той коммуникативной среды, где они возникли – в другие коммуникативные ситуации с нереальным в той или иной степени адресатом [Шатуновский, 2004: 33]. Такое употребление имеет место в «злободневных», внутренне диалогичных публицистических (письменных и устных) и художественно-публицистических текстах, когда среди широкой аудитории, к которой обращен данный текст, действительно находятся люди, имеющие отношение к поставленному риторическому вопросу, те люди, кому непосредственно автор и задает вопрос, на который не может получить ответа: *Le tri des déchets peut-il pour autant entrer durablement dans les pratiques quotidiennes des Français?* («Может ли сортировка отходов стать ежедневным обычаем французов?») Журналист, написавший статью о сортировке отходов, поставив данный риторический вопрос, совершенно не нуждается в ответе. В данном случае РВ несет чисто побудительный характер. Автор призывает соотечественников сортировать мусор, с помощью риторического вопроса он бросает в массы призыв.

Порой бывает сложно определить, является ли вопрос риторическим или нет. В этом и заключается опасная красота данной фигуры речи. В ней всегда содержится доля иронии и чтобы понять это, порой необходимо добавлять пояснительные маркеры (<http://thierryherman.ch/analyses/question-rhetorique-or-not-question-rhetorique/>). Например: *Alors, faut-il écouter ces bien-pensant?* («Стоит ли слушать этих благонамеренных людей?») – речь Кальми-Ре Мишлин, швейцарского государственного и политического деятеля). В данном случае, ироническая и уничижительная коннотация словосочетания «*bien-pensant*» делает совершенно очевидным ответ «*Non*» («Нет»). Но крупнейшее французское информационное агентство Франс Пресс не распознало риторического вопроса, что стало причиной громкого конфликта.

Таким образом, необходимо отметить, что чрезвычайно важное и принципиальное свойство РВ – широта, размытость и неопределенность их значения (точнее, того смысла, который «возникает» в том пункте дискурса, где находятся эти вопросы). Это некоторое размытое облако, «сотканное» из буквального значения вопроса, пресуппозиций, коннотаций, исходных предположений, выводов. Именно их широта и размытость обуславливает чрезвычайную употребительность РВ не только в диалоге, но и в языке средств массовой информации.

Использованная литература

1. Brunot F. La pensée et la langue. Paris, 1936.
2. Grevisse M. Le Bon Usage. Grammaire Française. 13e éd. Paris, 1993.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.
5. Кильмухаметова Е.Ю. Риторические вопросы как косвенные речевые акты (на материале французского языка). Вестник ТГПУ. Выпуск 4. 2006.
6. Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения//Агрессия в языке и речи. М., 2004.
7. <http://fr.wikipedia.org/wiki/>
8. <http://thierryherman.ch/analyses/question-rhetorique-or-not-question-rhetorique/>

Б.Г. Солдатов
(Ростов-на-Дону)

ТИПОЛОГИЯ СЛОВАРНЫХ ТОЛКОВАНИЙ В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ

В истории английской лексикографии могут быть выделены два периода: двуязычный и одноязычный. Двуязычный период длился с VIII по XVI век. Типичными лексикографическими пособиями являлись глоссарии как средство обучения латинскому языку и тематиче-

ские словники. В основе толкования лежал перевод слова с латинского языка на английский.

Началом применения внутриязыкового перевода в словарях следует считать XVII век. Поскольку наиболее популярным способом пополнения словарного состава английского языка было заимствование, возникла необходимость в так называемых словарях “трудных” слов [Ступин, 1979: 65]. К “трудным” словам этого времени были отнесены: заимствования из латыни и греческого языка; устаревшие англосаксонские слова, употребление которых стало модным для писателей, поэтов и ученых того времени; заимствования из новых западноевропейских языков, которые все больше проникали в английский язык. В эту группу также входили новые научные термины.

Следовательно, в данную категорию входили слова, относящиеся к разным группам. Но все они имели свойство, которое их объединяло — трудность, которую они представляли для понимания носителями языка. Таким образом, у данной категории слов были выявлены семиотические свойства: кроме своего значения, эти слова сообщали о своей принадлежности к особым сферам употребления, в отличие от общеупотребительной лексики.

В словарях “трудных” слов XVII века впервые стал применяться синонимический внутриязыковой перевод для толкования значения заголовочного слова. Но если в словаре Р.Коудри, изданном в 1604 году, использовался в качестве основного способа толкования внутриязыковой перевод, представляющий собой уравнивание левой и правой сторон словарной статьи (толкование состояло только из синонима или группы синонимов), то, начиная со словаря Дж.Буллокара, изданного в 1616 году, наблюдается тенденция к осложнению внутриязыкового перевода. Устаревшие слова и слова, вышедшие из употребления, помечались знаком “звездочка”:

**Laye. A song.*

Более того, Дж. Буллокаром была отмечена принадлежность слова к той или иной области знаний:

Endorsed. A term of Herauldrie.

В словаре Т.Блаунта (Glossographia, London, 1656) синонимический внутриязыковой перевод дополняется указанием на источник заимствования заголовочного слова:

Acupictor (Latine) an Embroiderer, or any one that works with a Needle.

В словаре Э.Филлипса (*The new world of English words*, 1658) значения слов также толкуются с помощью синонима, но более последовательно проводится этимологическая характеристика каждого слова:

Gowreth. (old word) stareth.

В данном словаре наблюдается еще один вид осложнения внутриязыкового перевода — пометка “крестиком” слов “с плохой репутацией” (с точки зрения лексикографа):

+ *Antiloquent (Lat) speaking loftily.*

Но, как отмечает Н.Осселтон, выделение слов “крестиком” у Э.Филлипса носило непоследовательный характер.

Наибольшее сходство с определениями в современных словарях имеют синонимические определения, данные в словаре Б.Мартина (*Lingua Britannica Reformata*, 1749). Также близки к современным толкованиям и определения многозначных слов из словаря Б.Мартина. Словарная статья Б.Мартина характеризуется большой четкостью смысловой характеристики слова:

Keen 1.*sharp, that cuts well.* 2.*sharp, or subtile.* 3.*cold, or serene.* 4.*eager, or ardent.* 5.*pungent, or satyrical.* 6.*sharp, or hungry.*

Создание С.Джонсоном в 1755 году научного толкового словаря стало поворотным пунктом в истории английской лексикографии. Структура словарной статьи в словаре С.Джонсона служит задачам полного и всестороннего (для того времени) научного описания слова. Единообразие, выдвинутое С.Джонсоном в качестве обязательного принципа, способствовало совершенствованию метаязыка словаря и структуры текста словарной статьи [Глебовский, 1988: 9].

Положенные С.Джонсоном в основу словаря принципы с небольшими изменениями реализуются и в многочисленных современных толковых словарях английского языка. В данном словаре были приняты три основных способа филологического словарного определения: 1) филологическое толкование — родо-видовое определение, доступное всем носителям языка; 2) синонимическое определение, которое принято считать отдельной словарной дефиницией; 3) отсылочное определение — для синхронически производных вокабул.

К середине XIX века, с утверждением в Европе нового языкознания, в теорию и практику английской лексикографии приходит новая точка зрения на словарь как на отражение всего того, что сложилось в данный момент в данном языке, т.е. как на беспристрастный и объективный регистратор развития языка за определенный период.

В свете новых требований науки был составлен Большой Оксфордский словарь (1928г.). В данном словаре широкое применение находят филологическое толкование (т.е. толкование при помощи фразы) и синонимическое определение.

В Большом Оксфордском словаре совершенствуется система помет. Используются шесть типов добавочных семантико-функциональных помет, указывающих на: 1) функционально-стилевую ограниченность; 2) эмоционально-экспрессивную окраску; 3) хронологическую ограниченность; 4) территориальную ограниченность; 5) специальную терминологическую сферу употребления; 6) активность (частотность) [Малаховский, 1954: 9. Ни один из типов помет не является предписывающим или рекомендуемым, а является результатом объективного рассмотрения языковых фактов и беспристрастного решения вопроса об их использовании в речи и текстах.

При анализе толкований заголовочных слов в трех современных словарях (POD, OALD, CIDE) стало возможным выделить следующие пять групп:

- 1) филологическое толкование слова (могут быть выделены два подтипа: толкование, близкое к традиционному, и толкование, близкое к предложенному в словаре Collins — COBULD);
- 2) толкование путем “компенсированного” внутриязыкового перевода;
- 3) толкование с использованием близкого по значению слова в качестве слова-указателя (GUIDE-WORD);
- 4) отсутствие толкования слова (в английской лексикографической литературе подобные словарные статьи получили название “run-on entries”);
- 5) отсутствие в словаре CIDE слов, содержащихся в словарях POD и OALD.

Филологические толкования, применяемые в современных словарях, имеют два подтипа. Первый подтип близок традиционному филологическому толкованию, например:

knack, n, a skill or an ability to do smth easy and well • As a politician, she has to have a knack of inspiring confidence in her listeners • Paul always had a knack for (writing) a good story.

lair n a place where a wild animal lives often underground and hidden, or a place where a person hides • a fox's lair • a thieves' lair.

Второй подтип близок по форме новому типу толкования, предложенному в 1987 году составителями словаря Collins — COBUID, например:

ken (obj) v [not be Kenning] Scot Eng and N Eng • To Ken Someone is to Know them: Do you ken that man over there?

A kind — hearted person is one who cares a lot about other people and always wants to help them.

statescraft n [U] • Statescraft is the skill of governing the country.

Если в первых двух примерах толкование дается с помощью фразы, то в последних трех — нетрадиционным путем. Определение заголовочному слову дано в составе типичного английского предложения. В подобных семиотических предложениях (поскольку толкование является семиотическим процессом, заголовочное слово выступает в роли подлежащего (первая часть толкования), а вторая, объясняющая часть толкования — предложения — в роли сказуемого. Следует также отметить, что во всех данных примерах после толкования следует описание сочетаемости заголовочного слова путем употребления последнего в составе словосочетаний или предложений.

В синонимических толкованиях заголовочное и толкующее слово противопоставляются по следующим принципам: этимологическому, стилистической принадлежности, сочетаемости.

ken (hist) — peasant; scabrous — (fml)(of behavior, etc) indecent: Her scabrous novels shocked the public; sound 1. n. A strait (esp. In names, as Plymouth sound); lascivious — lustful [L].

При толковании с использованием слова-указателя каждое значение многозначного слова выделяется в отдельное заголовочное слово (точнее, в отдельную статью), а слово-указатель кратко описывает толкуемое значение, или указывает на смысл слова в толкуемом значении, чем помогает пользователю выяснить, что означает заголовочное слово в интересующем его значении, например:

Keen EXTREME a extreme, very strong or (of an ability) very good or clever. The competition for almost any job is now very keen • Many people are taking a keen interest (=very great interest) in the result of the vote.

Использованная литература

1. Ступин Л.П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии (XV — XX вв.) — Л., ЛГУ, 1979.

2. Глебовский А.С. Эволюция структуры словарной статьи в англоязычной лексикографии.: Автореферат дисс. ... канд. филолог. наук. — Л., ЛГУ, 1988.

3. Малаховский Л.В. Оксфордский словарь английского языка.: Автореферат дисс. ... канд. филолог. наук. — Л., ЛГУ, 1954.
4. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. IV Edition. By A.S. Hornby. — Oxford University Press, 1991.
5. Pocket Oxford Dictionary of Current English/IV edition: by Fowler H.W. & F.B. — Oxford at Clarendon Press, 1991.
6. Cambridge International Dictionary of English: by Procter P.- Cambridge University Press, 1995.

Н.В. Солдатова
(Ростов-на-Дону)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНО- СТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В последние годы в связи со все большей интеграцией стран Европы, с глобализацией мировой экономики особенно остро встали вопросы межнациональных контактов, межкультурных отношений, развитие которых стимулируется политическими и экономическими факторами. В связи с этим при обучении языкам международного общения в России особая роль отводится социокультурному моменту содержания обучения [Марченко, 2007: 304].

Формирование социокультурной компетенции происходит на всех стадиях изучения языка и предусматривает овладение навыками и умениями для успешной межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация — это междисциплинарное направление, развивающееся во взаимодействии гуманитарных наук в области лингвистики, культурологии, филологии, семиотики, общей теории и практики коммуникации, психологии, истории, социологии и философии [Гуляева, Хан, 2002: 10].

В книге С.Г. Тер-Минасовой, создавшей современное направление в научной школе межкультурной коммуникации в России, дается главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур: «Языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на данных языках. Каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое ино-

странное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием (опять же иностранным, если слово иностранное) представление о мире. Тесная взаимосвязь и взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации настолько очевидны, что не нуждаются в пространных разъяснениях. Реальное употребление слов в речи, реальное речепроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива. В основе языковых структур лежат структуры социокультурные. Три «Т» - Терпение, Терпимость, Толерантность – вот формула межкультурной коммуникации» [Тер-Минасова, 2000: 21].

Изучение иностранной культуры неотделимо от изучения родной культуры как с точки зрения их сопоставительного анализа, так и для целей пропаганды русского языка и литературы, культурных и научных достижений в мире.

В связи с постоянно расширяющимся международным обменом особую актуальность приобретают вопросы межкультурной коммуникации. Их специфика и сложность связаны с тем, что коммуникация осуществляется в условиях несовпадающих национально-культурных стереотипов мышления и поведения [Тюриня, 2001: 57].

Полноценное общение между людьми, принадлежащими к разным культурам и цивилизациям, невозможно без знания обычаев и норм поведения друг друга. Культурный барьер коварнее языкового, поскольку он не так очевиден. Более того, он не виден до тех пор, пока не произойдет столкновение с другой культурой. Отклонения от принятых в конкретном обществе норм поведения могут произвести впечатление вызова, грубости и воспринимаются крайне негативно. Следовательно, в процессе обучения какому-либо иностранному языку наряду с лингвистическими аспектами необходимо преподавать обучаемым основы культуры страны, язык которой изучается. Это поможет в дальнейшем избежать недоразумений при общении с представителями других стран [Лебедева, 2000: 15].

В деловой практике и особенно в сфере международного бизнеса остро ощущается недостаточное владение специалистами должным уровнем социокультурной и стратегической компетенции как при общении на русском, так и на английском языках. Отсутствие социокультурной компетенции негативно сказывается на качестве деловых взаимоотношений, провоцирует возникновение конфликтов, в том

числе и межкультурных, приводит к потерям времени, препятствуя тем самым улучшению деловой репутации компаний как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Неудачи в процессе межкультурной коммуникации имеют причины лингвистического и экстралингвистического характера. Первые связаны прежде всего с терминологией: недостаточное владение фоновыми знаниями слов-реалий, приемами перевода терминов в зависимости от способов номинации, наличие параллельных терминов, соотносящихся с различными формами собственности, территориальная дифференциация терминов. Так, Federal Reserve System США и Центральный банк России сближаются только по своему ближайшему значению, поскольку структуры и ряд функций этих учреждений не совпадают. Следует прибегать к разъяснительному переводу терминов-метафор. Например, *financial menu* – «финансовое меню» - способ ликвидации задолженности развивающихся стран, когда кредиторы и должники используют набор вариантов финансового урегулирования. В английской экономической терминологии существуют параллельные термины, относящиеся к частной и государственной собственности: *employment agency* - «частное бюро пот трудоустройству» и *employment office* – «государственное». Следует принимать во внимание и территориальные различия экономических терминов: «акция» - *share (GB)*, *stock (US)* [Кузнецов, 2001: 29].

К экстралингвистическим факторам, регулирующим успешность межкультурной профессиональной коммуникации, относятся соотношение личной и общественной сфер, категория вежливости, специфика социокультурного пространства, специфика личного пространства, национальный менталитет, национальные особенности жестов [Кузнецов, 2001: 30].

Устоявшиеся в речевой практике образцы использования стратегий, приемов и выбора языковых средств формируют дискурс профессионального общения в различных формах и видах – деловое письмо, встреча, переговоры. В устном дискурсе одной из наиболее значимых ситуаций межкультурного делового общения является ведение переговоров. Привлекают внимание такие проблемы, как различия в структуризации этапов переговоров и их значимости для представителей разных культур, национальные стили профессионального взаимодействия, стратегии и тактики переговоров, национально-культурные стереотипы, концепты вежливости. Для успешной социальной коммуникации необходимо не только точное понимание передаваемой ин-

формации, но и установление и сохранение хороших отношений между сторонами, что во многом зависит от понимания национально-культурной специфики категории вежливости и стратегии ее реализации в языковом дискурсе [Тюрина, 2001: 59].

Анализ различных толкований понятия «социокультурная компетенция» позволяет говорить о том, что в основе данной компетенции лежат следующие моменты:

1. Умение выделять общее и специфическое в моделях развития различных стран. Готовность представлять свою страну и ее культуру с учетом возможной культурной интерференции со стороны слушателей, предвосхищая причины возможного недопонимания и снимая их за счет выбора адекватных средств речевого взаимодействия. К ним можно отнести сравнения и противопоставления культурных реалий, использование не просто перевода, а перевода-толкования.

2. Признание права разных культурных моделей, а значит и формируемых на их основе представлений, норм жизни, верований и т.д. на существование.

3. Готовность конструктивно отстаивать собственные позиции, не унижая других и не попадая в прямую зависимость от чужих приоритетов [Соловова, 2002: 13].

При формировании навыков социокультурной компетенции большую роль играет обучение продуктивной речи, умению включать уместные выражения в устную речь и восприятию норм вежливости. Необходимо вырабатывать умение адекватно реагировать на различные вопросы и правильно их задавать. Например, в магазине на вопрос продавца *“May I help you?”* можно дать ответ *“Yes, I would like to know how much this computer costs”* или *“Thank you, I’m fine”* в смысле «Сам справлюсь»; обращаясь с просьбой – *“Would you mind if I make a local call?”* или *“I wonder if you could help me”* или *“I’d like to leave a message”*, *“Could you please take a message?”* Очень важно понимать, что в английском языке категоричные высказывания смягчаются модальностью или интонационно, а выражение *“Thank you very much indeed”* – практически обязательное приложение к разговору. В ситуации, когда нам кажется обязательным кивнуть (официант приносит очередное блюдо), необходимо немедленно ответить *“Thank you”*, а любая просьба должна обязательно включать слово *“please”* – *“can you please”*, *“will you please”*. В ответ на благодарность или выражение одобрения недостаточно мило улыбнуться – можно научиться реагировать с помощью уместных в каждом случае

ответов: *"I like your new dress / What a sweet son you have – Oh, thank you / how kind of you"*; *"Thank you very much for ... - Welcome / My pleasure / Any time"* [Хан, 2002: 10].

Таким образом, в процессе обучения какому-либо иностранному языку наряду с лингвистическими аспектами необходимо преподавать студентам основы культуры страны, язык которой изучается. Это поможет в дальнейшем избежать недоразумений при общении с представителями других стран и культур.

Использованная литература

1. Марченко А.Н. Влияние социокультурного компонента на коммуникативную компетентность студентов. // Труды международной научно-практической конференции «Преподаватель в высшей школе в XXI веке». Сборник 5. Часть 1. – Ростов н /Д, РГУПС, 2007.
2. Гуляева Г.В., Хан И.А. Краткий методический глоссарий. – ELT News and Views, 3 (24), 2002.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: 2000.
4. Тюрина С.Ю. О межкультурной профессиональной коммуникации в английской деловой речи. // Язык. Культура. Словари. Материалы IV Международной школы-семинара. Иваново, 10-12 сентября 2001 г. – Иваново: Юнона, 2001.
5. Лебедева А.А. Особенности норм поведения и речевой интонации носителей иностранного языка. – ELT News and Views, 3 (15), 2000.
6. Кузнецов В.Г. Причины коммуникативных неудач в процессе межкультурного профессионального общения. // Язык. Культура. Словари. Материалы IV Международной школы-семинара. Иваново, 10-12 сентября 2001 г. – Иваново: Юнона, 2001.
7. Соловова Е.Н. Социокультурная компетенция учителя иностранного языка и пути ее формирования. – ELT News and Views, 4 (25), 2002.
8. Хан И.А. Обучение взрослых на раннем этапе. – ELT News and Views, 2 (23), 2002.

УСЕЧЕНИЕ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В современных языках широко распространено образование сокращенных имен собственных. Вопрос об усеченных словах во французской, английской и русской лингвистической литературе ставился неоднократно. Ему уделяли внимание авторы общих работ, в первую очередь А. Доза и Ж. Марузо, которые довольно подробно останавливались на данном явлении. Имеются и специальные работы, посвященные усечениям: [Масловой Г.Д., 1958; Самохотской И.С., 1958; Шаповалова А.П., 2003; Francon M, Bowen L.H., 1953].

1. Апокопа (усечение конца слов)

Все исследователи современного французского языка, занимавшиеся и занимающиеся вопросом усечения, подчеркивают, что процесс сокращения, путем усечения конца имени, весьма характерен для современного французского языка, особенно в последние годы. Большинство из образованных таким путем имен собственных относятся к сфере общеразговорного языка и употребляются без стилистической окраски.

Laurence — Laurie

Catherine — Cathy

Christelle — Christ

Adeline — Adel

Alexandre — Alex

Laurence — Laura

Laurentine — Laurette

Leon-Leo

(Daudet, 15, 37, 145, 347)

Michel — Mich

Alexiane — Alexia

David — Dave

David — Davy

Lydiane — Lydie

Edgar — Edie

(Coster, 12, 33, 148, 186, 234,

Christopher — Christoph

Marcel — Marc

Maximilien — Max

Napoleon — Napol

Napoleon — Nap

Doriane — Dora

Christopher — Christ

(La douce France, 24, 64, 70, 115,
183, 202, 225)

Elisabeth — Elise

Clotilde — Cim

Constantine — Constant

Corolle — Cora

Leone — Leonie

(Villon, 113, 147, 206, 207, 271)

Lillian — Lily

300)

Gracianne — Grace

Gregoire — Greg

Emilien — Emile

Felicenne — Felicie

(Musset, 145,298,345,404)

Veronique — Verone

Florentin Florent

Olivia - Olive

(Constant, 15, 43)

Philippe — Phil

Rosaline — Rosalie

Rosaline — Rosa

Florentin - Florian

Linda - Line

(Gubrinowicz, 17, 44, 58, 59,

132,

175,205,243,555)

Franceline — France

Franceline — Francette

Gabriel — Gaby

(Szypowska, 50, 83, 87)

Jeannie – Jeanne

Jeannie — Jenny

Joseph — Jose

Annabelle — Anne

Angelique - Ange

Billy - Bill

Justin — Juste

(*Le Parisien*, 5, 18, 20)

George — Geo

Georgette - Georgia

(*Le Figaro* 17,31,40)

Lynette — Line

Lorraine — Lore

Emmanuelle — Emma

Evelyne — Eve

(Scope, 11,25,30, 37, 44)

Victoria — Viki

Lucas — Luc

Lisette — Lise

Madeline - Made

Magalie - Maggie

(*Troyat*, 45, 71)

Nicolas - Nik

Octavien — Octave

Roseline — Rose

Susanne - Susie

Suzan — Suzy

(*Maupassant*, 34, 136-156)

Stephanie — Steph

Thomas — Tom

Victor - Vic

Caroline — Carole

Julienne – Julie

(*Nice-matin*, 2, 15, 21, 27, 29)

2. Аферезис (усечение начала слова)

Аферезис — значительно отличается от апокопы тем, что в слове отбрасывается при усечении не конечная, а начальная часть слова. Особенно часто указанный процесс наблюдается в именах собственных. Усечения, образованные при помощи аферезиса, встречаются гораздо реже, чем апокопы, используются чаще всего в жанрах и аргю.

Adeline – Lin

Abella - Bella

Chris telle — Stele

Denisard — Nisard

Annette - Nett
 (Szybowska, 33-67)
Annabelle — Belle
Amandine — Mande
 (Le Parisien, 13, 15)
Anthony - Toni
Cassandre — Sanare

Elisabeth — Beth
Evelyne - Lyne
Godefroy — Froy
Iadine — Dine
Olivia-Livia
 (Daudet, 445-560)

3. Медиальные усечения (отбрасывается начало и конец, остается середина имени)

Медиальные усечения - являются самыми редко встречающимся во французском языке сокращенными лексическими единицами.

Abelie - Bell *Amelie — Mel*

4. Сложные усечения имен собственных

Сложные усечения имен собственных — усечению могут подвергаться сложные имена французского происхождения, путем сохранения начальных слогов обоих сложных слов.

Marie-Louis — Malou

5. Редупликация имен собственных

Редупликация имен собственных — процесс удвоения первого слога имени, последующей передачи на письме обеих частей через дефис

Susanne — Su-Su *Diane — Di-Di*
Joelle — Jo- Jo *Lillian — Li-Li*
Cristopher — Cri-Cri *Louis — Lou-Lou*

Классификация сокращенных имен собственных

Всего имен					
собствен-	Сложно-	Апокопа	Афerezис	Редупли-	Меди-
ных	усеченные			кация	аль-
полных				(повторение)	ное
					усече-
					ние
96	1	74	13	6	2
100%	1%	77%	14%	6%	2%

В ходе исследования, необходимо заметить, что наибольшую группу сокращенных имен собственных составляет такой вид сокращения как апокопа (74 примера), которая составляет 77%, среднее по-

ложение занимает такой вид сокращения как афerezис (13), которые составляют 14%, реже всего встречается сложно усеченные сокращения (1) и составляют 1%.

Редупликация и медиальное усечение встречается только во французском и английском языках, в сравнительно малых количествах.

В результате исследований было выявлено, что наиболее распространенной группой сокращенных имен собственных является группа слов, образованных путем добавления гласной. Встречается удвоение согласных и написание через дефис имен собственных.

Исходя из результатов данного исследования, можно сделать вывод о том, что во французском языке наиболее широкое применение получили нейтральные сокращенные имена собственные, среднюю позицию занимают уменьшительно-ласкательные имена собственные.

Подводя итог нашего исследования, отметим, что мы провели анализ сокращения имен собственных во французском языке и выявили, что существуют различные способы сокращения одного и того же имени. Так, например, от имени *Evelyne* могут образоваться два сокращения *Eve* и *Lyne*, в английском от имени *Rosabel* - *Rose* и *Bell*. По сравнению с односложными именами, многосложные сокращаются значительно реже (*Marie-Louise* - *Maloï*) и встречаются только в английском и французском языках. С учетом экспрессивно-стилистической окраски следует отметить, что во французском языке уменьшительно-ласкательные имена собственные образуются различными способами, но не ко всем именам можно добавить уменьшительно-ласкательный суффикс, существуют такие имена, к которым вместо суффикса добавляется прилагательное «маленький, -ая» (*petit*, -e). Например, имя *petite Christine*. В ходе нашего исследования нам встретились имена, которые при сокращении полностью меняют свою основу, в связи с этим было нелегко найти полный вариант сокращенного имени. Например, во французском языке, имя *Claudine* – *Clò*.

Использованная литература

1. Баранчев Э.Г. Словарь сокращений французского языка. - М., 1968.
2. Маслова Г.Д. К вопросу о неологизмах в современном французском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1962.

3. Самохотская И.С. Пополнение словарного состава современного французского языка с 1930 по 1950: Дис. канд. филол. наук. М., 1953.

4. Шаповалова А.П. Аббревиация и акронимия в лингвистике. - *Ростов н/Д*, 2003.

5. Daudet A. Les Rois en exil. - М., 1979.

6. Dautzat A. L'appauvrissement de la derivation. (Francais moderne, VI 937).

7. Marouzeau J. Aspects du francais. Paris, Moscou, 1950.

8. Marouzeau J. Quelques observations sur la langue vulgaire, «Le francais moderne», 1954. An. 22. № 4. P. 241-252.

Л.П. Станкевич
(*Ростов-на-Дону*)

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

К лингвистическим причинам образования и распространения сокращений следует отнести в современном французском языке следующие:

1. Возможность и стремление произносить аббревиатуры как единые слова. Это положение в одинаковой мере относится и к усеченным словам, и к лексическим аббревиатурам, которые функционируют в языке как обычные слова. Именно потребностью произносить аббревиатуру как слово объясняется, на наш взгляд, то положение, что среди инициальных аббревиатур в современном французском языке основную массу составляют не графические, а лексические сокращения, поэтому объектом исследования ученые выбирают именно их [Шаповалова, 2003: 27] и другие. CIFRAD (Center d'instruction et formation rationnelle et acceleree de depanneurs) – «Центр ускоренной подготовки ремонтников» ([sifrad]); TRSID (Institut de recherches de la siderurgie) – «Научно-исследовательский институт черной металлургии» произносится как обычное слово [ir'sid].

2. Особое место среди инициальных аббревиатур занимают акронимы, получившие большое распространение в языке в последние десятилетия: CIGRE (Conference internationale oles grands reseaux electriques a haute tension) – «Международная конференция по большим

электрическим системам, СИГРЕ», OMERA (Societe d'optique, de mecanique, d'electricite et de radio) – «Общество оптической, механической, электрической и радио аппаратуры». Акронимы произносятся как обычные слова языка: *sigre*, *omega*.

3. Тенденция к моносиллабизму. Различные фонетические процессы, происходящие в различные периоды истории французского языка привели к тому, что односложные слова приобрели большой удельный вес в современном французском языке. Отмечают, что для французского языка вообще, и в особенности для языка научно-технической литературы характерны одно- и двусложные слова (существительные и глаголы) [Шаповалова, 2003: 68].

Поскольку сокращения образуются преимущественно от имен существительных или именных словосочетаний, то аббревиатуры выступают в функции существительных. Особенно часто встречаются слова-аббревиатуры, представленные тремя буквами. Так CID (Centre d'instruction divisionnaire) – «Дивизионный учебный центр», может произноситься как [sid]; ROS (Rapport d'ondes stationnaires) – «Коэффициент стоячей волны» - как [ros] [Ганшина, 1962: 6], [Доза, 1937: 62].

4. Использование терминов с корнями латино - греческого происхождения. Научно-техническая терминология пополнилась довольно значительным количеством терминов, корнями которых часто являются слова греческого и латинского происхождения. В результате получаются сложные термины, которые чаще всего превышают нормативную длину слова и поэтому сокращаются. В особенности это относится к таким терминам, которые приобретают популярность и в дальнейшем становятся интернациональными, международными: *auto* (automobile) – «авто, автомобиль», *tele*(television) – «теле, телевидение», *mono* (monophase) – «моно, однофазный», *aero* (aerodrome) – «аэродром». Такие термины и усечения, образованные от них, стали международными, доступными для понимания людей разных национальностей благодаря корню латино-греческого происхождения. Не только усечения, но и аббревиатуры довольно часто образуются от сложных терминов с греко-латинскими корнями:

cst (centistolce) – «сантистоис» (единица кинематической вязкости);

csn (centisthene) – «сентистеи» ;

hpz (hectopieze) – «гектопьеза» (единица давления);

cpz (centipieze) – «сантипьеза».

5. Влияние разговорного и жаргонного языков [Доза, 1939; 67]. Сокращение жаргонной и разговорной лексики получают широкое распространение. Благодаря этому появляются определенные навыки использования жаргонных аббревиатур, что в итоге дало толчок к более широкому использованию и других их типов. Люди привыкли употреблять аббревиатуры в разговорной лексике, и это создало почву для более легкого восприятия других аббревиатур. Таким образом, частое использование сокращений в жаргонной и разговорной лексике способствует распространению аббревиатур в литературном языке. Широкое исследование разговорной и жаргонной лексики и их влияния на распространение сокращений провел А. Доза. Он приводит много примеров сокращений, использующихся постоянно в разговорном языке военных [Доза, 1937: 56]. Иногда аббревиатура настолько часто используется, что дает солдатам основание придумывать другую, шуточную «расшифровку». Большое количество каламбурных, шуточных расшифровок аббревиатур, использующихся в разговорном языке или аргю приводит шведский учёный. [Кельман, 1920: 113].

6. Влияние других языков на появление и распространение сокращений. В словарном составе французского языка имеется немало сокращений-заимствований: немецких, английских и американских относящихся к названиям международных организаций, учреждений Атлантического блока, крупнейших компаний, технических систем, военных радиолокационных установок и др.:

COMNORTHAG (Commander, Northern, Army Group, Central Europe) – «Командующий северной группой армии на центрально-европейском театре (НАТО)» ; COMIL (Chairman of Military Commetee) – «Председатель военного комитета». Англо-американские сокращения широким потоком вливаются в современный французский язык и получают в нем широкое распространение.

Таковы, в основном причины, образования и распространения сокращений в современном французском языке.

Использованная литература

1. Ганшина К.А. Французско-русский словарь. М., 1962
2. Шаповалова А.П. Аббревиация и акронимия в лингвистике. - Ростов н/Д, 2003.
3. Dauzat A. L'appauvrissement de la derivation. (Francais moderne, VI 937).

4. Dauzat A. Tableau de la lanque francaise – Paris, 1939.
5. Kellman H. Mots abreges et tendances d' abbreviation en francais. Uppsala, 1920.

Л. И. Старкова
(*Нижневартовск*)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СЕМАНТИКИ НЕ- МЕЦКИХ ПРЕДЛОГОВ (диахронический аспект)

Точному и глубокому описанию языковых единиц, в том числе и предлогов, способствует обращение к их семантике. При этом необходимо учитывать первообразное значение слова, которое послужило источником его семантического развития. Также для адекватного описания семантической структуры языковой единицы представляется важным рассмотрение семантики слова в диахроническом аспекте.

Древние по своему происхождению предлоги соотносятся с древними наречиями, как по своей звуковой форме, так и по своей семантике. Многие исследователи считают, что предлоги образовались путем перехода наречий в данный класс слов. Признаки явлений, выражаемых наречиями, становились выражением отношений между другими явлениями. Употребляясь при глаголах или именах существительных, эти наречия являлись конкретизаторами пространственных отношений, постепенно теряющими свою лексическую и синтаксическую самостоятельность. Уже в древневерхненемецком языке лингвистами насчитывается примерно 30 слов, которые можно отнести к классу предлогов по их семантико-синтаксическим и морфологическим особенностям. Г.Крёмер в своих трудах рассматривает 27 предлогов, в евангелии Отфрида, по наблюдению В.Г. Адмони, «встречаются почти все эти предлоги (кроме *самет*, *хинтер*, *звискен*, *ирам*, *абе*), а кроме того употребляются *êr*, *ir*, *unzan*, *innan*» [Адмони, 1963: 38]. М.Д. Степанова в современном немецком языке выделяет следующие предлоги, восходящие по своему происхождению к древним наречиям: *an*, *in*, *aus*, *auf*, *für*, *vor*, *zu*, *bei*, *durch*, *nach*, *bis*, *mit*, *ohne*, *seit*, *von*, *um*, *wider*, *gegen*, *sonder*, *samt*, *über*, *unter*, *hinter*, *außer* [Степанова, 2007: 345]. Данные предлоги являются, как правило, многозначными, в процессе исторического развития они образовали сложную сеть различ-

ных значений, не утратив при этом в своей семантике пространственную основу.

Как показывает этимологический экскурс, по своему происхождению многие предлоги являются общегерманскими словами и восходят к индоевропейскому праязыку. Предлоги *ab*, *an*, *auf*, *aus*, *bei*, *durch*, *für*, *in*, *mit*, *ohne*, *seit*, *über*, *um*, *unter*, *vor*, *zu*, *zwischen* имеют как аналоги в германских языках, так и внегерманские соответствия. Объем выражаемых ими значений в современных языках не совпадает, но глубинное пространственное значение, присущее слову-источнику изначально, как правило, сохраняется предлогом в каждом случае. Так, например, немецкий предлог *durch* относится к западногерманским словам. Средневерхненемецкое слово *dur[ch]*, древневерхненемецкое *dur[u]h*, нидерландское *door*, английское *th[o]rough* восходят к готскому *þairh* «через». Одновременно этому предлогу родственны такие негерманские слова, как *tiráh* «через, в стороне от чего-либо» из древнеиндийского и *trans* «по ту сторону, через ... прочь от чего-либо» из латинского языков. Первообразное значение движения, прохождения, проникновения через что-л. присутствует во всех этих родственных словах.

В то же время происхождение таких предлогов как *gegen* и *hinter* остается не до конца выясненным, поскольку достоверно не найдены внегерманские родственные связи. Предлог *gegen* по данным этимологических словарей является древнегерманским словом. В средневерхненемецком языке это была форма *gegen*, древневерхненемецком *gegin*, *gagan*, средненидерландском *jeghen*, древнеанглийском *gegn*, древнеисландском *gegn*. Первоначально имея только пространственное и временное значение направления к чему-л., предлог стал выражать и отношения к человеку, событию или предмету, позднее появилось и значение намеренного противодействия по отношению к чему-л. В сочетании с префиксом *ent-* параллельно получил свое развитие и предлог *entgegen*. В средневерхненемецком языке слово *hinter* имело форму *hinder*, в древневерхненемецком *hintar*, в готском *hinder*, в древнеанглийском *hinder*, в древнеисландском (прилагательное) *hindri*. Предположительно *hinter* восходит к древней сравнительной форме основы *hin[d]-*, от которой произошло также наречие *hinten*. Таким же путем во времена древневерхненемецкого языка из сравнительной формы наречия *sīd[ōr]* развился предлог *seit*, обладающий с самого начала своего существования и по сегодняшний день единственным значением указания на момент времени или промежуток времени, с которого началось какое-либо событие или действие.

Предлог *nach* имел в древневерхненемецком языке форму *nāh*, в средневерхненемецком *nāch*. Слово родственно прилагательному *nah[e]*, происхождение которого остается недостаточно ясным. Выступая как обстоятельство с указанием на пространственную близость при глаголах движения, слово постепенно перешло в разряд предлогов. В средневерхненемецком языке этот предлог употреблялся уже не только с глаголами движения. В.Г. Адмони приводит пример сочетания предлога *nāch* с глаголом *trûgen*, выражающим состояние горя, печали, где предлог несет в себе указание на предмет, на который направлено соответствующее душевное состояние [Адмони, 1963: 86].

К словосочетаниям по своему происхождению восходят предлоги *bis*, *neben* и *zwischen*. Нововержненемецкая форма *bis* восходит к средневерхненемецкой *biȝ* (*bitze*), которая в свою очередь, возможно, произошла от древневерхненемецкого сочетания *bī ze* «*dabei zu*». Первоначально это слово употреблялось как наречие рядом с предлогами, которые указывали на направление, например, в нововержненемецком языке *bis zu* или *bis an*. С выпадением последнего слова в этих сочетаниях наречие *bis* становится самостоятельным предлогом. В процессе анализа данных словарей выяснилось, что семантика данного предлога не богата разнообразием и все значения, выделяемые словарями, так или иначе связаны со значением предела: в пространстве, времени, количестве и т.д. В то же время в современном языке предлог *bis* вновь широко употребляется в сочетании с различными предлогами, как, например, *bis auf*, *bis in*, *bis, über* и т.д., указывая на достижение определённой границы или предела.

От вышедшего из употребления сочетания *in ebanī*, *an ebanī* «таким же образом, вместе, рядом друг с другом» в древневерхненемецком языке появилась сокращенная форма *ineben*, которая в средневерхненемецком перешла в *eneben*. В современном немецком это древнее словосочетание выглядит уже как *neben*, но семантика предлога сохранилась практически без изменения. Продолжая участвовать непосредственно в выражении реальных пространственных отношений, предлог указывает, в том числе, на метафорическую локализацию в значении «наряду с чем-л., кроме чего-л.».

Предлог *zwischen* восходит к сокращению древневерхненемецкого сочетания *in zuiskēn* «в середине двух, внутри двойного», содержащего в себе форму дательного падежа множественного числа от древневерхненемецкого слова *zuiski* «дважды, по два» и в средневерхненемецком *zwiscs*. В средневерхненемецком языке сочетание имеет форму

in zwischen (*enzwischen*), а также появляется более простая форма *zwischen*. Кроме значения месторасположения между предметами с XIV века у предлога развивается способность выражать временные отношения. На современном этапе существования языка по данным лексикографических источников семантика предлога насчитывает уже до 7 оттенков значений.

Тесно связаны между собой по происхождению два современных немецких предлога – *für* и *vor*. Оба восходят к индоевропейскому корню *per-* «свыше, сверх чего-либо» и имеют соответствия в германских языках. В древневерхненемецком языке встречаются формы *fora* и *furi*, в средневерхненемецком они трансформируются соответственно в *vor(e)* и *vür(e)*. В ранние периоды развития языка оба предлога выражали пространственные отношения с той разницей, что *für* употреблялся с винительным падежом при глаголах движения, а *vor* с дательным падежом при глаголах покоя. Наличие путаницы при употреблении предлогов в речи, замена одного другим или равное использование при одних глаголах привело грамматиков XVIII века к идее урегулирования употребления этих предлогов. Согласно их правила предлог *vor* сохранил в себе первичную семантику пространственности, *für* полностью утратил исходную способность к выражению пространственных отношений, стал использоваться только в переносном значении, что дало возможность развить богатую семантическую сеть.

Все исследователи древних письменных памятников отмечают у предлогов не только первичное пространственное значение, присущее им в соответствии с собственной глубинной семантикой, но и постепенное расширение типов отношений. Уже к концу древневерхненемецкого периода исследователями наблюдается широкое употребление предлогов в выражении причинных, общесоотносительных, целевых, объектных и прочих значений. Особенно явственно предлоги участвуют в выражении причинного значения [Адмони, 1963: 51]. Так, часто встречающийся в древневерхненемецких текстах предлог *an* имеет не только пространственное значение близости и соприкосновения, но и абстрактное значение близости, соприкосновения или касания, выражая общее отношение к какому-либо явлению, действию или предмету. В средневерхненемецком языке тенденция к выражению общей соотнесенности предлогом *an* расширяется, явственно проступает и «оттенок принадлежности и даже притяжательности» [Адмони, 1963: 84]. На первом этапе ранненововерхненемецкого *an* уже активно используется для выражения абстрактных логических отношений. К

распространенным древним предлогам, которые в процессе исторического развития языка также стремились раздвинуть границы своего употребления, исследователи относят *von* и *im*. Эти предлоги нередко встречаются в памятниках и помимо выражения локальных и временных значений проявляют себя в разных непространственных ситуациях.

В XIV – XV веках «очень явственно проступает тенденция к созданию универсальных предлогов, способных выступать в разных синтаксических группах с разной семантикой» [Адмони, 1963: 116]. Для таких целей подходят древние по своему происхождению предлоги, первичная семантика которых с течением времени стала нечеткой и, таким образом, пластичной. Предлоги выступают в различных функциях и постепенно становятся многозначными языковыми единицами.

Как мы отметили, сфера употребления каждого предлога неуклонно расширяется от одного этапа развития языка к другому. На сегодняшний день при описании предлогов всё чаще поднимается вопрос об организации их семантической структуры. В основе этой структуры лежит процесс - «преобразование пространств» [Селиверстова, 2004: 722]. Выявлению семантической структуры будет способствовать рассмотрение расширения первичной пространственной ситуации на метафорические пространства и непространственные случаи.

Использованная литература

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1963.
2. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка / Под ред. Т.В. Строевой. Изд. 2-е, испр. – М.: КомКнига, 2007.
4. Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Bibliographisches Institut und F.A. Brockhaus AG, Mannheim. 2001.
5. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Erarbeitet unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, München. 2004.

ПОСТИЖЕНИЕ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ СИСТЕМАХ ОТНОШЕНИЙ

В реальной действительности представлены две системы отношений: причинно-следственные отношения и антиследственные отношения. Отношения антиследствия, при которых за исходной посылкой следует не логично вытекающий из нее результат, а результат, противоположный ожидаемому, предполагаемому, желаемому и т.п., находят оригинальное отражение в художественной литературе. Эти отношения, если на них основывается сюжетная линия произведения, выполняют весьма важную функцию в анализе.

Объективность наших наблюдений можно подтвердить в ходе разбора бессмертной «Сказки о попе и о работнике его Балде» А. С. Пушкина. Исследователь А. Г. Гукасова [Гукасова, 1973] считает, что сказка строится на интересном обыгрывании двух кличек: поп (толокенный лоб) - Балда, равнозначных по смыслу. Основа сюжета сказки - договор, который заключается между двумя дураками (согласно их кличкам). При не слишком внимательном прочтении сказки (сосредоточенности, главным образом, на последовательности событий без глубокого проникновения в психологическую мотивацию жизнедеятельности героев) здесь, кажется, все ясно и просто: поп и Балда договариваются о нужном для них деле. Но уже на данном этапе обнаруживается алогизм в поведении и попа, и Балды. Поп направляется на базар «посмотреть кой-какого товару» и вдруг говорит: «Нужен мне работник». Так же алогично ведет себя и, на первый взгляд, Балда, ведь он «идет сам не зная куда» (т.е. совершенно бездумно, без всякой цели) и вдруг решает наняться в работники к попу, причем без всякой выгоды для себя («за три щелка в год по лбу» и за «вареную полбу»). Но нужно глубоко вникать в художественную ткань произведения для того, чтобы адекватно осмыслить его идейно-эстетический мир. Обратим внимание на важные детали (которые часто опускают учащиеся, сосредоточившись на развитии сюжетной коллизии). Поп пошел «по базару» (а не определенно на базар), «посмотреть кой-какого товару» (а не что-то конкретно купить). Уже первые строки сказки выявляют ведущую черту характера попа - жадность, определяющую все его поведение. «Хитроумный» поп отправился поискать для себя что-то вы-

годное, такое, что принесет ему хороший доход без ощутимых затрат. И так ли глуп Балда, как это могло показаться вначале? Да, первое впечатление именно такое: идет себе детина, без дела, без ориентира, без мысли в голове... Но Балда ведь сразу увидел и понял алчные поползновения попа, потому и решил продать свою силушку ему «в год за три щелчка ... по лбу» (т.е. поставить попа на место, совершить в его отношении то, что он заслужил). Таким образом, мы видим, что алогизм поступков героев, проявляющийся весьма впечатляюще, объясняется логикой их внутренних психологических установок. Исходная посылка: «Балда // об. влгд. дылда, болван, балбес, долговязый и неуклюжий дурень» [Даль, 1978-1980: 43]. На самом же деле Балда оказывается не только прекрасным работником, у которого все получается ловко, скоро и быстро, но смекалистым и смелым человеком, сумевшим перехитрить самого черта! Это конечный результат. Образ Балды строится на основе переплетения антиследственных и причинно-следственных отношений. Антиследственные отношения составляют поверхностный слой. Причинно-следственные отношения - глубинный слой. Глупость героя оказывается мнимой. Образ попа также полновесно вырисовывается благодаря оригинальному переплетению отношений причины и следствия и отношений антиследствия. Анализ такого рода помогает понять подлинную мораль сказки - утверждение человеческой честности, порядочности, настоящего (а не мнимого) богатства ума и высмеивание пороков, которые необходимо искоренять.

Использованная литература

1. Гукасова А. Г. Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина. М., 1973.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. М., 1978-1980.

К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЕ

Феномен метафоры всегда являлся источником повышенного внимания ученых разных отраслей науки. Он изучался психологами, философами, культурологами и, конечно, лингвистами. Долгое время сущность метафоры определялась чисто языковыми характеристиками, не связанными с мыслительной деятельностью индивидуума. Современные подходы коренным образом изменили взгляд на положение вещей. Так, с развитием когнитивного, идиоэтнического, психолингвистического направления в языкознании, на передний план в исследовании сущности метафоры выходит проблема осознания метафоры как процесса, основа которого заложена в мыслительной деятельности человека. Таким образом, изучение метафоры как исключительно языкового явления отходит на второй план.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о фразеологической метафоре, следует сказать несколько слов о сущности самого понятия «метафора». В современной науке принято определять два подхода в изучении метафор – семантический и прагматический. С точки зрения семантического подхода сущность метафоры определяется ее значением. Так, М. Блэк замечает: «...отнести предложение к разряду метафорических – значит сказать нечто о его значении, а не об орфографии, фонетике, интонации...» [Блэк, 1990:156]. Сторонники семантического подхода придерживаются мнения о том, что метафора имеет два значения – буквальное (или ложное) и метафорическое.

Представление о двойном значении метафоры неоднократно подвергалось критике. Так, например, Д. Дэвидсон отмечает, каким значением обладают слова и тем, какой цели достигает говорящий путем использования этих слов. «Метафоры помогают нам заметить те свойства вещей и предметов, которые мы раньше не замечали; они раскрывают нам поразительные аналогии и сходства» [Дэвидсон, 1990:189-190]. Речь в данном случае идет не о части значения высказывания, а о значении говорящего.

Следует отметить, что оба подхода признают наличие «ложного» значения метафоры, которое базируется на буквальном значении слов, входящих в ее состав. Понятие буквального значения неизбежно наделяется существованием неких стандартных значений слов, заключен-

ных в некие образцы словоупотребления. В силу определенных обстоятельств, мы теряем «реальные механизмы словоупотребления и встаем перед необходимостью объяснить, как возможно употребление слов в «несвойственном» им значении» [Алексеев, 1996: 17]. В случае с метафорой мы прибегаем к понятию «метафорическое значение» (семантический подход) или «значение говорящего» (прагматический подход) [Алексеев, там же].

Существует точка зрения, которая в определенной степени позволяет комбинировать оба подхода. Так, Э.А. Николаева определяет фразеологическую метафору как «один из семантических приемов переосмысления переменного сочетания, в результате которого формируется фразеологическая единица» [Николаева, 2007: 20]. Исследователь разграничивает лингвистическую и психологическую стороны в акте фразеологической номинации. В подтверждение своих наблюдений приводит слова А.Д. Райхштейна о том, что фразеологизация переменного сочетания есть «весьма прихотливый процесс с высокой степенью случайности» [Райхштейн, 1980: 44]. Э.А. Николаева отмечает, что закономерность процесса фразеологизации есть объективная реальность языковых процессов, а «случайность» связана с «внеязыковой действительностью и долингвистическими отношениями» [Николаева, 2007: 20].

Признавая первостепенность ассоциативной основы при отражении предмета в сознании субъекта, исследователь замечает, что при переносе наименования с одного объекта на другой, за основу берется какая-то одна черта. Эта черта зависит от субъективной оценки носителя языка. В связи с таким положением возникает вопрос о степени индивидуального и социального в процессе фразеологизации. В языке можно найти примеры, когда окказиональные сочетания с течением времени становились полноценными фразеологическими оборотами языка. Но это явление не является повсеместным.

Следует также признать тот факт, что метафора, являясь одним из основных способов формирования единиц вторичной номинации, из фигуры речи переходит в разряд знаков языка. Антропоцентризм, свойственный многим фразеологическим метафорам, проявляется и в том, что выбор того или иного основания для метафорического переноса связан со способностью человека соотносить все новое по своему образу и подобию, а также с предметами быта и обихода.

Некоторые фразеологические метафоры несут в себе некий сценарий или фрейм. Такие фреймы дают возможность представить цело-

стную картину, выделить специфическую черту, придать национальный колорит образной единице. Таким образом, метафору можно считать «способом создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов» [Телия, 1988: 127].

В свою очередь Э.А. Николаева придерживается иной точки зрения. Исследователь утверждает, что возникновение образной ФЕ связано появлению целевой установки в языковом сообществе, основанной на ассоциативных реакциях. К метафорическим образованиям относятся сочетания слов, основанные на аналогии. Такие ассоциации возникают в результате исторического развития, как общества, так и языка, на котором оно говорит. В основе метафорических ассоциаций лежит индивидуально-чувственное восприятие цвета, звука, и т.д.

Следует отметить, что появление в языке новых и синонимичных ФЕ не всегда связано со «спонтанной фразеологической метафоризацией» [Николаева, 2007: 22]. На наш взгляд, вопрос о необходимости пополнения фразеологического фонда языка новыми фразеологическими сочетаниями будет актуален всегда. И связан он не столь со спонтанностью явления, а с возникновением в языке фразеологических лакун, обусловленных постоянным развитием языка и общества.

Таким образом, следует подвести итог. В зависимости от интерпретации понятия «метафора» отчасти меняется и подход к проблеме идиоматизации. Определяя фразеологическую метафору как перенос одного значения денотата на другой на основе ассоциаций, мы освещаем лишь часть проблемы. Наделяя фразеологическую метафору неким сценарием или фреймом, тем самым мы расширяем границы для исследований. Теперь возникает необходимость изучения как языковых, так и экстралингвистических факторов, которые влияют на формирование фразеологической метафоры. Такой подход позволит наблюдать за процессами ассоциации у отдельных этносов, выявить национальный колорит и индивидуальное «значение говорящего».

Использованная литература

1. Алексеев К.И. Психологические исследования метафоры. - М., 1996.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. - М., 1990
3. Дэвидсон Д. Что означает метафора // Теория метафоры. - М., 1990.

4. Николаева Э.А. Фразеологическая метафора и ее особенности в бельгийском варианте французского языка // Проблемы идиотнической фразеологии: доклады междунар. семинара. – М., 2007

5. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М., 1980.

6. Телия В.Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.

Ю.А.Тамбовцев
(Новосибирск)

УСТАНОВЛЕНИЕ АВТОРСТВА НА ОСНОВЕ ОДНОРОДНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТЕ

Через употребление предлогов проявляется типология пространственных отношений. Фактически, предлоги отражают особенности пространственного мышления того или иного писателя. Как известно, предлоги относятся к служебным словам, куда также относятся союзы, частицы и связки [Розенталь и др., 1985: 388-389]. В нашем исследовании в качестве семантико-типологической характеристики была взята частота встречаемости 25 предлогов: в, к, с, о, у, за, на, от, из, до, ко, по, со, перед, над, под, для, про, об, обо, без, через, ради и др. Предлоги взяты в тех значениях, которые отмечены в Словаре русского языка [СРЯ, 1988]. Исследовались только простые и первообразные предлоги. Эти предлоги считаются древнейшими по происхождению. Действительно, исследуя структуру частоты встречаемости предлогов в тексте, мы тем самым изучаем структуру отношений явлений, признаков и процессов, которые отражены в тексте. В частности, различные предлоги показывают различное местоположение или направление в пространстве. Так, например, предлог «в» показывает нахождение внутри чего-то или движение вовнутрь. Предлог «про» употребляется при указании на лицо, явление или предмет, на который направлена мысль, речь или действие. По значению он близок предлогу «о» и его варианту «об», поэтому интересно рассмотреть их разную статистическую дистрибуцию в текстах разных авторов. Частоту встречаемости предлогов следует признать универсальным и информативным при-

знаком текста. На основе этого параметра можно говорить о разной пространственной ориентации авторов.

На основе семантико-типологических расстояний, которые были вычислены на основе критерия “хи-квадрат” в его модифицированном виде (Тамбовцев, 2003: 17), были получены схожести и отличия между различными авторами. Семантико-типологические расстояния между разными писателями были разные. Это показывает разную пространственную типологию. По ней можно установить большую или меньшую схожесть текстов. Наблюдается прямопропорциональная зависимость: чем меньше семантико-типологическое расстояние, тем более схожи тексты. Проанализируем расстояния между различными текстами в упорядоченных рядах, которые приведем ниже.

Так, например, семантико-типологические расстояния между текстом Тургенева “Новь” и текстами других авторов составили: 1,09 (Пушкин “Капитанская дочка”); 2,21 (Булгаков. “Мастер и Маргарита”); 2,79 (Чехов. “Остров Сахалин”); 3,17 (Шолохов. Тихий Дон. Книга 1); 4,66 (А. Проханов. “Идущие в ночи”); 5,60 (М.С. Горбачев. “Как это было”). По величине семантико-типологического расстояния можно говорить о том, что с точки зрения этой характеристике художественный текст Тургенева более похож на художественный текст Пушкина, но сильно отличается от политического текста М.С. Горбачева. В то же время, текст Тургенева (“Новь”) по своим семантико-типологическим характеристикам намного ближе к другим текстам этого же автора: 0,09 (Тургенев. “Накануне”); 0,18 (Тургенев. “Отцы и дети”); 0,19 (Тургенев “Рудин”); 0,22 (Тургенев. “Дым”); 0,69 (Тургенев. “Дворянское гнездо”); 0,84 (Тургенев. “Записки охотника”). Тенденция близости текстов одного и того же автора прослеживается и на текстах других писателей, которые приводятся ниже в алфавитном порядке.

Акунин: Сходство употребления предлогов в романе Б. Акунина «Пелагия и черный монах» с другими текстами Акунина и других авторов: 0.23 (Акунин «Пелагия и белый бульдог»); 0.28 (Акунин «Декоратор»); 0.29 (Акунин «Турецкий гамбит»); 0.49 (Акунин «Кладбищенские истории»); 0.77 (Акунин «Любовник смерти»); 1.16 (Крюков Ф. «Рассказы» Выборка 1); 1.48 (Шолохов «Поднятая целина» Выборки № 1- 12); 1.64 (Шолохов «Тихий Дон» Кн. 1. Выборки № 1 – 14); 5.23 (Горбачев М. С. «Как это было»).

Булгаков: Сходство употребления предлогов в произведении М. Булгакова «Мастер и Маргарита» с другими текстами Булгакова и дру-

гих авторов: 0.86 (Булгаков “Театральный роман”); 0.90 (Булгаков “Записки юного врача”); 0.92 (Булгаков “Белая гвардия”); 1.20 (Фадеев “Разгром”); 1.77 (Шолохов “Тихий Дон” Кн. 1. Выборки № 1–14); 2.28 (Достоевский “Идиот”).

Братья Вайнеры: Сходство употребления предлогов в произведении братьев Вайнеров «Я — следователь» с другими текстами братьев Вайнеров и других авторов: 0.50 (Вайнеры „Петля и камень на зеленой траве”); 0.64 (Вайнеры „Евангелие от палача”); 1.15 (Чехов „Остров Сахалин”); 2.17 (Горький „Мать”).

Гончаров: Сходство употребления предлогов в романе Гончарова «Обыкновенная история» с другими текстами Гончарова и других авторов: 0.35 (Гончаров. “Обломов”); 0.54 (Гончаров “Обрыв”); 1.32 (Крюков. Ч.1); 1.47 (Шолохов. Поднятая целина. Кн.1. Выборка № 13 – 24); 2.30 (Шолохов. “Тихий Дон” Кн.3).

Горький: Сходство употребления предлогов в романе М. Горького «Мать» с другими текстами Горького и других авторов: 0.45 (Горький «Дело Артамоновых»); 0.66 (Горький «Фома Гордеев»); 0.88 (Горький «Челкаш»); 1.10 (Довлатов “Зона”); 1.90 (Крюков. Ч. 1); 3.01 (Чехов “Остров Сахалин”); 6.29 (Горбачев “Как это было”).

Довлатов: Сходство употребления предлогов в произведении С. Довлатова «Зона» с другими текстами Довлатова и других авторов: 0.74 (Довлатов „Чемодан”); 0.76 (Довлатов „Заповедник”); 0.87 (Довлатов «Иностранка»); 1.83 (Шолохов «Поднятая целина» Выборка № 1–12); 6.56 (Горбачев «Как это было»).

Достоевский: Семантико-типологические расстояния между текстом Ф.М. Достоевского “Идиот” и текстами других его произведений имеют следующие значения: 0,08 (Достоевский “Бесы”); 0,28 (Достоевский “Преступление и наказание”); 0,29 (Достоевский “Игрок”); 0,38 (Достоевский “Подросток”); 0,58 (Достоевский “Вечный муж”); 0,65 (Достоевский “Униженные и оскорбленные”); 0,71 (Достоевский “Скверный анекдот”); 0,73 (Достоевский «Двойник»); 0,77 (Достоевский «Записки из подполья»); 1.10 (Веллер «Великий последний шанс»); 1.13 (Довлатов «Чемодан»); 1.14 (Пушкин «Капитанская дочка»); 1.27 (Лермонтов «Герой нашего времени»); 1.39 (Емец «Билет на лысую гору»); 1.54 (Крюков Ф. «Рассказы» Выборка 1); 1.66 (Акунин «Пелагия и черный монах»); 1.82 (Шолохов «Тихий Дон» Кн.2); 1.89 (Гончаров «Фрегат ПАЛЛАДА» Том 2); 2.28 (Булгаков «Мастер и Маргарита»); 4.84 (Проханов «Идущие в ночи»); 5.75 (Горбачев М.С. «Как это было»).

Пушкин: Сходство употребления предлогов в «Капитанской дочке» Пушкина с другими текстами Пушкина и других авторов по величине коэффициента ТМВ следующее: 0.53 (Пушкин «Повести Белкина»); 0.63 Пушкин «Дубровский»; 1.09 (Тургенев «Новь»); 1.14 (Достоевский «Идиот»); (Емец «Билет на лысую гору»); 1.39 (Горький «Мать»); 1.40 (Булгаков «Мастер и Маргарита»); 1.68 (Чернышевский «Что делать»); 1.79 (Веллер «Великий последний шанс»); 2.20 (Шолохов «Тихий Дон» Кн. 1. Выборки № 1 – 14); 2.40 (Бажов «Сказы»); 3.46 (Проханов «Идущие в ночи»); 5.18 (Горбачев М.С. «Как это было»).

Солженицын: Сходство употребления предлогов в произведении А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом» с другими текстами Солженицына и других авторов: 0.39 (Солженицын „Раковый корпус”); 0.49 (Солженицын „В круге первом”).

Толстой: Семантико-типологическое сходство употребления предлогов в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» Том 1 с другими текстами Толстого и других авторов: 0.26 (Толстой «Война и мир» Том 2); 0.29 (Толстой «Воскресенье»); 0.43 (Толстой «Война и мир» Том 3); 0.50 (Толстой «Юность»); 0.54 (Толстой «Отрочество»); 0.63 (Толстой «Казак»); 0.69 (Толстой «Поликушка»); 0.73 (Толстой «Крейцерова соната»); 0.74 (Толстой «Война и мир» Том 4); 0.88 (Толстой «Смерть Ивана Ильича»); 0.95 (Толстой «Анна Каренина»); 1.11 (Крюков Ф. «Рассказы»); 1.32 (Емец «Билет на лысую гору»); 1.92 (Булгаков «Мастер и Маргарита»); 2.10 (Лимонов Э. «Это я – Эдичка»); 5.40 (Горбачев М.С. «Как это было»).

Фадеев: Семантико-типологическая разница между текстом Фадеева («Разгром») и другими текстами составила: 0.33 (Фадеев «Последний из удэге»); 0.44 (Фадеев «Молодая гвардия»); 0.65 (Фадеев «Разлив»); 0.76 (Фадеев «Черная металлургия»); 1.27 (Шолохов. Поднятая целина. Выборка № 1–12); 1,27 (Шолохов. Поднятая целина. Книга 1) и 1,51 (Шолохов «Тихий Дон» Книга 1); 1.35 (Вайнеры «Я – следователь»). Расстояние между авторами говорит о семантико-типологическом различии или сходстве.

Семантико-типологическая однородность по предлогам не сохраняется у некоторых писателей.

Катаев: Были взяты произведения отца (Валентин Катаев) и сына (Павел Валентинович Катаев) Катаевых. Сходство употребления предлогов в произведении В. П. Катаева (Катаев-отец) «Белеет парус» с другими текстами Катаева и других авторов: 0.36 (Катаев-отец «Рас-

тратчики»); 0.55 (Катаев-отец «Сын полка»); 0.59 (Катаев-сын «Две сказки»); 0.65 (Катаев-отец «Алмазный мой венец»); 1.24 (Пушкин «Капитанская дочка»); 1.32 (Толстой Л.Н. «Война и мир» Т. 1); 1.63 (Достоевский «Идиот»); 1.74 (Тургенев «Новь»); 2.83 (Катаев-сын «Доктор велел мадеру пить»). На наш взгляд свою первую книгу Катаев-сын написал под руководством своего отца. Влияние Катаева-отца выявилось при употреблении предлогов в тексте Катаева-сына. Нарушение семантико-типологической однородности позволяет говорить о текстовых заимствованиях [Тамбовцев и др., 2008-а и 2008-б].

Выводы. Семантико-типологические характеристики пространственных отношений, выраженные через предлоги, разные у разных авторов. У одного и того же автора наблюдается их однородность в разных произведениях. Нарушение данной однородности позволяет говорить об авторстве разных писателей.

Использованная литература

1. Розенталь и др., 1985 - Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985.
2. СРЯ - Словарь русского языка. Т. 1 - 4. - М.: Русский язык, 1988.
3. Тамбовцев Ю.А. Типология функционирования фонем в звуковой цепочке индоевропейских, палеоазиатских, урало-алтайских и других языков мира: компактность подгрупп, групп, семей и других языковых таксонов. – Новосибирск: Сибирский Независимый Институт, 2003.
4. Тамбовцев и др., 2008-а - Тамбовцев Ю.А., А.Ю. Тамбовцева, Л.А. Тамбовцева. Типология распределения некоторых лингвистических единиц в тексте как показатель авторства текста. - Омского университета, № 2 (48), 2008, с. 88 -96.
5. Тамбовцев и др., 2008-б - Тамбовцев Ю.А., Тамбовцева А.Ю., Тамбовцева Л.А. Приложил ли Радищев свою руку к написанию части писем из «Почты Духов» Крылова? - *Studia Slavica Hungarica*, # 53, 2008, p. 1-26

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА TREE В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЯКМ

Метафора как оборот речи, имеющий комплексное переосмысленное значение, прочно укоренился в системе языка, способствуя механизмам словообразования и разъяснению фактов реальности, несмотря на то, что в течение долгого времени метафора рассматривалась только как фигура речи, предназначенная для интенсивности психологического воздействия речи выступающего на слушателей [Глазунова, 2000].

Слово метафора произошло от греческого *metaphora*, что означает «перенос», и представляет собой перенос названия с одного предмета, действия или свойства на другие, основанный на сходстве их признаков. Согласно этому критерию, различают метафорические значения на основании сходства предметов по форме, расположению, функциям [Русский язык, 2003: 153].

Когнитивная лингвистика – едва ли не первая область науки, которая начала рассматривать метафору как серьезный самостоятельный объект изучения с тех пор, как возник данный термин. Доминирующая роль здесь принадлежит Дж. Лакоффу, так как отправной точкой для исследования метафоры стал подход, начатый им в книге «Метафоры, которыми мы живем» и разработанный лингвистами с того времени (*Paprotter & Dirven, 1985; Johnson, 1987, 1993; Lakoff, 1987; Lakoff & Turner, 1989; Sweetser, 1990; Turner, 1991; Lakoff & Johnson, 1999*). Дж. Лакофф и М. Джонсон описывают метафору следующим образом: «Сущность метафоры заключается в понимании и испытывании одного вида вещи в терминологии другого» [Lakoff & Johnson, 1980: 5].

Метафоры – это образные выражения, имеющие переносный смысл и являющие существенное и специфическое средство выражения такого смыслового содержания, которое только таким образом и может быть вполне адекватно передано [Беляева, 2003: 227-228].

Наименования, возникающие в результате метафорического переноса, есть порождение развития системы языка, основанного на действии закона асимметричного дуализма языкового знака. Метафорический перенос понятий является универсалией синхронической и диахронической семантики [Гак, 1977].

В настоящее время фактически к каждому слову можно применить несколько метафорических синонимов. В основе метафорического переноса лежит сходство предметов, явлений в широком смысле этого слова; следовательно, метафорический перенос связан с сопоставлением и сравнением явлений, а новое значение у слова является результатом ассоциативных связей [Чудинов, 2004: 91-105; Рыньков, 1975].

В данной статье мы будем рассматривать метафору как познавательный механизм, функционирующий на основе действительного или воображаемого сходства предмета или явления с другим предметом или явлением.

Согласно концепции А.В.Кунина, метафорический перенос может быть осуществлен согласно следующим критериям: 1) перенос по сходству действия; 2) перенос по сходству признака; 3) перенос по сходству положения; 4) перенос по сходству с физическим состоянием от пребывания в каком-либо месте; 5) перенос по сходству с конкретными физиологическими ощущениями; 6) перенос по сходству поведения; 7) перенос по внешнему сходству; 8) перенос по сходству от внешнего воздействия; 9) перенос по сходству с результатами и интенсивностью протекания физических явлений; 10) перенос по сходству возраста; 11) перенос по сходству цвета [Кунин, 1972].

Г.Н.Скляревская классифицирует метафорические переносы по следующим конкретным моделям: *предмет-предмет* (алмазы росы); *предмет-человек* (тюфяк); *предмет-физический мир* (каскад звуков); *предмет-психический мир* (звезда удачи); *предмет-абстракция* (цепь событий); *животное-человек* (осёл); *человек-человек* (дистрофик); *физический мир-психический мир* (крушение надежд) [Скляревская, 1993: 80]. В этих двух теориях важно отметить, что все метафорические переносы, так или иначе, основаны на сходстве с тем или иным признаком или действием анализируемого предмета/явления, что отображено в их типологии. Этот факт позволяет в рамках рассматриваемой нами метафорической модели концепта **TREE** выделить две основные с разноцветным ковром *varicolored carpet*, благодаря внешнему сходству и бархатистости цветков, что говорит о взаимодействии в данном примере метафорических переносов *по внешнему сходству* и *по сходству с признаком*, а аромат цветков настолько сладок, что рождает аппетит *wild fragrance of sweet shrub...smelled good enough to eat*, где прослеживается метафорический перенос *по сходству внешнего воздействия*.

Постараемся рассмотреть две основные метафорические модели концепта **TREE** на материале примеров из художественных произведений.

С формальной точки зрения, метафорический перенос заключается в употреблении слова или словосочетания, предназначенного для обозначения одних объектов действительности, для наименования или характеристики других объектов метафорические модели, а именно – метафорическая модель *по сходству формы* и метафорическая модель *по сходству функций*. Рассмотрим следующий пример:

(1) “*The flowering crab trees* were bursting their buds and rising from delicate white to deepest pink and, beneath *the trees* where the sunshine dappled the pine straw, *the wild honeysuckle made a varicolored carpet of scarlet and orange and rose*. There was a faint *wild fragrance of sweet shrub on the breeze and the world smelled good enough to eat*” [Mitchell, 2000: 37].

В тексте примера цветки жимолости сравнивают на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков [Гасанова, 2001: 106; Вердиева, 2001: 103-104].

Метафорическая модель концепта **TREE** *по сходству функций* основана на роли всех частей дерева и самого дерева в сфере человеческого общения, находящей выражение через его наглядно-чувственное восприятие. Данная модель включает в себя: а) *перенос по сходству действия*; б) *перенос по сходству с конкретными физиологическими ощущениями*; в) *перенос по сходству от внешнего воздействия*; г) *по сходству признака*. Рассмотрим несколько примеров:

(2) “.....*peaches as orange or pink as a harvest moon loomed huge in the trees their thick, velvety pelts swollen with sweet juice; the green and black figs burst with the pressure of their sap...Trees had been groaning with the weight of cherries*, so that the orchards looked as though some great dragon had been slain among *the trees, bespattering the leaves with scarlet and wine-red drops of blood*” [Durrell, 2007: 28].

Плоды, готовые лопнуть от зрелости - *the green and black figs burst with the pressure of their sap* и деревья, наклонившиеся под тяжестью зрелых плодов - *trees had been groaning with the weight of cherries*, пробуждают аналогию с физиологическим ощущением, которое человек испытывает при поднятии тяжести, что говорит об использовании метафорического переноса *по сходству с конкретными физиологическими ощущениями состояния*, по типу «предмет-человек».

(3) "...Lord Henry Wotton could just catch the gleam of the honey-sweet and *honey-colored blossoms of a laburnum*, whose *tremulous branches seemed hardly able to bear the burden of a beauty* so flame-like as theirs...." [Wilde, 2005: 5].

Автор, используя прилагательные *honey-colored* и *tremulous*, наиболее ярко выразил желтоватый цвет цветков, которые можно сравнить с золотистым цветом меда, и действие, выполняемое ветками, посредством метафорического переноса *по сходству признака* и *сходству действия*. Взаимодействие этих двух видов метафоризации свидетельствует о тесной связи метафорических моделей *по сходству формы* и *по сходству функций*.

Зрительное взаимодействие с внешним миром является основным стимулом для языкового творчества, поэтому большая часть метафорических преобразований основана на близости визуальных характеристик, а именно, на сходстве по форме и по внешнему виду.

Метафорическая модель концепта *TREE по сходству формы* находит выражение посредством сравнения дерева с тем или иным объектом окружающего мира, которое основано на сопоставлении двух предметов или явлений по их зрительному восприятию. Данная модель включает в себя несколько типов метафорических переносов: а) *перенос по сходству признака*; б) *перенос по сходству положения*; в) *перенос по внешнему сходству*; в) *перенос по сходству цвета*. В связи с этим рассмотрим несколько примеров:

(4) "She looked around wildly, at the livid sky behind them, at the *dark trees* on either hand *hemming them in like a prison wall*, at the frightened figures in the back of the wagon—and finally at him." [Mitchell, 1994: 45].

Деревья напоминают героине тюрьму, так как высокие стволы деревьев похожи на прутья тюремной решетки. Здесь прослеживается метафорический перенос *по внешнему сходству*, основанный на схеме «предмет-предмет» и выраженный посредством эксплицитного сравнения.

(6) "Soon they crossed the ford (carrying the hobbit), and then began to march through the long green grass and down the lines *of the wide-armed oaks* and the tall elms" [Tolkien, 1982: 65].

Необычное сочетание двух прилагательных *wide* и *armed*, помогло создать новое прилагательное, имеющее в данном примере метафорическое значение, так как длина и размер ветвей дубового дерева позволяет зрительно отождествлять их с руками человека. Здесь исполь-

зован метафорический перенос *по внешнему сходству*, по схеме «предмет-человек».

Зачастую наглядно-чувственное осознание объектов действительности взаимодействует с его зрительным восприятием. Этот процесс представляется интересным с когнитивной точки зрения, так как он напрямую связан с сознанием индивида. Метафора позволяет человеку не только выражать мысли и чувства, но и давать оценку происходящим вокруг него событиям, и этому в значительной степени помогают типы метафорических переносов.

(7) “I lay there and watched the undersides of the ***oak leaves, dry and grayish and dusty-green***, and some of them I saw had rusty-corroded-looking spots on them. Those were the ones which would turn ***loose their grip on the branch*** before long-not in any breeze, the fibers would just relax, in the middle of the day maybe with the sunshine bright and the air ***so still it aches like the place where the tooth was on the morning after you’ve been to the dentist or aches like your heart in the bosom when you stand on the street corner waiting for the light to change and happen to recollect how things once were and how they might have been yet if what happened had not happened***” [Warren, 2006: 31].

Герой рассуждает о пожелтевших дубовых листьях как о живых существах - *loose their grip on the branch*, которые могут испытывать боль наравне с человеком - *it aches like the place where the tooth was on the morning after you’ve been to the dentist or aches like your heart in the bosom when you stand on the street corner waiting for the light to change and happen to recollect how things once were and how they might have been yet if what happened had not happened*. Глагол *ache* выражает то физическое страдание, которое испытывает ветка, когда с неё слетают листья. Этот пример доказывает репрезентативный потенциал метафоры в целом и метафорического переноса, в частности.

Как видно из примеров, метафорическая модель концепта **TREE** находит выражение в современном английском дискурсе и является, по – видимому, действенным механизмом вербальной репрезентации исследуемого нами концепта. Посредством блендинга, отражающегося в метафорическом дискурсе концепт **TREE** тесно спаивается с другими фрагментами концептосферы языковой личности.

Использованная литература

1. Беляева, В.А. Сращения как особый тип аббревиатурной лексики [Текст] II Международная науч. конференция «Язык и культур: Тезисы докладов. – М., 2003. – С. 227-228.
2. Вердиева, Н.Ф. Метафора как способ выражения концептуальных представлений о мире [Текст] / Н.Ф. Вердиева // Теоретические и практические аспекты исследования языков народов Северного Кавказа и других регионов мира: В 2-х ч.: Тезисы III Международного Конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». - Ч. 2 – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2001. – С.103-104.
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология [Текст] М.: Международные отношения, 1977 –
4. Гасанова, Г.А. Картина мира сквозь призму метафорических производных прилагательных [Текст] Теоретические и практические аспекты исследования языков народов Северного Кавказа и других регионов мира: В 2-х ч.: Тезисы III Международного Конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». - Ч. 2 – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2001. –
5. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований [Текст] СПб., 2000.
6. Русский язык. Введение в науку о языке. Лексикология. Этимология. Лексикография: Учебник, М.: Флинта - Наука, 2003.
7. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка [Текст] М., Изд-во Международные отношения, 1972.
8. Рыньков, Л.Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. (Послепушкинский период) [Текст] - Челябинск: Южн. - Уральск. кн. изд-во, 1975.
9. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] СПб.: Наука, 1993.
10. Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры [Текст] Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 91-105
11. Durrell G. "The garden of the Gods" [Text] М., Изд-во: Просвещение, 1999.
12. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. – XIII
13. Tolkien J.R.R. "Hobbit or there and back again" [Text] - М., Изд-во: Просвещение, 1982.

14. Warren R.P. "All the king's men" [Text] Изд-во: Harcourt, Brace & Company, 2006.
15. Mitchell M. "Gone with the wind" [Text] М., Изд-во: Просвещение. 1994. - С.37-45.
16. Wilde O. "The picture of Dorian Gray" [Text] М., Изд-во: Просвещение. 2005.

О.В. Тимашева
(Москва)

“ФЕМИНИСТСКИЙ” ДИСКУРС В *МОНАХИНЕ* ДЕНИ ДИДРО

Целью феминизма является выведение женской духовности из сферы молчания и призыв к изменению культуры и обновлению общества. С этой точки зрения, феминизм рассматривает текст как языковую фиксацию различных форм социального и полового неравенства. В лингвистике дискурс трактуется как связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. В настоящей статье речь пойдет о “феминистском” дискурсе в книге Дени Дидро *Монахиня*. Как умудренный мужчина-философ звучит повествователь в романе *Монахиня*. Это социально психологическое произведение представляет нам юную Сюзанну Симонен. По замыслу она естественна и простодушна, от ее имени рассказывается история пребывания девушки в нескольких монастырях, в раннем детстве и в юные годы. Всеми силами и средствами письма Дидро хочет подчеркнуть в женщине ее естественное начало. Вот сестры подходят к ее кровати: «*Quand elles s'approchent de mon lit, je me retourne de l'autre cote: que verrais-je en elles? Deux creatures en qui l'intelligence a eteint le sentiment de la nature.*» Оценки и суждения Сюзанны характеризуют ее, как человека, стоящего на определенных позициях фатальной непреодолимости природных задатков. Писателю 47 лет, когда он пишет это произведение. Его система социально-эстетических взглядов уже сложилась. Дидро идеализирует героев третьего сословия и сентиментальную дидактичность, звучащую в этом и других его произведениях. Многие современники нашли этот роман безнравственным. До начала XX века (пятидесятые годы) он был в списке запрещенных Ватиканом книг.

Законодатель вкусов и наставник детей монархов Лагарп верно ощутил Дидро как противника ряда церковных установлений, но он и нашел в *Монахине* несколько блестящих и трогательных страниц. Менее искушенные читатели-современники, когда им последовательно присылали отдельные части книги *Монахиня* принимали ее рассказы за неподдельные письма-рассказы и готовили деньги, чтобы Сюзанну из монастыря освободить. Этот момент хотелось бы специально подчеркнуть. В восемнадцатом веке значительное число произведений написано исключительно в эпистолярной форме, и даже те произведения, которые сочинены не в письмах, производят впечатление таковых. Дело не в том, что художественное произведение эпохи, желавшее произвести впечатление достоверности специально рубилось на куски и отдельные эпизоды обозначались точными датами. В жанре эпистолярного романа блистали многие женщины. Они проявляли ум, тонкость и чувствительность, анализируя свою любовь и запечатлевая эти анализы на бумаге, заставляя таким образом себя слушать и слышать, Назовем несколько имен: Клодина де Тексен (1682-1749), Франсуаза де Графиньи (1695-1758); Мари-Жанна де Рикобони (1713-1792).

Жанна де Тексен держала свой салон. Среди ее друзей философ Мармонтель, писатель аббат Прево и другие. Ее светские, но очень духовные собрания называли заседаниями «бюро ума». В восемнадцатом веке салоны – это медиатор распространения литературы среди читателей. Конечно, к началу восемнадцатого столетия уже настало время относительно широкой публикации разнообразных книг. Издательства существуют, но существует и строгая цензура, поэтому книги чем-либо эту цензуру не устраивающие, авторы печатают в Швейцарии или Нидерландах. Все писатели, а среди них нет профессионалов, т. е. авторов, живущих только за счет публикации своих книг, путешественники и космополиты. Пишущие в восемнадцатом веке французы сплошь англофилы. В Англии уже давно проартикулировано то, что только собираются сформулировать французы. Их революция с ее сменой монархического дискурса на буржуазный уже в прошлом. Не приходится удивляться обилию книг и рукописей для домашнего пользования, для чтения в узком кругу, в первую очередь в салонах, где возможно и их обсуждение. Есть в Париже в этот период и литературное кафе «Прокон», где собирается более демократическая аудитория. В кафе и салонах бывают иностранцы, с которыми иногда полемизируют, но чаще соглашаются. Именно в таких местах звучит свободная метафорическая речь, можно следить за блистательными поворотами

беседы и игрой ума. Это особенный вид интеллектуальной коммуникации своего времени, своей эпохи. Дидро как мастер диалога владеет им безупречно.

Диалогическое произведение речи считается состоящим из одного текста, хотя оно неоднородно и состоит из чередующихся речевых произведений участников диалога. Таков, например, *Племянник Рамо*. У диалога нельзя оторвать одно речевое произведение, он будет неполным. *Монахиня* не написана в форме *сократического диалога*, где есть только два лица, но в ней много диалогов внутри, и «она» находится в постоянном диалоге с читателем.

Согласно типологии художественных текстов В.П. Белянина текст *Монахини* Дидро можно было бы отнести к так называемым простым или жестоким текстам. Поступки и мысли главной героини противопоставляются другим персонажам и их поведению, которые ей мешают. Семантика такого произведения определяется наличием оппозиции *я* и *враг*. Положительный герой, в данном случае, героиня, характеризуется как простая, обычная, своя, а ее враги как знающие, наблюдающие, чужие. «Простой» значит человек искренний и простодушный, неглупый, хотя и без специального образования. Это «естественный человек».

С точки зрения риторики, речевое произведение Дидро принадлежит своему веку, противостоящему излишнему рационализму предшествующего. В мыслях своих люди этой эпохи, хотя и стремятся свои идеи сделать доступными большинству, существуют достаточно герметично, изолированно от широких масс. Салонный дух, политическая лексика, религиозные обряды и обряды франкмасонов, экспансия эзотерики последних - все это присутствует в их изложениях. Проза Дидро -- это текст для размышления, часто пародия или парабол, то есть притча, назидание. Восемнадцатый век дидактичен. Он увещевает, заставляет задуматься над противостоянием порока и добродетели и над положением женщины также. И идеи эти пришли из английских романов Ричардсона. Именно поэтому можно назвать дискурс романа Дидро *Монахиня* «профеминистским». Женщина, внутренний монолог которой *имитирует* Дидро, пытается отстоять свое право на жизнь, на возможность не быть отторгнутой тем миром, в котором ей судьбой назначено жить.

Итак речь Сюанны Симонен -- это не женская речь, это речь мужчины, имитирующего женское высказывание, именно поэтому писатель в соответствии с духом времени пускается в авантюру, которой

является литературная игра. Сама по себе литературная мистификация -- это существенная черта эпохи Просвещения. В романе мистифицируется все, что героиня видит вокруг себя и делается это ради произнесения высоких идей свободы, равенства и братства. В ход пускаются философия рационализма и относительности. Человек со старыми понятиями и представлениями о мировом порядке с удивлением узнает, что, оказывается, знакомый ему язык обслуживает и новый миропорядок, однако у слов появляются новые оттенки значения. Язык -- пространство символического освоения мира. Субъект высказывания через свой язык переживает свое отношение к тем, кто рядом с ним, и пользуется тем же языком. Об этом эксплицитно говорит само словоупотребление. Извлекая из социальной общности личные характеристики, он вкладывает самого себя в язык, лежащий в основе общности. Присвоить тексту Автора (в данном случае, Сюзанне Симонен), по мнению Ролана Барта, значит наделить текст окончательным значением, «замкнуть письмо» в то время, как фокусом всего является Читатель (Просвещаемые), то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо, текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении (рождение читателя приходится оплакивать смертью Автора.)

Это парадоксальное суждение Ролана Барта сродни тем парадоксальным идеям, которые высказывал Дидро в *Письме слепым, написанном в назидание для зрячих* и в *Парадоксе об актере*. где он, в частности, говорил о диалоге: «В великой комедии мира, к которой я всегда возвращаюсь, все горячие души занимают сцену, все гениальные сидят в партере. На сцене личность принимает некую вынужденную навязанную ей позу. Сидящий в партере вправе решать, верит он увиденному или нет.»

Сценой, где мы наблюдаем застывшую жизнь, становится история Сюзанны Симонен, у которой были реальные прототипы. Гениальная личность, сидящая в партере -- это художник-режиссер. Понятие *автор романа* всегда неоднозначно. В данном случае мы имеем в виду под этим именем автора произведения (реализовавшего свой замысел, сознательно выбравшего языковые и композиционные средства), свое драматическое высказывание от лица женщины по имени Сюзанна Симонен, задуманной как типаж простодушной девушки, кругозор и чувствительность которой у нее сродни авторской.

Один из современников назвал Дидро «человеком с наиболее организованным ходом мысли», головой, неспособной реально предста-

вить, что он будет делать и что он хочет себе вообразить. Если иметь в виду его способность развивать любую тему, это верное замечание. Его сознание вполне может каждую мысль вывернуть наизнанку. Он будет говорить таким образом и так долго, как ему захочется, Рассказчица в Монахине, например утверждает: «*Je ne finirais point, je voulais suivre de vous les decrire (les bas-reliefs dont s'ornait dans son reve le piedestal du buste d'Horace)*». Для речи Дидро в целом характерно экспансивное ее построение, перечисление и собирание фактов, лексически выраженных весьма разнообразно. Если Дидро вписывается своим темпераментом, своими поворотами мысли в речь рассказчицы, то это в первую очередь видно в повторении используемых им глаголов. Мы сразу видим, что и как говорит просветитель со своими слушателями, читателями, современниками, потомками.

Сюзанна Симонен отрезана от мира стеной монастыря, в котором есть еще много других стен и стенок. Движение живых существ в материальном пространстве со множеством перегородок увидено писателем издалека, как движение пчел в сотах. В Англии в ту же эпоху пчёл хорошо рассмотрел Мандевиль. Дидро не позволяет себе сравнения живых существ с пчелами, но то, что он видит и ощущает всё происходящее в романе, совершенно очевидно. Это взгляд сверху: *Le bruit montait a l'etage au-dessus, puis descendait a l'etage ci-dessous*. При нарастающем волнении монахини, отказывающейся зайти в келью своей настоятельницы, мы читаем: *Les visites d'une cellule a l'autre se multiplie*. Произведение *Монахиня* носит, если угодно, в сюжете печать *серийности*, повторения с разными поворотами и нюансами почти одинаковых сцен в женских монастырях. В жизни рассказчицы, в ее внутреннем монологе, они должны стать цепочкой убедительных фактов, которые должны ее подтолкнуть к философскому обобщению в характерном для Дидро ораторском стиле:

- *Les couvents sont-ils si essentiel a la construction d'un etat?*

- *Ne sentira-t-on jamais la necessite de retrecir l'ouverture de ces gouffres ou l'espoir des races futures va se perdre?* И далее следует введение таких вопросительных слов, которые резко меняют регистр высказывания с житейской истории на философское умозаключение. Появляется вопросительная анафора, повторяющаяся шесть раз в чуть измененной форме: *Ou est ce que ... Ou est... Ou sont...* Иными словами, характер высказывания у Дидро характеризуется развитием вширь и тематической импровизацией, которая местами перестает имитировать женскую чувствительность и женское простодушие, но превра-

щается в апологетику женской свободы. Проницательная мысль Дидро утверждает себя через проверку отклонения от нормы. Так было в *Письме слепым*, *Парадоксе об актере*, *Племяннике Рамо*. И это не потому, что у него особенный вкус к паталогическому, болезненному. Слепота, глухота, деформация телесного и *косность* ума интересуют его только потому, что исключения должны подтверждать правила. Исследование аномалий -- лучший путь к познанию нормального человеческого существа. *Племянника Рамо*, замечательный сократический диалог о беседах философа с учителем музыки, некоторые критики называют *Антимонахиной*, поскольку в *Монахине* видно английское влияние романов Ричардсона (противопоставление добродетели героини порокам мира, жертвой которого она стала), и в диалоге с Рамо англофильства Дидро нет. В сократическом обмене репликами с Рамо у Дидро вялой позиции философа противопоставлена активная позиция самоутверждающегося музыканта, на пиру не столько разума, сколько консумеризма. Раздваиваясь Дидро обозначил наступление нового века, в котором потребление будет играть первую скрипку.

Разведение и умножение себя - распространенная черта писателя, но в монологе Сюзанны Симонен в *Монахине* он не насилует себя. Ему близко течение ее мысли, он сочувствует ей, и привычным ему способом пытается отделить зерна от плевел, подлинное от неподлинного. Если воспользоваться определением романа, данным этому жанру Люсьеном Гольдманом, то суть его можно раскрыть следующим образом: *роман - это не всегда удающаяся история поиска подлинных ценностей, в мире, где они исчезают.*

Использованная литература

1. Denis Diderot La Religieuse, le Neveu de Rameau, Moscou, Editions du progres, 1980. Предисловие Л.Н.Токарева.
2. Catrissе Jan, Diderot et la mystification, P.1970.
3. Daniel Georges Le Style de Diderot, Geneve-Paris, 1986.
4. Kempf R. Diderot et le roman ou le demon de la presence, P.1964.
5. Perniere P. Lumiere ou claire-obscurе; 30 essais sur Diderot, Presse universitaire, P.1987.
6. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. Пер. Лапицкого, ред и вст. статья С.Зенкина, М., 1999.
7. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 2004: Изд-во «Институт социологии».

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУППЫ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТРЕХ СИНХРОННЫХ СРЕЗАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА).

Наше исследование посвящено проблеме семантизации абстрактной лексики.

Абстрактные существительные являются одним из наименее изученных в семантическом отношении подклассов существительных во французском языке.

Как пишет В.Г. Гак, в понятие абстрактности слова в лингвистике вкладывается различное содержание. «С одной стороны, абстрактными называются такие слова, которые обозначают свойства, отношения, состояния предметов, отвлеченные от материальных вещей (доброта, размышление, причинность)... С другой стороны, к абстрактным относятся слова, обозначающие, по сравнению с конкретными, более широкие понятия» [Гак, 1977:75]

В этой работе мы рассматриваем слова, объединенные первым из отмеченных выше пониманием абстрактности: исследуется семантическая структура группы существительных, выражающих понятие «радость». Радость и страдание занимают центральное место в эмоциональной жизни человека, поэтому им принадлежит особое место среди слов, выражающих эмоции, т.е. они находят лексическую актуализацию в словаре любой эпохи.

Известно, что «каждый факт языка и существует, и может быть понят в системе только при определении его двумя типами связей - связей с другими элементами системы, в которую он входит в данный исторический момент, и связей с предыдущими и последующими состояниями этого факта» [Горнунг, 1980:11]. Поэтому «представлять себе каждый значимый языковой факт связанным только с теми фактами, которые конституируют систему языка данного исторического момента, и вместе с тем представлять себе этот факт свободным от всякой связи с предыдущей системой - значит делать неправомерное обобщение» [Горнунг, 1980:11].

За последние годы появилось много работ, рассматривающих словарный состав языка в системном плане, в развитии. Нами было проведено сопоставительное исследование группы существительных ста-

рофранцузского языка, объединенных общим понятием, с соответствующей группой существительных в языке XVI века и в современном французском языке. Таким образом, для сопоставления выбраны наиболее значимые этапы в развитии французского языка: литературный язык донационального периода (старофранцузский), национальный литературный язык (язык XVI века) и современный французский язык.

Критерием для включения слов в группу было наличие общего значения: из словарей методом сплошной выборки выделялись слова, имеющие компонентом содержательной структуры семантический признак «радость». Отражая в дефиниции семантику слова, словари выделяют таким образом существенные семантические признаки. Возникает вопрос: эти признаки присущи только одному синхронному срезу или они характеризуют эту структуру на всем протяжении ее развития, т.е. проблема так называемых диахронических семантических констант. В нашей работе под диахроническими семантическими константами мы понимаем семантическую сохранность, стабильность признаков во всех рассматриваемых синхронных срезах.

В каждом синхронном срезе были выделены существительные, объединенные общим понятием «радость», выписаны, сравнены и обобщены словарные дефиниции. Таким образом был определен семантический объем вокабул. При определении семантического объема вокабул учитывались данные всех словарей, которые приводят значение слов, входящих в выделенную нами группу. При необходимости учитывались также значения однокоренных вокабул.

Например, значение слова *esbaudissement* определяется в словаре старофранцузского языка Р.Грансеня д'Отрив как *allegresse, réjouissance, hardiesse, tournoi*, в словаре Ф.Годефруа как *hardiesse, ardeur, joie, réjouissance, fête, bruit joyeux*.

Словарь В.Ф.Шишмарева не приводит значений этого существительного, но содержит однокоренной глагол *esbaudir*, который имеет следующие значения: *encourager*- ободрять и *réjouir, mettre en allegresse* - радовать, веселить. Эти данные учтены при определении семантического объема вокабулы. Итак, по данным словарей семантический объем вокабулы *esbaudissement* определен следующим образом: радость, веселье, ликование, праздник, пыл, отвага.

Таким образом, в семантическом объеме данной вокабулы кроме семантического признака «радость» есть еще пять дополнительных признаков.

В каждой группе существительных кроме семантического признака «радость» были выделены еще дополнительные признаки: 20 в группе существительных, выражающих понятие «радость» в старофранцузском языке, 14 - в языке XVI века. 12 - в группе существительных современного французского языка.

Проведенное исследование семантики данной группы абстрактных существительных позволяет сделать следующие выводы: исследуемая группа существительных представляет собой весьма большую совокупность лексических единиц, формой организации структуры которой является семантическая связь по признаку «радость».

Сопоставительный анализ позволяет проследить развитие семантики данных существительных в диахронии. Вокабулы были проанализированы с точки зрения и сохранения семантических признаков и преемственности лексем.

Существительные, выражающие понятие «радость» в языке XVI века, были вычленены по данным словаря Э.Юге. Установлено, что 7 лексем старофранцузского языка из 37, имеющих в своем семантическом составе семантический признак «радость», перешли в соответствующую группу существительных XVI века, сохранив этот семантический признак. Это существительные *joie*, *liesse*, *resjoissement*, *galle*, *delit*, *hait*, *essbaudissement*. Три из них: *essbaudissement*, *delit*, *hait* полностью совпадают по семантическому объему, в остальных - неодинаковое количество сем и их связей в сравниваемых периодах.

Существительное *hilarité* входит в анализируемую группу современного французского языка и имеет значение «веселье», «веселость», «взрыв смеха».

Существительное *eshait* переходит в XVI веке в категорию прилагательных и наречий и означает «живой», «радостный», «живо», «радостно» /конверсия/.

Лексема *degois* сохраняется в языке XVI века, но семантика ее изменилась:

degois в старофранцузском – «радость», «удовольствие», «развлечение»; в языке XVI века – «пение» /конкретизация существительного; тип изменения значения - сужение/.

Существительное старофранцузского языка *rage* – «шумная радость» – сохраняется в языке XVI века и в современном французском языке. Значение развивалось следующим образом: в старофранцузском языке – «шумная радость», в языке XVI века – «поэтическое

вдохновение», «чудо»; в современном французском языке – «ярость», «бешенство», «страсть», «азарт».

В семантике этого существительного всех трех периодов прослеживается связь с признаками: 1/«шум»/ внешнее проявление чувства, состояния/ : в старофранцузском языке – «шумная радость», в современном языке – «ярость», «бешенство»; 2 /«вдохновение»/ «страсть»/: «поэтическое вдохновение» в языке XVI века; «страсть к чему-либо», «азарт»- в современном французском языке/ - расширение значения/.

Существительное *deportement* / «радость», «удовольствие», «манера вести себя» в старофранцузском языке/ в современном французском языке сохраняет в своей семантике только связь с признаком «манера вести себя», который получает конкретизацию в современном значении существительного «*deportement*» - «распущенность»/сужение значения/.

Посылкой в выделении слов, принадлежащих исследуемой группе в современном французском языке, мы считали смежность значений, которая устанавливается через словарные толкования слов. Работа проводилась по словарям синонимов современного французского языка и по словарю Ж. Дюбуа.

Синонимические толкования значений слов представляют для нас наибольший интерес, т.к. определение слова в них дается через синоним или группу синонимов. Такой способ толкования имеет свои преимущества : он способствует более полному раскрытию значений слов и замыкает рассматриваемое слово в группу слов, близких по значению.

На основании анализа данных словарей синонимов, толкований и контекстов словаря Ж. Дюбуа был определен семантический объем существительного *joie*, который включает в себя следующие семантические признаки: радость, удовлетворение, удовольствие, веселье, счастье, ликование, наслаждение.

Было выделено 15 существительных современного французского языка, объединенных общим значением «радость»: *joie, gaieté, contentement, allegresse, satisfaction, liesse, jubilation, aise, alacrité, hilarité, amusement, exultation, plaisir, bonheur, festivité*.

Из 20 существительных языка XVI века в группу современного французского языка, состоящую из 15 существительных, сохранив семантический признак «радость», перешли 4 лексемы: *joie, liesse, plaisir, festivité*. Существительные *joie* и *liesse* обладали этим семанти-

ческим признаком и в старофранцузском языке. Еще 3 лексемы сохраняются в современном французском языке, но их семантический объем другой, он не содержит семы «радость»:

1) *consolation* - «радость», «веселье», «удовольствие» в языке XVI века - в современном французском языке значит «утешение»;

2) *aisance* - в языке XVI века - «удобство», «удовольствие», «радость», «счастье»; в современном французском языке - «легкость», «непринужденность», «достаток», «зажиточность». В основе изменения значения – наличие смежных признаков в самом значении слова («легкость», «непринужденность» соотносятся с «удобством», а «достаток», «зажиточность» - со «счастьем»);

3) изменило значение существительное *confort*: в языке XVI века - «поддержка», «помощь», «утешение», «утешитель», «радость», «веселье»; в современном французском языке - «удобство», «уют», «комфорт».

Таким образом, 2 лексемы (*joie u liesse*) сохраняют семантический признак «радость» на протяжении от старофранцузского языка через язык XVI века до современного французского языка.

Анализ дополнительных семантических признаков в диахронии показывает, что 4 семантических признака: «удовольствие», «развлечение», «веселье», «праздник» - являются представленными в семантике анализируемых групп существительных во всех трех синхронных срезах, т.е. наблюдается сохранность, стабильность указанных семантических признаков в процессе развития языка. Есть также признаки, общие для семантического объема исследуемой группы существительных двух синхронных срезов: старофранцузского языка и языка XVI века, старофранцузского и современного французского языка. Так, общими для исследуемой лексики в старофранцузском языке и в языке XVI века являются следующие семантические признаки: «шутка», «отвага», «хорошее настроение». Признаки «ликование» и «восхищение» отмечены для старофранцузского и современного французского языка.

Самыми емкими семантическими признаками являются: в группе существительных старофранцузского языка - «удовольствие», языка XVI века «счастье», современного французского языка «веселье».

Некоторые дифференциальные признаки не имеют соответствия в других синхронных срезах. Например, семантические признаки «шумная радость», «пыл», «лакомство», «манера вести себя», «пирушка», «приятность», «хороший прием» отмечены только для суще-

ствительных старофранцузского языка; «утешение», «удобство», «пожелание»/«добрая надежда», «поздравление» - только для существительных в языке XVI века. Семантические признаки, характеризующие семантический объем существительных в современном французском языке - «наслаждение», «взрыв смеха», «благополучие», представлены только этим синхронным срезом.

Анализ показывает, что набор вокабул и их семантическая структура различны во всех синхронных срезах. Если мы говорим о преемственности отдельных вокабул, об их переходе из одного синхронного среза в другой с сохранением семантического признака «радость», то это не значит, что всегда полностью сохраняется семантический объем вокабулы и ее семантические связи.

Таким образом, полная преемственность вокабул на протяжении трёх синхронных срезов одной диахронии не наблюдается. С точки зрения преемственности семантических компонентов были обнаружены семантические диахронические константы.

Использованная литература

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.
2. Горнунг Б.В. Единство синхронии и диахронии как следствие языковой структуры //О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1980.

Т.А. Ткачева
(Астрахань)

ЭЛЛИПСИС ПОДЛЕЖАЩЕГО В ТЕКСТЕ «МЕМУАРОВ» ФИЛИППА ДЕ КОММИНА

Французский язык XIV-XVI веков отражает переходное состояние языка от системы старофранцузского языка к современному языку. Это выражается в наличии в языке как новых форм, так и старых, причем преобладание тех или иных меняется в зависимости от автора, жанра или характера изложения в одном и том же тексте.

В этом отношении особый интерес вызывает исследование языка «Мемуаров» Филиппа де Коммина, дипломата конца XV и начала XVI века, который писал (или диктовал) свои знаменитые «Мемуары», не

особо заботясь о высоком литературном стиле, будучи необразованным в современном ему понимании этого слова. Известно, что он совершенно не знал латинского языка и не был знаком со строгими правилами латинской риторики. Именно поэтому, его «Мемуары», которые по словам К. Маркелло-Низья напоминают наброски или черновики [Marchello-Nizia, 1979: 44], представляют большую ценность не только для исторической науки, но и для литературоведения, поскольку считается, что именно он был основателем нового жанра – мемуаров, а также для современной лингвистики с ее антропоцентрическим акцентом.

Для анализа языка «Мемуаров» Коммина важным является как раз тот факт, что их автор не писал их, а диктовал, и это придавало им спонтанный характер разговорной речи без особой витиеватости и изысков. На миниатюре одной из рукописных копий «Мемуаров» он изображен именно диктующим. Об этом свидетельствует также известный исследователь жизни и творчества Филиппа де Коммина Жан Дюфурнэ [Commynes, 2002: 34]. Коммин рассказывает о событиях, современных ему, и участником которых очень часто является сам. Простота и спонтанность изложения, практически лишенная латинских калек, так свойственных письменным произведениям этого периода, свидетельствует больше о близости «Мемуаров» к устному рассказу, чем к письменному произведению.

О спонтанности устного рассказа свидетельствуют многочисленные языковые факты, обнаруживаемые при чтении «Мемуаров»: многочисленные эллипсисы, повторы, нагромождение предложений, соединенных союзом *et*, отсутствие подлежащего, которое следует искать в контексте, а также постпозиция подлежащего, известного из контекста.

В текстах любого исторического среза, в том или ином процентном соотношении, как в старофранцузском XI-XII века, так и в среднефранцузском XIV-XV века, а также в современном французском языке мы находим случаи употребления и, наоборот, неупотребления личного субъектного местоимения - подлежащего при глаголах в личной форме. Интерпретация наличия или отсутствия личного субъектного местоимения на определенном этапе развития языка, в данном случае, французского, имеет важное типологическое значение, свидетельствует о переходе системы языка от синтетического к аналитическому строю. При анализе данного явления важно четко разграничивать явления системные, принадлежащие языку, являющиеся усто-

явшимся, и речевые реализации, то есть неустоявшиеся в языке явления, проявляющиеся в порождении высказывания с разными прагматическими установками.

Проблема наличия/отсутствия личного субъектного местоимения для каждого отдельного периода в истории языка имеет различное решение.

В старофранцузском языке, так же как и в латинском, выражение субъектного местоимения было не обязательным в силу его избыточности: лицо выражалось флексией глагола. Постепенное стирание флексий приводит к грамматикализации личного субъектного местоимения, к его десемантизации как полнозначного, знаменательного слова, утрате самостоятельности как члена предложения и к фиксированному положению перед личной формой глагола. Так, для латинского и старофранцузского языка неупотребление личного субъектного местоимения является нормой, его использование – средством стилистической выразительности, усилением и выделением лица в коммуникации.

В современном языке, употребление субъектного местоимения перед личной формой глагола обязательно, закреплено нормой. Исключения составляют однородные сказуемые, либо односубъектные сказуемые в сложносочиненных предложениях. Употребление/неупотребление субъектного местоимения в этом случае является лишь выбором избыточного (маркированного) или экономного (нейтрального, немаркированного) сообщения.

Отсутствие личного субъектного местоимения при глаголе в личной форме может иметь разные номинации: неупотребление, опущение, невыраженность, пропуск, эллипсис. Важно отметить, что эти термины не являются синонимичными в отношении отсутствия личного местоимения при личном глаголе для разных этапов развития языка. В тех языках, где отсутствие личного субъектного местоимения является нормой, где категория лица может быть выражена формой глагола независимо от контекста, речь не может идти об эллипсисе. При исследовании эллипсиса необходимо учитывать, что это явление проявляется только в речи и является одним из вариантов полного канонического предложения на концептуальном уровне порождения высказывания. Учение о концептуальной схеме предложения на концептуальном и системно-языковом уровнях как инварианте веерных реализаций на дискурсивном уровне мы неоднократно находим у Л.М. Скрединой [Скредина, 1980].

Г.А. Золотова также выступает против отнесения эллиптичности к языковым явлениям и рассматривает эллипсис лишь как речевую контекстную реализацию полной языковой типизированной структуры. Автор аргументирует это тем, что, если языковая модель – это типизированное средство для выражения типизированного значения, то недостаточность, неполнота не могут быть свойственны ей по самой своей природе [Золотова, 1982: 201].

Мы принимаем эту точку зрения, тем более, что в среднефранцузском языке выражение личного субъектного местоимения уже становится нормой, а его опущение, как показывает анализ, имеет прагматические функции экономии, динамики высказывания, связи повествования с подлежащим, выраженным в начале сверхфразового единства. Г. Пауль справедливо замечает, что эллиптические предложения не требуют восполнения, так как они соотносены с контекстом, который делает их самодостаточными. По словам Г.Пауля, в подобных случаях следует допускать многостороннюю соотношенность одного элемента, для чего необходимо рассматривать то, что обычно называют предложением, не как самодовлеющее целое, а как член непрерывного ряда [Пауль, 1960: 373]. Позиция Г.Пауля созвучна современному пониманию эллипсиса, как речевому явлению, полностью обусловленному ситуацией и контекстом.

В пользу функции эллипсиса как речевого стилистического средства в отличие от полных синонимичных структур, являющихся системными языковыми построениями, можно привести также теоретическое положение из теории психосистематики французского лингвиста Гюстава Гийома об «устоявшемся» в языке и «неустоявшемся» в речи. Согласно Г.Гийому, устоявшееся – это язык. В том случае, когда устоявшееся неполноценно, речевая деятельность прибегает к собственным средствам, которые являются чисто экспрессивными. Другими словами, выражение (экспрессия), в котором нет элементов внесистемных, теряет в выразительности (экспрессивности). Самое устоявшееся, по словам Г.Гийома, - это наименее выразительное, обладающее наименьшей выразительностью. Поиск выразительности всегда и везде ведет к попыткам так или иначе избежать глубокого и банального устоявшегося [Гийом, 1992: 86]. Согласно Р.О. Якобсону, эллипсис - это нулевой анафорический (или дейктический) знак. По мнению Р.О. Якобсона предложения с таким нулевым знаком имеют стилистическую функцию. Когда имеется выбор между двумя формами высказывания (полным и неполным), одинаковыми по понятийно-

му содержанию, такие формы никогда не бывают действительно эквивалентными [Якобсон, 1985: 222].

В статье Л.М.Скрелиной «О подлежащем в старофранцузском предложении» речь идет о выраженном и невыраженном подлежащем, о заполненной и незаполненной позиции подлежащего [Скрелина, 1986: 3]. Л.М.Скрелина подходит к определению подлежащего с позиции психосистематики. В старофранцузском языке глагол сохраняет еще внутреннюю инцидентность, унаследованную от латинского языка, то есть в нем его лексическое значение соотносено с грамматическим значением лица в пределах самого глагола. Незаполненная позиция подлежащего в предложении-постцеденте является нормой для старофранцузских текстов любых жанров. Основной функцией незаполненной позиции подлежащего, по словам Л.М.Скрелиной, является анафорическая функция, которая скрепляет текст, нанизывая предложения на позицию, заполненную в antecedente и подразумеваемую в постцедентах [Скрелина, 1986: 11].

В среднефранцузском языке, как уже говорилось, выраженность субъектного местоимения постепенно становится нормой, окончательно закрепившись лишь в XVII веке, но, чем обязательнее употребление субъектного местоимения, тем больше экспрессивности получает его неупотребление.

В тексте «Мемуаров» выявленные случаи опущения субъектного местоимения выполняют, так же как и в старофранцузских поэтических произведениях анафорическую функцию, связывают текст в единое целое, отсылая к выраженному в начале сверхфразового единства подлежащему. Например, в книге II, главе VIII:

Le duc de Bourgogne, Charles, s'est depuis veu, a sa grand requeste, avecques l'empereur Federic, qui vit encore, et y fit merveilleuse despence pour monstrier son triumphe. Tracterent de plusieurs choses a Treves, en ceste veue. (Mémoires. Livre II, Ch. VIII, p.238)

В данном фрагменте первая фраза, состоящая из двух предложений, вводит два персонажа. Сказуемое *tracterent* второй фразы с эллипсисом подлежащего субъектного местоимения *ils* имеет не только внутреннюю инцидентность благодаря еще своей релевантной флексивной личной форме *passé simple*, но внешнюю инцидентность, дискурсивную, соотносящую лексическое и грамматическое значение с двумя персонажами, действующими лицами деловой встречи, о которых говорилось в первой части. Избыточность личного местоимения второго предложения была бы обусловлена также лексико-семантическим по-

лем: поскольку речь идет о встрече двух сюзеренов в первой фразе, следовательно, лексическое наполнение сказуемого второго предложения уже предполагает, что *они* должны *обсуждать* какие-то дела. Именно поэтому глагол имеет начальную позицию, вводя тему, как нечто известное, либо само собой подразумевающееся.

Большинство случаев опущения личного субъектного местоимения принадлежит сложносочиненным предложениям, соединенными союзом *et*, избыточное использование которого у Коммина отмечено исследователем и переводчиком его Мемуаров Жаном Дюфурнэ [Commynes, 2002: 35]:

Le duc de Bourgogne estoit retourné en son païs, et avoit le cueur tres élevé pour ceste duchié qu'il avoit joinct a sa croce, et trouva goust en ces choses d'Allemagne... (Mémoires. Livres IV-VI, p.18)

Характерно, что все сказуемые в трех частях этого сложного синтаксического целого в приведенной фразе, относящиеся к одному подлежащему, выражены разными временными формами, то есть морфологически их объединяет только одно лицо. Этого оказывается достаточно, чтобы придать фразе цельность, спаянность и в то же время эффект динамизма спонтанного рассказа, во время которого рассказчик добавляет, уточняет уже сказанное о субъекте речи и этим знаком добавления к сказанному служит универсальный для Коммина союз *et*. Союз *et* в мемуарах Коммина, на самом деле, может реализовать различные логико-семантические функции, внедряясь при этом в структуру предложения, и занимая часто позицию подлежащего:

Ledit seigneur Ludovic commença tost à monstrier de fort vouloir garder son austerité; et fit faire monnoye où ledit duc estoit empraint d'ung costé... (Mémoires. Livres VII-VIII, p.52)

Между частями синтаксического целого, соединенными союзом *et* и общим подлежащим в данном случае выражены отношения пояснения: второе предложение поясняет, в чем проявилось у Людовика стремление к демонстрации своей власти. В следующем примере односубъектные глаголы- сказуемые, соединенные союзом *et*, выражают разные временные планы, и, кроме этого, вторая часть с эллипсисом подлежащего, взятая в скобки, несет значение уточнения благодаря наречию *у*, отсылающему к месту, откуда уезжает король:

Le Roy part de là (et y sejourna poy) et tira vers Florence (Mémoires. Livres VII-VIII, p.102)

«Мемуары» Филиппа де Коммина – это повествование очевидца событий, обращенное к слушателям. Автор стремится только к досто-

верности рассказа, давая оценку событиям и приглашая слушателей увидеть, услышать и понять все то, чему сам Коммин был свидетелем и в чем он непосредственно участвовал, а иногда даже вместе порассуждать о тех или иных философских понятиях:

Que dirons nous icy de Fortune? (Mémoires. Livre VI, Ch. XII, p. 120)

Именно поэтому внедрение в текст «Мемуаров» 1-го и 2-го лица передает внетекстовую ситуацию общения с собеседниками автора. Коммин чаще всего использует 1-ое и 2-ое лицо при глаголах *dire, parler, entendre, ouïr, voir, comprendre*:

...mais seulement vous diz grossement ce que j'ay veu et sceu, ou ouy dire aux prince que je vous nomme... (Mémoires, Livre III, Ch. IV, p. 316)

Or vous avez ouy de l'arrivee de ceste armee de Bourgongne (Mémoires. Livre II, Ch. III, p. 102)

Comme vous pouvez veoir par ces roys nommez en la Bible, et par ce qui, puis peu d'annees, en avez veu en ceste Angleterre et en ceste maison de Bourgongne et aultres lieux, que avez veuz et en voiés tous les jours et voyrez le temps advenir (Mémoires. Livre I, Ch. VII, p. 114)

По словам Л.М.Скрелиной, формы 1 и 2 лица обеспечивают связь самого высказывания с описываемой ситуацией общения, отсылая за пределы текста: это постоянное включение автора в текст, который привлекает к оценке событий своих слушателей [Скрелина, 1986: 12].
Случаи опущения местоимений 1 и 2 лица, над которыми, безусловно, преобладает их выраженность, тем не менее, свидетельствуют о спонтанности и непосредственности устного рассказа, в котором автор не стремится к изысканности стиля, заботясь лишь о правдивости повествования, передавая собеседнику лишь то, что непосредственно воспроизводит в своей памяти.

Использованная литература

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики: Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М.Скрелиной. – М., 1992.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.
3. Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960.
4. Скрелина Л.М. О концептуальной схеме предложения. // Проблемы простого предложения. – Л., 1980. – с. 61-70.
5. Скрелина Л.М. О подлежащем в старофранцузском языке. // Компонентный состав предложения. – Л., 1986. – с. 3 -15.

- 6.Якобсон Р. Избранные работы. - М., 1985
- 7.Marchello-Nizia Ch. Histoire de la langue française aux XIVe et XVe siècles. – P., 1979.
- 8.Commynes. Mémoires sur Charles VIII et l'Italie./Livre VII et VIII.//Présentation et traduction inédite par Jean Dufournet.(Edition bilingue). – P., 2002. (*Mémoires, Livres VII-VIII*)
- 9.Commynes.Mémoires : Livres I –III // Présentation et traduction par Jean Dufournet.(Edition bilingue). – P., 2007(*Mémoires, Livres I-III*)
- 10.Commynes.Mémoires : Livres IV –VI // Présentation et traduction par Jean Dufournet.(Edition bilingue). – P., 2007 (*Mémoires, Livres IV –VI*)

Г.В. Токарев
(Тула)

СПЕЦИФИКА СИНОНИМИИ КВАЗИЭТАЛОНОВ

Одним из важных текстообразующих средств культуры являются квазиэталоны. Их следует отнести к числу языковых средств, ёмко выражающих культурную информацию. Это наиболее напряжённые в культурном отношении языковые структуры, которые выражают национальную специфику языка. Под квазиэталонем В. Н. Телия предлагает понимать языковую единицу, которая указывает не на референт (обозначенный предмет), а на какую-либо идею, связанную с представлениями о качествах человека, репрезентированную образом данного референта (1996: 245).

Квазиэталоны, будучи единицами культуры, не могут быть охарактеризованы в абсолютно тех же координатах, что и языковые единицы. В то же время вербальная сторона квазиэталона не может не обуславливать особенности его семантики.

Так, в системе квазиэталонов можно наблюдать отношения тождества и оппозиции между значениями, однако вряд ли правильно говорить в данных случаях о синонимии и антонимии. Так, квазиэталоны с близким значением не выполняют функции замещения или уточнения, их значениям не свойственна нейтрализация.

Рассмотрим особенности отношений тождества между квазиэталонами.

Отношения тождества являются самым продуктивным видом парадигматических отношений, в которые вступают квазиэталоны.

Как известно, слова с близким значением объединяются в синонимические ряды, которые характеризуются открытостью. Число квазиэталонов, объединённых в один ряд, колеблется от двух до нескольких десятков. Ср.: *факел, маяк* ‘о том, кто несёт с собой истину, знание, просвещение, свободу и т.п.’ *Мой бог, ангел, моя богиня, вербушка, голубка, касатушка, касатик, котик, заяка, ланюшка моя, птиха, свет ты мой ясный, свету моему совету, солнышку моему сиятелю, солнце моё лучистое, мой рыцарь, цыпка, цыплёнок, чижик мой* ‘обращение к человеку’. Число членов ряда зависит от актуальности для лингвокультурной общности смысла, обозначаемого квазиэталонном. Очевидно, что наиболее многочисленными являются ряды с широким экстенционалом семантического инварианта.

Объединяет синонимический ряд слово-доминанта, синоним, имеющий простой семный состав, свободное значение и широкую сочетаемость. В парадигме квазиэталонов, сформированной по тождественному признаку, определение доминанты сопровождается рядом проблем. Во-первых, значения квазиэталонов характеризуются одинаковой сложностью семантической структуры. Все единицы, помимо дифференциальных сем, включают оценочные, эмотивные, стилевые.

Во-вторых, значению квазиэталона присуща синтаксическая обусловленность. Эти признаки и свойства квазиэталонов в большинстве случаев делают невозможным определение доминанты синонимического ряда.

Значимыми критериями для определения доминанты становится регулярность употребления квазиэталона, его принадлежность к общенародному культурному страту.

Так, в парадигме *гомункул / животное* ‘о мелком, бездушном, жалком человеке’ квазиэталон *гомункул* не может занять место доминанты, так как характеризуется низкой регулярностью и принадлежностью к элитарному культурному страту.

Несмотря на равнозначность значений квазиэталонов, среди них возможно выделить разнообразные семантические виды.

Полное тождество малопродуктивно. Как правило, этот вид синонимов опирается на тождество квазистереотипов: *осёл / ишаак* ‘о глупом человеке’.

Так, в парадигме *верста, слон, цапля* ‘о человеке высокого роста’ единицы *слон* и *цапля* различаются и дифференциальными семами, указывающими на плотность телосложения. Данную оппозицию можно квалифицировать как идеографическую (семантическую). Нужно

отметить, что единицы этого типа менее всего способны к взаимозамене в тождественных контекстах.

Среди квазиэталонов с близким значением отсутствуют отношения полного тождества. Это обусловлено тем, что значения рассматриваемых единиц характеризуются живой образностью. Внутренние формы при тождестве денотативно-сигнификативной информации продуцируют неоднозначные сценарии интерпретации квазистереотипа. Ср.: *сморчок* / *пугалица* ‘о маленьком, невзрачном или старом, сморщенном человеке’. Образное основание первого квазиэталона продуцирует уничижительную сему, второго – ласкательную.

В состав парадигмы с отношениями тождества могут входить квазиэталоны, которые соотносятся с разными культурными кодами. Например, в синонимическом ряде *бегемот*, *боров*, *бочка*, *гиппопотам* ‘о толстом неуклюжем человеке’ квазиэталоны соотносятся с биоморфным и фетишным кодами.

Многогранность семантики квазиэталонов как вербальных артефактов культуры позволяет продуцировать одновременно тождество и противоположность. Так, в парадигме *жеребец* / *псёнок* ‘о молодом мужчине’ наблюдается денотативно-сигнификативная общность и вместе с тем эмотивно-оценочная и интенсивная противоположность, детерминированная образным основанием, положенным в основу квазиэталонов. Жеребец осмысливается как существо сильное, что в целом вызывает одобрение, псёнок как нечто слабое, не развившееся в полной мере.

Интерес представляет образная синонимия, при которой квазистереотип тождествен, меняется лишь его вербальная презентация: *лошадь* / *кляча* / *кобыла*; *пёс* / *кобель* / *собака* / *псёнок* / *барбос*.

Степень интенсивности значения в ряде с отношениями тождества может возрастать. Ср.: *хищник*, *ворон*, *коршун*, *стервятник*, *акула* ‘тот, кто наживается, обогащается на ограблении, эксплуатации кого-н.’. Как видно из примера, основным средством интенсификации значения выступает образное основание.

Синонимы могут отличаться стилевой семей. Так, в парадигме *орёл*, *сокол* ‘о юноше, мужчине, отличающемся красотой, смелостью, удачью’ последний квазиэталон употребляется преимущественно в фольклоре.

Ряд квазиэталонов с отношениями тождества может объединять как современные, так и устаревшие единицы: *алмазный* (устар.), *бриллиантовый*, *золото*, *изумруд мой* (устар.), *клад*, *серебряный* (устар.),

сокровище, яхонтовый (устар.). Отдельные парадигмы могут быть охарактеризованы как полностью устаревшие: *приказная строка, приказной крючок, чернильница*.

В парадигму могут входить структурно неоднородные квазиэталоны: *мокрая курица, овца, овечка, соломенная душа*.

Квазиэталоны с близкой семантикой сохраняют те же отношения с полисемией, как и общеупотребительные слова. Семемы многозначных квазиэталонов могут быть включёнными в разные синонимические ряды: 1) *пигалица / сморчок* 2) *пигалица / поросль, бутон, молодозелено, птенец*.

Таким образом, отношения тождества квазиэталонов характеризуются специфичностью, детерминированной живой образностью. Наиболее продуктивны эти отношения для квазиэталонов, обозначающих человека в целом (обобщённые номинации) и характеризующих его интеллектуальные качества.

Использованная литература

1. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996.

И.Ю.Токарева
(Тула)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Важным средством формирования культурно-языковой компетенции является справочное издание, содержащее лингвокультурологическую информацию.

Все словари в данном аспекте мы можем распределить на специализированные, выражающие лингвокультурологическую информацию эксплицитно, и неспециализированные, выражающие лингвокультурологическую информацию имплицитно.

На сегодняшний день словарей первого типа существует достаточное количество. Перечислим основные из них.

Большую известность получил словарь концептов, составленный Ю. С. Степановым (Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академ. проект, 2001.– 990 с.). В словаре рассматривается более шестидесяти концептов. Приводится этимология ключевого слова концепта, изучается его история, анализируется разнообразный эмпирический материал.

Изданием, обобщающим исследование концептов в русистике, стала антология концептов, составленная В. И. Карасиком и И.А. Стерниным. В книге нашли отражение более сорока концептов.

Большой интерес представляет издание «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь». Вып. 1 / Под ред. И. С. Брилевой, Н. П. Волынской, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных. Словарь отражает ту культурную информацию, которая известна любому социализированному носителю языка, не несёт нормативной или воспитательной функции. Словник составили зооморфные образы, прецедентные имена, тексты, высказывания. В словарной статье сообщается информация о месте персонажа в мифологическом пантеоне, о культурном смысле единицы, её роли в культурном пространстве, указываются условия употребления единицы. В статьях, посвящённых прецедентным текстам, указывается информация о произведении: жанре, авторе, времени создания, особенностях восприятия произведения.

Книгой, в которой даётся лингвокультурологический комментарий к устойчивым единицам, является «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия. В словаре приводится культурологический комментарий к описываемым единицам языка, указываются культурные установки, ценности. Назначение словаря – демонстрация взаимоотношений языка и культуры. Культурологический комментарий представлен тремя зонами. Первая зона – этимологическая справка, вторая – страноведческая справка, третья – культурологический комментарий, содержащий интерпретацию образного основания фразеологизма в соответствии с формами культурного сознания, культурными кодами, описание типов переосмысления прямономинативного сочетания слов при формировании идиомы, определение культурноносной функции устойчивой единицы. В. Н. Телия назвала словарную статью «лингвокультурологическим портретом фразеологизма».

Недостатком данных словарей в аспекте школьного преподавания является их адресность: в большинстве случаев эти книги предназна-

чены для людей, профессионально работающих со словом. Поэтому они не всегда понятны для школьника.

Словари, ориентированные на школьников, пока единичны. Так, для учащихся начальной школы создан культурологический словарь русского языка / под ред. С. К. Бирюковой, И. В. Андреевой. Словарь содержит около 700 слов и выражений, которые могут встретиться ребёнку в детской литературе. Приводится лингвокультурологический комментарий. Основная задача словаря – обеспечить осмысленное чтение художественного текста.

Авторы словаря «Грамотны ли Вы...» информацию словаря распределяют информацию по трём уровням. Первый уровень включает в себя основные естественнонаучные понятия и факты интернациональной истории. Второй уровень объединяет прецедентные имена отечественной истории и литературы, а также прецедентные высказывания. Третий включает в себя понятия новейшей истории.

Тот факт, что лингвокультурологическая информация приводится в этих словарях в открытом виде, значительно облегчает задачу. Учитель может использовать информацию из данных словарей для подготовки проблемных ситуаций, на этапах, требующих репродуктивного изложения материала.

К изданиям, выражающим лингвокультурологическую информацию имплицитно, можно отнести «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, разнообразные этимологические словари, словари редких и забытых слов, новой лексики, словари, отражающие пласты русской лексики: диалектизмов, жаргонизмов и многие другие. Данные словари являются прекрасным материалом для организации проблемно-поисковой работы. Важной компетенцией является умение найти нужную информацию, правильно определив источник, а также дать ей верную интерпретацию.

Таким образом, одним из важнейших средств формирования культурно-языковой компетенции является словарь.

Использованная литература

1. Антология концептов / Под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. Ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС

3. Грамотны ли Вы, или 5 000 слов, которые помогут проверить это / Сост. В.А. Пушкиных, Н.Н. Шевченко. – Томск, 1994.

4. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко // Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. – М.: Гнозис, 2002. – С. 7 – 54.

5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Академический Проект, 2001.

О.И. Уланович
(Минск)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ И КОГНИЦИЙ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Популярность междисциплинарного диалога в поиске путей описания таких сложнейших явлений как языковое сознание, вербальный интеллект, взаимосвязь языка и когниций вызвана ограниченностью объяснительного потенциала традиционных дисциплин в силу их узконаправленности. С одной стороны, исследование феномена сознания невозможно без анализа его сложных взаимодетерминационных связей с языком и речевой деятельностью. С другой стороны, ориентация при изучении языка и речи на принципы антропоцентризма позволяет анализировать язык как миромоделирующую систему, а овладение языком – как процесс субъективного отражения мира в сознании с учетом принципа единства знака, аффекта и интеллекта.

Области языка и мышления в языковом сознании можно представить как два частично пересекающихся круга: не все в мышлении человека связано с языком, но и в языке и речи не все причисляется к мышлению.

Мышление человека полиморфно: существуют его различные виды, отличающиеся по глубине и способам освоения человеком действительности и опирающиеся на различные знаковые носители. Практическое и образное мышление может обходиться без слов, опираясь на конкретные действия, наглядные образы или представления. Именно эти виды мышления составляют ту область, не пересекаемую с областью языка.

Язык, в свою очередь, помимо мышления обслуживает и другие области психики и сознания. В частности, а) человеческие эмоции и чувства: радость, удивление, возмущение, раздражение, злость, отвращение и др. (Ох!, Ах! Ух-ты! Да ну? Батюшки! Молодчина! Ишь ты!), б) волеизъявления: требования, желания, побуждения к действию (Прекрати! Брысь! Не смей! Эй! Пусть.), в) ряд психических состояний и свойств (вешать нос, бить баклуши, душа не на месте, не в своей тарелке). Более того, категория рода неодушевленных существительных значима для использования языка, но не существенна для логики мышления, а вопросительные предложения не выражают суждений. Эти и ряд других фактов выявляют в языке наличие области, не относящейся к психическому процессу мышления.

Однако правы и те ученые, утверждающие о неразрывной связи мышления и языка: высокого уровня абстрактности мышления можно достичь только благодаря овладению человеком языком его среды и формированию вербально-логического мышления. Именно оно составляет область пересечения в сознании когнитивных сфер мышления и языка.

Современная наука признает бесспорным факт принципиальной знаковости мышления и отвергает существование «оголенных мыслей», однако вопрос знаковости когнитивно-языковых процессов дискуссионный по сей день. «Рассвет» идеи осуществления мышления на национальном языке, выступающем как бы «базальным компонентом» мыслительных процессов [Соколов, 1968], который пришелся в отечественной науке на середину XX в., завершился полным ее опровержением уже к концу столетия.

Особого внимания заслуживает гипотеза немецкого лингвиста конца XIX в., основоположника психологизма в языкознании Х. Штейнталя. В отличие от предметного мышления, основанного на представлениях о явлениях действительности (сенсорных элементах), языковое мышление, как утверждает автор, опирается на представления о представлениях (вдвойне субъективные явления). Они выявляют внутреннюю сущность языка и специфичны для каждого народа, равно как и для каждого языка.

Прямым продолжением идеи Х. Штейнталя можно рассматривать выделение в зарубежной науке двух видов ментального кода: образного и пропозиционального. суть концептуально-пропозициональной или предикативной гипотезы заключается в том, что ментальный вербальный код представляется в виде системы концептов и пропозиций.

Теория была предложена Дж. Андерсеном [Anderson, 1983] и Дж. Бауэром, нашла свое дальнейшее развитие в работах В. Кинча [Kintsch, 1987].

Знание об объектах и явлениях конституировано посредством концептов – базовых когнитивных сущностей, связывающих значение со словом. Концепт позволяет говорить об объекте не только на уровне физической сущности, но и на разных уровнях общности, выполняя функцию категоризации. Категория концепта в зарубежной науке есть, по сути, аналог «понятия» в работах отечественных психологов. Концепт (как и понятие) выступает некой атомарной ментальной единицей, интегрирующей слово с его семантическим содержанием.

Концепт образуется только благодаря овладению человеком, во-первых, словом (знаком), а во-вторых, формированию в сознании психологического «наполнения» этого знака – его адекватного семантико-смыслового поля. При этом овладение физической стороной знака первично. Формирование в сознании психологического наполнения коммуникативного знака происходит через генерализацию – то расширение, то сужение референтной области отнесения знака. В речевом онтогенезе процесс этот стадийный, длительный и завершается к ранне-подростковому возрасту [Уланович, 2010]. Это и знаменует формирование базовых концептов вербально-логического мышления и постулирует функционирование знака как инструмента концептуализации сознания.

Более емкой и информативной ментальной единицей выступает пропозиция, отражающая концептуальные связи и отношения, а также информацию динамического характера. Пропозиция состоит из предиката и одного или более аргументов. Предикат образует ядро пропозиции, способен приобретать модальные и временные характеристики. В классическом понимании предикат соответствует глаголу в языке. Аргументы формируются концептами. Тем самым пропозиция образует глагольный комплекс, производный от конструкции предложений.

Существуют атомарные пропозиции как семантические инварианты (например, «Все кошачьи питаются мясом»). Семантико-синтаксическая структура атомарной пропозиции считается изоморфной структуре факта. При восприятии и понимании информации имеет место построение в сознании более сложных пропозиций через перевод информации с естественного языка на ментальный пропозициональный код. Создание пропозиции – соединение независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными концептами, называется

предикацией. Ее цель и назначение – отразить актуальное состояние объекта / субъекта.

Как очевидно из описания, пропозиционный код структурно близок к естественному языку, хотя непосредственно ментальный формат пропозиции нам не известен. Положительным моментом теории является возможность объяснения логики человеческого мышления, процессов прогнозирования, построения выводов, планирования через структурно-схематические сцепления и упорядочение атомарных пропозиций и концептов.

Развиваемая нами теория, условно названная теорией смысловых единиц, реализует предположение о хранении мысленных образов и пропозициональных единиц в сознании человека в едином формате [Уланович, 2010: 112].

Базовый элемент языкового сознания – смысловая единица, включающая индивидуально-пропорционально представленные у каждого человека знаковый, образный и эмоциональный компоненты. Так, помимо знаков естественного языка (звуков, слов, фраз) существуют ментальные знаки – репрезентации знаков естественного языка в индивидуальном сознании. При этом естественный знак обладает значением, стабильным, устойчивым, понятным всем носителям этого языка (нормативной тождественностью), а соответствующий ментальный знак обладает индивидуальным смыслом, имеющим пристрастную природу и связанным с отношением, оценкой, индивидуальной трансформацией.

Знак (слово, языковая структура) «впитывает» в себя из всего контекста, в который он вплетен, интеллектуальные и аффективные отношения и начинает значить больше и одновременно меньше, чем заключено в его общепринятой семантике. Индивидуальный смысл ментального знака (слова) определяется его связью с определенным образом и определенными эмоциями в сознании отдельного человека в рамках одной смысловой единицы.

При этом образ представляет собой ментальную репрезентацию фрагмента действительности, своего рода контекст, в котором функционирует знак. Человек познает окружающий мир через призму своих эмоций, которые фиксируются в сознании симультанно при формировании смысловой единицы, в комплексе с ментальным знаком и образом. С.Л. Рубинштейн, утверждая о единстве мышления и эмоций, заметил, что «...мышление, как реальный психический процесс уже само является единством интеллектуального и эмоционального, а эмо-

ция – единством эмоционального и интеллектуального» [Рубинштейн, 1973: 97]. В.Н. Волошинов, в свою очередь отметил: «Не переживание организует выражение, а наоборот, выражение организует переживание, впервые дает ему форму и определенность направления» [Волошинов, 1930: 84].

Тем самым акцентируется системообразующая роль языкового знака в концептуализации в сознании представлений и отношений с учетом принципа единства знака, аффекта и интеллекта.

Только благодаря овладению человеком знаковой коммуникативной системой, в сознании формируется особый ментальный код, позволяющий мыслить абстрактно, концептуально, строить предположения и прогнозы, делать выводы, решать интеллектуальные задачи.

Однако прямого соответствия между единицами мышления и языка, несомненно, нет: та же мысль может быть оформлена по-разному, одно и то же понятие может иметь различные формы языкового воплощения даже в рамках одного языка. Неполное соответствие понятия и слова, мысли и ее выражения называется «асимметричным дуализмом языкового знака» (С. Карцевский). Можно сказать «Я доволен твоими успехами», а можно «Ты радуешь меня своими достижениями», или «Счастлив слышать о твоих успехах». Те же слова могут быть использованы для оформления разных понятий, представлений, идей. Мы можем сказать «дорог» и о любимом человеке, и о предмете одежды или мебели, но указанные качества различны.

В то же время в грамматическом строе языка существует ряд формальных категорий, непосредственно соотносимых с общими категориями мышления. Логика мышления объективируется и обнаруживает себя в грамматике языка.

Сложность взаимоотношения грамматики языка и действительности породило ошибочное мнение в обыденном сознании, что знание грамматики играет не столь значительную роль в речевой деятельности, чем владение лексикой. Данное мнение в корне неверно. Хорошо известен хрестоматийный пример Л.В. Щербы, который он приводил студентам на лекциях. Ученый просил проанализировать квазипредложение: *«Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка»*. Наличие квазислов со всеми грамматическими (морфологическими и синтаксическими) признаками слов русского языка делает предложение доступным для понимания даже при отсутствии в нем «живых» слов.

Можно утверждать, что основные мыслительные сущности отражены в грамматике языков и именно грамматическая категоризация создает ту концептуальную сетку, тот каркас распределения всего концептуального материала, который выражен лексически. Некоторые из важнейших логических категорий и их языковые формы материального воплощения приведены в таблице.

Таблица – Вербально-логические концептуальные соответствия

Логическая (смысловая)

категория (форма)

Элемент языка

Субъект

Подлежащее

Предикат

Сказуемое

Объект

Дополнение

Атрибут

Определение

Предмет, явление

Существительное

Процесс

Глагол

Качество

Прилагательное

Количество

Числительное; категория числа

Связи; отношения

Предлоги, союзы; категория падежа

Модальность

Модальные слова, глаголы

Время

Функционально-темпоральные единицы

Вербально-логическое мышление можно определить как высшую форму мышления, обеспечивающую отражение сложных связей и отношений, решение теоретических задач, выведение заключений и прогнозирование посредством оперирования в сознании концептуальными единицами, формируемыми в непосредственной связи с языковыми

структурами и составляющими их смысловое поле [Уланович, 2010: 228].

Человеческое познание основано на возможности оперировать в сознании знаками и знаковыми системами. Предложенное видение рассматриваемой проблемы не просто позволяет утверждать, что основной знаковой системой, обеспечивающей развитие интеллекта и процессы познания, является естественный язык, но и выявляет механизм функционирования естественного языкового знака как инструмента миромоделирования, концептуализации сознания, радикализации ментальных процессов.

Использованная литература

1. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. – Л.: Прибой, 1930.
2. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973.
3. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. – М.: Просвещение, 1968.
4. Уланович О.И. Психолингвистика: учебное пособие. – М.: Изд-во Гревцова, 2010.
5. Anderson, J.R. The Structure of Cognition. – London: Harvard University Press, 1983.
6. Kintsch W. Approaches to the Study of the Psychology of Language // Talking Minds: The Study of Language in Cognitive Science. – Cambridge: MIT Press, 1987. – P. 73 – 110.

М.Х. Хасуева
(Грозный)

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЕРБАЛЬНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА-ТЕКСТАХ

Проблематика исследований стратегий вербального манипулирования достаточно широка и объемна. Это связано с тем, что уровень развития СМИ поднял на новый уровень возможности вербального манипулирования массовой аудиторией посредством медиа-текстов.

В современной лингвистической литературе нет четкой классификации манипулятивных стратегий и тактик, хотя существуют некоторые попытки, предпринятые в этой области. Так, О.Л.Михалева, исследуя политический дискурс как сферу реализации манипулятивного воздействия, пришла к выводу о том, что в этом типе дискурса формируются три стратегии: стратегия на повышение, стратегия на понижение и стратегия театральности - каждая из которых реализуется благодаря использованию определенного набора тактик. Исследователь считает, что стратегия на понижение осуществляется в тактике анализ-минус (основанный на фактах разбор ситуации, предполагающий имплицитное выражение отрицательного отношения к описываемому), тактика обвинения (приписывание конкретному лицу какой-либо вины, раскрытие чьих-либо неблагоприятных действий, поступков, качеств), тактика безличного обвинения (обвинение без указания виновника осуждаемых действий), тактика обличения (приведение фактов, аргументов, делающих явной чью-либо виновность), тактика оскорбления и тактика угрозы.

Стратегия на повышение, по мнению О.Л.Михалевой, реализуется при помощи тактики анализ-плюс (противоположной тактике анализ-минус), тактики презентации (представления кого-либо в привлекательном виде), тактики неявной самопрезентации (представления говорящим себя в выгодном свете), тактики отвода критики (приведения аргументов, оправдывающих какие-либо действия или поступки) и тактики самооправдания.

Стратегия театральности, по мнению исследователя, представлена набором следующих тактик: тактика побуждения (призыв к действию, принятию какой-либо точки зрения), тактика кооперации (обращение к адресату с апеллированием к его идеям и ценностям), тактика информирования (приведение данных и фактов без выражения отношения к ним говорящего), тактика обещания, тактика прогнозирования, тактика предупреждения (предостережения), тактика иронизирования, тактика провокации (подстрекательства к действиям, влекущим к тяжелым последствиям), тактика размежевания (выявление различий и несходства в позициях и мнениях) [Михалева, 2009: 45-57].

О.С.Иссерс в описании речевых стратегий и тактик выделяет установку на кооперацию / некооперацию, «базирующуюся на приоритете интересов говорящего над интересами слушающего». Исходя из этого основания, Г.А.Копнина выделяет кооперативные речевые стратегии и тактики (основанные на соблюдении правил речевого обще-

ния) и некооперативные (нарушающие эти правила). Вполне естественно, что исследователь относит некооперативные стратегии и тактики к манипулятивным, «так как используются с корыстными целями». В своем исследовании, автор подразделяет их по принципам нарушения речевого общения. Так, при реализации тактики умолчания не соблюдается принцип количества. Использование тактики обещаний нарушает принцип качества («говори правду») [Копнина, 2008: 51].

А.В.Голоднов, исследуя рекламную коммуникацию, описывает следующие стратегии воздействия: стратегия оценочного информирования, стратегия оптимальной адресации, стратегия имитации естественного общения и стратегия вуалирования персуазивного намерения адресанта [Чернявская, 2006: 47].

У В.Е.Чернявской, к которой мы склонны присоединиться, несколько иной подход к систематизации стратегий и тактик вербального манипулирования. Исследователь считает целесообразным «различать лингвистические стратегии изменения, переформирования оценок и мнений». Также исследователь рассматривает эту проблему с позиций определения и разделения «своего» и «чужого», так как, по его мнению, «осуществление языком социальной власти предполагает ценностную ориентацию между тем и другим» [Чернявская, 2006: 48]. Многие исследователи разделяют эту позицию, считая, что построение оппозиции «свои» - «чужие» является одной из основных манипулятивных стратегий [Михалева, 2009, Данилова, 2009, Иссерс, 1997, Самарина, 2006]. О.С.Иссерс считает, что объяснение кроется в ее гибкости, удобстве и простоте: «автор каждый раз заново очерчивает «свой круг», отделяя «своих», «наших» от «чужих» [Иссерс, 1997: 76].

Известно, что вербальное манипулирование в медиа-текстах воплощается разными языковыми средствами, которые могут сочетаться друг с другом, дополняя и усиливая эффект воздействия. Эти средства могут принадлежать разным языковым уровням: фоно-графическому, лексическому, грамматическому и синтаксическому. В рамках данной публикации предлагается рассмотреть некоторые средства, используемые в медиа-текстах на лексическом уровне, так как лексика – это наиболее продуктивная сфера в процессе языкового манипулирования.

В качестве иллюстрации приводятся примеры, заимствованные из англоязычных медиа-текстов:

1. “What Russia is doing in Georgia is open, unhidden aggression and a challenge to the whole world,” he (Saakashvili) said. “If the whole

world does not stop Russia today, then Russian tanks will be able to reach any other European capital.

2.Georgian economic development minister Ekaterina Shara-shidzne said:'This clearly shows that Russia has targeted not just Georgian economic outlets but international economic outlets as well.'

3.Georgia's President Mikheil Saakashvili called for a ceasefire and accused Moscow of mounting an unprovoked invasion that put 'the entire post-Cold War order of Europe and the world at stake'.

В приведенных примерах мы наблюдаем как отправитель сообщения переносит в вербальную систему массовой информации прагматически нагруженную лексическую группу страха и паники, создавая вербальную картину незащищенности каждого человека перед лицом угрозы мировой войны. Основные лексические средства, используемые для создания данной группы — местоимения с семантикой «каждый, любой», прилагательные со значением «общий», «международный», существительные, принадлежащие к семантическому полю слова «угроза», модальные глаголы с семантикой «возможность». Для дополнительного эффекта, адресант использует набор лексических средств с отрицательной коннотацией - «агрессия», «вызов», «вторжение», «целиться», «поставить под угрозу». Здесь прослеживаются попытки создания семантического поля «свой-чужие», где своими являются Грузия (жертва Российской агрессии) и другие страны мира (потенциальные жертвы), а чужими (врагами всего мирового сообщества) выступает Россия.

Таким образом, мы можем констатировать, что создание оппозиции «свой-чужие», наряду с использованием синонимического ряда, характерного для английского языка, а также игра на лексико-семантических вариантах слова способствуют созданию определенной картины событий. В результате, у адресата происходит переоценка ценностей и мнений, и в его сознании события предстают в выгодном для манипулятора свете.

Использованная литература

1.Данилова, А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации [Текст]/ А.А.Данилова. — М.: «Добросвет», «Издательство'' КДУ''»,2009.

2.Иссерс, О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий [Текст]/ О.С.Иссерс.-//Вестник Омского университета.1999, № 1.С.74-79.

3. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование:учеб.пособие[Текст]/ Г.А.Копнина. – 2-е издание. М.:Флинта,2008.

4.Михалева, О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. [Текст]/О.Л. Михалева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

5.Самарина, И.В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации: прагматингвистический аспект [Текст]/ И.А.Самарина : Автореф.дис. канд.филол.наук: 10.02.19. – Ростов-на-Дону , 2006.

6.Чернявская, В.Е.Дискурс власти и власть дискурса:проблемы речевого воздействия:учеб.пособие [Текст] /В.Е.Чернявская. – М.: Флинта: Наука,2006.

М.П. Целых
(Таганрог)

ТЕРМИН «КЛИЕНТ» В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 10-06-00126а

Социальная работа это профессиональная деятельность, которая необходима в любых социальных системах и в любых экономических условиях. В то же время социальная работа – это вариативная деятельность, определяющаяся контекстом, в котором она функционирует. В современном мире существует большое разнообразие типов государственного устройства, и в связи с этим социальная работа по-разному «встраивается» в систему социального обеспечения конкретной страны. Национальный характер и система ценностей общества, в которых разворачивается социальная работа, оказывают большое влияние на все стороны профессиональной деятельности, в том числе и на состав и характер профессиональных терминов.

Так, например, в Великобритании, где социальная работа носит государственно-центрированный, а не клиенто-центрированный ха-

ракти, влияние «сверху» на профессиональную терминологию гораздо сильнее, чем в странах, где государственное вмешательство не столь значительное. К примеру, в США языку социальной работы присуща большая свобода и автономность от властных структур.

В Великобритании социальная работа – это деятельность финансируемая, преимущественно, государством и направленная на индивидуальную помощь, регламентируемую общими правилами, законами и государственной политикой. Здесь слабо развиты традиции частной или негосударственной социальной работы. Доля добровольных организаций незначительна, хотя в последнее время было заметно их некоторое увеличение, которое стало следствием передачи государственным сектором своих обязанностей добровольным объединениям. Характерно, что 9/10 британских социальных работников заняты в государственных организациях. В Великобритании такие термины как «нуждающийся ребенок» и «беззащитный» взрослый приобрели официальный статус именно благодаря государственной социальной политике и соответствующим законодательным актам.

В тоже время, признавая значимость влияния государства на социальную работу в Великобритании, следует учитывать и то, что сами профессионалы являются важным источником формирования терминологических категорий своей практической деятельности. Так, несмотря на опосредованность социально-политическими и культурно-историческими условиями, язык профессиональных терминов британской социальной работы отражает ее главную гуманистическую миссию: повышение благосостояния людей, помощь в удовлетворении основных жизненных потребностей всех граждан и особенно тех, кто менее защищен, относится к уязвимым слоям населения и страдает от недостатка материальных или социальных ресурсов.

В связи с этим нам представляется важным рассмотрение вопроса о том, как государственные социально-политические реформы в Великобритании последних трех десятилетий повлияли на использование в социальной работе терминов, обозначающих адресатов социальной помощи. Для этого следует учесть ряд немаловажных фактов социально-политической жизни этой страны. А именно: в Великобритании в течение последних 20 лет происходила перестройка системы социального обеспечения и динамичные изменения в характере социальных служб. Эти перемены и нововведения стали следствием длительного пребывания у власти консерваторов, а также двух экономических кризисов, произошедших за этот срок. Было ужесточено государст-

венное законодательство и введен более строгий контроль за социальной работой. Консервативное правительство выражало недоверие к социальной работе, из-за ее «левых» настроений. Маргарет Тэтчер называла социальную работу «вынужденным злом».

Период перемен в социальном обеспечении и практике социальной работы в Великобритании начался с избранием лейбористов в начале 1990-х годов. Появились новые формы государственного управления, которые усилили бюрократические тенденции и выразились в «менеджеризме» («managerialism» – концепция эффективного управления, предназначенного для решения социальных и экономических проблем). В результате центральные государственные органы усилили контроль за деятельностью местных властей, социальных служб и рядовых социальных работников. Все это, в свою очередь, повлияло на то, какие термины профессионалы стали предпочитать в отношении адресатов социальной помощи.

В мировой практике в процессе оказания социальной помощи нуждающимся чаще всего используют понятие «клиент» (*Client*). Это широкое понятие, которое относится как к отдельным индивидам, так и к семьям, группам, общинам и к обществу в целом. Под «клиентом» понимается тот, кто нуждается в различного рода социальной помощи. В качестве синонимов для обозначения тех, кто пользуется услугами социальных работников, применяются и другие понятия: «пациент», «потребитель услуг», «пользователь», «нуждающийся в социальной помощи», «адресат», «пользователь», «действующее лицо», «целевая группа населения» и др. Выбор конкретного термина означает установление определенного типа профессиональных взаимоотношений, которые подразумевают распределение ролей между клиентом и профессионалом.

Как известно, социальная работа является специфической деятельностью, в которой люди находятся в особых социально-ролевых позициях: «социальный работник» – «клиент». Эти роли частично определяют ее природу. «В определенных формах социальной работы, например при ведении случая (*case management*), иногда создаются особые роли, такие как «получатель услуг» [Пэйн, 2007: 29]. Т.е. термины, которыми пользуются социальные работники, также модифицируются в соответствии с функциями, которые они выполняют в ходе практической деятельности, а значит, в зависимости от выбранного термина могут изменяться позиции участников процесса социальной работы.

В идеале модель профессиональных взаимоотношений в социальной работе должна основываться на гуманистически обоснованном партнерстве, предполагающем принятие клиентов, безоценочное отношение, побуждение их к самопознанию, адаптации, обретению новых личностных качеств, необходимых для успешного социального функционирования. Благодаря личностно-ориентированному характеру профессиональные взаимоотношения должны быть направлены на восстановление социально-индивидуальной полноценности человека как гражданина и субъекта собственной жизни и на помощь ему в достижении благополучия и максимально возможной степени личностного развития. Однако изначально социальная работа, выросшая из благотворительности, представляла собой форму авторитарного управления богатых – бедными, «успешных» – «неуспешными». В ходе этой деятельности первые социальные работники часто прибегали к таким языковым выражениям, которые помогали им оказывать воздействие на объекты благотворительности. Поэтому людей, нуждающихся в помощи, они называли просителями – «supplicants». Затем, когда в социальную работу проник психоанализ, для этой же цели стали использовать термин «пациент» – «patient», а в более поздний период – «получающие помощь» – «receiving help». Все эти термины характеризовали клиента как слабое, беспомощное существо, нуждающееся в руководстве и сопровождении. Современные коммуникативные исследования доказали, что властные отношения возникают в результате формирования мировоззрения через языковые модели. «Это означает, что те механизмы, которые приводятся в действие в ходе речевых коммуникаций, дают работникам социальных служб определенную власть над клиентами» [Пэйн, 2007: 189].

Хотя комплекс профессиональных социальных взаимоотношений изначально предполагал установление отношений власти и подчинения между специалистом и клиентом, с течением времени функционально-ролевая регуляция взаимодействия менялась. От специалиста потребовалось умение устанавливать в ходе профессиональной деятельности взаимоотношения, опирающиеся на принципы индивидуализации, принятия, терпимости и понимания чувств людей, с которыми ведется работа. Было важно создать паритетные отношения, стараясь при этом не доминировать над клиентом и не вызвать у него появления зависимости от специалиста. Данная модель профессиональной деятельности предполагала от специалиста высокого уровня ответственности за установление позитивных терапевтических взаимоотно-

шений и не могла не отразиться на терминологии в отношении клиентов.

В современной социальной работе ее сущность проявляется в построении профессиональных взаимоотношений «клиент – специалист», направленных на восстановление социально-индивидуальной полноценности человека как гражданина и субъекта собственной жизни и помощь в достижении благополучия и максимально возможной степени личностного развития. Именно поэтому нынешним клиентам уже не отводится пассивная роль объектов воздействия.

Действительно, для социальной политики Великобритании последних десятилетий характерна тенденция активизации жизненной позиции тех, кто получает социальную помощь различного рода. Профессионалы считают, что каждый клиент должен прийти к мысли, что для изменения неблагоприятной социальной ситуации ему следует над ней работать и вместе с социальным работником, и что не менее важно, самостоятельно. При этом одним из обязательных условий организации социальной работы считается недопустимость давления, советов, уговоров или принуждения в отношении клиентов. Эти способы считаются непрофессиональными и исключаются из практики социальной работы. Деятельность специалиста направляется на то, чтобы клиент принял осознанное самостоятельное решение, исходя из внутренней потребности в изменении самого себя и своей жизненной ситуации. Это очень трудоемкая работа, в которой немаловажную роль играет используемая терминология. Конкретные языковые выражения помогают социальным работникам оказывать необходимое влияние на своих клиентов.

В 1960-х годах в социальной работе Великобритании наиболее широко применялся термин «клиент». В большинстве книг, статей, обзоров по социальной работе использовался именно этот термин. Однако уже в 1970-е годы в научной литературе, когда впервые осознали разницу между целями и задачами, имеющимися у специалиста и у человека, с которым работает профессионал, правомерность наименования «клиент» начинают подвергать сомнению. По мнению радикально настроенных ученых, термин «клиент» несет в себе негативную окраску и ставит человека, обращающегося за социальной помощью, в подчиненную по отношению к социальному работнику позицию. «Хорошим» клиентом в подобном подходе считается человек, который безоговорочно принимает действия специалиста и выполняет все предписания, не задавая вопросов. Он выступает в роли объекта, у

которого отсутствуют способности или возможности для самостоятельного решения имеющейся социальной проблемы. Именно поэтому ему нужна помощь профессионала, обладающего специфическими знаниями и умениями. Как подчеркивали критики, такая модель профессиональных взаимоотношений «клиент-специалист» выстроена по иерархическому принципу, где главную ответственность и перед клиентом, перед профессией, социальным учреждением и обществом несет специалист.

С приходом к власти М. Тэтчер стремление государства сократить расходы на социальное обеспечение послужило поводом для того, чтобы переориентировать нуждающихся индивидов и группы населения на сотрудничество с социальными работниками и социальными службами. В новых условиях специалисты были вынуждены активизировать клиентов и вовлекать их в процесс принятия решений, в выбор способов и методов работы над своей проблемой. Поэтому «клиентов» стали именовать «потребителями социальных услуг», которые должны были стать активными субъектами и участниками хода социальной работы. За ними было признано право высказывать свое мнение о предоставляемых услугах и возможностях их совершенствования. Этот процесс получил наиболее полное развитие на фоне вхождения социальной работы в систему рыночных отношений Великобритании. Затем, когда в 1980-е годы правительство М. Тэтчер стало рассматривать социальное обеспечение с точки зрения демонтажа механизмов централизованного государственного регулирования, рыночные принципы все глубже начали проникать в сущность социальной работы, изменяя ее принципы и терминологию. Именно в это время возник термин – «приватизация социальных услуг», а термин «клиент» окончательно уступил место термину «потребитель» (consumer).

Дальнейшее развитие идея активизации клиентов в ходе социальной помощи получила после того, как Тони Блэр предложил новую программу движения к справедливому общественному устройству, получившую название «третий путь» («third way»). Новая социальная политика базируется на формировании смешанного типа экономики (welfare mix) и различных формах участия населения в решении социально-политических проблем. Она предполагает сосуществование различных типов государственных и негосударственных социальных служб, из которых человек может свободно выбирать наиболее подходящие ему услуги. Считается, что существование альтернативы, закономерно приводит к конкуренции на рынке социальных услуг и по-

вышает их качество. Подобная парадигма предполагает иное, чем прежде, распределение ролей между специалистом и так называемым «клиентом». Клиенту делегируется больше прав, он может выбирать из множества различных организаций, занимающихся предоставлением социальных услуг, а значит, он становится «пользователем» – «user».

Очевидно, что со сменой подходов происходит и смена профессиональной терминологии, клиентов теперь все чаще называют «пользователями услуг» – «service users». Теоретики современной социальной работы всячески способствуют использованию этого термина, поскольку расширение контингента «заинтересованных клиентов», или «сознательных пользователей» социальных услуг, по их мнению, открывает новые перспективы развития профессии в Великобритании. Сегодня специалисты предпочитают именно этот термин, так как он более нейтрален по окраске, чем термин «клиент», и передает значение адресности и партнерства. При этом они подчеркивают, что доверие клиентов к специалисту не имплицитно практике социальной работы. Оно завоевывается благодаря осознанному и целенаправленным усилиям профессионалов.

В то же время не следует забывать, что термин «пользователь» (user) в английском языке не всегда имеет положительную окраску. Например, он используется в отношении человека, злоупотребляющего наркотическими веществами, или для обозначения человека, занимающего деньги и не отдающего долги, или того, кто просит об одолжении и пр. Необходимо также учитывать и еще один немаловажный аспект: при использовании данного термина в социальной работе возникает опасность «записать» тех, кто пользуется услугами социальных работников в категорию вечных пользователей и тем самым стигматизировать их, навесив ярлыки. Помимо этого исследователи указывают еще на целый ряд недостатков использования термина «service user» в социальной работе.

В последнее время в социальной работе Великобритании появился новый термин для обозначения тех, кому требуются услуги социальных работников – «experts by experience». Он подразумевает что, сам нуждающийся обладает максимальными знаниями о своей ситуации, а задача специалиста с учетом опыта, имеющегося у «клиента», выстроить взаимоотношения «на равных». В этом случае в процессе профессиональной помощи органично соединяются знания специалиста, полученные в ходе теоретического обучения, и опыт самого чело-

века, испытывающего затруднения. Введение в оборот подобного термина является развитием тенденции по расширению прав потребителей и устранению дискриминации в ходе оказания социальной помощи различным категориям населения.

Таким образом, рассмотрев различные термины, обозначающие реципиента социальной помощи, можно заключить, что их выбор в определенной степени зависит от государственных социально-политических реформ и, несомненно, влияет на тип взаимоотношений, выстраиваемых в социальной работе. Поэтому терминология в социальной работе имеет большое значение, поскольку от нее зависит достижение главной цели профессиональной деятельности - преодоление социального исключения и достижение социального равенства граждан.

Использованная литература

1.Пэйн М. Социальная работа: современная теория. Учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2007.

И.И. Чельшева
(Москва)

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ И НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ

Романский материал достаточно широко представлен в работах типологического характера, однако следует признать, что многое остается за пределами внимания лингвистов-типологов, которые гораздо охотнее обращаются к экзотическим языкам удаленных регионов, чем к романским наречиям. Видимо, со стороны романские языки выглядят как «слишком изученные», «слишком обычные». В качестве примера можно вспомнить, что в работах, посвященных общим проблемам фонологии, постоянно фигурируют такие явления, как умлаут германских языков или сингармонизм тюркских языков, но почти не встречается примеров на родственное явление в романских языках: мы имеем в виду метафонию, хотя метафонические преобразования охватывают значительную часть романского языкового ареала. Скажем, на Апеннинском полуострове, метафония безусловно отсутствует лишь в

литературном итальянском, основанном на флорентийском наречии тосканского, однако она фиксируется и в северных, и в южных диалектах Италии, и даже в Южной Тоскане.

Это связано, прежде всего, с тем, что за пределами круга романистов, представление о романском языковом ареале часто ограничивается лишь основными, крупными языками. Богатейший, с типологической точки зрения, материал миноритарных языков, диалектов и наречий романского мира, особенно, языков и диалектов Апеннинского полуострова и Балкан, лишь в очень малой степени представлен (а потому и в малой степени осмыслен) с типологической точки зрения.

Но не только относительно малой известностью романской лингвистической фактологии объясняется ограниченность присутствия романского материала в типологических исследованиях. Такое положение связано и с исследовательскими традициями в самой романистике. Б.П.Нарумов обратил внимание на то, что романисты часто говорят о языковых типах, например, описывая подобным термином ситуацию с языками, выделенными исследователями на основании выбора ряда внутривидовых признаков: латинский как язык-тип, франкопровансальский как язык-тип [Нарумов, в печати]. В этом случае, термин *тип* имеет иное содержание, чем в классической лингвистической типологии. Более того, нередко встречается использование термина (или, точнее, квазитермина) *тип* в приложении к выделяемым во многом на основании культурно-исторических признаков классификационным областям – галло-романский тип, или итало-романский тип, хотя последний на основании структурных признаков в принципе выделяться не может.

То, что составляет несомненное преимущество романистики, – достаточно хорошо документированная история развития разноуровневых языковых структур от языка-источника до современного состояния, – оборачивается, иногда, осложняющим обстоятельством. Романские языки очень редко описываются в строго типологическом плане. При сопоставлении романских языков почти неизбежно присутствует сравнительно-исторический аспект, вводящий элементы диахронии даже в исследования синхронного плана, направленные на выявление общетипологических характеристик. Романские языки легче классифицировать, исходя из характера переходов от латыни к романским языкам, чем сопоставляя собственно языковые структуры на современном этапе. В последние годы среди удачных попыток синхронного сопоставления можно отметить исследования ведущего ти-

полога-романиста Г.Боссонга, в том числе [Bossong, 2008], а также интересное сравнение структур четырех романских языков в [Bach, Brunet, Mastrelli, 2008].

Но установка на синхронность описания, придавая изложению методологическую строгость, может существенно обеднить представление о структурном разнообразии языков. Постоянно встречаются ситуации, когда фиксируемый в настоящее время языковой факт уже встречался в прошлом, а затем был утрачен. Например, в недавно опубликованном исследовании, выполненном под руководством Леонардо Савойя [Manzini, Savoia, 2005: 145], основанном на скрупулезном описании диалектов и говоров Италии, приводятся примеры, свидетельствующие о том, что в некоторых регионах Апеннинского полуострова находится в стадии формирования явление, аналогичное португальскому спрягаемому инфинитиву: *Si kkeste e andatu prima de l avizare jeo*; *Si kkeste e andatu prima de l avizares tue*; *Si kkeste e andatu prima de l avizaret issu*; *Si kkeste e andatu prima de l avizaremmoz noizi* etc. Известно, что спрягаемый инфинитив фиксировался в памятниках литературного неаполитанского диалекта XV в. (сведений о разговорной форме этой эпохи не сохранилось). Таким образом, «склонность» к формированию спрягаемого инфинитива присутствует в романских морфолого-синтаксических системах, но проявляется она в разной степени и в разное время.

В результате для романского языкового пространства оказываются характерными ситуации, когда сходные явления фиксируются в удаленных друг от друга ареалах, включаясь в различные языковые системы. Например, «вещественный род» отмечен в Южной Италии и в Астурии: астурийский - *fierro* ‘железо’ – *firru* ‘железяка’; центрально-южные диалекты Италии – *lo vetro* ‘стекло как вещество’ – *lu vitru* ‘оконное стекло’, южные диалекты Италии (неаполитанский) - *e caffè* [kaffe] ‘кофе как вещество’ – *e caffè* [kaffe] ‘чашка кофе’.

Следует отметить, что в последнее время наметилась тенденция к объединению важных в типологическом плане характеристик, которые в романских языках дополняют друг друга. Например, тенденция к ослаблению функций инфинитива присутствует в языках и диалектах, где встречается предложное оформление одушевленного прямого объекта (Южная Италия, Румыния); см. [Zamboni, 2000]. Естественно, что оформление прямого объекта предлогом существует там, где нет обязательно выраженного субъекта и т.д.

В рамках исследовательской программы «Миноритарные языки Евразии. Проблемы языковых контактов», осуществленной в 2006-2008 гг. в Институте языкознания РАН, Изучение структур, фиксируемых в морфологических системах миноритарных языков, позволило отметить некоторые общие типологические закономерности, проявление которых обнаруживается и в языках иных групп. Так, Д.И.Эдельман отмечает, что в большинстве бесписьменных памирских языков восточноиранской группы, бытующих на Западном и Южном Памире и в отрогах Восточного Гиндукуша) сохраняется система трехсерийного индоевропейского дейксиса типа лат. *hic - iste - ille*. В подавляющем же большинстве индоиранских языков (как и в большинстве других индоевропейских) система указательных местоимений двоична: «этот - тот», «здесь — там», но следы трехчленного дейксиса сохраняются в виде этимологических рудиментов [Эдельман, 2009]. Заметим, что подобный же путь — от этимологически обоснованного трехчленного дейксиса к двухчленному — прошли и некоторые романские языки. В тех же из них, где исходно присутствовал трехчленный дейксис, ослабло и почти утратилось одно из звеньев (например, в итальянском функционируют *questo* и *quello* при практической утрате *codesto*).

Интересные параллели дает сравнение категории рода имен, особенно с учетом перехода от трехчленной (мужской — женский — средний род) к двухчленной (мужской — женский род) системе. Форманты среднего рода в этом случае могут использоваться для иных целей: в иранских языках для формирования классов, в романских — для передачи признака вещественности (астурийский, диалекты Южной Италии) или указания на организованное множество (итальянский) и т.д.

При всем богатстве исследовательской романской традиции формирование современных типологических описаний с привлечением максимального числа описываемых лингвистических объектов, видимо, следует признать делом будущего.

Использованная литература

1.Нарумов Б.П. Проблема лингвогеографической классификации в современном романском языкознании (в печати)

2. Эдельман Д.И. Роль миноритарных арийских языков в реконструкции истории языковой семьи// Миноритарные языки Евразии. Проблемы языковых контактов. М., 2009.

3. Bach S., Brunet J., Mastrelli C.A. Quadri-lingua romanzo. Dall'italiano al francese, allo spagnolo, al portoghese. Firenze, 2008.

4. Bossong G. Die Romanischen Sprachen. Eine vergleichende Einführung. Hamburg, 2008.

5. Manzini C., Savoia A. I dialetti italiani e romanci. Morfosintassi generativa. Bologna, 2005 V.1

6. Zamboni A. Alle origini dell'italiano. Dinamiche e tipologie della transizione dal latino. Roma, 2000.

А.М. Червоный
(*Таганрог*)

УСТРАНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА ИЗ СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ
(на материале французского языка)

Как известно, основной коммуникативной единицей является предложение, которое реализуется посредством слов. Однако, слова — не просто отрезки предложения, поскольку предложение - это целое, не сводящееся к сумме его частей [Бенвенист, 1974:133]. В этом несоответствии, по-видимому, и кроется особенность языковой коммуникации. Все содержание мысли, сосредоточенное в предложении, не всегда соответствует языковым элементам, его составляющим. Благодаря этому в процессе языковой коммуникации говорящий часто получает возможность замещения в структуре предложения некоторого языкового элемента каким-то другим, функционально нетождественным элементом, способным передать приблизительно ту же самую информацию в данных контекстно-ситуативных условиях. Невыраженность на синтаксическом уровне предложения некоторых элементов ситуации отражает в языке экономию речевых усилий.

К наиболее типичным средствам языковой экономии мы относим устранение семантического субъекта.

Под устранением, на наш взгляд, следует понимать в разной степени формальную невыраженность лексико-грамматических катего-

рий (род, число) одушевленного имени существительного, референтом которого является реальный деятель.

Разная степень конкретизации выражения семантического субъекта (вплоть до его полного устранения) осуществляется в рамках отдельного предложения, которое имеет разные синтаксические формы и строится согласно лексико-синтаксическим моделям, свойственным французскому языку. Модель, в которой соблюдаются уровневые семантико-лексико-грамматические соответствия, является основной или прототипической, остальные-производные или периферийные. Опираясь на базовую, прототипическую структуру с помощью логического исчисления - методом В.Г. Гака, который заключается в последовательном переборе структурных схем предложений, производных от базовой, нами выявлено 15 моделей французского языка с затушеванным или невыраженным агентом. Предложения с устранимым семантическим субъектом представляют лексико-грамматические модификации исходной структуры. Варианты базисной модели позволяют по-новому, разнообразно описывать реальную действительность, концентрировать внимание на отдельных ее фрагментах. Конструкции, в которых семантический субъект в той или иной степени устранен, составляют функционально-семантическое поле, в центре которого модель с полифункциональным местоимением *оп*. Выбор модели с *оп* в качестве ядра системы не случаен, т.к. во-первых, она точнее всех соответствует эталонной модели, обозначающей *Действие субъекта*, во-вторых, она наиболее употребительна в речи, и, в-третьих, конструкция с *оп* является как бы общим знаменателем для всех остальных моделей. Вычлененные конструкции могут быть семантически адекватны модели с *оп*. Это позволяет одну и ту же ситуацию представить целой парадигмой конструкций с устранимым субъектом.

Следует сказать, что существенные компоненты смысла (в том числе и значение семантического субъекта) выявляются только при рассмотрении предложения в контексте речевого акта, что требует перехода от предложения к высказыванию.

Таким образом, модели базового предложения, выражающего пропозицию *Субъект и его действие*, становятся высказываниями или частью его при условии их речевого употребления.

В конструктивном плане высказывание (модель в речи) может быть как синтаксически равнообъемным, так и более сжатым по отношению к полнооформленному эталонному предложению, что никак не сказывается на его информационной ценности.

По-видимому, это происходит благодаря смысловой компенсации нечетко выраженных или формально устраненных синтаксических компонентов предложения. Для устранения возможных коммуникативных лакун, Человек обладает некими внелингвистическими средствами. В ходе речевого акта говорящий только приводит в действие те механизмы референции, которые заложены в предложении [см. Стросон, 1982].

Средства, с помощью которых говорящий осуществляет свою референцию и делает ее достоянием слушающего, входят в семантику предложения. Определяя высказывание полным знаком, В.Г. Гак отмечал, что референтом высказывания является отражаемая ситуация, т.е. совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент "сказывания" и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания [Гак, 1972:358].

Поскольку только высказывание имеет непосредственное отношение к действительности, к живому говорящему лицу, то по воле последнего или по объективным причинам (знания или незнания говорящим агента) имя реального деятеля в высказывании не актуализируется. Общая структура высказывания зависит также от понимания говорящим того, что, по его представлениям адресату известно, и что неизвестно, что окажется в последующем в фокусе высказывания и ради чего говорящий может пожертвовать даже выражением семантического субъекта. Предложение, функционирующее как целое высказывание, становится выражением позиции индивидуального говорящего в конкретной ситуации языкового общения [Бахтин, 1979:263]. Вообще, само осуществление референции связанное с прагматикой акта коммуникации, отражается в семантике референциальных элементов языка, которые обращены к общему фонду знаний коммуникантов [см. Серль, 1982]. Говорящий, прежде чем о чем-то сказать, мысленно в целом представляет ситуацию, о которой пойдет речь. Если, к примеру, нужно описать ситуацию, представляющую какое-то действие или процесс, субъект речи обязан отобразить деятеля, располагающего соответствующими данными. В этом ему помогает знание реального мира, его жизненный опыт. Лишь представив ситуацию, определив действие, протекающее в ней, адекватно ей детерминировав каузатора и производителя действия, одним словом, закончив мысленный проект, говорящий прибегает к языковому оформлению данной

ситуации, к выраженности - невыраженности некоторых ее элементов.

Выявленные нами модели, отличающиеся друг от друга формой выражения (упаковкой — у У. Чейфа) и все вместе от базового предложения, с разной степенью точности отображают семантический субъект. Однако, слушающий восстанавливает, притом однозначно, значение и семантическую роль элементов, затушеванных или окончательно устраненных из синтаксической структуры модели. Мысленно всякое предложение может быть восполнено и оно всегда чем-нибудь восполняется [Шухард,1950:96] Предложение восполняется компенсационной смысловой связкой, поддерживающей коммуникацию. Опора на знание о реальном мире позволяет коммуникантам передавать высказыванием с устраненным субъектом дозированную информацию разумного объема, касающуюся реального деятеля.

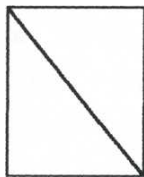
В ходе общения, несмотря на то, что субъективный компонент высказывания затушеван или совсем не входит в собственно синтаксическую структуру предложения, слушающий в состоянии в полной мере вникнуть в смысл высказывания. Такое высказывание в информационном смысле признается оптимально достаточным, т.к. строится только информационно необходимыми элементами [Блох,1986:40].

Высказывание характеризуется избирательностью. Оно не дает полного описания отрезка действительности со всеми его элементами, характеристиками, связями. Формируя в сознании предметно - логическую модель ситуации, говорящий может по-своему избирать и группировать ее элементы [Гак,2000:545] Это позволяет одну и ту же ситуацию описывать разными способами. Кроме того, знание говорящими ситуации позволяет не обозначать в речи всех ее элементов, в том числе и реального деятеля (неоднократный его повтор в речи замедлял и затруднял бы прохождение информации), но фиксировать лишь некоторые из них. В связи с этим высказыванию свойственна языковая экономия. Устранение семантического субъекта в высказывании происходит либо способом замены лексической единицы, конкретно обозначающей реального деятеля, словами более общего значения либо благодаря редукции семантического субъекта на синтаксическом уровне. Однако, семантический субъект, даже если он и неопределен, но его наличие в синтаксической модели отвечает коммуникативной задаче высказывания и признается говорящим информативно необходимым, в этом случае он находит свое выражение в синтаксической структуре предложения. Субъектный элемент, который не отвечает

коммуникативной задаче в данный момент речи, имплицитруется. Несмотря на эксплицитно - имплицитное устранение семантического субъекта из высказывания, референтом которого выступает действие, произведенное человеком, информативно реальный деятель необходим, т.к. он вносит свой уникальный, неповторимый вклад в суммарную информацию.

Из вышесказанного следует: между действительностью и отражающим ее высказыванием лежит процесс структурирования действительности языковыми средствами с целью обозначить, выделить какой-то элемент ситуации или, наоборот, завуалировать, устранить его. На уровне же мысли все элементы ситуации представлены, правда, в разной степени определенности. Знания о ситуации и сам коммуникативный акт общения диктуют необходимость - возможность - невозможность устранения семантического субъекта. Существует обратно пропорциональная зависимость между сведениями о ситуации и языковыми средствами, которые достаточны для ее отображения высказыванием.

Язык

Ситуация (схема Б. Потье)

Как видим, информация, заложенная в высказывании, не сводится к одному речевому сообщению, она результат соотношения ситуации и того, что было сказано. Чем больше известно собеседникам о предмете речи, тем менее пространным может быть само сообщение говорящего. Устранение семантического субъекта происходит в процессе референции, которая соотносит высказывания с объектами, ситуациями, положениями вещей в реальном мире [Падучева, 1985:3]. Частичное дублирование ситуации синтаксическими конструкциями вследствие устранения семантического субъекта характеризуется неполной поуровневой сопряженностью информационного и компонентного состава синтаксической модели в рамках отображаемой ситуации.

Выражение пропозиции *Действие субъекта* высказыванием складывается из связи лексических единиц, способных выражать смысл, воспринимаемый коммуникантами как суждение о неком, иногда абстрактном, иногда конкретном, иногда определенном, иногда

неопределенном семантическом субъекте и его первом признаке-действии.

Как следует из анализа фактического материала, устранение субъекта действия является одной из распространенных во французском языке прагматических функций высказывания, связанных с использованием языка говорящим в определенных условиях речевого акта, речевого контекста и коммуникативных целей. Несоответствие между элементами семантической и синтаксической структур коммуникативной единицы взаимообуславливают имплицитность ее элементов. Имплицативное обозначение смысловых компонентов, не находящихся прямого соответствия в плане их выражения в отдельно взятом предложении, выявляет специфику непрямого, преобразованного отражения событий, поскольку язык отражает мир только косвенным образом [см. Тарасова, 1992.]. Он отражает непосредственно нашу концептуализацию мира. [Wierzbicka, 1980:49-50]

Носитель современного французского языка располагает как разными средствами выражения субъекта, так и набором языковых моделей для презентации его действий. В данной разнообразии проявляется противоположная языковой экономии тенденция - избыточность языка.

Таким образом, в явлении устранения субъекта проявляются две взаимопротивоположные тенденции: первая к экономии лексических единиц в синтаксических структурах и вторая - к разнообразию выразительных средств передачи значения действия, что способствует диалектическому развитию языка.

Использованная литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974.
3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. - М.: Высшая школа, 1986.
4. Гак В.Г. Высказывание и ситуация. // Проблемы структурной лингвистики. 1972. - М.: Наука, 1973. - с.349-372.
5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. - М.: Добросвет, 2000.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. - М.: Наука, 1985.

7. Серль Дж. Р. Референция как речевой акт.// Новое в зарубежной лингвистике. Вып.13.- М.: Прогресс,1982. – с.179 – 202.

8. Стросон П.Ф. О референции .// Новое в зарубежной лингвистике. Вып.13.- М.: Прогресс,1982. – с. 55 – 86.

9. Стросон П.Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение.// Новое в зарубежной лингвистике. Вып.13.- М.: Прогресс,1982. – с.103 – 133.

10. Тарасова А.Н. Категория эмфазы в современном французском языке.- М.:1992. – с.86 - 94.

11. Шухард Г. Избранные статьи по языкознанию.- М.: Изд-во иностранной литературы, 1950.

12. Wierzbicka A. *Lingua mentalis: the semantics of natural language*. - Sydney.: Acad. Press, 1980.

П.В. Чесноков
(*Таганрог*)

КОНЦЕПТ И ТЕКСТЕМА

Проблема концепта одна из сложных и спорных проблем в современной когнитивной лингвистике. Языковая картина мира складывается из концептов, которые представляют собой предельное на данный момент знание человека о том или ином предмете в отличие от понятия, отражающего и фиксирующего лишь общие и существенные признаки предмета. Понятие мыслится в связи с произнесением или написанием соответствующего ему слову, т. е. понятие выступает как структурная единица, существующая одновременно и воссоздаваемая единовременно.

Концепт не может быть выражен одним словом. Для его воспроизведения требуется много слов, множество словосочетаний, множество предложений. Он сугубо индивидуален, ибо каждый человек имеет свое особое знание о любом предмете, но в то же время в концепте любого предмета каждый человек отражает то общее и единое, что присуще всем представителям одного народа, одной культуры. В этом смысле он выступает как лингвокультурологический феномен. Концепт не представляет собой единицы, он охватывает большое множество единиц и раскрывается любыми способами, на которые способен язык.

С. Д. Кацнельсон различает *формальные* и *содержательные* понятия. «Формальными понятиями мы будем называть тот минимум наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания предмета. Этот минимум обычно охватывается формальным определением предмета. В формальном понятии подытоживается главное из того, что нужно знать о предмете, но именно поэтому всякий новый шаг в познании предмета выводит за пределы такого понятия.

Содержательное понятие идет дальше формального и охватывает все новые стороны предмета, его свойства и связи с другими предметами. Легко заметить, что понятие второго рода отличается от первого только *по содержанию, но не по объему*» (выделено мною-П. Ч.) [Кацнельсон, 1965:18].

«...Значение слова в своем концептуальном содержании соответствует формальному понятию. В значение этого слова как единицы языковой системы входят только основные признаки предмета, необходимые для опознания и для правильного употребления его имени. Разница между толковым и энциклопедическим словарем как раз в том и состоит, что толковые словари дают лишь минимальные сведения о предмете, в узких границах формального понятия, тогда как энциклопедические словари призваны дать содержательное понятие о нем, как оно предстает в свете современной науки» [Кацнельсон, 1965:19].

С. Д. Кацнельсон называет формальным понятие то, что в современной логике и в современном языкознании принято называть просто понятием – единицу мышления, возникающую в сознании человека, когда он произносит или пишет соответствующее ей слово или словосочетание (например, *ветер, море, победа, полная победа, море радости*). Содержательное понятие – это то, что в когнитивной лингвистике называют концептом, - предельное на данный момент знание о предмете. Выразителем концепта является энциклопедический словарь, который, разумеется, дает осредненное предельное знание о какой-либо вещи – более или менее полное с точки зрения его составителя. Разумеется, полное знание о предмете не может быть предложено ни одним словарем, тем более что оно индивидуально и различно у разных людей. Но стремление к полноте необходимо: оно предостерегает нас от ошибок и омертвления.

«Чтобы воспроизвести то, что скрывается в глубине за формальным понятием (т. е. содержательное понятие – Ч.П.), одного слова уже недостаточно. Для этого нужен теперь ряд слов, предложение, верени-

ца предложений, определенным образом организованный, тематически единый контекст» [Кацнельсон, 1965:25].

Подобные мысли высказывает и А.А.Потебня, пользуясь лингвистической терминологией. Он пишет, что «под значением слова вообще (а значение слова соответствует формальному понятию, т. е. понятию в обычном его понимании – Ч.П.) понимаются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем *ближайшим*, другую, составляющую предмет других наук, – *дальнейшим значением слова*. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова» [Потебня, 1958:19].

Дальнейшее значение слова (т.е. концепт - П.Ч.) «может быть передумана лишь в течение ряда мгновений, посредством ряда умственных усилий и для выражения своего потребует много слов» [Потебня, 1958:9]. Иначе говоря, концепт не может быть выражен одним словом и для своего выражения требует множество слов, используемых в течение многих мгновений. Со времени А.А.Потебни предмет лингвистики значительно расширился, и то, что составляло прежде предмет других наук, в настоящее время благодаря когнитивным исследованиям выступает в качестве предмета науки о языке.

Концепт представляет собой фрагмент языковой картины мира, но существуют две языковые картины мира – *статическая* и *динамическая*.

Статическая картина мира закреплена в системе языка и может различаться весьма значительно в разных языках, поскольку различны сами системы языков. Так, русскому слову *утро*, которое отражает в своем лексическом значении период суток, представляющий переход от темного времени к светлому, во французском языке соответствует слово *matin*, обозначающее отрезок времени от 12 часов ночи до 12 часов дня, следовательно, другой период времени. Русским словам *теща* и *свекровь*, близким, но все же различающимся по значению, в германских и романских языках соответствует лишь одно слово с единой семантикой: в немецком языке – *Schwiegermutter*, в английском – *mother-in-law*, во французском – *belle-mère*. Не находит соответствия в русском языке немецкое слово *Schnurrbart*, обозначающее сочетание двух усов как единое образование, а в немецком отсутствует слово, идентичное русскому слову *ус*.

Семантические расхождения наблюдаются и между русским языком и енисейскими языками. Русские слова *дядя* и *тетя* находят соответствие лишь в одном югском слове *хой*, в кетском *кой*, русские

брат и *сестра* – в югском *бисеп*, в кетском *бис'эп*, русские *мясо* и *рыба* – в югском *и'с*, в кетском *и'с'* [Вернер, 1977:140, 151, 162].

Список семантических различий между языками может быть легко продолжен.

Динамическая картина мира связана с процессом функционирования языка, с процессом живого общения.

В процессе живого общения благодаря безграничной возможности комбинирования языковых единиц и средств возникают такие образования, которых нет в языковой системе (например, *длительный разговор*, *воспоминание о рыбалке*, *победа разума* и т. д.), которые и компенсируют средства, недостающие в той или иной системе языка, которые снимают (ликвидируют, устраняют) семантические различия (расхождения) между языками, обеспечивая взаимопонимание носителей разных языков, возможность адекватных переводов с одного языка на другой, возможность контактов и взаимообогащения различных языковых культур. Так, путем комбинирования различных слов в тексте объяснено значение французского слова *matin*, хотя в русском языке нет слова, точно соответствующего ему по значению. [Чесноков, 2003:56-59].

Концепт имеет отношение и к статической, и к динамической языковой картине мира, как это было отлично выявлено в диссертации Т.Г.Смотровой, посвященной описанию концептов *победа* и *поражение* [Смотрова, 2005:3-25].

В диссертационной работе показано, что любые описания, которые вносят свой вклад в содержание того, что называют победой или поражением, годятся для раскрытия соответствующих концептов. Это и внутренняя форма соответствующих слов, и их этимология, и их участие во фразеологизмах, в том числе и поговорках, в фреймовых структурах, в устойчивых сочетаниях слов, это описание значений, закрепленных в языке. Синонимия, антонимия и омонимия выявляют отношения данного концепта к другим концептам. Все это относится к статической картине мира.

Статическая картина мира поглощается динамической картиной мира. Но последняя, кроме того, за счет множества свободных сочетаний слов создает большое количество новых концептуализаций, не содержащихся в статической картине мира.

Огромный интерес с точки зрения описания концептов представляет словарь языка М. А.Шолохова, подготовленный коллективом на-

учных работников Московского открытого педагогического университета под руководством доктора филологических наук, профессора Е.И. Дибровой.

Уникальность Словаря, прежде всего, состоит в том, что в нем «впервые в словарь языка писателя вводится понятие *текстемы*, которая раскрывает сущностное для автора истолкование того или иного предмета, признака, явления и имеет приоритетное значение в художественном творчестве писателя. М.А. Шолохов создает свои текстемы на базе важнейших представлений казачьей жизни, быта, миропонимания, обрядов, устоев и др. Текстемами М.А. Шолохова, помещенными в Словарь, являются: Донской край, Дон, Земля, Степь, Курган, Шлях, Казак, Конь, Песня, Месяц, Вышний, Вороненый, Черный, Чернозем» [Словарь, 2005:27]. «Текстема состоит из смыслов, оттенков значения и употребления слов и подтверждающих иллюстраций из произведений М. А. Шолохова» [Словарь, 2005:27].

Своеобразие Словаря, отличающего его от всех прочих лингвистических словарей, проявляется далее в том, что в нем каждая текстема сопровождается очень большим по объему количеством текста, раскрывающим не только ее основное содержание, но и тончайшие оттенки основных значений, зачастую носящие контекстуальный характер. Точнее следовало бы сказать, что многие значения его слов порождаются текстом, выступают как смыслы, наблюдаемые лишь в определенном контексте – в определенном текстовом окружении.

Из сказанного следует, что в Словаре по существу определяются не значения слов или понятия, выражаемые приводимыми словами, как это делается в обычных лингвистических словарях, а соответствующие словам *концепты* в их современном понимании.

Таким образом, языковым эквивалентом *концепта* является *текстема*, представляющая собой не отдельную единицу, а множество единиц, способных в совокупности представить предельное в данный момент знание о предмете, которое, разумеется, является сугубо индивидуальным, но содержащим в себе общий свойственный данному обществу культурологический компонент.

Используемая литература

1. Вернер Г. К. Акцентированные сравнительные словарные материалы по современным енисейским диалектам//Языки и топонимы.- Томск, 1977.

2. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение.- М.-Л., 1965.
3. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике.-Том I-II.-М., 1958.
4. Словарь языка Михаила Шолохова.-М., 2005.
5. Смотрова Т. Г. Концепты *победа* и *поражение* в статической и динамической картинах мира. Автореф. диссерт. канд. филол. наук.- Таганрог, 2005.
6. Чесноков П. В. Языковая картина мира «на материале сравнения немецкого и русского языков»//Россия-Германия:диалог культур.- Таганрог, 2003.

О. А. Честникова
(Ростов-на-Дону)

РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Когда люди говорят друг с другом, они создают некий текст. Этот текст строится по законам языка, и отдельные предложения-высказывания в нем взаимодействуют с грамматической и смысловой стороны. И тексты, и их элементы — высказывания бывают очень многообразными в зависимости от различных причин: письменной или устной формы речи, контактного или дистантного положения собеседников, конкретного или обобщенного адресата, предназначенности для официального или неофициального сообщения, тематики и многого другого. Все многообразие высказываний трудно классифицировать, но можно с полным основанием сказать, что среди них есть такие, которые составляют особую группу стереотипов, устойчивых формул общения. Стереотипы, устойчивые формулы не возникают заново в каждом акте речи, а воспроизводятся как единицы, отложившиеся и хранящиеся в нашем языковом сознании в виде готовых типизированных фраз.

Под речевым стереотипом понимается отрезок высказывания (или целое высказывание), включенное в контекст, представленный «свободными» компонентами высказывания (или целыми высказываниями).

Стереотип (от др.-греч. στερεός — твёрдый, пространственный и τύπος — «отпечаток»). Изначально «стереотип» — метафора относи-

тельно мышления, пришедшая из типографского дела, где стереотип — монолитная печатная форма, копия с типографского набора или клише, используемая для ротационной печати многотиражных изданий. В современной науке существуют различные определения понятия «Стереотип», в зависимости от методологического направления научной школы. [Википедия, интернет]

Стереотип в лингвистическом смысле жестко определяет, какими языковыми единицами надо обозначать информацию, а также требует, чтобы все, что адресант хочет передать адресату, было выражено открыто, названо словами.

Стереотип - это необходимое явление, потому что это самый короткий путь для выражения и получения информации, на его основе осуществляется преемственность в определенной области речевой культуры. Однако стереотип не является единственным способом выражения информации в ситуациях общения.

Стереотипы представляют собой готовые формулы не только с точки зрения их морфолого-синтаксической структуры, но и с точки зрения их лексической наполненности» [Заборовская, 2009, интернет].

Речевые стереотипы, как и жесты, относятся к области бессознательных социокультурных стереотипов.

Речевые стереотипы отличаются социально-ролевой обусловленностью. Они несут информацию о ролевых характеристиках: об индивидуальных свойствах, о социально-групповых признаках. Особое внимание уделяется связям языка и культуры. Сложность соотношения этих факторов проявляется в том, что все они соотносятся с понятием накопленного социального знания, которое выражается с помощью языка. Наиболее заштампованные привычки проявляются именно в стереотипных высказываниях, которые могут рассматриваться как коммуникативные символы речевого поведения. Поскольку эти символы представляют собой результат накопленного культурного и речевого опыта, их можно рассматривать как концепты коммуникативных речевых знаний: типичный говорящий в типичной ситуации использует речевой стереотип для моделирования коммуникативных отношений. [Муравьева, интернет]

Речевые стереотипы обыкновенно связаны с операцией правильного выбора средств в соответствии с целью высказывания. Этот выбор зависит от традиции и истории народа и подразумевает овладение нормами пользования.

Речевое клише-стереотип всегда вносит в высказывание дополнительную смысловую строку, если оно входит в отношения синтагматического контраста с неклишированными компонентами. [Кругосвет, интернет]

Стереотипные фразы содержат коммуникативно-значимую информацию, которая присутствует в каждом высказывании и на всем протяжении коммуникативного взаимодействия. Ритуальный характер этой информации обусловлен тем, что форма и функция конвенциональных сигналов является устойчивой и регулярной, то есть предсказуемой в рамках определенных коммуникативных ситуаций. [Кутькова, интернет]

Речевые стереотипы являются единицами особого рода: будучи воспроизведенными в речи, они, с одной стороны, реализуют заключенное в них в концентрированной форме коммуникативное значение, немислимое вне конкретной коммуникативной ситуации, а с другой - моделируют коммуникативную ситуацию.

Стереотипность употребления единиц приобретается вследствие того, что коммуникативный контекст закрепляет за ними особое коммуникативно-функциональное значение, которое при массовом повторении становится общепринятым.

Речевые стереотипы являются наиболее привлекательными для говорящего в силу своей лаконичности, закреплённости за конкретной ситуацией, что в целом, удовлетворяет требованию универсального принципа экономии средств словесного выражения. Данный класс единиц представляет собой явление национально-культурного накопления опыта, и важность для специалистов знаний в этой области очевидна.

Как строевой элемент диалогической реплики речевой стереотип выступает в роли сигнала коммуникативных установок говорящего, выполняя в процессе взаимодействия коммуникантов определенную коммуникативно-прагматическую функцию. В ходе речевого взаимодействия задействованное в нем стереотипное высказывание проявляет такие свойства как: информативность, целевая направленность, структурная организованность, соотносённость с денотативно-референтной ситуацией, способность моделировать коммуникативную ситуацию. [Кутькова, интернет]

Речевой стереотип представляет собой устойчивое отношение к сходному типу людей и событий, к повторяющимся явлениям и отражает регулярность сопутствующих им реакций сознания. Поэтому ре-

чевой стереотип вызывает у коммуникантов то отношение, которое появляется только в привычных, повторяющихся ситуациях, и полностью понятно только данной социальной группе. Речевые стереотипы – не только понятны определенной социальной группе, но и с их помощью человек спонтанно, не задумываясь, выражает в повседневной жизни различные оценочные отношения внутри своей группы.

Речевые стереотипы порождают устойчивые схемы восприятия, толкают адресата к привычной схеме коммуникативного поведения. Чтобы понять, почему это происходит, надо увидеть разницу между "пониманием" и "узнаванием". "Понимание" предполагает извлечение, получение нового знания о некотором объекте. "Узнавание" же связано с наличием у человека определенного знания о некотором объекте, с известным объектом. Узнавание предмета состоит в том, что в нашей памяти восстанавливается запечатленный там мысленный образ предмета в результате повторного воздействия на нас этого предмета. Чем ярче, сильнее, устойчивее признаки, на основе которых сопоставляется предмет и мысленный образ этого предмета, хранящийся в памяти, тем острее и адекватнее осуществляется процесс узнавания. Но этот процесс не предполагает осмысления предмета, ведь привычная схема действий, как известно, перестает требовать осмысления своего содержания (если мы знаем, как пользоваться компьютером, мы не обязаны понимать принципы его функционирования). Поэтому у человека в общем не может само по себе возникнуть желание понять то, что привычно, то, что он узнаёт, опознаёт.

Точно так же речевые стереотипы не требуют понимания. Читая текст, построенный на стереотипах, люди усваивают его содержание не потому, что они его понимают, а просто потому, что они верят в то, что именно так его надо понимать, потому что до сих пор именно так им удавалось понимать подобным способом отобранную и представленную информацию. В итоге адресат не понимает текст, а просто узнает, потому что у него возникает ощущение, что "это уже было", возникает гипноз "знакомое содержание", адресат автоматически "схватывает" информацию и не осмысляет ее. [Муравьева, интернет]

Таким образом, речевой стереотип представляет собой лингвистическую единицу, которая с точки зрения семантики адекватно отражает объективную реальность в типичных ситуациях, с точки зрения синтаксиса обеспечивает корректность связей с другими единицами высказывания, с точки зрения прагматики служит успешности коммуникации. Речевой стереотип – это экономный способ обобщенного от-

ражения в речи явлений действительности и людей в типичных, привычных ситуациях. К основным функциям речевых стереотипов относятся: неосознаваемая индивидом передача мыслей в процессе общения, обобщенное отражение повторяющихся явлений действительности, экономия речевых усилий с целью защиты нашего сознания, регулирование поведения участников общения. Речевой стереотип определяется нами как готовая речевая формула, быстро и экономно передающая общезначимое и общепонятное содержание в типичных ситуациях общения, выбирая которую автор формирует положительное, нейтральное или отрицательное отношение у читателей к речевому событию. Речевые стереотипы делятся на следующие разряды: формирующие положительное отношение – публицистические и ситуационные клише, формирующие нейтральное отношение – общенаучные и специальные речевые стереотипы, метатекстовые выражения, формирующие отрицательное отношение – публицистические штампы.[Одарюк, интернет]

Использованная литература

1. Заборовская С. В. Стереотипы в обыденном дискурсе. / [Педагогические издания](#) / [е- журнал «Педагогическая наука: история, теория, практика, тенденции развития»](#) / [Архив номеров](#) / [Выпуск №2 \[2009\]](#)[электронный ресурс http://intellect-invest.org.ua/rus/pedagog_editions_emagazine_pedagogical_science_arhiv_pn_n2_2009_st_6/Дата обращения: 24.07.2010
2. Кутькова А.В. Речевые стереотипы и проблемы речевого общения / А.В.Кутькова // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. [К.Р.Галиуллина](#), [Г.А.Николаева](#). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2. – С.5-7
3. Кутькова, Анастасия Владимировна . Диссертация. Речевые стереотипы как средство поддержания контакта : На материале пиренейского варианта португальского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.05 Москва, 2006 [электронный ресурс:http://www.dissland.com/catalog/rechevie_stereotipi_kak_sredstvo_podderzhaniya_kontakta_na_materiale_pireneyskogo_varianta_portugals.html]. Дата обращения: 24.07.2010]
4. Муравьева Н. В. Язык конфликта[электронный ресурс

<http://www.dere.com.ua/library/muravyeva/03.shtml>.

Дата обращения: 24.07.2010]

5.Одарюк И.В. Эксперимент по определению прагматической значимости речевых стереотипов. [электронный ресурс: windo.edu.ru/window_catalog/pdf2txt. Дата обращения: 24.07.2010]

6.Основа речевого этикета и факторы, определяющие его формирование [электронный ресурс <http://etiket-slovo.narod.ru/1.html> Дата обращения: 24.07.2010]

7.Энциклопедия Википедия [электронный ресурс <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата обращения: 24.07.2010]

8.Энциклопедия Кругосвет. Гуманитарные науки. Лингвистика [электронный ресурс http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KLISHE_RECHEVIE.html Дата обращения: 24.07.2010]

Е.Г. Шайхутдинова
(Уфа)

СЕМАНТИКА ФРАНЦУЗСКОГО НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТОИМЕНИЯ PERSONNE

Категория неопределенности представляет собой противопоставление категории определенности. По мнению Е.М. Галкиной-Федорук обе эти категории не имеют прообраза в материальной предметной действительности и, следовательно, они являются продуктом сознания человека, его мышления при познании реальных явлений. Под неопределенностью она предлагает понимать отсутствие прямого соответствия предмету и его признаков того образа, отражения, образовавшегося в нашем сознании [Галкина-Федорук, 1963: 3,4]. Неопределенное местоимение (НМ) *personne* как нельзя лучше подходит под это определение.

Лексема французского языка *personne* является, словом этрусского происхождения. В 12 веке оно имело значение существительного «театральная маска», позднее стало определять «человека» («*individu de l'espèce humain, être homme, individu mortel*»). В значении близком к местоимению оно встречается не ранее 14 века, и употребляется с частицей *ne*, отрицая наличие человека («*aucun être humain*»). В процессе вовлечения номинативных частей речи и образования нового фонда

слов (в данном случае местоимений) *personne* стало относиться к какому-то неопределенному лицу («quelqu'un à être humain») [Le Robert, 1967: 1410]. В современном французском языке лексема **personne** сохранила свое первоначальное значение и как существительное употребляется в женском роде единственного и множественного числа (1) *Dès que j'ai le nom et l'adresse de cette impudique personne, je vous le fais savoir* (L. Mal.: 906). - Как только я узнаю имя этой распутницы [досл.: бесстыдной персоны], я вам даю знать; (2) *C'est à lui que s'adresse toutes les personnes qui viennent à l'hôtel* (Fant₂: 434). - Именно к нему обращаются все [досл.: все лица] приезжающие в отель; используется также в значении местоимения в мужском роде единственного числа (3) *Non. Personne n'est venu en temps* (L. Mal.: 195). - Нет. Во время никто не пришел.

По мере перестройки существительное *personne*, перейдя в разряд местоимений, утратило свое вполне конкретное вещественное значение. Подобные процессы, происходящие в языке, Г. Гийом предложил называть процессами генерализации и партикуляризации, поскольку они отражают «чередующуюся в уме человека последовательность двух типов движения: обобщающего движения, направленного в сторону всеобщности, и противоположного ему конкретизирующего движения в сторону единичности» [Гийом, 2007: 56]. Значение неопределенности состоит из значения индивидуализации, включающего значения единичности, множественности и собирательности при неконкретной и родовой референции неопределенных дескрипций и значения генерализации, зависящих в каждом конкретном случае от коммуникативного задания [Болдина, 1988: 14]. Диахроническая шкала развития значений лексемы *personne* постепенно переходила от существительного к неопределенному местоимению, но как отмечалось выше в современном французском языке сохранила значения как существительного так и НМ. Поскольку предметом данной статьи является НМ *personne*, то рассмотрим его более подробно.

В результате обновления фонда местоимений, *personne* приобрело значение местоимения обобщающего характера. В ходе эволюции языка его использование в отрицательном предложении с частицей *ne* способствует приобретению *personne* негативной окраски.

(4) *Ces diams, je croiais que personne ne savait que j'en avais la garde* (L. Mal.: 992). – Что касается этих драгоценностей, я думал, что никто не знал, что они у меня под охраной.

(5) *C'est vrai, je ne voulais effrayer personne* (G. Leroux: 75). - Правда, что я не хотел никого пугать.

(6) *Alors, tout à coup, il réfléchit qu'elle avait peut-être besoin de secours, que personne sans doute ne pouvait la soigner...* (Maup. Une vie: 157). – Но вдруг он подумал, что ей, может быть нужна помощь, что никто без сомнения не мог о ней заботиться...

Е. Лёфстет предлагает назвать местоимения или наречия, превратившиеся в частицу, имя или подобное слово, которые употребляются в преимущественно в отрицательных предложениях, «дополнительными словами» [Löfstedt E., 1933: 275].

По утверждению Л. Кледа, негативный оборот ne...personne является неделимым. В сознании носителей языка он не разделяется на собственно отрицание и позитивный элемент неопределенной соотнесенности, а воспринимается как единое целое [Cledat, 1902: 191].

(7) *J'examinais les lieux. Il n'y avait personne* (L. Mal.: 297). - Я осматривал окрестности. Здесь никого не было.

В приведенном примере (7) «дополнительное слово» personne служит для передачи обобщенно отрицательного значения, где оно не только выражает отрицание, но и обобщает сумму актантов.

Более того, продолжает Л. Кледа, идея отрицания внедрилась в НМ, результатом чего стало их использование в самостоятельном отрицательном значении [Там же].

(8) *Personne sous le lit, personne derrière les meubles, personne! Nous n'avons retrouvé que ses traces.* (G. Leroux: 15). – Никого под кроватью, никого за мебелью, никого! Мы нашли лишь их следы.

(9) *Un soir, je m'aperçus que je n'avais presque plus d'argent. Seule au monde, personne à qui m'adresser* (Cohen: 22). – Однажды вечером я заметила, что у меня почти не было денег. Одна во всем мире, не к кому обратиться.

(10) *Personne ici! Je ne veux personne ici!* (Fant.: 927). – Никого! Я хочу чтобы здесь никого не было!

Приведенные контексты являются эллиптическими, т.е. односоставными предложениями, в которых главный член выражен именем или именным словосочетанием. Именно эллипсис глагола ведет к выпадению ne и отрицательное значение переходит на вторую часть негативного оборота personne, т.е. оно приобретает самостоятельное отрицательное значение.

Изучая систему отрицания современного французского языка, Д. Гаатон пришел к выводу, что «дополнительные слова» употребляемые

в вопросительных, сравнительных, условных, косвенных, в придаточных зависящих от отрицательного главного предложениях, объединяются общим семантическим значением, благодаря присутствующему в этих словах элементу «полной неопределенности»¹ [Gaatone, 1971: 140].

Ж. Дамурет и Э. Пишон предложили назвать «дополнительные слова» в таких контекстах форклюдизмами [Damourette J. Et Pichon E., 1928: 242-250]. Термин «форклюдизм» применяется к фактам, которые говорящий рассматривает как не принадлежащие к действительности [J. Lacan]. В процессе проминализации и преобразования лексемы *personne* в форклюдизм, произошла не только смена ориентации данной лексемы в роли местоимения на полную определенность, но и обретенная возможность передачи как значения «полной неопределенности» так и полного отрицания существования объекта.

(11) *Hélas, Fandor mieux que personne savait qu'il était mort* (Fant: 900). – Увы, Фандор лучше чем кто-либо знал, что он умер.

(12) *La vieille refusa:*

- *Je ne veux pas que personne touche à mon fils!* (Fant: 668). - Старуха отказала: - Я не хочу, чтобы кто-нибудь дотрагивался до моего сына!

¹Термин принадлежит Л. Кледа, который полагал, что значение НМ, свойственное им в приведенных выше контекстах есть значение «полной неопределенности» (Cledat L. 1902₂: 194-195).

(13) *Ecoute voir... Hôtel Beaumarchais, à la Bastoche... Connais personne?.. Oui... Sheila...* (L.Mal.: 874). - Послушайте... Отель Бомарше, на Бастилии... Знаете кого-нибудь?... Да... Шейлу.

Предложенные контексты 11, 12, 13 демонстрируют использование НМ *personne* в качестве форклюдизма и не позволяет причислить данное местоимение к чисто негативным элементам.

Таким образом, в современном французском языке НМ *personne* употребляется для образования негативного оборота с отрицательной частицей *ne*, а также в самостоятельном отрицательном значении. Однако кроме отрицательных предложений НМ *personne* употребляется в перечисленных выше контекстах, выделенных Д. Гаатоном, где утрачивает свое отрицательное значение, приобретая значение «полной неопределенности».

Использованная литература

1. Болдина Л.А. Функционально-семантическая категория определенности/неопределенности в современном французском языке Автореф. дис. к.ф.н., Москва 1988.
2. Галкина-Федорук Е.М. Выражение неопределенности в русском языке неопределенными местоимениями и наречиями// Доклад V международного съезда славистов (София) Изд. Московского ун-та, 1963.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики - 3 изд. Издательство ЛКИ, 2007.
4. Cledat L. Essais de semantique// Revue de philologie francaise 1902 № XVI.
5. Damourette J., Pichon E. Sur la signification psychologique de la négation en français. – "Journal de Psychologie", 1928, №3.
6. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française par P. Robert; Paris, 1967
7. Gaatone, D. Étude descriptive du système de la négation en français contemporain. Genève 1971.
8. J. Lacan http://sobrefulos.blogspot.com/2010/02/seminaire-6-le-desir-et-son_04.html
9. Löfstedt E. Syntactica. Studien und Beiträge zur historischen Syntax des Lateins. Bde I—II. Lund, 1933.

Список принятых сокращений

1. Cohen – Albert Cohen. Belle du seigneur. Gallimard, 1994.
2. G. Leroux – Gaston Leroux. Le mystere de la chambre jaune. Paris. 1996.
3. Fant. – SouvestreP. et Allain M. Fantômas. Edt. Robert Laffont, Paris, 1988.
4. Fant₂ – SouvestreP. et Allain M. Fantômas. Edt. Robert Laffont, Paris, 1989.
5. L. Mal. –Malet L. Les enquêtes de Nestor Burma et les nouveaux mystères de Paris. Edt. Robert Laffont, S.A., Paris, 1985.
6. Maup. Une vie – Ги де Мопассан. Жизнь. Изд. 2-е, на фр.яз, Москва, «ВШ», 1974.

О СТРУКТУРЕ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

Одним из этапов письменного перевода является не только предварительное знакомство переводчика с содержанием текста, но и анализ тех его параметров, которые имеют определенное значение для выбора стратегии перевода. В переводческой практике термин «переводческая стратегия» означает «порядок и суть действий переводчика при переводе конкретного текста» [Алексеева, 2004: 321]. Анализ текста, направленный на определение стратегии перевода, часто называют «предпереводческим анализом».

Проблема содержания такого анализа обсуждалась в работах многих исследователей (И.С. Алексеева [2004], М.П. Брандес и В. И. Провоторов [2001], K.Nord [1999], K. Reiss [2003] и др.). Однако, несмотря на некоторые различия структурного характера, все предлагаемые варианты предпереводческого анализа направлены на выявление жанра и стиля переводимого текста, а также возможных отличий их реализации в разных языковых культурах.

Выполнение предпереводческого анализа имеет большое значение и в процессе обучения письменному переводу, т.к. такой анализ обеспечивает усвоение обучаемыми специфики перевода текстов разных стилей и жанров.

На основании нашего опыта обучения студентов письменному переводу в рамках курса профессионально ориентированного перевода в качестве основы предпереводческого анализа представляется возможным использовать план-структуру предложенную И.С Алексеевой:

1. Внешние сведения о тексте. Это прежде всего: автор текста, время создания и публикации, название и тема глобального текста, если текст перевода представляет собой отрывок. Эти сведения могут повлиять на характер действий переводчика. Так, например, перевод газетной или журнальной публикации может осуществляться несколько позже предполагаемого автором времени ее прочтения реципиентом. Соответственно, такие слова как «сегодня», «вчера», «завтра», «на прошлой неделе» и т.д. должны быть заменены на конкретные даты, чтобы не исказить временную перспективу текста перевода. Если текст написан в публицистическом стиле и при этом указан конкрет-

ный автор, то здесь возможны проявления определенной авторской позиции и даже стиля, которые необходимо адекватными средствами отразить и при переводе.

В этом пункте также важно определить и характер переводческого задания, если, например, переводчик должен выполнить сокращенный перевод, т.е. реферативный или аннотированный.

2.Определение источника и реципиента. Представление об источнике или авторе текста важно для осознания того, что автор очень часто указывается лишь формально и соответственно присутствие черт его индивидуального стиля не является обязательным. Так происходит, например, в текстах научного и официально-делового стиля.

Определение реципиента текста перевода также имеет большое значение. Например, если текст написан в научно-популярном стиле, в нем необходимо сохранить простой синтаксис, яркую образность, доступность изложения. Или, если текст перевода – энциклопедическая статья или руководство для эксплуатации, в них можно использовать разные синтаксические структуры, но нельзя использовать узкоспециальные научные и технические термины, которые могут быть незнакомы реципиенту-неспециалисту.

3.Состав информации и ее плотность. Как известно, каждый тип текста содержит определенный вид информации или даже несколько видов информации, каждый из которых оформляется при помощи определенных языковых средств.

Всего выделяется четыре типа информации:

а) когнитивная информация, которая представлена в тексте средствами, передающими фактическую информацию (имена, фамилии, географические названия, названия фирм, магазинов, предприятий, аэропортов и т.д., даты, числовые данные, термины, слова с конкретной семантикой). Важно знать, что такие средства передаются однозначными эквивалентами, которые в большинстве случаев представлены в словаре. Кроме того, данная информация оформляется, как правило, средствами нейтральной литературной нормы, которую нужно передать средствами, принятыми для данной нормы в языковой культуре перевода.

б) оперативная информация, которая представлена в виде распоряжений, предписаний, рекомендаций и т.д. и выражается формами глаголов в повелительном наклонении, глаголами с семантикой необходимости, модальными словами. Обнаружив такие средства в тексте

оригинала, необходимо их передать адекватными средствами в тексте перевода.

в) эмоциональная информация или оценочная информация, которая представлена эмоционально окрашенными словами, передающими мнения и оценки. Например, в деловом письме это могут быть также приветствия, прощания. При переводе должны использоваться слова и речевые формулы, передающие соответствующие значения в языке перевода.

г) эстетическая информация, которая представлена метафорами, эпитетами, сравнениями, игрой слов, рифмой и т.д. При переводе переводчик также должен воспроизвести элементы эстетической информации соответствующими средствами языка перевода. Однако следует помнить о том, что допустимое количество таких средств в текстах одного и того же жанра может быть неодинаково в разных языковых культурах, что приводит к необходимости использования такого приема как эмоциональная нейтрализация.

Плотность информации является преимущественно признаком когнитивной информации. Средствами повышающими плотность информации являются различные аббревиатуры, сокращения, пропуски второстепенных членов предложения, термины, формулы и т.д. При переводе такие средства необходимо сохранить.

4. Коммуникативное задание текста. Оно может быть сформулировано по-разному: установить контакт, передать информацию, доказать свою точку зрения и т.д. Правильная формулировка коммуникативного задания помогает определить доминанты перевода.

5. Речевой жанр. Данный параметр дает полное представление как оформлен текст. Как правило, речевые жанры интернациональны и не привязаны к определенному языку, поэтому данный аспект анализа может проводиться на материале любого исходного языка и «работает» для другого, переводящего [Алексеева, 2004: 324-329].

План предпереводческого анализа, предложенный И.С. Алексеевой, на наш взгляд, может быть несколько расширен и конкретизирован еще некоторыми параметрами, представляющими важность для перевода, особенно в процессе обучения.

В частности, формулировка коммуникативного задания текста не только помогает определить доминанты перевода, но и позволяет уяснить начинающему переводчику общую стратегию перевода текста.

С этой точки зрения интерес представляет транслатологическая типология текстов, предложенная авторами концепции «Скопос» (К.

Reiss, H. Vermeer, K. Nord и др.). Понятие «транслатологический тип текста» применяется к текстам, имеющим сходные методы перевода. По мнению данных авторов, именно тип текста наиболее правильно подсказывает переводчику «как переводить»[Reiss, 2003: 165].

В рамках данной концепции тексты, подлежащие переводу, делятся на четыре основных типа:

1. Тексты, ориентированные на содержание: сообщения и комментарии прессы, репортажи, коммерческая корреспонденция, патентные сообщения, официальные документы, научные и специальные тексты.

Общая стратегия: при переводе данных текстов важно в первую очередь ориентироваться на передачу информативного содержания.

Языковое оформление перевода должно соответствовать законам и нормам языка перевода, т.к. читатель должен получить его (текст) в привычной языковой форме.

2. Тексты, ориентированные на форму: поэтические произведения, художественная форма. Под словом «форма» понимается способ выражения автором определенного содержания, т.е. то как автор излагает данное содержание, в отличие от случаев, когда на первом плане стоит предмет, т.е. то, что сообщается. Форма оказывает специальное эстетическое воздействие.

Общая стратегия: при переводе следует достигать аналогии формы, равноценного эстетического воздействия. Так, например: образные выражения, метафоры, поговорки подлежат передаче посредством подбора или создания аналогичных форм в тексте перевода.

3. Тексты, ориентированные на обращение: реклама, агитация, пропаганда, полемика, сатира и т.д. Основная цель таких текстов, заключается в воздействии на реципиента, принуждении к определенным действиям.

Общая стратегия: при переводе таких текстов допускается отклонение от содержания и формы оригинала ради достижения запланированного автором воздействия на реципиента. Так, например, при переводе испанских ораторских речей на немецкий переводчику приходится исключать многие атрибуты языковой красоты, чтобы не вызвать у немецкого читателя отрицательного воздействия.

4. Аудиомедиаальные тексты: тексты, распространяемые на радио и телевидение.

Общая стратегия: Метод перевода аудиомедиаальных текстов должен обеспечить равноценное воздействие на слушателя текста перево-

да, что позволяет переводчику производить определенные отступления от оригинала (дубляж фильмов).

Как видно из приведенной типологии, действия переводчика зависят от жанровой принадлежности текста и особенностей его (жанра) реализации в исходной и принимающей языковой среде. По мнению представителей концепции «Скопос» перенос данных традиций в текст перевода может привести к неправильному функциональному отождествлению текста реципиентами языка перевода [Reiss, 2003: 165].

В связи с этим мы полагаем, что в процессе предпереводческого анализа важно не просто определить жанр текста, но и акцентировать внимание на различиях языкового оформления данного жанра в разных культурах. При этом также важно помнить, что культурная специфика может наблюдаться не только при выборе и использовании языковых средств (лексических, грамматических и синтаксических), но также и в композиционной структуре, заголовочных комплексах, графическом оформлении. Так, например, в английских деловых текстах заголовки, как правило, более лаконичны, по сравнению с заголовками в русских деловых текстах. Последние также отличаются большим использованием существительных, т.е. повышенной номинативностью изложения. Данные особенности приводят к необходимости развертывания заголовочных комплексов и заменам частей речи.

Возможно также существование различий в использовании средств когезии и соотношении эксплицитных и имплицитных элементов текста [Nord, 1999: 115 - 119].

Таким образом, план предпереводческого анализа имеет следующую последовательность:

1. Внешние сведения о тексте (автор, время создания и публикации, название и тема текста).

2. Определение источника и реципиента.

3. Состав информации и ее плотность

4. Коммуникативное задание текста

5. Транслатологический тип текста и общая стратегия перевода

6. Доминанты перевода:

- лексические особенности перевода
- грамматические особенности перевода
- синтаксические особенности перевода
- особенности передачи композиционной структуры и заголовков
- особенности передачи средств связи (когезии)

- соотношение эксплицитных и имплицитных элементов текста оригинала и перевода.

Использованная литература

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004.
2. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста: Учебное пособие. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.
3. Nord C. Texts in situations (A functional model for text analysis in translation teaching) // Перевод и лингвистика текста = Translation & Textlinguistics: Сб. ст. / Всепос. Центр переводов; Hogeschool Maastricht. – М., 1994.
4. Reiss K. Type, kind and individuality of text // The translation Studies Reader / Ed. By L.Venuti.- London and New York, 2003.

Е.В. Шапкина
(Челябинск)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ПЕРЕВОДУ

В последнее время увеличение обмена информацией между специалистами и расширение внешнеэкономической деятельности российских предприятий определили необходимость в кадрах, которые могли бы не только осуществлять непосредственные контакты с иностранными партнерами (участвовать в деловых переговорах, работе семинаров и конференций, вести деловую переписку, решать различные производственные вопросы и т.д.), но и выполнять различные виды переводческой деятельности. В связи с этим многие вузы страны предлагают обучение по дополнительной специальности «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Главной целью дополнительной специальности является формирование навыков извлечения необходимой информации из иноязычного текста и передачи ее посредством создания **письменного текста** на языке перевода, т.е. родном языке.

Одной из основных дисциплин обязательного цикла программы, созданной в соответствии с Приказом №1435 Министерства общего и

профессионального образования Российской Федерации от 04 июля 1997 года «О присвоении дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» выпускникам вузов по специальностям высшего профессионального образования», является **практический курс профессионально ориентированного перевода.**

Само понятие «профессионально ориентированный перевод» определяется как средство профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и разновидность специального перевода, связанного со специальными отраслями знания, науки, техники и деятельности человека [Алимов, 2006: 6].

Согласно положениям государственной программы целью учебной дисциплины профессионально-ориентированного перевода является выработка умений обучаемых осуществлять перевод текстов различных стилей и жанров (научного, делового, публицистического (отраслевые газеты и журналы)). При этом выпускники должны уметь выбирать общую стратегию перевода с учетом его цели и характеристики текста-оригинала; адекватно извлекать информацию из текста-оригинала с целью ее передачи средствами другого языка; выбирать оптимальные переводческие решения, используя различные приемы, обеспечивающие смысловую, стилистическую и прагматическую адекватность перевода тексту-оригиналу; производить трансформации различных видов (перестановки, замены, добавления, опущения, перефразирования) и т.д. [Программа, 1999: 14].

Следует отметить, что структура обучения и последовательность формирования данных навыков и умений не имеет четкого описания в современной дидактической литературе. В связи с этим данная проблема носит открытый и часто дискуссионный характер, а ее решение требует накопления результатов практического опыта преподавания и его тщательного анализа.

В данной публикации представляется возможным предложить для обсуждения основные этапы и их содержание при обучении профессионально ориентированному переводу, определяемые на основе опыта преподавателей кафедры английского языка Южно-Уральского государственного университета.

Обучение профессионально ориентированному переводу в ЮУрГУ осуществляется в течение V, VI, VII и VIII семестров. При этом каждый из четырех семестров представляет собой определенный этап формирования навыков и умений студентов.

1 этап (V семестр)

Целью данного этапа является формирование навыков перевода грамматических явлений языка перевода с применением различных переводческих приемов и трансформаций. В первую очередь рассматриваются те грамматические явления, которые, как правило, вызывают трудности при переводе в результате их отсутствия или каких-либо иных несовпадений в системе двух языков и, как следствие, приводят к искажению смысла текста оригинала. К таким явлениям, на наш взгляд, можно отнести: случаи отступления от прямого порядка слов (инверсия английского предложения), слова-заместители, артикли, различные конструкции с инфинитивом и причастием I, II, сослагательное наклонение, модальные глаголы, некоторые случаи использования форм страдательного залога, роль запятой в английском предложении, придаточные предложения в роли различных членов предложения и т.д.

Во время занятия студенты под руководством преподавателя тщательно разбирают вопросы перевода того или иного грамматического явления, а также подробно проверяют и анализируют перевод, выполненный письменно в качестве домашнего задания.

2 этап (VI семестр)

Целью данного этапа является формирование навыков перевода текстов научного стиля по основной специальности студентов. Сначала для перевода берутся учебные тексты, т.к. они являются наиболее простыми и с точки зрения понятийного содержания, и с точки зрения использования грамматических и синтаксических конструкций. Затем постепенно происходит переход к переводу более сложных научных текстов – публикаций из сборников научных статей, монографий и т.д.

Во время занятий студенты под руководством преподавателя подробно разбирают варианты перевода текстов, выполненных студентами письменно дома. При этом проверяется не только правильность передачи содержания текста оригинала, но и выполняется стилистическая правка предлагаемых вариантов, а также определяются виды выполненных студентами переводческих приемов и трансформаций. Следует отметить, что занятие носит характер свободной дискуссии, в ходе которой все студенты могут высказывать свои мнения по поводу правильности перевода того или иного студента, а также предлагать свои варианты.

3 этап (VII семестр)

Целью данного этапа является формирование навыков перевода текстов публицистического стиля (отраслевая публицистика), т.е. газетно-журнальных публикации той отрасли знания, к которой относится основная специальность студентов.

В качестве учебного материала берутся публикации из отраслевых периодических изданий, интернет-журналов.

Во время занятий студенты под руководством преподавателя также тщательно разбирают письменные переводы, проверяют правильность передачи содержания и их стилистическое оформление, определяют виды переводческих приемов и трансформаций.

Кроме того, на данном этапе студенты должны самостоятельно подобрать и сделать полный перевод подборки статей объемом 25-30 тыс. печатных знаков. Проверка таких переводов осуществляется преподавателем индивидуально у каждого студента в специально отведенное время.

4 этап (VIII семестр)

Целью данного этапа является формирование навыков перевода текстов официально-делового стиля, а также реферативного и аннотированного перевода.

В качестве учебного материала берутся тексты деловой корреспонденции. На примере данных текстов отрабатываются также навыки перевода с листа, т.е. консультативного перевода.

Отработка навыков реферативного и аннотированного перевода осуществляется на текстах научного и публицистического стилей. Сначала работа над данным аспектом происходит на занятии под руководством преподавателя (2-3 занятия), а затем выносится на самостоятельную работу. Выполненные самостоятельно переводы сдаются преподавателю в специально установленные сроки и являются одним из условий получения зачета по дисциплине.

На данном этапе также в содержание самостоятельной работы входит подборка и перевод студентами материала (тексты по основной специальности) объемом 50-60 тыс. печатных знаков. Перевод данного материала также проверяется преподавателем индивидуально у каждого студента в специально отведенное время.

Использованная литература

1. Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие. Изд. 4-е, испр. – М.: Ком Книга, 2006.

2. Программа подготовки переводчика в сфере профессиональной коммуникации (для вузов неязыковых специальностей). - Московский государственный лингвистический университет, М, 1999.

3. Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфер профессиональной коммуникации: Учебное пособие. Изд. 4-е, испр. – М.: Ком Книга, 2006.

4. Программа подготовки переводчика в сфере профессиональной коммуникации (для вузов неязыковых специальностей). - Московский государственный лингвистический университет, М, 1999.

Н. Г. Щитова
(Таганрог)

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ АМЕРИКАНСКИХ ПОДРОСТКОВ **(на материале романа Стефани Мейер «Семерки»)**

В последнее время внимание как зарубежных, так и отечественных лингвистов и литературоведов сфокусировано на художественном тексте, при исследовании которого коммуникативный и информационный аспекты функционирования языковых элементов занимают лидирующие позиции. По нашему мнению, понимание своеобразия современной социокультурной ситуации требует обращения к различным типам текстов, в том числе к текстам, «которые читают все». По данным социологов, массовая литература сегодня составляет 97% литературного потока [Гудков, 1996: 43]. Массовая литература по определению создается в соответствии с запросами массового читателя, нередко далекого от основных направлений культуры. Но ее активное присутствие в литературном процессе эпохи – своеобразный знак социальных и культурных перемен, происходящих в обществе. «Обращение современной филологии к обыденной речи, к речевым произведениям, создаваемым "здесь и сейчас", знаменательно и согласуется с антропоцентрическими устремлениями современной науки. Этим же обусловлен и интерес к массовой литературе, издаваемой миллионными тиражами и ставшей неотъемлемой частью языкового существования общества» [Черняк, 2003: www.gramota.ru/].

Материалом нашего исследования является текст первой книги из серии романов о вампирах «Сумерки» современной американской писательницы, Стефани Морган Мейер (англ. Stephenie Morgan Meyer). Ее произведения пользуются огромным спросом среди подростков во всем мире, они переведены на 37 языков (включая русский язык) и скупаются миллионными тиражами (только в США продано свыше 8 миллионов экземпляров) [<http://ru.wikipedia.org/wiki/>]. Однако многие авторы критикуют романы Мейер, мотивируя это ее низкими писательскими способностями, обвиняя в плагиате и отсутствии какого-либо смысла в тексте. Американский писатель - фантаст Стивен Кинг, сравнивая творчество С. Мейер и Дж. Роулинг, отмечает: “Both Rowling and Meyer, they’re speaking directly to young people... The real difference is that Jo Rowling is a terrific writer and Stephenie Meyer can’t write worth a darn. She’s not very good” [<http://www.msnbc.msn.com/id/29001524>]. По его мнению, оба автора, пишут для одной и той же целевой аудитории, для молодёжи. Настоящая разница между ними заключается в том, что Роулинг – замечательная писательница, а Стефани Мейер не может написать ничего стоящего. «Выстроить единое представление о том, что есть американская словесность сегодня, практически невозможно: она многолика и сложна, как общество и культура, продуктом которых она является» [Глостанова, 2007: <http://www.lgz.ru/article/7914>].

Несмотря на смешанные отклики в прессе, книги Мейер приобрели среди молодёжной аудитории культовый статус. Сама тема «вампиризма» не нова, но Мейер удалось представить ее «в новой огранке», «освежить», и эта новизна многим читателям пришлась по вкусу. На наш взгляд сага Стефани Мейер вызывает такое противоречивое отношение из-за разного уровня притязаний и ожиданий, как со стороны автора, так и со стороны читателей. Постичь особенности массовой литературы, «...своеобразие жанров и поэтики - значит не только определить сущность этого социокультурного феномена, выявить сложные взаимоотношения "большой" и "второразрядной" литературы, но и проникнуть во внутренний мир нашего современника, его языковое сознание» [Черняк, 2003: www.gramota.ru/].

В рамках нашего исследования интерес представляет тот неопровержимый факт, что в «Сумерках» явно ощущается направленность на подростковую аудиторию. Главные герои произведения – американские старшеклассники (Mike Newton, Jessica Stanley, Angela Weber, Ty-

ler Crowley и др.). Роман написан от первого лица, от лица современной семнадцатилетней девушки Беллы Свон (Bella Swan). Книга по стилю письма действительно напоминает дневник подростка или разговор школьницы с подругой. Типичные темы повседневного общения американских подростков это: друзья (boy-friends, girl-friends), кино, музыка, вечеринки, одежда, учеба, хобби. Позволим себе предположить, что анализ лексики, построения фраз в диалогах, юмора, выражения положительных и отрицательных эмоций и др. помогут извлечь и интерпретировать явную и скрытую информацию о речевом и социокультурном портрете американских подростков.

Как отмечал Л.Х. Лустре, одной из ключевых проблем языкознания является соотношение языка и речи [Лустре, 1987: 21]. Текст – это явление языка, так как состоит из языковых элементов. Но, в то же время, текст – это продукт речевой деятельности, так как языковые средства используются в речи и служат целям коммуникации. Речевые формы и типы изложения являются основными компонентами речевой структуры художественного произведения. Традиционно речевыми формами считаются повествование, рассуждение, описание, а типами изложения – авторская речь, несобственно-прямая речь и диалогическая речь персонажей. Создавая образы тех или иных персонажей, автор литературного произведения наделяет их речевыми характеристиками. Таким образом, возникает возможность говорить о речевом портрете персонажей или о своеобразном идиостиле каждого героя.

Особое внимание исследователи уделяют изучению социально-маркированных способов выбора и употребления языковых средств и особенностей речевого поведения членов определенной группы (Т.И. Ерофеева, Л.П. Крысин, Т.М. Николаева и др.), что также актуально в рамках нашей работы. По словам Н. Мейнерта, «там, где молодые люди чувствуют собственную специфичность, пусть даже и кажущуюся, возникает потребность и в собственной форме самовыражения, в своем языке, с помощью которого можно общаться со сверстниками, определять отношение к окружающему» [Мейнерт, цит. по: Парфенов, 1990: 150].

Наиболее яркими особенностями современного молодежного лексикона персонажей романа являются, на наш взгляд, следующие:

1) Формулы приветствия, прощания, знакомства: *Hi! Hey! Hello! Great day! Good luck! Okay! That's okay! Night! Bye! See you later! Have fun!* Например:

“Hey, Eric,” I called.

"Hi, Bella."

"What's up?" (p. 76).

2) Междометия:

а) первичные: *Wow! Oh! Huh! Er! Ew! Yeah! Ow! Umm! Well! Grr! Whoops! Mm-hm! Ugh! Uh-oh!*

б) производные (не так четко выделяются, как первичные): *Heavens! Holly crow! Bless me! Come on!*

3) Прозвища, уменьшительно-ласкательные имена, часто встречающиеся в общении подростков: *Shiny Volvo owner, Chess Club Eric, Mike-schmike, Isabella - Bell; Lauren - Lau;*

Jessica - Jess; Michael - Mike; Angela - Angi. Отмечена тенденция называть родителей по именам – *Renee, Charlie, Phil* вместо *Mom, Dad.*

4) Аббревиатуры, сокращенные названия учебных дисциплин, других реалий повседневной жизни американских подростков: *Trigonometry - Trig; Mathematics - Math; Physical Education - P.E.; Gymnasium - Gym; promenade (the spring dance) - the prom; professional - pro; Coca-Cola - Coke; compact disk - CD; Video Cassette Recorder - VCR; BMW; AM; FM; TV; RN; ID.*

5) Употребление молодежного жаргона: *pretty crazy stuff, guy, to be shocked, to be okay, to look kind of mad, to be kidding.* Для описания внешности, черт характера используется следующая лексика с положительной коннотацией: *gorgeous, cool, pretty* и отрицательной: *crazy, mad, pushy, weird.*

Речевая характеристика (или речевой портрет) – это средство художественного изображения персонажей, заключающееся в подборе особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений, то есть подчинение естественной речи художественной, по словам Н.Н. Михайлова [Михайлов, 2006: 42]. Для этой цели используются как слова и синтаксис книжной речи, так и просторечная лексика и необработанный синтаксис. Приведем отрывок из разговора Беллы Свон и Эрика:

"So, this is a lot different than Phoenix, huh?" he asked.

"Very."

"It doesn't rain much there, does it?"

"Three or four times a year."

"Wow, what must that be like?" he wondered.

"Sunny," I told him.

"You don't look very tan."

"My mother is part albino." (p.16).

В речи героев произведения Стефани Мейер постоянно звучат небрежно оформленные, упрощенные синтаксические конструкции, имеют место усеченные формы вспомогательных глаголов, эллиптичность, свидетельствующие об экономии речевых усилий:

"Regret? Regret for what?" (p. 75).

"Do you want a ride to Seattle?"

"With who?" (p. 83).

"So, you're, what, sixteen?" I asked. (p.122).

Паузы, позволяющие говорящим выиграть время для подбора нужных фраз или, со стороны автора, передать читателю эмоциональное состояние персонажей:

"They ... the kids ... are a little different. They don't seem to fit in very well at school". (p. 36)

"It's ... complicated". (p. 48).

"I was wondering if ... well, if you might be planning to ask me... " (p.72).

Таким образом, к характерным чертам общения американских подростков в романе Стефани Мейер «Сумерки» можно отнести неофициальность, непринужденность, неподготовленность, эмоционально – экспрессивную окрашенность речи героев, отсутствие предварительного отбора языковых средств, зависимость от ситуации коммуникации, от характеристик и взаимоотношений говорящих. В речи каждой социально - возрастной группы (в нашем случае - молодежной) реализуются специфический для нее набор языковых единиц и различные приемы общения, свойственные данной группе и выделяющие речь ее представителей в обществе.

Использованная литература

1. Гудков Л.Д. Массовая литература как проблема. Для кого? // Новое литературное обозрение, 1996, № 22.
2. Лустре Л.Х. Речевая структура сверхфразовых единств в художественном тексте //Стилистика разговорной речи в иностранной художественной прозе. Ростов н/Д, 1987.
3. Meyer St. "Twilight" Little, Brown and Company, USA, 2005. - Ссылки на это издание в тексте статьи даны в круглых скобках.
4. Михайлов Н.Н. Теория художественного текста. М: Академия, 2006.

5. Парфенов Л., Чекалова Е. Нам возвращают наш портрет: Заметки о телевидении /– М., 1990.
6. Тлостанова М. В. Американских литератур – множество. 2007.
<http://www.lgz.ru/article/7914>
7. Черняк В. Д., Черняк М. А. Заглавия массовой литературы и речевой портрет современника. 2003.
http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_298
8. <http://www.msnbc.msn.com/id/29001524>.
9. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Е.Б. Яковенко
(Москва)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА В БИБЛЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В настоящее время вполне закономерным является выделение библеистики в самостоятельную научную дисциплину. Библеистика в широком смысле понимается как «историко-филологическая наука, изучающая Библию как литературное произведение посредством текстологического и литературного анализа» [Православная энциклопедия, 2002, 168]. В более конкретном смысле библеистика понимается как «совокупность дисциплин, занимающихся исследованием текстов Библии и их интерпретацией. К числу современных библейских дисциплин относятся библейская филология (изучающая древние языки, используемые в оригинале Священного Писания), библейская критика (определяющая аутентичность библейских текстов и исправляющая возможные неточности, а также изучающая библейские жанры и стили), экзегетика (занимающаяся интерпретацией библейских текстов), библейское богословие (обобщающее и систематизирующее результаты экзегезы и выделяющее различные этапы развития богословских идей)» [Католическая энциклопедия, 2002, 576-577]. Библейский перевод, опираясь на достижения библейской экзегезы и герменевтики, развивается как теоретическая и прикладная дисциплина в составе библеистики.

За рубежом библеистика и библейский перевод достигли значительных успехов в интерпретации библейских текстов (Дж.Бар,

Э.Буллинджер, Дж.Керд, Э.Тов, Б.Мецгер, Дж.Вайнгрин и др.), создании общей теории библейского перевода (К.Аланд, Я. де Ваард, Ю.Найда и др.) и подготовке новых переводов. В современной библеистике выработан целый ряд подходов к изучению текстов Библии (обзор см. [Верещагин, 2000, 228-260]). Проблемам библеистики и библейского перевода посвящен ряд специализированных научных журналов: *Biblica*, *Catholic Biblical Quarterly*, *Journal of Biblical Literature*, *New Testament Studies*, *The Bible Translator*, *Revue Biblique*, *Vetus Testamentum*, *Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft* и др.

В настоящее время Библия, являясь предметом научных дискуссий, находится в поле устойчивого интереса лингвистов. Анализ лексики различных переводов Библии создает объективные сложности и для лексикологов, и для специалистов в области библейской герменевтики и библейского перевода, так как требует, с одной стороны, обращения к текстам-первоисточникам, глубокого знания культурно-исторического фона Библии и основ христианского учения, а с другой стороны, секулярного подхода к сакральной лексике, подразумевающего объективность и беспристрастность научного описания.

В России рост библейских исследований практически совпал по времени с утверждением когнитивной парадигмы в языкознании, пришедшей на смену структурной парадигме. Пик отечественной когнитивной лингвистики также приходится на рубеж XX-XXI столетий, при этом два направления развивались и продолжают развиваться независимо друг от друга. Тем не менее между ними возможны не только точки соприкосновения, но и активное взаимодействие.

Рассматривая важнейшие положения когнитивной лингвистики, отметим, что она развивается в общем русле когнитивизма, или когнитивистики – «федерации дисциплин» (В.З.Демьянков), науки, словно под «зонтиком» собирающей дисциплины, цель которых – изучение процессов, так или иначе связанных со знанием и информацией и реализующих, таким образом, особую междисциплинарную программу [Кубрякова, 1994, 35]. «Когнитивная лингвистика» – направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм. В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации» [Демьянков, 1994, 21]. В когнитивной лингвистике процессы, связан-

ные с познавательной деятельностью человека, мировосприятием и миропониманием, рассматриваются через призму языковых явлений.

Современная когнитивная лингвистика представлена за рубежом работами Ч. Филлмора, М. Минского, Дж. Лакоффа, Ф. Джонсон-Лэрда, Р. Лангакера, Р. Джекендоффа, Ж. Фоконнье и др., в России – трудами Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия, В.З. Демьянкова, В.В. Петрова, А.В. Кравченко, В.В. Красных, В.И. Карасика, И.А. Стернина и др. Важнейшими достижениями когнитивной лингвистики являются разработка учения о концептуальной и языковой картинах мира и исследование глубинного содержания термина «концепт».

Во многих работах по когнитивной лингвистике, где на первое место выходит идея структурированности когнитосферы, подчеркивается, что когнитивная сфера не является простой совокупностью концептов: последние создают концептуальную картину мира, объединяясь в концептуальные структуры, вписываясь в так называемые фреймы (сценарии, когнитивные схемы или модели). Во всяком случае, остается общепризнанной способность концептов структурировать знание и, в свою очередь, подвергаться структуризации.

Описывая языковые процессы в неразрывной связи с когнитивными, исследователи если не отождествляют языковые и гносеологические категории, то во всяком случае подчеркивают их тесную взаимосвязь и зависимость первых от вторых. Общеетеоретические положения этого подхода нашли широкое применение в зарубежной и отечественной науке. Тем не менее отечественные исследователи, признавая вклад когнитивной лингвистики в раскрытие означаемых языковых единиц, изучение когнитивных процессов, стоящих за языковыми явлениями, предостерегают против неправомерного выхода за рамки своей дисциплины лингвистов, декларирующих в качестве своей цели моделирование концептов: последним занимается нелингвистическая дисциплина – когнитология. Что касается когнитивной лингвистики, то ее предметом должна быть «семантика единиц, *репрезентирующих* в языке тот или иной концепт» [Попова, Стернин, 2001, 20].

Для лингвокультурологического направления в когнитивной лингвистике характерно именно изучение языковых средств, используемых конкретным языком для объективизации определенных концептов, и того национально-культурного фона, на котором эти концепты формируются. Данное направление восходит в первую очередь к идеям Вильгельма фон Гумбольдта, первым связавшего содержательную

сторону языка с «народным духом» – духовной жизнью, культурой народа. Эти идеи были в дальнейшем развиты в неогумбольдтианстве, уделявшем большее внимание функционированию языка как особого промежуточного мира между человеком и объективной реальностью, а также особенностям членения мира конкретными языками.

Следуя лингвокультурологическому направлению когнитивной лингвистики, мы видим в концепте совокупность языковых и культурно-языковых данных и считаем возможным применять соответствующий термин по отношению ко всему множеству признаков, составляющих данную структуру знания, в том числе и тех признаков, которые не получают непосредственного языкового воплощения. Концепт соотносится с определенным отрезком объективной действительности, воплощается (хотя и не полностью) в языковом знаке или знаках и может быть в определенной степени «смоделирован» через свое языковое выражение и знание о соответствующем отрезке действительности. Как явление идеальное он никогда не может быть окончательно постигнут и описан. Однако при этом его определенный фрагмент может быть получен на основе только языковых данных.

Моделирование концептов с помощью языковых и культурно-языковых данных представляет основную задачу концептуального анализа. «Несмотря на то, что семантический анализ отдельного слова и его концептуальный анализ обнаруживают немало точек соприкосновения, их различие сказывается в том, что первый направлен на установление языкового значения и форм его реализации в виде определенной совокупности денотативных, сигнификативных и коннотативных компонентов значения, тогда как концептуальный анализ предполагает скорее поиск тех концептов, которые подведены под тело одного знака, или той когнитивной сферы, которая охвачена знаком» [Кубрякова 1990, 46]. Концептуальный анализ как метод исследования имеет несколько разновидностей, в которых в зависимости от того, какие концепты подлежат рассмотрению, превалирует внеязыковая или же языковая направленность.

Принципы и методы когнитивной лингвистики могут найти применение в анализе текстов Библии и, более конкретно, в изучении лексики библейских переводов. Лингвокультурологический подход к анализу библейских текстов, выступающий как разновидность лингвокогнитивного подхода, представляется вполне правомочным. «Конструирование объекта лингвокультурологии, в предметную область которой входят две разные, но интерактивно взаимопроникающие друг в

друга семиотические системы – язык и культура» [Телия, 2004, 21], имеет двустороннюю направленность. Лингвокультурологический анализ переводов Библии предполагает, во-первых, выявление концептуализированных сущностей, имевших культурную значимость в эпоху создания книг Библии и сохраняющих эту значимость в современную эпоху, во-вторых, описание тех языковых знаков, с помощью которых в языках-первоисточниках и языках перевода осуществляется референция к соответствующим предметным областям.

В Библии культурно значимыми оказываются рассматриваемые в религиозном аспекте морально-этические и ценностные установки, а также явления внутреннего мира человека, почти недоступные внешним наблюдениям. Их анализ представляет особую сложность. «Описание мира духовной культуры предполагает рассмотрение в тесной взаимосвязи трех ее важнейших составляющих: *реалий* (вещей, жизненных ситуаций, мифологем), значимых для данной культуры и концептуализируемых в ее пространстве, *концептов* (понятий и образов) как их смысловых отображений, образующих концептосферы миропредставлений данной культуры, и, наконец, *ключевых слов* языка культуры, воплощающих эти концепты. Наиболее глубокую, сокровенную и трудно уловимую часть мира духовной культуры составляют ее концепты, которые лишь частично объективируются в лежащей в ее основании картине мира» [Постовалова, 2002, 608].

Термин «библейская картина мира» также требует пояснений. В отношении Библии следует различать когнитивную картину мира (вернее, две картины, представленные в Ветхом и Новом Завете) и языковую картину мира, представленную в первоисточниках и в каждом конкретном переводе. Когнитивная библейская картина мира – та совокупность знаний о мире, которая была создана в отдаленную от нас эпоху и которая – в силу огромного временного и культурного разрыва – никогда не будет полностью постигнута современным читателем. Библейская языковая картина мира создается всем текстом Библии (первоисточником или переводом). Это часть (и, по-видимому, значительная) когнитивной библейской картины мира, постижимая через язык. Библейская языковая картина образована совокупностью слов в прямых и переносных значениях, фразеологизмов, конструкций, через которые раскрываются те или иные знания и представления. Концепт является частью когнитивной картины мира, но реализует себя в единицах, входящих в языковую картину мира.

Что касается различия концептуальных и языковых картин мира в первоисточниках и переводах, это проблема, требующая дальнейшего рассмотрения. В первоисточниках, по-видимому, концептуальная и языковая картины образуют единство, поскольку в первоисточниках мысль выражается наиболее естественным для языка способом. В переводах все обстоит иначе. Язык перевода представляет для библейского текста своего рода прокрустово ложе, где первоначальный смысл должен то урезаться, то расширяться в соответствии с нормами языка перевода. Таким образом, в переводах мы видим наложение исходной когнитивной картины мира на картину языка, на который должен выполняться перевод, но не картину языка перевода – последняя будет сформирована, когда перевод уже будет выполнен. При таком наложении картин возникает их столкновение, борьба, ведущая к определенным смысловым и формальным потерям, но в результате этой борьбы в переводах возникает новая концептуальная картина мира.

Мы утверждаем, что концептуальная библейская картина мира задана первоисточниками, и в этом смысле первоисточники представляют эталон для моделирования библейской картины мира. Точное воспроизведение этого эталона, конечно же, невозможно. Для того чтобы понять и полностью охватить первоначальный библейский смысл, мы должны были бы родиться в древнееврейском или греческом мире несколько тысяч лет тому назад. Временной и культурный разрыв приводит к существенным концептуальным расхождениям между первоисточниками и переводами и созданию новых концептуальных картин мира в переводах. Рассматриваемые на материале библейских переводов концепты – это фрагменты новых концептуальных картин мира.

Для всестороннего описания какого-либо концепта в конкретном переводе Библии необходим не только исчерпывающий анализ всего библейского текста, но и широкое привлечение данных других научных дисциплин, исследование всего культурно-исторического фона, сопутствовавшего созданию оригинальных текстов и переводов Библии на конкретные языки.

Совокупность употреблений языковых единиц, репрезентирующих некоторое явление, создает языковой образ этого явления (как правило, в рамках заданного контекста). Языковой образ составляет ядро концепта, его вербализуемую часть. Языковой образ того или иного предмета, предстающий как совокупность данных языка о предмете,

не тождественен концепту, но является одной из важнейших его составляющих.

Так, фрагментом когнитивной библейской картины мира является концепт (макроконцепт) “библейский человек”, который мы считаем неким инвариантом, конструктом. Это абстракция (его носителей не существует), но априорное построение его как части когнитивной библейской картины мира необходимо. Можно было бы сказать, что макроконцепт “библейский человек” стоит над всеми библейскими текстами – и первоисточниками, и переводами. В свою очередь, реализациями макроконцепта “человек” являются языковые образы библейского человека в конкретных переводах.

Возникает вопрос о месте, занимаемом первоисточниками по отношению к переводам, и о характере языкового образа человека в первоисточниках и в переводах. Первоисточники задают содержание концепта, и в ряду первоисточников и переводов языковой образ человека в первоисточнике оказывается первым среди равных. Степень лексических несоответствий между переводами, с одной стороны, и между первоисточниками и переводами, с другой стороны, меняется в широких пределах – от незначительных расхождений до глубоких различий концептуального характера.

Первоисточники также обладают определенной национальной спецификой, которая более ощутима в Ветхом Завете и нивелируется в Новом. Но в важнейших вопросах, связанных с местом библейского человека в мире, его отношение к близким, Богу, самому себе, когда мы смотрим на Ветхий Завет через призму Нового Завета, эта специфика уходит на второй план.

Мы склонны видеть в моделировании библейских концептов конечную цель иного, более объемного и более совершенного исследования, выходящего далеко за рамки лингвистики и объединяющего усилия целого ряда теологических и светских дисциплин. Таким образом, кажущиеся на первый взгляд столь далекими друг от друга когнитивная лингвистика и библеистика не только обнаруживают точки взаимодействия, но и оказываются тесно связанными, внося свой вклад в изучение человека в мире и мира человека.

Как уже было сказано выше, до последнего времени библеистика оставалась вне когнитивных исследований. Это, впрочем, неудивительно, если учесть сравнительно молодой возраст самой когнитивистики, с одной стороны, и использование в библеистике традиционных методов анализа текста, с другой стороны. Тем не менее поиск языко-

вых средств выражения важнейших библейских понятий представляет большой интерес, особенно если речь идет о понятиях, составляющих неотъемлемую часть сознания носителей языка. Это создает основу не только для сближения таких на первый взгляд далеких друг от друга дисциплин, как библеистика и когнитивная лингвистика, но и, возможно, для появления в дальнейшем новой промежуточной отрасли – когнитивной библеистики. Мы предполагаем, что эта дисциплина могла бы решать вопросы, связанные с построением концептуальных картин мира, представленных в Ветхом и Новом Завете; отдельных книгах Библии; **книгах одного периода, как в первоисточниках, так и в переводах, а также описанием языковых средств, объективирующих эти картины.**

Использованная литература

- 1.Верещагин Е.М. Библеистика для всех. – М., 2000.
- 2.Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. - № 4. – С.17-33. Католическая энциклопедия. Т.I. - М., 2002.
- 3.Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. - № 4. – С.34-47.
- 4.Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память» // Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы. Тезисы конференции. – М.: Институт языкознания АН ССР, 1990. – С. 46.
- 5.Попова З.Д., Стернин И.А. К методологии лингво-когнитивного анализа // Филология и культура: Материалы III-й Междунар. научн. конф-и. Ч.2. – Тамбов, 2001. – С. 19-22.
- 6.Постовалова В.И. Начало и конец в православном мирозерцании // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. – М., 2002. – С. 608-632.
7. Православная энциклопедия Т. I – IX (продолж.). Т.V. – М., 2002.
8. Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках/ Отв. ред. В.Н.Телия. – М., 2004. – С.19-30.

МОДИФИКАЦИЯ РОДА ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЭМИГРАНТСКОМ ЯЗЫКЕ ВО ФРАНЦИИ

Лингвистическая культура наших соотечественников во Франции весьма своеобразна. Стил и средства выражения представителей русскоязычной диаспоры значительным образом отличаются от русского языка России. В современном эмигрантском языке можно обнаружить не только многочисленные лексические единицы, заимствованные из французского, но и слова, образованные с помощью русских и французских словообразовательных элементов.

В данной статье мы рассмотрим варианты выражения категории рода французских заимствований в русском языке эмигрантов, проанализируем тенденции к употреблению имен существительных с модификацией рода языка-прототипа. Приводимые в качестве примеров предложения извлечены из произведений русских писателей-эмигрантов, проживающих на территории Франции.

Русский и французский языки, как известно, имеют различный набор грамматических категорий. «Русское существительное, - писал В.Г. Гак, - в оппозициях своих форм выражает в целом пять грамматических значений, тогда как французское только два – род и число, которые к тому же во многих случаях, особенно в устной речи, специально не обозначаются» [Гак, 1976: 106].

Род, определяемый лингвистическим энциклопедическим словарем как грамматическая категория, свойственная разным частям речи и состоящая в распределении слов или форм по двум или трем классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием, присущ обоим языкам. Французский язык имеет двухродовую систему, различает мужской и женский род, русский характеризуется тремя родами: мужским, женским и средним. Вполне естественно, что грамматические расхождения морфологических структур имен существительных анализируемых языков обуславливают трудности с определением рода французских заимствованных лексических единиц в языке-реципиенте. Все вариации выражения категории рода неодушевленных галлицизмов в эмигрантском узусе можно разделить на три группы: I) слова, меняющие род в языке-реципиенте; II) слова, со-

храняющие род языка заимствующего; III) слова, род которых употребляется альтернативно.

Остановимся подробнее на случаях трансформации родовой принадлежности галлицизмов на русскоязычной почве. Как показывает анализ исследуемого материала, франкоязычные заимствования, функционируя в русском языке, чаще всего изменяют род по трем направлениям. В соответствии с этим группа I делится на три подгруппы: 1) имена существительные, переходящие из женского рода во французском языке в слова мужского рода в русском; 2) французские имена существительные женского рода, употребляемые в русском языке как слова среднего рода; 3) франкоязычные единицы мужского рода, функционирующие в русском эмигрантском языке как имена существительные среднего рода.

Модифицирование категории рода в языке эмигрантов становится все более активным явлением. Л.П. Крысин объяснял процесс ассимиляции заимствований на морфологическом уровне следующим образом: «Грамматические связи, которые приобретает заимствованное слово в языке, устанавливаются путем включения его в определенную парадигму. При этом происходит подчинение слова тем или иным грамматическим категориям – например, в русском родовая соотнесенность слов в зависимости от их формального облика (слова на согласную, как правило, – к мужскому роду, слова на -о, -е, -и, -у – к несклоняемым существительным среднего рода и т.д.)» [Крысин, 1968: 20]. Женский род языковых единиц французского языка, заканчивающихся на согласную, чаще всего преобразуется в русской речи в формы мужского рода (группа I подгруппа 1). Такие слова склоняются подобно именам существительным второго склонения:

- *ангуаз* - *angoisse f* – тоска, ужас, тревога, страх, стеснение [Гак, Ганшина, 1999: 47]. «*Копеечным спиртом князь лечился от утреннего похмелья и подхваченного во Франции «ангуаза»*» [Батан, 2005: 70].

- *шамбр* - *chambre f* – комната; палата; камера; отделение, помещение [Гак, Ганшина, 1999: 181]. «*Однажды, помню, так накушалась, что в свой шамбр заползти не могла – по лестнице подняться не в силах*» [Батан, 2005: 62]. Языковые единицы *ангуаз* и *шамбр* пока еще не включены ни в один из русскоязычных словарей.

- *детант* - *détente f* – расслабление, ослабление напряженности, облегчение, передышка, отдых [Гак, Ганшина, 1999: 329]. «*Зим, как все мы его называли, ласково разъяснил вмиг расвирепевшей публике, что максимум, на что советская власть отважится в эпоху протух-*

шего **детанта**, — это штраф или полгода принудработ» [Савицкий, 1990: 191]. Существительное *детант* отсутствует в словаре иностранных слов 1987, но зафиксировано в словаре 2007.

- *багет* - *baguette f* – палочка, прут, жезл; длинный батон хлеба [Гак, Ганшина, 1999: 95]: «За разговорами парни в кожаных куртках достигли раздачи, где получили на каждого тарелку с супом и **полбагета**» [Батан, 2005: 16]; «Сегодня от **багета** отщипну – и уже наелась» [Батан, 2005: 62]. Данная языковая единица определена в словаре иностранных слов как «деревянная планка (окрашенная, позолоченная) для изготовления рам (к картинам, портретам) и карнизов», но значение, в котором это слово употребляется эмигрантами, не указывается.

Достаточно редко имена существительные, оканчивающиеся на согласные, сохраняют женский род языка-источника. Языковая единица *вуатюр*, образованная от французского слова *voiture f* (экипаж, повозка, коляска, автомобиль), не модифицирует род и используется в языке эмигрантов как существительное женского рода: «Если вы прожили, ежедневно общаясь с французами, лет так пять, фраза «пригаровать свою **вуатюр**» кажется вам нормальным речевым оборотом» [Батан, 2005: 65].

Иногда происходит изменение грамматического рода заимствованных имен существительных с женского на средний (группа I подгруппа 2). Чаще всего это явление наблюдается у несклоняемых иноязычных заимствований, оканчивающихся на –е, –э:

- *агапэ* – *agape f* – *ист. рел.* агапа, общая трапеза; *уст.* дружеская трапеза [Гак, Ганшина, 1999: 24]. «Предполагался чай с печеньем, как завершающее встречу **агапэ**» [Боков, 2002: 46]. В парадигме этого несклоняемого слова прослеживается абсолютная грамматическая омонимия падежных форм, поэтому выражение категории рода данной лексической единицы возможно только синтагматически.

- *сосьете* – *société f* – общество, товарищество, компания, ассоциация [Гак, Ганшина, 1999: 1019]. «Патроны таких **сосьете**, как «Эскавд», редко нанимают на работу французов: даже те из них, кто хотели бы по-черному подработать, не поймут ни систему штрафов, ни порядок, при котором тебе в течение месяца не дают выходные» [Батан, 2005: 67]. Подобно словам русского языка, оканчивающимся на –е, языковая единица *сосьете* функционирует в эмигрантской речи как несклоняемое существительное среднего рода. Значения слов *ага-*

пэ и *сосьете* не зафиксированы в словарях иностранных лексических единиц.

Группа I подгруппа 3 объединяет франкоязычные единицы мужского рода, функционирующие в русском языке эмигрантов как имена существительные среднего рода. Подавляющее большинство слов данной подгруппы представлено несклоняемыми существительными, оканчивающимися на *-о*, *-е*. В парадигме языковых единиц данной группы нет формально выраженной оппозиции словоформ: все словоформы выглядят идентично.

- *ателье* – *atelier m* – мастерская, ателье, студия; цех, производственный участок [Гак, Ганшина, 1999: 76]. «*Ортопедическое ателье*» [Боков, 2006: 63]. Слово *ателье* достаточно активно используется не только эмигрантами на территории Франции, но и жителями России, что подтверждает закреплённость этого существительного в словарях иностранных слов.

- *канотье* – *canotier m* – гребец; канотье (соломенная шляпа) [Гак, Ганшина, 1999: 161]. «*Я повесил, взобравшись на соседнюю крышу, старую гитару, сломанную флейту и дырявое канотье напротив окна*» [Савицкий, 1990]. Данная языковая единица официально стала частью заимствованной лексики, впервые появившись в «Новейшем словаре иностранных слов и выражений» (2007).

- *шато* – *chateau m* – замок, дворец. «*Ему вдруг смешно: - Шато де Рантье! Каковы рантье, таково и шато! В самом деле забавно. – Каково шато – таковы и рантье, ха, ха!*» [Боков, 2006: 68]. Использование слова *шато* типично для русской речи эмигрантов, но абсолютно чуждо для языка метрополии, поэтому оно пока не входит в состав русских словарей.

Анализ спектра форм грамматического рода французских заимствований в русском языке эмигрантов во Франции позволяет сделать вывод о том, что в лингвистическом сознании представителей русскоязычной диаспоры обнаруживаются как тождественные факты, характерные и для русского языка России, так и явления, несвойственные грамматической системе языка метрополии. К эквивалентным языковым аспектам, безусловно, следует отнести случаи, когда форма слова играет первостепенную роль при определении родовой принадлежности. Лингвистические расхождения в выборе рода неодушевленных имен существительных проявляются в пренебрежении формальных признаков слова, что объясняется иноязычным происхождением языковых единиц.

Использованная литература

1. Батан А. Азюлянты или на гребне четвертой волны русской эмиграции, imprimé en France sur Presse Offset par "Noir sur Blanc" Librairie Generale Française 31, rue de Fleurus 75278-Paris cedex 06, n. d'imprimeur 30431, Depot legal Editeur 61494-11/2005 Edition 01.
2. Боков Н. На улице, в Париже // Зеркало №27-28, 2006.
3. Боков Н. Обращение, или метаноя // Новый журнал №227, №228, 2002.
4. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Учеб. Пособие для студентов факультетов и институтов иностранных языков. Ленинград: Просвещение, 1976.
5. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1999. 6. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968.
7. Новейший словарь иностранных слов и выражений. Мн: Современный литератор, 2007.
8. Савицкий Д. Ниоткуда с любовью. Вальс для К. Рассказы. Стихи. М.: Радуга, 1990.
9. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Меликян (*Ростов-на-Дону*)

ПРОБЛЕМА ИДИОМАТИЧНОСТИ ФРАЗЕОСИНТАКСИЧЕСКИХ
СХЕМ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА.....3

В.Ю. Меликян (*Ростов*)

КОММУНИКЕМЫ-ЕДИНСТВА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АС-
ПЕКТ.....8

О. Г. Мельник (*Таганрог*)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПЕРЕНОС НОМИНАЦИИ.....15

Е.М. Мельникова (*Екатеринбург*)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЗЫКИ И ПЕСЕННОГО МАТЕРИАЛА НА
ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СО СТУДЕНТАМИ ФА-
КУЛЬТЕТА МУЗЫКАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВА-
НИЯ.....23

Angelika Minka (*Taganrog*)

THE CONCEPT «HOUSE\HOME» IN THE NOVEL «THE HOUSE IN
NORHAM GARDENS» BY PENELOPE LIVELY.....26

А. Р. Мубориева (*Астрахань*)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В НАУЧНО-ПОПУЛЯР-
НОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ.....33

А. Р. Мурадова (*Москва*)

БИЛИНГВИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ БРЕТАНИ40

Л.А. Мурадова (*Москва*)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ОБЛАЧЕНИЕ СВЯЩЕН-
НОСЛУЖИТЕЛЕЙ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....44

С.Б. Мыльникова (*Ростов-на Дону*)

ПРОБЛЕМА ПРИЕМОВ ГИПНОТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В
СИТУАЦИЯХ ПОВСЕДНЕВНОГО ОБЩЕНИЯ.....51

К.А. Насилович (<i>Ростов-на-Дону</i>)	
ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СТРУКТУРЫ КОНТЕКСТНО-СВЯЗАННЫХ РЕКВЕСТИВНЫХ РЕ- ПЛИК В АНГЛИЙСКОМ ДИАЛОГЕ.....	57
Т. В. Нешева (<i>Новокузнецк</i>)	
АРГУМЕНТАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ.....	64
Л.Д.Орданьян (<i>Ростов-на-Дону</i>)	
К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ СИНОНИМИЧНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.....	68
А.Е.Павленко (<i>Таганрог</i>)	
О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ (языкотвор- чество шотландского поэта Хью Макдермида).....	72
Л. Г. Павленко (<i>Таганрог</i>)	
МЕТАФОРА КАК АКТУАЛИЗАТОР КОНЦЕПТА ДВИЖЕНИЯ.....	79
Е.И. Павленко (<i>Томск</i>)	
ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ИТАЛЬЯН- СКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ.....	83
Ю.А.Пашенко (<i>Таганрог</i>)	
ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ГЕРМАНИИ.....	84
С.В. Первухина (<i>Ростов-на-Дону</i>)	
ЗНАЧЕНИЕ АНТИЧНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ: ЗАРОЖДЕНИЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ТЕО- РИИ.....	93
И. Ф. Погребная, Е. Н.Степанова (<i>Ростов-на-Дону</i>)	
АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ КАК КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МЛАДШИХ КУРСАХ ЯЗЫКОВОГО ВУ- ЗА.....	100

И. Ф. Погребная, Е.Н.Степанова (<i>Ростов-на-Дону</i>) ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ- НЕОЛОГИЗМЫ СЛЕНГА: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ.....	105
Г.Т. Поленова (<i>Таганрог</i>) ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА АСИММЕТРИЮ В ЯЗЫКЕ.....	111
Е. В. Полякова (<i>Таганрог</i>) СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ НА СОЦИАЛЬ- НО-ПСИХИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ.....	119
Н. С. Помогаева (<i>Таганрог</i>) ЯВЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ (на материале слож- ноподчиненных предложений с придаточными времени и сложносо- чиненных предложений).....	125
И. А. Проничева (<i>Тула</i>) ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ СОННИ- КОВ.....	128
Е.А.Проценко (<i>Воронеж</i>) ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫК ДОСТОЕВСКОГО: ПРАГМАТИКА МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ.....	135
Н.П. Ревякина (<i>Ростов-на-Дону</i>) ЭПИТАФИЯ КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	142
Т.В. Ризина (<i>Рязань</i>) К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ ГЕРМАНИЗМОВ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА.....	146
А. Г. Рыбцова (<i>Таганрог</i>) ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЗАПАД» В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИ- СТИКЕ (на материале газеты «Известия»).....	149

О.П. Рябко (<i>Ростов-на-Дону</i>)	
КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ.....	153
М.А. Рященко (<i>Пятигорск</i>)	
АНАЛИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛЕКСИКИ XIV-XV ВВ.....	156
Л.К. Сальная (<i>Таганрог</i>)	
РЕФЛЕКСИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА	163
О.С. Сачава (<i>Санкт-Петербург</i>)	
О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТЕКСТОТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ИН- ТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ» И «ИНСЦЕНИРУЕМАЯ ИНТЕРДИСКУР- СИВНОСТЬ».....	170
Э.А. Сидельник (<i>Таганрог</i>)	
РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕС- СИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА.....	177
Ю. А. Силина (<i>Воронеж</i>)	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ВО ФРАНЦУЗСКИХ НАРРАТИВ- НЫХ ТЕКСТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	181
Л.В. Силкина (<i>Таганрог</i>)	
АЛЛЕГОРИЯ И ИМПЛИКАЦИЯ В ПЬЕСЕ Л.ФЕРРЕРО «АНЖЕЛИ- КА».....	187
Смирнова Р.Ф. (<i>Таганрог</i>)	
О КОГЕРЕНТНОСТИ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	192
Т.Е. Соболева, Р.В. Романова (<i>Белгород</i>)	
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ВО- ПРОСА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	198

Б.Г. Солдатов (*Ростов-на-Дону*)

ТИПОЛОГИЯ СЛОВАРНЫХ ТОЛКОВАНИЙ В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ.....203

Н.В. Солдатова (*Ростов-на-Дону*)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМ

Л.П. Станкевич (*Ростов-на-Дону*)

УСЕЧЕНИЕ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.П. Станкевич (*Ростов-на-Дону*)

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. И. Старкова (*Нижневартонск*)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СЕМАНТИКИ НЕМЕЦКИХ ПРЕДЛОГОВ (диахронический аспект)

З.Г. Стародубцева (*Таганрог*)

ПОСТИЖЕНИЕ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ СИСТЕМАХ ОТНОШЕНИЙ

Сумбатова А.О. (*Ростов-на-Дону*)

К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЕ

Ю.А.Тамбовцев (*Новосибирск*)

УСТАНОВЛЕНИЕ АВТОРСТВА НА ОСНОВЕ ОДНОРОДНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТЕ

С.И. Тасуева (*Грозный*)

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА *TREE* В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЯКМ

О.В. Тимашева (*Москва*)

“ФЕМИНИСТСКИЙ” ДИСКУРС В *МОНАХИНЕ* ДЕНИ ДИДРО

В.В. Тищенко (Таганрог)

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУППЫ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТРЕХ СИНХРОННЫХ СРЕЗАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Т.А. Ткачева (*Астрахань*)

ЭЛЛИПСИС ПОДЛЕЖАЩЕГО В ТЕКСТЕ «МЕМУАРОВ» ФИЛИППА ДЕ КОММИНА

Г.В. Токарев (*Тула*)

СПЕЦИФИКА СИНОНИМИИ КВАЗИЭТАЛОНОВ

И.Ю.Токарева (*Тула*)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

О.И. Уланович (*Минск*)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ И КОГНИЦИЙ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

М.Х. Хасуева (*Грозный*)

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЕРБАЛЬНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА-ТЕКСТАХ

М.П. Целых

(*Таганрог*)

ТЕРМИН «КЛИЕНТ» В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

И.И. Чельшева (*Москва*)

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ И НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ

А.М. Червонный (*Таганрог*)

УСТРАНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА ИЗ СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ

П.В. Чесноков (*Таганрог*)

КОНЦЕПТ И ТЕКСТЕМА

О. А. Честникова (*Ростов-на-Дону*)

РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Е.Г. Шайхутдинова (*Уфа*)

СЕМАНТИКА ФРАНЦУЗСКОГО НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТО-
ИМЕНИЯ PERSONNE

Е.В. Шапкина (*Челябинск*)

О СТРУКТУРЕ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА В
ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

Е.В. Шапкина (*Челябинск*)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕ-
НИРОВАННОМУ ПЕРЕВОДУ

Н. Г. Щитова (*Таганрог*)

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ АМЕРИКАНСКИХ ПОДРОСТКОВ (на мате-
риале романа Стефани Мейер «Семерки»)

Е.Б. Яковенко (*Москва*)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА В БИБЛЕЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ

Т.В. Яровая (*Москва*)

МОДИФИКАЦИЯ РОДА ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЭМИГРАНТСКОМ ЯЗЫКЕ ВО ФРАН-
ЦИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«НАУКА О ЯЗЫКЕ И ЧЕЛОВЕК В НАУКЕ»
(памяти выдающихся романистов
В.Г. Гака и Л.М. Скрединой)

Том II

Ответственный за выпуск к.ф.н., доцент А.М. Червоный.

Формат 60х84/16.
Печ. лист. 21,625. Заказ 29. Тираж 155 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издателя Ступина А.Н.
347900, Россия, Ростовская обл, г. Таганрог, пер. Лермонтовский, 25.
Тел./факс: (8634) 311-288.